Die Flotte

Monatsblatt des Deutschen Flotten-Vereins
und des Hauptverbandes Deutscher Flotten-Vereine im Ausl

Nr. 5. | Mai 1904. | VII. Ja

Das Flottengesetz von 1900 im Lichte des Jahres 1904

Eine Mahnung an alle Vaterlandsfreunde.

Bei der Annahme des Flottengesetzes von 1900 wurden sofort Stimmen gegen dessen lange Sicht laut. Sollte doch die Schaffung einer leistungsfähigen Flotte erst 1917 oder eigentlich erst 1920, als dem Jahre der Verwendungsfähigkeit der letzten Ersatzbauten, beendet sein. [illegible] rung vorgeschlagenen [illegible] Grunde, die finanziellen Lasten für die Ausgestaltung unserer Wehrkraft zur See weniger fühlbar zu machen. Es darf dabei jedoch nicht übersehen werden, daß die damals geforderte Vermehrung der Auslandsschiffe vom Reichstage abgelehnt und daß die Lebensdauer der Kreuzer von 15 auf 20 Jahre heraufgesetzt [illegible]

müssen die politische Weltlage und die maritime Rüst[illegible] eine [illegible] ein Ding [illegible] sein, das [illegible] unserer berechtigten nationalen Selbstgenügsamkeit entspricht, sondern muß in Bezug auf Leistungsfähigkeit [illegible] daß wir [illegible] essen wie kolonialen Besitzungen zu schützen im stande [illegible] und gesuchte Bundesgenossen [illegible]

Eine Flotte ist eine [illegible] stärkere und bessere Waffe, [illegible] schon von Hause aus alle Aussicht, zu Boden geschlagen zu werden. Wenn auch [illegible] nach den eingangs [illegible] sein mag, so hat die kurze verflossene Zeit doch gelehrt, wie möglich es bleibt, mit Verhältnissen der Gegenwart für eine fernere Zukunft zu rechnen. [illegible] zwischen überraschend schnell [illegible] und die Taten anderer Mächte auf dem Gebiete ihrer Flottenausgestaltung überholt, um nicht zu sagen hinfällig geworden.

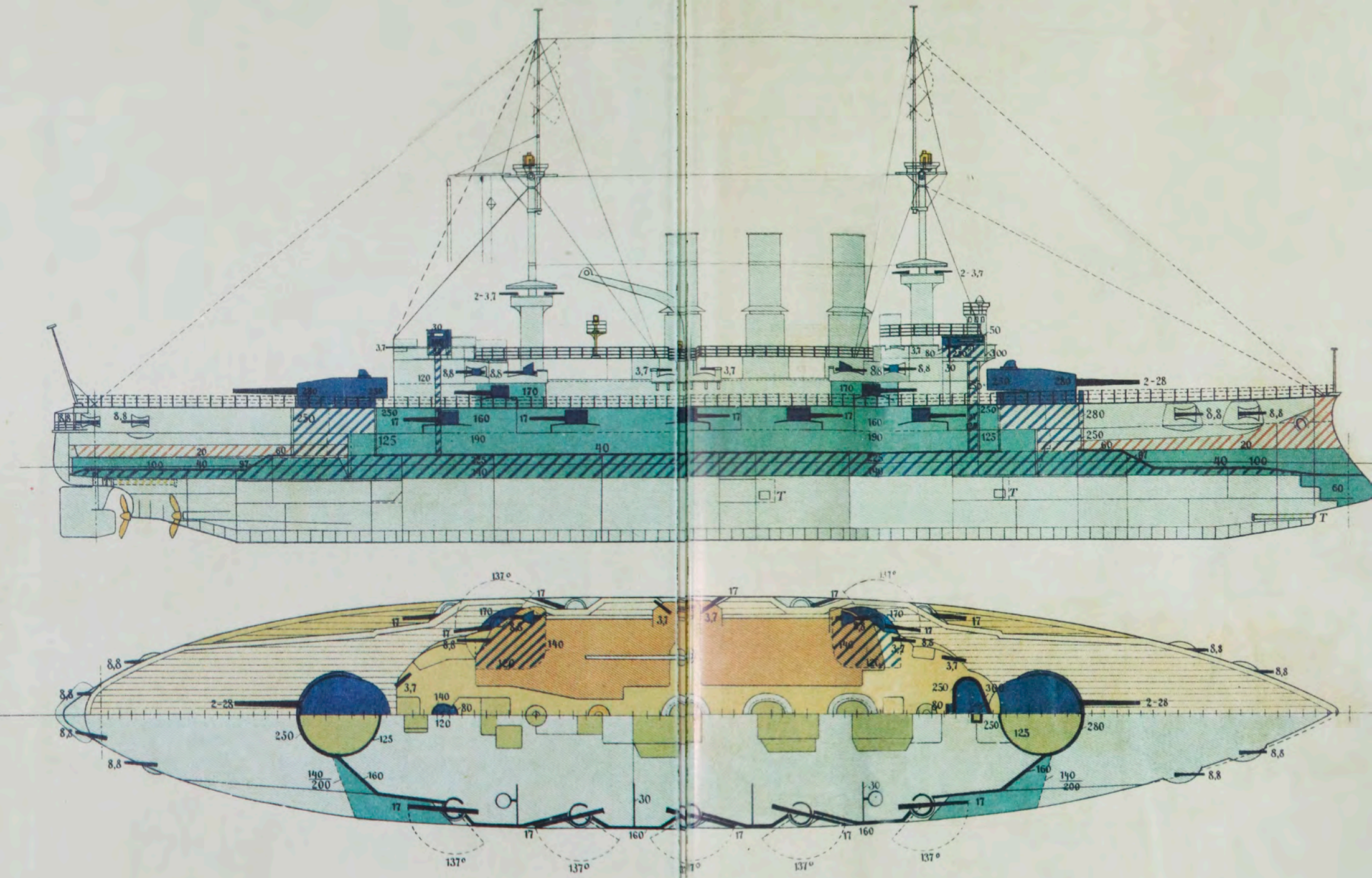
Seit 1900 hat der allgemeine weltwirtschaftliche Aufschwung — und auch der Deutschlands — trotz teilweiser Rückschläge Fortschritte gemacht und im Zusammenhange damit haben sich die [illegible] Reibungsflächen vergrößert. Man braucht nur an das Ausdehnungsbestreben der Vereinigten Staaten von Nordamerika zu erinnern, die zum Schutz ihrer weit kleineren Kolonien, ihrer geringeren Handelsinteressen eine Flotte zu schaffen im Begriffe sind, die unsere nach dem Gesetz von 1900 anzustrebende ganz erheblich übertrifft. Gelangt doch in Nordamerika ein Flottenprogramm zur Ausführung, welches spätestens 1913 eine Flotte von 48 Linienschiffen und 24 Panzerkreuzern schaffen wird. Rußland ist in der Lage, nach allen seinen Gebieten über Land gelangen zu können; zum Schutze seiner Besitzungen vermag es Landtruppen hinauszusenden, ohne die nur unter dem Schutze einer mächtigen Kriegsflotte auszuführenden Truppentransporte über See nötig zu haben. Und auch hier wirkt der russisch-japanische Krieg die Frage auf: Ist Rußlands Flotte im Augenblick stark genug? Rußland hat nicht den Handel, nicht die Handelsflotte, nicht die überseeischen Kolonien zu verteidigen wie wir. Trotzdem ist es im Begriff,

weltwirtschaftlichen Lage die Folgerungen zu ziehen. Es [illegible] 1902 sein Flottenprogramm bedeutend erweitert und neuerl[illegible] kriegsbereites Geschwader mit einem Stützpunkt in der [illegible] aufgestellt. Sein Marineetat für 1903/4 übersteigt mit 7[illegible] [illegible] von [illegible] millionen.

[illegible] alles [illegible] die Reichsregierung [illegible] Reichstag wissen oder voraussehen. Jetzt weiß es al[illegible] und da kann es nicht überraschen, wenn seit Jahre[illegible] Deutschland durch Wort und Bild darauf aufmerk[illegible] macht wird, daß das Flottengesetz von 190[illegible] Revision bedürfe, zur ausreichenden Sicherung [illegible] [illegible] [illegible]

S. M. Linienschiff „Deutschland“.

Massstab 1 : 500.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МОРСКОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИШИМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. П.П. ЕРШОВА
(ФИЛИАЛ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА)

С.Н. Синегубов, С.П. Шилов

КАЙЗЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ — ВЕЛИКОБРИТАНИЯ — РОССИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И РЕАЛИИ ВОЕННО-МОРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В 1897—1906 ГГ.

ОСТРОВ

Санкт-Петербург
2016

УДК 94 ; 327.8 (430 + 410 + 470)
ББК 63.3 (0)5 — 64

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиал Тюменского государственного университета)

Рецензенты: д.и.н., профессор Пашин С.С., д.и.н., профессор Пленков О.Ю.
Ответственный редактор: д.и.н., профессор Массов А.Я.

С 382 Синегубов С.Н., Шилов С.П. Кайзеровская Германия — Великобритания — Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897—1906 гг. [Текст]: моногр. / С.Н. Синегубов, С.П. Шилов; науч. ред. А.Я. Массов. — ООО ИЦ «ОСТРОВ», 2016. 320 с., илл.

ISBN 978-5-91307-287-0 (Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета)
ISBN 968-5-94500-092-6 (ООО ИЦ «ОСТРОВ»)

В книге рассматриваются отношения кайзеровской Германии с Великобританией и Россией в военно-морской сфере в конце XIX—начале XX в. Уделяется внимание анализу обстоятельств, которые не допустили создания германо-российского морского союза и обусловили острое соперничество флотов Второго рейха и «Туманного Альбиона».

780344

© С.Н. Синегубов, С.П.Шилов, 2016.
© Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал Тюменского государственного университета), 2016.

Тюменский Государственный университет
Информационно-библиотечный центр

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. милитаризация стран Европы, а также США и Японии достигла беспрецедентного масштаба. Последствия оказались губительными для экономики многих государств, для жизней и судеб миллионов людей. Составной частью милитаризма стала гонка морских вооружений и сопутствующая ей идеология. Историки дали этому название — «идеология нового маринизма». Ее теоретики в лице англичан братьев Ф. и Дж. Коломбов и американца А.Т. Мэхэна были убеждены, что только сильный линейный флот может обеспечить государству статус великой державы, дать в руки эффективный инструмент внешней политики. Поэтому не случайно в период обострения отношений между ведущими странами Европы, США и Японии в борьбе за передел уже поделенного мира идеология «нового маринизма» получила такую популярность и распространенность. При этом ее влиянию поддались не только так называемые державы «первого ранга», но и другие страны. Они пытались с помощью флота, построенного на новых принципах и новейших военных технологиях, упрочить свои позиции в регионах[1].

Практическое воплощение основных положений «нового маринизма» способствовало острому соперничеству морских вооружений, прежде всего между главными антагонистами начала XX в. — Великобританией и кайзеровской Германией. С учетом других экономических и политических противоречий между ними и возглавляемыми ими блоками это в итоге привело к глобальной военно-политической катастрофе — Первой мировой войне. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования о Первой мировой войне[2]. В них проводится

---

[1]Речь идет, например, о Швеции, Китае, Аргентине, Чили, Бразилии. Последнее южноамериканское государство даже имело в составе своих ВМС дредноут «Minas Geraes», который некоторое время являлся одним из самых больших и мощных в мире линейных кораблей. См.: Самые большие броненосцы — «St.Vincent» и «Minas Geraes». Морская хроника // Морской сборник. 1908, № 10. С. 7—12.

[2]Авторы не претендуют на исчерпывающее представление работ по данной теме. Однако они хотели бы указать на неослабевающий интерес к ней как в отечественной, так и в зарубежной историографии. См., напр.: *Писарев Ю.А.* Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3; *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5; Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998; *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898—1917 гг. М., 1998; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России. 1907—1914: тенденции. Люди. События. М., 2000; Мировые войны XX века. Кн. 1.: Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002; Мировые войны XX века. Кн. 2.: Первая мировая война: Документы и материалы / Отв. ред. В.К. Шацилло. М., 2002; *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4, 5; *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918. М., 2004; *Mommsen W.* Grossmachtstellung und Weltpolitik. Die Aussenpolitik des Deutschen Reiches. 1870—1914. Franfurt a. M.; Berlin, 1993; *Schröder H.J.* Deutschland und Amerika in der Epoche des Ersten Weltkrieges. 1900—1924. Stuttgart, 1993; *Gilbert M.* The First World War: A Complete History. New York, 1994; Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich / hrsg. B. Thos, H.-E. Volkmann. München, 2002.

мысль о том, что морское противостояние Берлина и Лондона наложило серьезный отпечаток на международные, в том числе и двухсторонние, отношения в первое десятилетие XX в. (особенно на европейском континенте). Однако до сих пор по данному вопросу у историков имеются противоположные суждения. Поэтому «флотский феномен» требует дополнительного, более детального изучения.

«Эпоха нового маринизма» породила новое явление в политике двух государств, ранее для них неизвестное. Речь идет о роли двух адмиралов — Дж. Фишера и А. фон Тирпица — в формировании политической стратегии их стран. Сильное воздействие идеи нового мощного линейного флота на правительственные структуры давало в руки этим личностям власть и возможность влиять на умонастроения глав государств — Эдварда VII и Вильгельма II, на выстраивание внешнеполитической линии министерствами иностранных дел. Особенно это касалось вопросов, имеющих косвенное или прямое отношение к строительству военно-морского флота. Такой «морской детерминизм» внешней политики Германии и Великобритании не отмечался ни до 1900—1914 гг., ни после этого периода.

Тезис о влиянии идей «нового маринизма» на внешнюю политику, прежде всего Германии, нельзя назвать новым. Он выдвигался еще современниками этого явления. Этот тезис вполне соответствует сегодняшним теоретическим положениям о воздействии идеологии на восприятие внешнего мира. Исследователи полагают, что некоторые идеи служат цели прикрыть прагматическую сторону внешней политики и становятся важнейшим средством ее осуществления[3].

Впервые глобальное воздействие идей на внешнеполитические действия государства проявилось после Великой французской революции 1789 г. В значительно большей степени это стало заметно в XX столетии. Появляются такие идеологии, которые приобрели массовый характер. В Германии под воздействием государственной и националистической пропаганды концепция «нового маринизма» явилась одним из первых проявлений такой массовости.

В этой связи очень важно выяснение влияния этой идеологии на формирование милитаристского менталитета народов двух стран, имеющих разные исторические традиции в экономике, политике, культуре. Не случайно британский доктор философии Ч. Сароли определял суть столкновения Великобритании и Германии как «старый конфликт между либерализмом и деспотизмом, между промышленным духом и милитаризмом, между прогрессом и реакцией, между народными и классовыми интересами»[4].

Тем не менее обращают на себя внимание различия между состоянием британского общества перед началом морской гонки вооружения с немцами и ко времени ее окончания — Первой мировой войне. В результате возникает вопрос, как могло произойти, что страна, являющаяся родиной парламентаризма и демократии в Европе, оказалась накрытой волной милитаристского духа, вражды и даже ненависти к другому народу.

---

[3] *Сетов Р.А.* Роль идеологии во внешней политике государств // Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 216.

[4] Цит. по кн.: *Сароли Ч.* Англо-германская проблема. М., 1915. С. 7.

Интересно и значимо изучение воздействия флотской проблемы и на немцев. Их государство в силу исторических особенностей развития всегда отличалось особым военным духом. Служение в армии для прусского дворянства, опоры государственной власти, считалось делом чести и достоинства[5]. Однако, как показали события германской истории в период 1897—1906 гг., в Германии формировался особый «двойной милитаризм»[6]. Он, по мнению некоторых исследователей, делал немцев крайне воинственными и готовыми морально оправдать и поддержать собственное правительство в его решении вступить в Первую мировую войну. Вопрос об ответственности за ее развязывание и о роли в этом гонки морских вооружений между Германией и Великобританией вызвал бурные научные дискуссии в западной историографии в 30-е и 60—70-е гг. XX в. Он не утратил своей значимости и сложности. Свидетельством тому являются труды историков разных стран, опубликованные в последнее время[7].

Столь же неоднозначно ученые освещают более «узкие» темы внутри проблемы морского соперничества. Речь идет, например, о переговорах о флоте, об информационном обмене, о политическом соглашении. В силу особенностей военной и политической истории Европы, германские, британские и американские ученые, а также исследователи других стран не всегда могли быть беспристрастными в своих суждениях и оценках. Как представляется, требовалось достаточно много времени, чтобы с учетом уже проведенных исследовательских изысканий, а также открывающихся новых архивных материалов объективно, всесторонне и с холодным рассудком подойти к военно-морской проблеме начала XX столетия.

Она, как это было сказано чуть выше, имеет достаточно много составляющих, вызывающих научный интерес. По мнению авторов, одной из таких является тема морских взаимоотношений между Германией, Великобританией и Россией. В силу целого ряда причин этот аспект «мирового маринизма» не получил всестороннего освещения ни западной, ни в отечественной историографии. При этом нельзя не признать того факта, что от позиции официального Петербурга в немалой степени зависело то, каким путем пойдет развитие главного морского противостояния в Европе и мире (между кайзеровской Германией и Великобританией) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможности альтернативного хода событий всегда имеются на каждом конкретном отрезке исторического времени. Вопрос в том, насколько ярко выражены объективные для этого факторы и как они сочетаются с субъективными силами воздействия на разворачивающиеся события.

Почему в качестве предмета исследования выбран «морской треугольник» — Германия — Великобритания — Россия, а Франция как одна из ведущих мировых держав, обладающая достаточно сильным флотом, осталась вне поля

---

[5] *Demeter K.* Das deutsche Offizierskorps in Gesellschaft und Staat 1650—1945. Frankfurt a. M., 1965.

[6] *Fürster S.* Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-Quo-Sicherung und Agression 1890—1913. Wiesbaden, 1985.

[7] См., напр.: *Uhle-Wettler F.* Alfred von Tirpitz in seiner Zeit. Hamburg, 1998; *Hobson R.* Imperialism at Sea. Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz-Plan. 1875—1914. Boston, 2002.

зрения? Объяснений этому может быть несколько, но главное сводится к тому, что Франция раньше всех других участниц «проблемной группы» определилась со своей позицией. Она еще в 1891—1893 гг. заключила союзнические договоры с Россией. В 1904 г. было оформлено «сердечное соглашение» (Entente cordiale) с Великобританией. Пусть это был не союз, но прежние попытки выяснять спорные моменты в политике силой прекратились.

С Германией у Франции наряду с прочими был один «самый неразрешимый вопрос» — Эльзас и Лотарингия. Немцы ни при каких условиях не хотели возвращать французам завоеванные у них в ходе Франко-прусской войны 1870—1871 гг. территории. Неоднократные «инициативы Вильгельма II заключить как двухсторонний, так и многосторонний союз с участием Германии и Франции воспринимались в Париже скептически, поскольку они никак не способствовали разрешению «эльзаско-лотарингской проблемы» во французском понимании. Было совершенно ясно, что война между соседями вопрос времени и к ней обе стороны тщательно готовились. Поэтому говорить серьезно о возможности иного пути развития германо-французских отношений кроме как военном, в том числе и в морской сфере, в рассматриваемые 1897—1906 гг., не приходится.

Несколько иначе в Берлине представлялись перспективы складывания взаимоотношений с Лондоном и Петербургом. Одна из доминирующих во внешней политике кайзеровской Германии идей безопасного прохождения так называемой «опасной зоны» не допускала военного сценария разрешения существующих германо-британских противоречий. Кроме того, в германском политическом истеблишменте существовали группы, которые выступали за их урегулирование на договорной основе путем выработки и принятия взаимных уступок по отношению к друг другу, в том числе и в такой «нервной сфере», как строительство военно-морского флота.

Альтернативе морскому соперничеству между немцами и англичанами был нанесен сильный удар неудавшимися переговорами о союзе между двумя странами, проходившими, как известно, на протяжении нескольких лет с 1898 по 1902 г. Однако сказать, что она исчезла полностью, нельзя. Даже в 1912 г., когда гонка морских вооружений была в полном разгаре, вероятность договориться теоретически существовала. Свою негативную роль в крахе переговоров сыграли и амбиции государственных деятелей, отвечающих за политический и военно-морской процессы по обе стороны пролива.

Если мы говорим об упущенной возможности в 1912 г., то тем более она существовала на более ранних стадиях военно-морского противостояния, особенно на этапе 1900—1906 гг. Одна из наших задач заключается в том, чтобы проанализировать развитие германо-британского морского противостояния в этот период и показать, что объективно и субъективно помешало двум сторонам достигнуть консенсуса.

Россия, как третий участник отношений, также выбрана не случайно. И с Германией, и с Великобританией у нее были особые отношения. В указанный период времени (1897—1906 гг.) между Петербургом и Лондоном существовали серьезные противоречия в целом ряде регионов земного шара. Вести речь о какой-либо значимой договоренности, за исключением каких-то согласованных совместных тактических действий, на тот момент означало не что иное, как проявлять полную неосведомленность в процессах мировой политики. Правда, си-

туация изменится ввиду нарастающей германской военно-морской угрозы, но это наступит чуть позже.

По-иному обстояло дело у России с Германией. При всех имеющихся разногласиях по целому ряду международных политических и экономических вопросов, между ними имелись и точки соприкосновения. Одной из таких общих тем могло стать военно-морское сотрудничество. Тем более, что у стран был общий враг в лице Великобритании. На непреодолимость российско-британского антагонизма руководители германского государства делали серьезную ставку как при выстраивании своей «мировой политики», так и осуществлении стратегии в отношении «восточного соседа».

Вопрос германо-российского морского союза активно обсуждался в высших германских политических и военных кулуарах на протяжении нескольких лет, особенно в кризисные для кайзеровской Германии и Великобритании 1904—1905 гг., когда существовала реальная угроза войны между ними. И в последующие годы эта непростая проблема привлекала к себе внимание. Вероятность заключения соглашения между Берлином и Петербургом была значительно выше, чем между Берлином и Лондоном. Понятно, что в случае реализации такого сценария ситуация в Европе, да и в мире в целом складывалась бы по-другому, чем это было в действительности.

Отсюда вытекает другая задача, которую ставили перед собой авторы книги — проанализировать комплекс факторов, которые способствовали или, наоборот, препятствовали достижению морской договоренности между Германией и Россией, выявить в них объективную и субъективную составляющие и показать, почему в итоге альтернатива морского союза так и не была воплощена в жизнь в 1897—1906 гг.

Все указанные аспекты делают актуальным и значимым изучение проблемы германо-британско-росссийских морских взаимоотношений в 1897—1906 гг.

Хронологические рамки работы определяются тем, что в 1897 г. в военно-морское ведомство в кайзеровской Германии приходит Альфред Тирпиц, и страна начала новый отсчет времени в своем военно-морском строительстве. Оно в свою очередь оказало колоссальное воздействие на внешнюю политику страны, придав ей особые черты, изменив характер взаимоотношений с ведущим державами мира и прежде всего с Великобританией и Россией. Верхняя граница определяется 1906 г. — временем начала открытого морского соперничества между Германией и Великобританией. Развернувшаяся после «дредноутной революции» гонка вооружений на море придала отношениям особый характер. Вместе с тем и эта очень напряженная ситуация не исключала альтернативности развития событий, но этот аспект должен стать уже предметом другого исследования.

Глава 1
ГЕРМАНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ «ВЕЛИКИХ МОРСКИХ ПЕРЕМЕН»

1.1. Неудачные прусско-германские попытки войти в лигу «ведущих морских держав мира»

Формирование непримиримых морских противоречий между Германией и Великобританией протекало в очень сжатые исторические сроки. Это происходило по причине быстрых темпов развития немецкого капитала, активно наступавшего на позиции британцев во всех уголках земного шара, особенно на так называемых «некапитализированных территориях». Военной составляющей явились «Законы о флоте» (Flottengesrtzen), утвержденные в 1898 г. и в 1900 г.

Фридрих Великий курфюрст Бранденбургский

Сказать, что их принятие явилось только отражением мировых экономических притязаний Германии, было бы не совсем точным. В таком случае остались бы неучтенными усилия Пруссии, а затем объединенной Германии войти в число ведущих морских держав, предпринимаемые ими на протяжении многих лет. Поэтому, чтобы в полной мере понять значимость «Законов о флоте», повлиявших на то, как складывался антагонизм Германии и Великобритании, необходимо в сжатой форме отразить историю германских военно-морских сил.

Их основателем считается известный Фридрих Вильгельм Великий курфюрст Бранденбургский (1620—1688)[8]. Созданный им флот носил милиционный характер[9]. Он состоял из кораблей, купленных за границей и укомплектованных сплошь

[8] *Gloger B.* Friedrich Wilhelm — Kurfürst von Brandenburg: Biografie. Berlin, 1985.
[9] *Алафузов В.А.* Доктрины германского флота. М., 1956. С. 6.

иностранцами. Просуществовали такие военно-морские силы недолго[10]. Тем не менее это была первая, пусть и слабая, попытка Пруссии стать сильным морским государством Европы[11].

Принц Адальберт Прусский, создатель первой программы строительства германского флота

Вторая была предпринята в конце 40-х—начале 50-х гг. XIX в., когда в Германии начались объединительные процессы[12]. Сформировавшийся к тому времени крупный немецкий торговый флот нуждался в военно-морской защите. Это показала война Германского союза с Данией в 1848 г. из-за Шлезвиг-Гольштейна[13]. Поэтому Союзное собрание во Франкфурте (Франкфуртский парламент) при поддержке населения единодушно приняло решение о строительстве флота[14]. Во главе движения в пользу формирования германских военно-морских сил стоял принц Адальберт Прусский. Он предложил первую программу создания германского военного флота, так называемого «второго ранга»[15], главной задачей которого должна была стать защита морской торговли и германского побережья[16]. На выделенные Франкфуртским парламентом деньги были закуплены за рубежом военные корабли[17], набраны иностранные экипажи.

Однако и эта вторая попытка закончилась неудачей[18] по причине противодействия со стороны Великобритании. Англичане, не желавшие возникновения у себя под боком новой морской державы, воспользовавшись столкновением прусских и датских военных кораблей у острова Гельголанд 4 июня 1849 г.[19], заявили Союзному собранию о непризнании «нового флага». Более того, они объявили,

---

[10]Через 30 лет после смерти Фридриха Вильгельма флот прекратил свое существование. См.: *Жерве Б.* Германия и ее морская сила. Неофициальный отдел // Морской сб. 1914. № 9. С. 142.

[11]*Koch P.* Geschichte der deutschen Marine. Berlin, 1902. S. 2—6.

[12]*Moltmann G.* Die deutsche Flotte von 1848/49 im historisch-politischen Kontext // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument Internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 63—80.

[13]*Reinhard C.* Geschichte der Preussischen Seemacht. Berlin, 1851.

[14]*Sondhaus L.* Preparing for Weltpolitik. German sea power before the Tirpitz Era. Annapolis, 1997. P. 19—36.

[15]О неудовлетворительном состоянии Германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1892. № 3. С. 31.

[16]*Gadow R.* Geschichte der deutschen Marine. Frankfurt a. M., 1934. S. 26—27.

[17]Пруссия заказывала корабли в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах. У нее была всего лишь одна верфь Клавиттера в Данциге. Эта верфь не могла построить корабль больший, чем канонерская лодка. См.: *Ньюбольд У.* Как Европа вооружалась к войне. М., 1923. С. 64.

[18]*Kroener B.* Die Deutsche Flotte 1848/49 — «das Schmerzenkind der deutschen Revolution?» // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument Internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 81—90.

[19]*Busch F. O., Ramlow.* Deutsche Seekriegsgeschichte. Berlin, 1942. S. 304—310.

что будут рассматривать корабли, носящие его, как пиратские, со всеми вытекающими последствиями[20]. Результатом такого демарша стало решение Франкфуртского парламента от 2 апреля 1852 г. о роспуске германского военного флота. Корабли собрали в Гамбурге и распродали с аукциона[21].

Однако это не означало в принципе отказ от идеи германского военно-морского флота. Процессы по его созданию самостоятельно пошли в Пруссии как самой крупной и сильной из германских земель[22]. В 1853 г. Берлин приобрел у герцогства Ольденбургского участок земли в устье реки Яде. Там началось сооружение порта Вильгельмсхафена, «морского окна» будущей объединенной Германии в Атлантический океан. 14 ноября 1853 г. из военного министерства была выделена новая структура — Адмиралтейство[23], подвергшаяся реорганизации 1 мая 1859 г.[24] В 1861 г. в Пруссии создается Военно-морское министерство[25].

После победоносной войны с Данией в 1864 г.[26], где успехи небольшого прусского флота, по утверждениям самих немцев[27], были «вполне удовлетворительными»[28], первый морской министр Северогерманского союза адмирал Э. Яхман добился все-таки утверждения амбициозной десятилетней программы строительства флота[29]. Ее реализация стала основанием для формирования в 1867 г. военно-морских сил Пруссии[30].

Главная цель программы заключалась в создании флота «второго ранга», равного по силе таким ведущим европейским державам, как Россия и Франция. По представлениям того времени, для этого должно было хватить 16 броненосцев, первый из которых под наименованием «Arminius» начал сооружаться в 1864 г. в Великобритании[31]. В 1866 г. немцы приступили к постройке большой верфи в Вильгельмсхафене, а вскоре и Кильской верфи[32]. Они хотели в будущем, по возможности, закладывать все корабли в Германии и строить их из материалов

---

[20] *Gadow R.* Op. cit. S. 28—29.

[21] Op. cit. S. 29.

[22] *Biefang A.* Politisches Bürgertum in Deutschland 1857 bis 1868. Nationale Organsationen und Eliten. Düsseldorf, 1994. S. 191.

[23] Einsetzung und Organisation etc. der Admiralität (AKO v. 14 November 1853) // *Hubatsch W.* Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848-1945. Frankfurt a. M., 1958. S. 220—221.

[24] Bestimmungen über Reorganisation der Admirialität. Allgemeiner Marinebefehl № 54 (1 Mai 1859) //Hubatsch W. Op. cit. S. 222—223.

[25] Bildung des Marineministerums. Allerhöchste Kabinettorde an das Staatsministerium, (16 April 1861) //Hubatsch W. Op. cit. S. 224.

[26] Победоносная война с Данией позволила Пруссии приобрести Кильскую бухту, ставшую впоследствии одной из главных морских баз германского флота.

[27] В действительности прусский флот в этой войне себя ничем особо не проявил, если не считать удачным бегство поврежденных в бою его двух корветов от превосходящих морских сил Дании. См.: *Алафузов В.А.* Указ. соч. С. 9.

[28] *Штенцель А.* История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. Т. 2. М., 2002. С. 630.

[29] *Sondhaus L.* Op. cit P. 85—86.

[30] *Lambi I.N.* The Navy and German Power Politics. 1862—1914. L., 1984. P. 1—4.

[31] Краткое описание броненосных флотов. С. 48.

[32] *Ньюбольд У.* Указ. соч. С. 65.

Фрегат «Hertha», участвовавший в Франко-прусской войне 1870—1871 гг.

отечественного происхождения[33]. Намерения немцев сразу же привлекли внимание зарубежных наблюдателей. Они отмечали размах германских морских планов[34]. Во Франко-прусской войне 1870—1871 гг. германский флот еще не имел такой силы, которая могла бы оказать заметное действие[35]. На его развитие победители выделили часть полученной от французов контрибуции.

С объединением Германии открылась новая страница военно-морских сил страны. Это объясняется внутриконтинентальным расположением государства, в отличие от островной Великобритании. В отношениях с Францией, Россией и Австро-Венгрией флот не являлся насущной необходимостью. Поэтому традиционно до середины 90-х гг. XIX в. военно-морские силы оставались в тени сухопутных войск, подчиняясь им в институциональном, стратегическом и финансовом отношениях[36].

Немаловажную роль в таком положении играл экономический фактор. Германия, несмотря на достаточно высокие темпы индустриализации в 70-х — начале

---

[33] В 1873 г. в Англии были заложены последние броненосцы «Deutschland» и «Kaiser», которые строились Германией за границей. Там же. С. 64.

[34] Броненосные флоты Европы. СПб., 1868. С. 217.

[35] *Алафузов В.А.* Указ. соч. С. 10.

[36] До 1872 г. управлением и формированием флота занималось исключительно Прусское военное ведомство, но даже после создания Адмиралтейства отношение к нему как к чему-то малозначимому в общей системе вооруженных сил Рейха не изменилось. См.: *Petter W.* Deutsche Flottenrüstung von Wallenstein bis Tirpitz // Handbuch zur deutschen Militargeschichte 1648 bis 1939. Bd. 4. T. 8. München, 1977. S. 97.

Рейхсканцлер Отто фон Бисмарк

90-х гг. XIX в., по сравнению с другими государствами Европы, и особенно с Великобританией, в меньшей степени пока зависела от импорта продовольственных и промышленных товаров. Следовательно, власти не считали нужным проявлять особую заботу о развитии военного флота с целью обеспечения безопасности морских торговых путей[37]. Главная задача, которая ставилась перед ним, заключалась в «защите германских берегов».

Ситуация изменится в середине 90-х гг. XIX в., когда германское государство войдет в период империалистического развития. Только тогда у военно-морских сил появятся реальные шансы на иное к себе отношение. Пока они довольствовались ролью «падчерицы» в структуре вооруженных сил страны.

Второстепенность флота в планах германских военных стратегов подчеркивалась и тем фактом, что с 1872 по 1888 г. Адмиралтейство возглавляли армейские генералы А. фон Штош и Л. фон Каприви. В их действиях по развитию германских военно-морских сил, при некоторых незначительных отличиях, было много схожих черт. Став в 1872 г. руководителем имперского Адмиралтейства, А. фон Штош предложил в 1873 г. рейхсканцлеру О. фон Бисмарку программу строительства военно-морского флота[38]. После этого она была представлена Рейхстагу[39].

Программой предусматривалось построить в ближайшие 10 лет 14 броненосных фрегатов и корветов, семь мониторов, 20 корветов, шесть авизо, 18 канонерских лодок, два артиллерийских кораблей, три парусных брига, 10 больших и 18 малых миноносцев[40]. Главное назначение этих кораблей, по мысли А. фон Штоша, помимо охраны прибрежной полосы от внезапного вражеского нападения, должно было заключаться в прямой защите заморских торговых интересов Германии[41]. Поэтому вполне логичными в этой связи являлись его заявления о необходимости проведения активной колониальной политики.

О. фон Бисмарк в целом поддержал проект А. фон Штоша, но при этом у него были совершенно иные виды на военно-морские силы. Рейхсканцлер не собирался их использовать в первую очередь для решения колониальных задач, тем более что это могло привести к нежелательным противоречиям со «старыми» колониальными странами, такими как Франция и Великобритания. Флот рассматривался О. фон Бисмарком, прежде всего, как фактор респектабельности

[37] Первая морская станция за рубежом была приобретена Германией только 24 января 1879 г., когда был заключен договор с правительством островов Самоа. См.: *Пиленко А.* Морское дело за границей. СПб., 1879. С. 90—92.

[38] *Koch P.* Aus der Zeit des Admirals v. Stosch // Marine Rundschau. 1902. S. 1277—1280.

[39] Рейхстаг не отверг ее, поэтому ее можно было считать принятой.

[40] *Wislicenus G.* Deutschlands Seemacht. Leipzig, 1896. S. 71.

[41] *Peiter W.* Op. cit. S. 109—112.

Корвет «Moltke» — один из кораблей, построенных по программе А. фон Штоша

Германии, стремящейся превосходить «все морские державы второго ранга»[42] и потому вызывающей интерес у других стран в качестве возможного союзника[43]. Кроме того, он намеревался использовать флот во внешнеполитических планах как один из инструментов обеспечения проводимой им «политики равновесия»[44].

Несмотря на приверженность к активной колониальной политике, А. фон Штош как руководитель кайзеровского Адмиралтейства первостепенное внимание уделял европейским делам, поскольку именно они оказывали определяющее влияние как на государственную политику в целом, так и на ее морскую составляющую часть. Ввиду того, что главными противниками Германии в конце 70-х—начале 80-х гг. XIX в. считались Франция и Россия[45], молодой германский флот готовился к возможному развертыванию боевых действий на Балтике[46] и в Северном море. С этой целью закладывались и укреплялись военно-

---

[42] *Steinmetz H.O.* Bismark und die deutsche Marine. Herfold, 1972. S. 72.

[43] *Hubatsch W.* Op. cit. S. 18.

[44] *Hobson R.* Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategischen Denken und der Tirpitz-Plan 1875 bis 1914. M?nchen, 2004. S. 124—125.

[45] *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 62—99, 133—159.

[46] Один из таких планов боевых действий на Балтике против России был разработан в 1882 г. Однако, по мнению некоторых представителей российского Главного морского штаба, которые узнали о нем в 1888 г., в этом документе «отсутствует основательная разработка всех деталей, а также недостаток соразмерения активных сил германского флота с нашими (то есть русскими) средствами». Общий вывод гласил: германский план был плохо продуман и реально не выполним. См.: РГА ВМФ. Ф.417. Оп. 1. Д. 446. Л. 41—41 об.

морские базы в Данциге, Киле и в Вильгельмхафене[47]. В случае начала войны в силу вступала бы «континентально-оборонительная» концепция А. фон Штоша, согласно которой флот должен был обеспечивать с моря подстраховку действий сухопутной армии, обеспечивая при необходимости и высадку десанта. Предполагалось, что ему не придется действовать против объединенных сил противника.

Исследователи истории германского военно-морского флота относят к заслуге А. фон Штоша то, что именно при нем и при его активном содействии в мае 1872 г. в Берлине было открыто элитное учебное заведение по подготовке квалифицированных кадров для флота — Морская академия. Срок обучения там составлял три года[48]. Ее слушатели получали достаточно большой объем знаний по естественно-научным предметам, техническим дисциплинам, экономике, международному праву, истории литературы, изучали, как минимум, два современных европейских языка. Много внимания уделялось освещению истории морских войн и морской тактики[49]. О качестве преподавания в академии были самые противоречивые отзывы[50]. Однако факт остается фактом, что в числе ее слушателей были и те, кто в последующем в качестве адмиралов заняли ведущие посты в кайзеровском флоте — К. фон Мальтцан, А. фон Тирпиц, Х. фон Хольтцендорф, А. фон Хееринген, К. фон Гальстер[51].

Когда в 1883 г. первый глава германского Адмиралтейства покинул свой пост, то его флотская строительная программа была в основном выполнена. В стране имелось 13 из 14 запланированных броненосных кораблей и 13 канонерских лодок[52], а также большое число небронированных корветов для применения в далеких заморских водах[53]. Германский военный флот по количественным и качественным показателям вышел на третье место в Европе после флотов Великобритании и Франции[54]. Безусловно, он значительно уступал им по своей мощи, особенно британским военно-морским силам, однако задача превзойти «все морские державы второго ранга» была выполнена.

Благодаря программе А. фон Штоша, кайзеровская Германия впервые создала флот, который при необходимости был в состоянии ставить перед собой цели, ранее недостижимые. Он мог принимать участие в войне, пусть и на подчиненных ролях, против Франции и России, защищать заморские торговые интересы страны.

---

[47] *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897—1914 гг. Тюмень, 2004. С. 23.

[48] При Л. фон Каприви в 1883 г. срок обучения сократился до двух лет. См.: Güth R. Admiralstabsausbildung in der deutschen Marine. Bonn 1979. S. 15.

[49] *Graubohm H.* Die Ausbildung in der deutschen Marine von ihrer Gründung bis zum Jahre 1914. Dusseldorf, 1977. S. 284 ff.

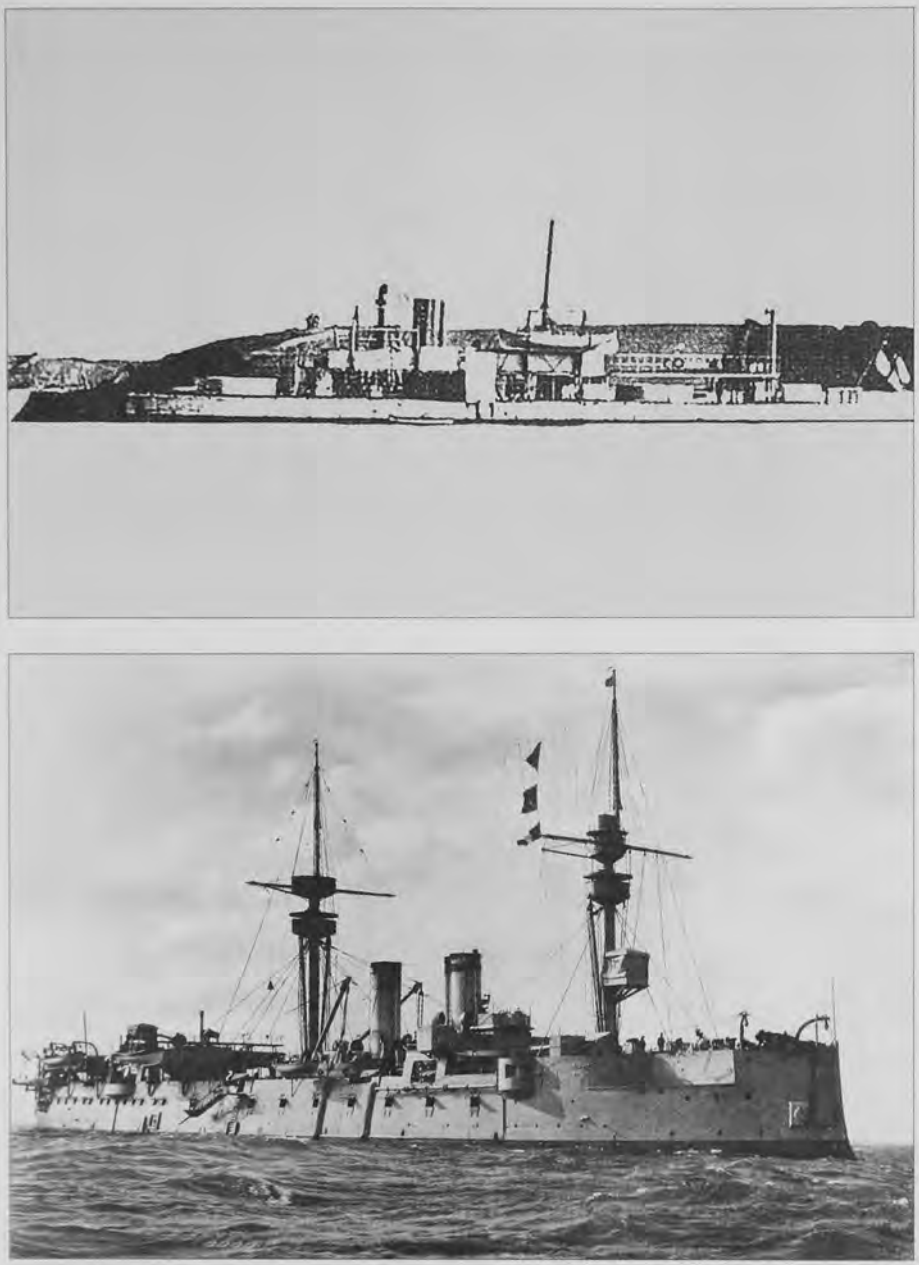
[50] *Tirpitz A.* Erinnerungen. Leipzig, 1919. S. 18; *Hoffmann R.* Bedarf unsere Marine einer militarischen Hochschule? Entgegnung // Marine Rundschau. 1896. S. 787.

[51] *Gemzell C-A.* Organisation, conflict and innovation: a study in German naval strategic planning. 1888—1940. Lund, 1973. P. 114.

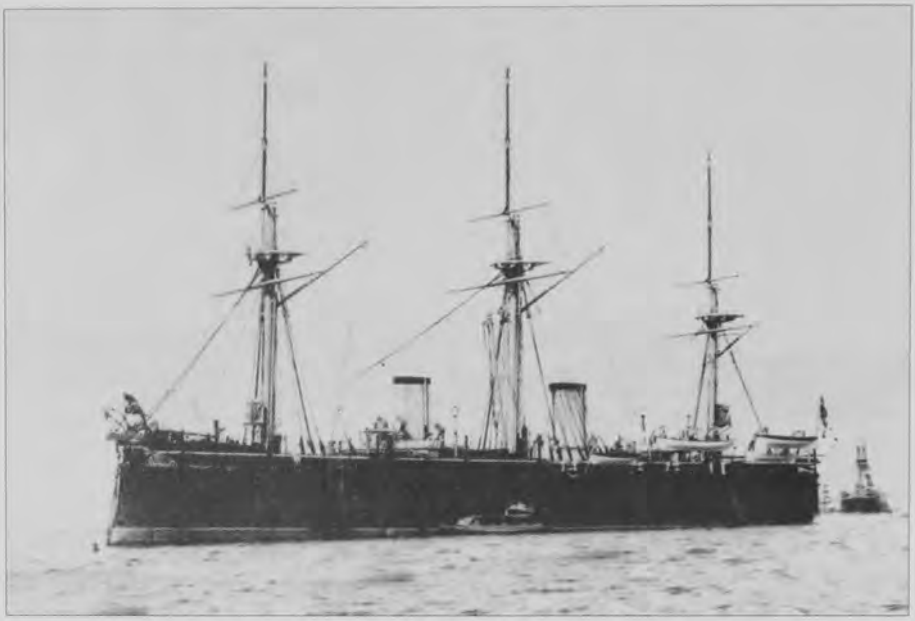
[52] *Дубров К.Т.* Таблицы главнейших сведений о судах английского, германского, итальянского и французских флотов. СПб., 1886. С. 76—81

[53] *Lambi I.N.* Op. cit. P. 6.

[54] *Дубров К.Т.* Указ. соч. С. 76—81.

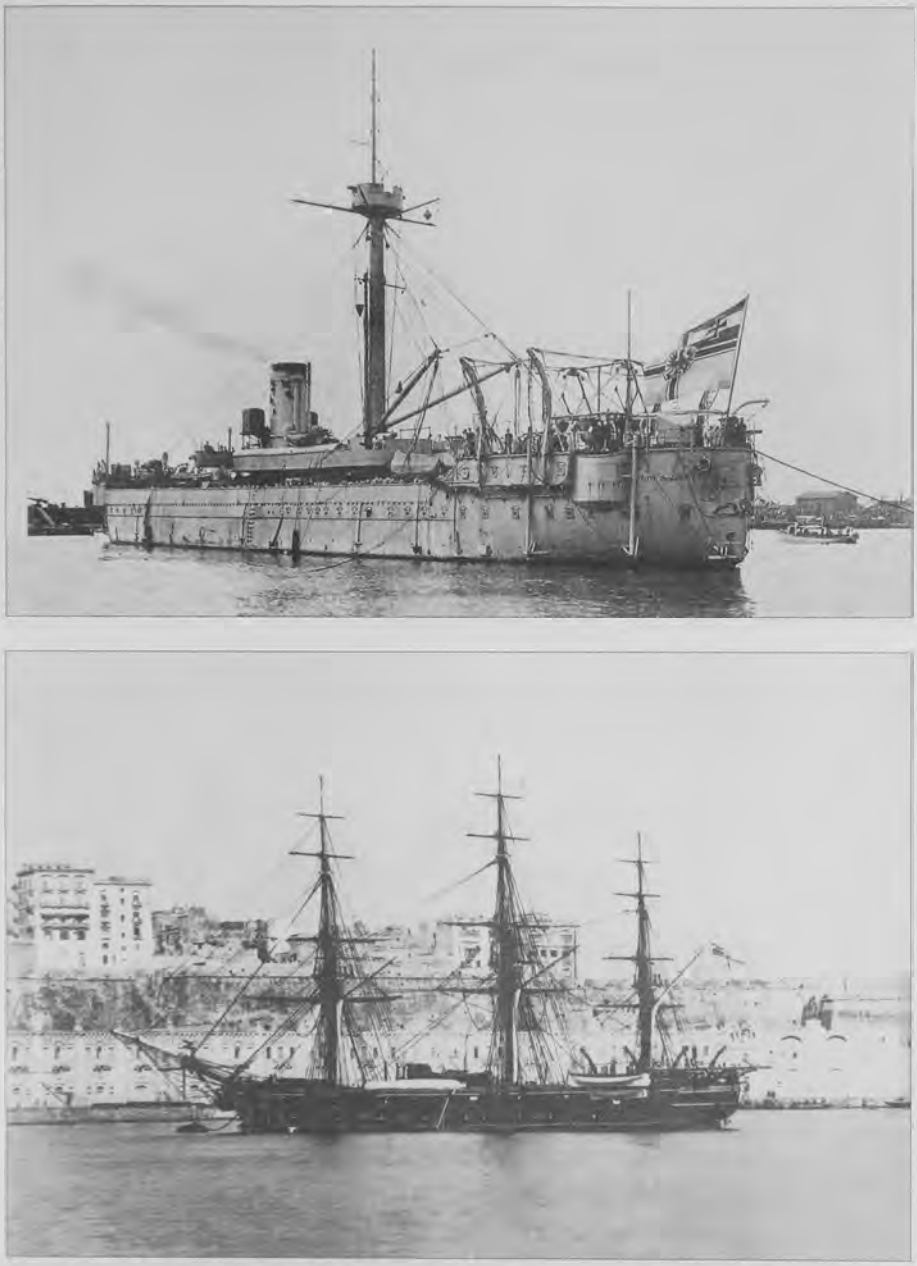
Корабли германского флота 60-х—70-х годов XIX в.: мониор «Arminius» (вверху) и батарейный броненосец «Konig"Wilchelm» (фотография после переклассификации в броненосный крейсер)

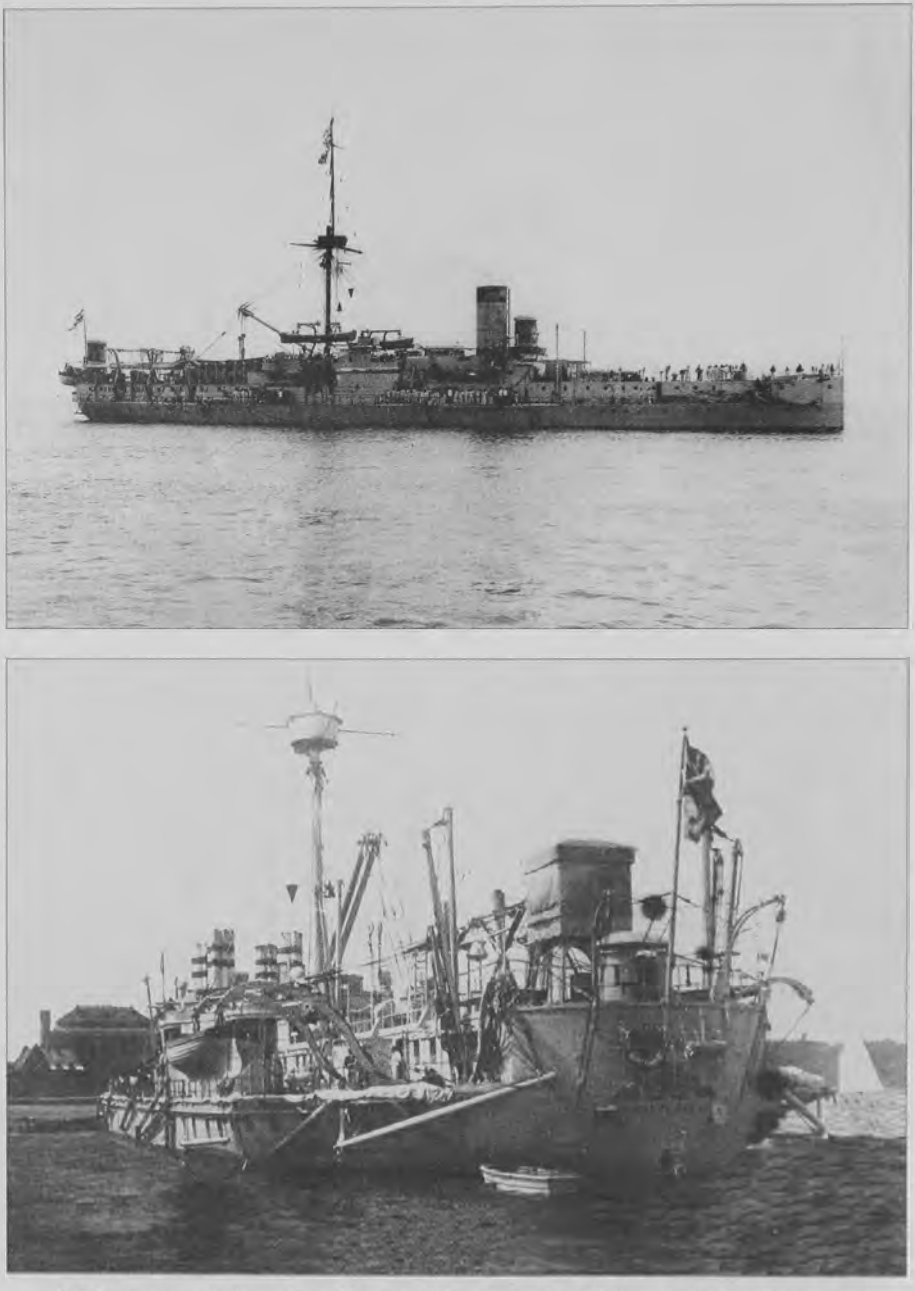
Корабли германского флота 60-х—70-х годов XIX в.: казематные броненосцы «Deutschland» (вверху) и «Kaiser»

780344

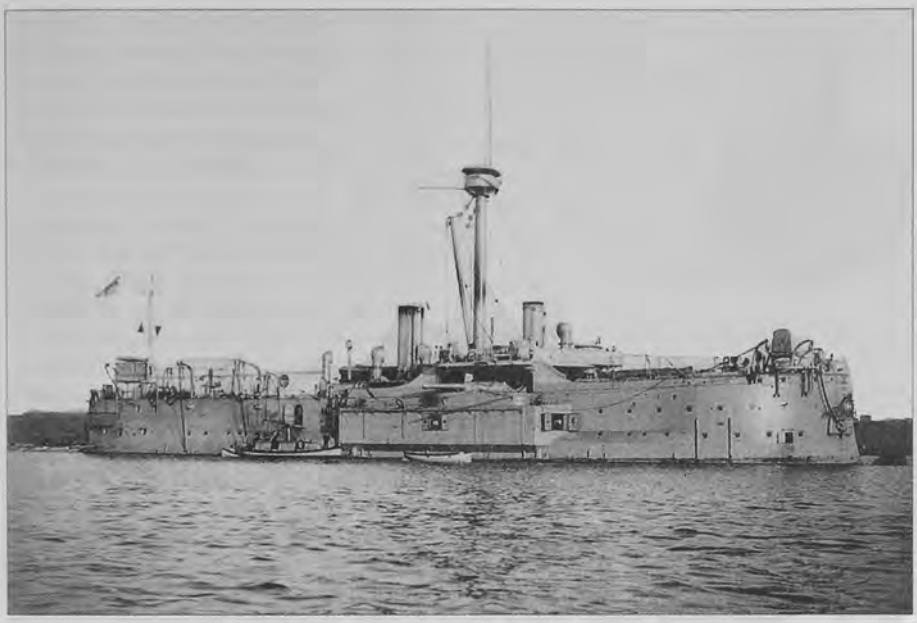

Корабли германского флота 60-х—70-х годов XIX в.: башенный броненосец «Friedrich der Grosse» (вверху) и винтовой корвет «Nymphe»

Тюменский Государственный университет
Информационно-библиотечный центр

Корабли германского флота 60-х—70-х годов XIX в.: броненосцы «Baden» (вверху) и «Wurtemberg»

«Oldenburg» — последний броненосец программы А. фон Штоша

Сменивший в 1883 г. А. фон Штоша на посту руководителя Адмиралтейства генерал-лейтенант кавалерии Л. фон Каприви, получивший чин вице-адмирала, «погасил» темпы строительства флота. Осознание этого факта выразил рейхсканцлер О. фон Бисмарк. Выступая 26 января 1886 г. в Рейхстаге, он сказал следующее: «Я пришел к убеждению, что германский народ, судя по отзывам печати, желал бы иметь флот второго ранга, так как было бы чересчур обременительно в финансовом отношении добиваться чего-нибудь большего. И действительно по плану 1873 г. предполагалось достичь этой нормы; с тех пор прошло уже больше десяти лет. И что же? Русские, итальянцы сделали так много по отношению к своим флотам, что в данный момент Германия имеет флот только третьего ранга. Я считал своим долгом высказать это вполне открыто»[55].

В судостроительной политике Л. фон Каприви по рекомендациям специалистов[56] особое внимание уделял миноносцам[57] и легким крейсерам (по германской классификации — малые крейсера, Kleine Kreuzer) за счет почти полной остановки производства ударных кораблей и броненосных крейсеров[58]. Такой

---

[55] Цит. по ст.: О неудовлетворительном состоянии Германского флота. Морская хроника // Морской сб. 1892. № 3. С. 30.

[56] *Sondhaus L.* Op. cit. P. 151—152.

[57] О пристрастии Л. фон Каприви к миноносцам пишет А. фон Тирпиц в своих воспоминаниях. См.: *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957. С. 82.

[58] *Hallman H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart, 1933. S. 35.

Лео фон Каприви, руководитель германского Адмиралтейства в 1883—1888 гг. и рейхсканцлер в 1890—1894 гг.

акцент на данных типах боевых кораблей, как считают историки, был обусловлен влиянием французской морской «молодой школы» (Jeune Ecole) адмирала Т. Оба, пропагандировавшего преимущества крейсеров в морской войне[59].

О некоторых взглядах генерала на перспективы развития германской морской силы можно судить из специального меморандума, составленного в 1884 г. В нем в частности говорилось, что «для исполнения задач дипломатической и торгово-политической службы предназначены небронированные корветы, канонерские лодки и вестовые суда. В войне с европейской державой, располагающей бронированными судами, боевая стоимость этих судов была бы относительно меньше. Они предназначены демонстрировать германский флаг при выполнении полицейских функций на морях, для защиты интересов в отдельных частях мира, ...для поднятия немецкого национального чувства... 20 корветов, 10 канонерских лодок должны выполнять эти задачи... Их должно хватить на ближайшее будущее...»[60].

Как руководитель Адмиралтейства, Л. фон Каприви неизбежно выходил на вопросы отношений с ведущими морскими державами. Общеполитический «Договор о перестраховке» (Ruckversiherungvertag) 1887 г. с Россией он оценивал, во-первых, как «не совсем честный, поскольку война была неизбежна», а во-вторых, договор «лишал нас доверия Австрии». Последнее обстоятельство, как известно, было решающим в принятии решения о расторжении договора[61]. Изменение политической формулы Союза трех императоров добавило забот управлению и командованию германского флота. Не способствовала внешнеполитической стабильности и объявленная ранее О. фон Бисмарком «военная тревога» в связи с распространением во Франции «движения буланжистов»[62]. Поэтому для Л. фон Каприви главными противниками на море оставалась Франция и Россия. Этим объясняется и его поддержка идеи войны на два фронта, господствующая в недрах сухопутного Генерального штаба.

В связи с обострением международной обстановки в 1887 г. Адмиралтейством были разработаны оперативные планы, предусматривающие различные варианты ведения морских сражений. Меморандум от 20 октября 1887 г. учиты-

---

[59]О сути теории французской «молодой школы» См.: «Молодая школа» во Франции и ее программа морской обороны государства. Морская хроника // Морской сб. 1889. № 12. С. 1—13; История военно-морского искусства. Т. 3. Военно-морское искусство эпохи империализма. М., 1953. С. 13—14; *Доценко В.Д.* История военно-морского искусства. Т. 1. Вооружения и теория. М., 2005. С. 578.

[60]Цит. по: *Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 127.

[61]*Тирпиц А.* Воспоминания. С. 73.

[62]Генерал Ж.Э. Буланже — военный министр Франции, сторонник реваншистской войны с Германией и усиления французской армии.

вал возможность прибрежной войны в Северном море. Другой документ, датированный октябрем, планировал войну против Франции. Меморандум от 5 ноября предусматривал морские сражения на Балтике в следующих комбинациях: против одной России, против России и Дании, против Франции и Дании, альянс Германии, Австро-Венгрии и Италии против Франции и России[63].

Перспективы боевых действий на море не обнадеживали. Даже объединенные силы Тройственного союза не могли надеяться на успех в борьбе с Россией и Францией. В 1887 г. тоннаж военных кораблей Германии и ее союзников составлял 249 тыс. т, в то время как одна Франция имела в Тулоне, Бресте и Шербуре флот водоизмещением 242 тыс. т, а с российскими кораблями на Балтике эта цифра достигала 295 тыс. т[64].

Австро-венгерские и итальянские военно-морские силы могли действовать против Франции только в Средиземном море. Их было явно недостаточно для победы. Неизбежно вставал вопрос о дополнительной помощи. В этой связи обращение к первой морской державе Л. фон Каприви считал единственно правильным решением[65]. В 1887 г. он подчеркивал, что только в случае присоединения к Тройственному союзу Великобритании неблагоприятная для Германии ситуация может измениться[66].

В том же году германский посланник в Риме доносил, что союзная Италия не выступит со своим флотом против Франции, если не получит на то одобрение ведущей морской державы[67]. Однако до тех пор, пока О. фон Бисмарк оставался у власти, идея морского союза с Великобританией не могла быть реализована. «Железный канцлер» являлся принципиальным противником обострения отношений с Россией.

После отставки О. фон Бисмарка в 1890 г. Л. фон Каприви, заняв пост рейхсканцлера[68], вернулся к мысли о союзе с Англией[69]. Он потребовал от адмирала Ф. фон Гольмана, поставленного в этом же году во главе Военно-морского ведомства, представить возможный расклад сил на Северном, Балтийском морях и в Средиземноморье на случай войны Германии, Австро-Венгрии, Италии и Англии, с одной стороны, и Франции, России и Дании, с другой[70]. Как указывал Ф. фон Гольман, при таком варианте французский флот оказался бы полностью

---

[63] BA—MA. RM 4/35. Krigsführung in der Ostsee. 1887; О развитии оперативных планов при Л. Каприви см.: *Lambi I.N.* Op. cit. P. 13—29.

[64] *Matthei D.* Die Russische Marine im Mittelmeer im Blickfeld deutscher Seeinteressen 1881—1905. Bonn, 1983. S. 84.

[65] *Hubatsch W.* Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München, 1975. S. 91.

[66] *Matthei D.* Op. cit. S.86.

[67] Ibid. S. 280.

[68] Этот пост он занял, согласившись с предложением Вильгельма II, который отправил в отставку ненавистного ему О. фон Бисмарка. Последний проявлял не только слишком много независимости и самостоятельности в своих действиях, но и не соответствовал новым воззрениям императора на задачи внутренней и внешней политики. Л. фон Каприви, более послушный кайзеру, начал проводить так называемый «новый курс». См.: *Матвеева А. Г.* Германская империя 1870—1914. М., 2002. С. 67—82, 108—111.

[69] *Lahme R.* Deutsche Aussenpolitik. 1890—1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarks zur Allianzstrategie Caprivis.: Diss. Göttingen, 1988.

[70] PA AA. Deutschland 138. Bd. 1. Caprivi an Hollmann. 4. 8. 1890.

подавлен английским, что, несомненно, положительно сказалось бы на обороноспособности побережья Германии. При этом открывались перспективы для отправки большей части сил на Балтику[71]. Шансы на успех в войне на море против России в таком случае возрастали.

Следствием влияния Л. фон Каприви на морскую политику стало то, что за период с 1883 по 1893 г. Германия с третьего места в «табели рангов» морских держав переместилась на шестую позицию[72]. В последующем это вызывало критику сторонников создания сильного флота, делавших упор на строительство, прежде всего, линейных кораблей. Но при этом все-таки необходимо помнить, что Л. фон Каприви никогда не делал ставку в войне на флот. Этот политик не отводил ему роль решающего фактора. Морские силы в его военной стратегии рассматривались как дополнение сухопутной армии[73]. В случае войны с вероятными противниками Германии — Францией и Россией — флот должен был обеспечивать безопасность побережья страны в Северном и Балтийском морях. Уже будучи главой правительства и осуществляя свой так называемый «новый курс», Л. фон Каприви поставил перед ним еще одну задачу — недопущение экономической блокады вражескими морскими силами, поддержание на приемлемом уровне поступления стратегически значимого импорта[74].

Подобная функция флота логически вытекала из процесса индустриализации Германии, которая все больше и больше, по сравнению с предшествующим периодом[75], попадала в определенную зависимость от поставки заморских продуктов питания и сырья для промышленности. Такую ситуацию Л. фон Каприви называл «ахиллесовой пятой» германской экономики. Поэтому, не являясь сторонником преимущественного развития флота, этот политик, тем не менее, вынужден был уделять ему внимание и учитывать его потенциал при планировании будущих боевых действий. Л. фон Каприви стал придавать военно-морским силам большее значение в обеспечении сырьевой и продуктовой безопасности страны в условиях войны. Поскольку «неудобное» географическое положение Германии и превосходство в крейсерах самого вероятного противника Франции не позволяли защитить германские торговые суда на путях в Атлантике, то Л. фон Каприви делал ставку на их быстроходность, позволяющую уйти от вражеских крейсеров. С другой стороны он, в качестве альтернативы, рассматривал вариант, при котором германские броненосные корабли и миноносцы должны обеспечить полное прикрытие тех торговых судов, которые смогут прорваться в Северное море через Ла-Манш или в обход через север Британии[76].

---

[71] PA AA. Deutschland 138. Bd. 1. Hollmann an Caprivi. 13. 8. 1890.

[72] Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Т. 1—2. СПб., 1895.

[73] *Verchau E.* Von Jachmann über Stosch und Caprivi zu den Anfängen der Ära Tirpitz // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 67.

[74] *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1900.Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Foraussetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin, 1930. S. 254. См.: *Engelberg E.* Deutschland von 1871 bis 1897 (Deutschland in der Übergangperiode zum Imperialismus). Berlin, 1965. S. 289—296.

[75] *Hobson R.* Op. cit. S. 134.

Исходя из оценки неблагоприятного географического расположения Германии — она находилась в «углу» Северного моря, прямой выход из которого в Атлантический океан запирался британскими островами — вполне понятна «не обсуждаемость» со стороны Л.фон Каприви возможности войны с англичанами. Ее воздействия на экономику, на население страны, с учетом многократного превосходства британского флота над германским, по его мысли, были бы еще более катастрофичными, чем война с Францией. Установленную британцами блокаду не смог бы прорвать даже флот, созданный позже А. фон Тирпицем[77]. Хотя Л. фон Каприви соглашался с мыслью, что будущее Германии зависит от доступа к зарубежным рынкам[78], он осознавал, что главными торговыми партнерами страны являются все-таки ближайшие соседи. Он считал необходимым проводить такую политику, которая обеспечивала бы доступ именно к рынкам приграничных стран. Именно этим объясняется либеральная стратегическая линия рейхсканцлера в области внешней торговли, которая далеко не всегда получала понимание и поддержку у германских аграриев и партии консерваторов, представлявших их интересы в Рейхстаге. Они протестовали против снижения таможенных тарифов на продукцию сельского хозяйства завозимых из других стран, поскольку это вело к снижению цен на хлеб[79].

Главная цель, по мнению Л. фон Каприви, заключается в экономическом укреплении Германии как континентальной быстро развивающейся державы, которая возьмет на себя роль лидера в борьбе за европейский рынок против активно наступающих на него США, России и Китая[80]. Для этой цели особенно сильный флот не нужен. Поэтому, несмотря на определенную эволюцию его взглядов на роль флота в период пребывания на посту рейхсканцлера, следует признать, что они не носили принципиального характера и укладывались в рамки прежней концепции «адмиралтейского периода». Его мечтой, в военном отношении, был союз с Великобританией. Это позволило бы, как он наивно полагал, использовать британский королевский флот для защиты германского импорта от французских крейсеров.

По мнению норвежского историка Р. Хобсона, в том числе и данным обстоятельством объясняется то, что Германия во времена канцлерства Л. фон Каприви обладала ограниченным крейсерским флотом[81]. Не удивительно, что новый руководитель Адмиралтейства, сменивший его на этом посту, адмирал Фриц фон Гольман в начальный период своей деятельности был сдержан в военно-морской судостроительной политике. В последующем, когда Л. фон Каприви ушел в отставку, он тоже не добился каких-либо ощутимых успехов, что вызвало обоснованную критику в военно-морских кругах Германии[82].

---

[77] *Hallman H.* Op. cit. S. 240.

[78] *Arndt R.* Die Reden des Grafen von Caprivi im deutschen Reichstage, preussischen Landtage und bei besonderen Anl?ssen. 1883 bis 1893. Berlin, 1894. S. 171.

[79] См.: *Barkin K.* The Controversy over German Industrialization 1890—1902. Chicago, 1970. P. 67.

[80] *Arndt R.* Op. cit. S. 179.

[81] *Hobson R.* Op. cit. S. 137.

[82] Нелестную характеристику деятельности Ф. фон Гольмана давал в своих воспоминаниях А. Тирпиц. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 86.

Флаг и плакат в честь франко-русского союза 1893 года

В виду того, что Л. фон Каприви не смог заключить союз с Великобританией, ему пришлось пересмотреть первоначальный план и строить свой расчет на ее нейтралитет в будущей войне с Францией. Он вполне серьезно полагал, что те же англичане и американцы, руководствуясь собственными экономическими интересами, будут оказывать косвенную помощь Германии даже в нарушение действовавшего тогда Парижского договора о морском праве[83]. В свою очередь Франция побоится портить отношения с этими державами, чтобы требовать от них строго соблюдать условия нейтралитета. Поэтому с Лондоном, по мысли Л. фон Каприви, следовало поддерживать хорошие дипломатические отношения, поскольку решение этого вопроса напрямую касалось национальной безопасности Германии.

После политического и военного сближения России и Франции в начале 90-х гг. XIX в. ситуация для Германии осложнилась. Несмотря на преобладание антианглийских красок[84], Двойственный союз рассматривался исключительно как антигерманский[85]. Германские флотоводцы уже рисовали ужасные последствия блокады своих берегов русско-французскими эскадрами. И без того слабый германский флот был поделен на восточный и западный[86].

Восточному флоту предписывалось создание свободного тыла немецкому армейскому корпусу, расквартированному на границе с Россией. Это можно было сделать через обеспечение связи по морю между Кёнигсбергом и запад-

---

[83] *Stenzel A.* Die deutsche Flotte und der Reichstag. Ein Wort zu Gunsten der Deutschen Wehrkraft zur See. Berlin, 1892. S. 13—15.

[84] Швейцарская исследовательница Барбара Эмерсон полагает, что в начале 90-х годов XIX века Россию и Францию объединяла не общая враждебность по отношению к Германии, а конкуренция с Великобританией за сферы влияния. См.: *Эмерсон Б.* Великобритания и франко-русский союз. // Россия и Франция XVIII—XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 162.

[85] В подлинный союз между Россией и Францией немцы долго не верили, несмотря на многочисленные доклады германских дипломатов из Петербурга и Парижа о неформальном сближении двух стран. Судя по сообщению Розбери Гацфельду (май 1895 г.), им показался неожиданным факт, что русско-французская военная конвенция существует уже два года. См.: *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 238—239.

[86] См.: BA—MA. RM5/1627, 1628. Operationspläne gegen Russland. 1894—1897.

Германская открытка с изображением острова Гельголанд

ными балтийскими гаванями. Кроме того, германский флот должен был парализовать сухопутные войска противника, угрожая нападением с моря, а в случае необходимости уничтожить соединения французских и русских эскадр. Другая часть боевого флота должна была нанести удар по побережью Франции, чтобы склонить противника к сражению в открытом море[87].

Для защиты от французского нападения с моря еще в 1890 г. был приобретен остров Гельголанд[88]. Заговорили и о необходимости создания современной военно-морской базы и против русских. Так как речь шла главным образом о защите прусских провинций, выбор пал на Данциг. И в скором времени на одной из докладных записок, посвященной необходимости обустройства опорного пункта для флота на Балтике, Вильгельм II собственноручно начертал: «Данциг должен стать военной гаванью первого ранга»[89].

Таким образом, в своей политике, которая ориентировалась, главным образом, на европейский континент, Л. фон Каприви сделал ставку на укрепление Тройственного союза, отказавшись продлевать с Россией «Договор перестраховки» в 1890 г.[90], и на обеспечение «благожелательного нейтралитета» Вели-

---

[87] См.: BA—MA. RM5/1627, 1628. Operationspläne gegen Russland. 1894—1897. .

[88] О соглашении «Гельголанд—Занзибар» см.: Lahme R. Op. cit. S. 116—178.

[89] Цит. по: Hubatsch W. Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. Munchen, 1975. S. 97.

[90] *Lahme R.* Op. cit. S. 158 ff. Многие исследователи считают, что отказ от этого соглашения сыграл роковую роль в судьбе внешней политики Германии в период 1890—1914 гг. и стал одной из причин, приведших страну в конечном итоге к Первой мировой войне. См.: *Матвеева А.Г.* Указ. соч. С. 109.

кобритании в будущей войне на два фронта[91]. Этой цели была подчинена и его морская политика, игравшая подчиненную роль по отношению к политике укрепления сухопутной армии. Именно наземные войска должны были вынести всю тяжесть предстоящего военного противостояния с Францией и Россией. Перед флотом ставилась задача обороны побережья и недопущения экономической блокады с моря.

В заслугу «сухопутного вице-адмирала» ставят развитие тактики германского флота[92]. Л. фон Каприви стремился учесть весь имеющийся европейский опыт реальных боевых действий на море с тем, чтобы применять и отрабатывать его в конкретных учебных действиях[93]. При нем командиры кораблей получили бóльшую самостоятельность в принятии тактических решений. Это стало традицией германской военной школы обучения. Позже этот способ руководства военно-морскими силами получил даже название — «тактика заданий»[94]. В годы Первой мировой войны германские морские офицеры выгодно отличались от своих коллег-англичан именно нестандартностью действий и инициативностью[95].

Преемственность «штошевско-капрививской» флотской политики проявилась и в деятельности уже упоминавшегося Ф. фон Гольмана на посту морского министра[96] в 1890—1897 гг. Дело в том, что в 1889 году по распоряжению кайзера Вильгельма II произошло разделение Адмиралтейства на три ведомства. Одним из них и стало Военно-морское министерство во главе с фон Гейснером, который недолго занимал эту должность с 1889 по начало 1890 г. Затем его сменил Ф. фон Гольман[97]. Он был, как писал о нем западногерманский историк М. Залевски, «бравым, преданным своему кайзеру офицером»[98]. По-прежнему основной упор в судостроении делался на строительстве крейсеров и миноносцев для службы в отечественных и заграничных водах. В военно-оперативных планах в качестве главных противников Германии все также фигурировали Франция и Россия[99]. О каком-либо морском противостоянии Великобритании, как

---

[91]См.: Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Müller. Adjutant des Prinzen Heinrich v. Preussen, aus dem Jahre 1896. Perspektiven einer künftigen deutschen Weltpolitik // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890—1914. Düsseldorf, 1988. S. 121.

[92]*Koch P.* General von Caprivi. S. 46—49.

[93]*Güth R.* Von Revolution zu Revolution — Entwicklungen und Fuhrungsprobleme der deutschen Marine 1848—1918. Herford, 1978. S. 81.

[94]*Uhle-Wettler F.* Alfred von Tirpitz in seiner Zeit. Hamburg-Berlin-Bonn. 1998. S. 65; Maltzahn C. Geschichte unserer taktischen Entwicklung. Bd. 1. Berlin, 1910. S. 206—228; Lambi I. N. Op. cit. P. 10.

[95]*Bennett G.* Skagerrkschlacht. München, 1976. S. 99, 140.

[96]О деятельности Гольмана на посту военно-морского статс-секретаря см.: *Koch P.* Geschichte der deutschen Marine. S. 111—137.

[97]См.: *Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 49.

[98]*Salewski M.* Tirpitz. Aufstieg. Macht. Scheitern. Guttingen, 1979. S. 26.

[99]BA—MA. Freiburg. RM 2/2005. Memorandum des Oberkommandos der Marine fur den Staatssekretär des Reichsmarineamts, Vizeadmiral Hollmann vom 14. Februar 1895 zu den Chancen der Marine in einem kunftigen Krieg // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. S 100.

самой сильной державе мира, речь вообще не шла[100]. Ф. фон Гольман полагал, что германский военный флот никогда не сможет противостоять британскому.

В Военно-морском министерстве особо внимательно следили за развитием российского флота, стремясь объективно оценить его слабые и сильные стороны. В апреле 1893 г. атташе германского Военно-морского ведомства в Петербурге подвел итоги десятилетнего развития российского флота. Они не были впечатляющими. Причины скромных достижений русского флота, по мнению атташе, были самые разные. Например, Россия исторически не являлась морской державой и изначально не имела морского населения. Отсюда русским «в профессии моряка не хватает силы воли, спокойствия, аккуратности и прилежания».

Другая причина относительной слабости русского флота заключалась в технической отсталости страны. До сих пор в России, по мнению атташе, не уделялось должного внимания судостроению и производству машин. Наконец, на развитии флота отрицательно сказывается бюрократизация общественной жизни и тяжелое положение народного образования. В морских и иных государственных учреждениях сидят чиновники, которые не внушают доверия. Правда, в русском флоте есть настоящие профессионалы своего дела, которых атташе назвал «солью офицерского морского корпуса». Это немцы балтийского происхождения, составляющие 13 % командного состава флота, а также шведы и финны[101].

Несмотря на невысокую оценку морских достижений России, немецкие адмиралы били тревогу по поводу превосходства русских и французов в прибрежных водах. Так в меморандуме верховного командования флота от 14 февраля 1895 г., составленного для руководителя Морского ведомства Ф. фон Гольмана, военный потенциал германского флота предстал «в самом неблагоприятном свете»[102]. Германскому побережью на Балтике угрожали 15 броненосцев русского флота, в их числе 10 были современные, а также девять французских броненосцев — берегам Северного моря. Нельзя было списывать со счетов и Данию, которая могла поддержать Двойственный союз четырьмя—пятью крупными кораблями.

Такому мощному давлению на море Германия могла противостоять 25 кораблями устаревшего типа, из числа которых только два, броненосцы «Kronprinz» и «Fridrich Karl», считались современными. Не надо быть военно-морским стратегом, чтобы не видеть очевидного: при таком соотношении сил германский флот не может гарантировать успех любой морской операции. «Даже если нам... удастся разбить Северный французский флот прежде, чем последует объединение с русскими, то все равно мы не сможем воспрепятствовать полной изоляции нашего побережья». Рекомендации командования флота носили программный характер. Германия «должна достигнуть господства в Северном и Балтийском морях,

---

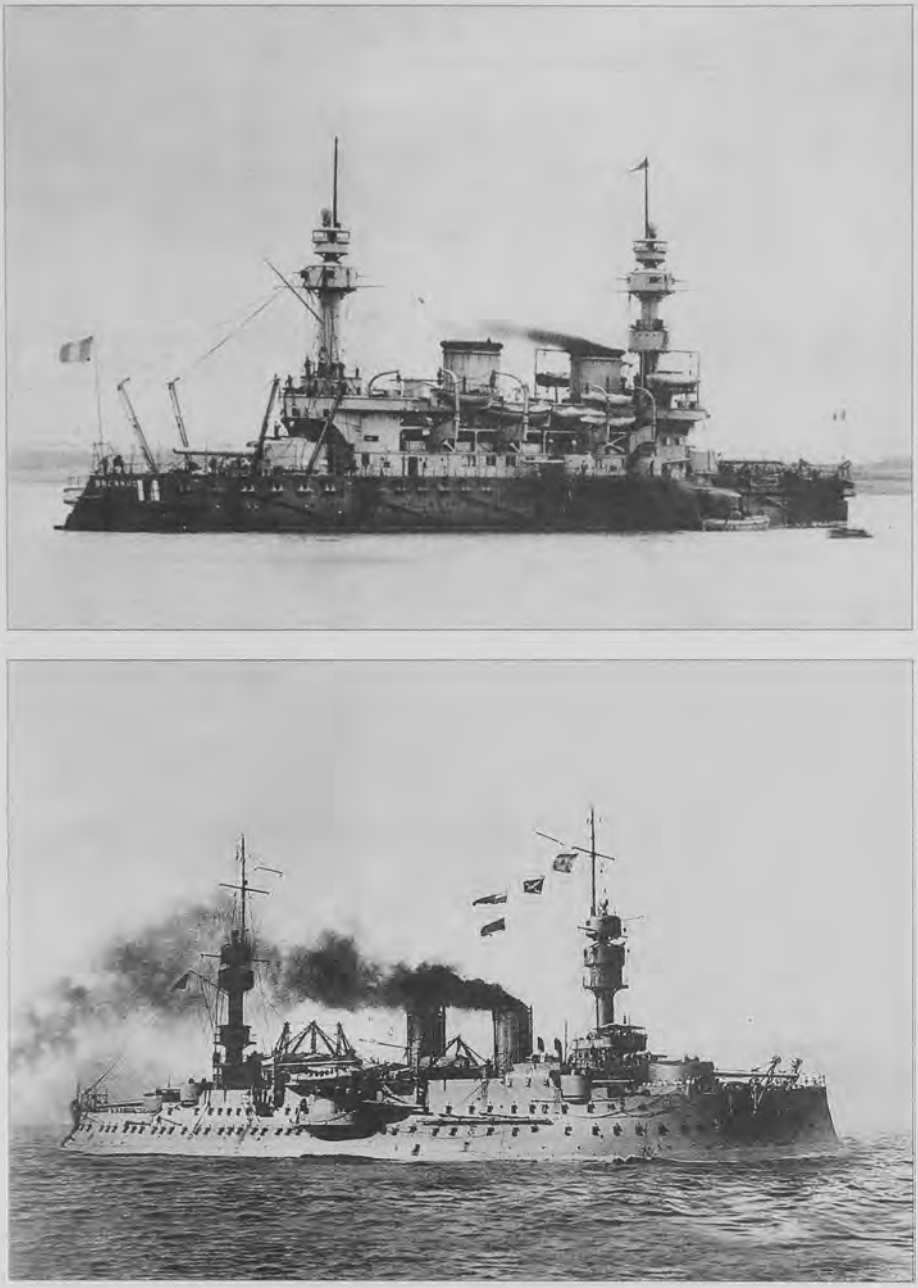
[100] *Steinberg J.* Yesterday's deterrent: Tirpitz and birth of German battle fleet. London, 1965. P. 125.

[101] *Hubatsch W.* Kaiserliche Marine. S. 96.

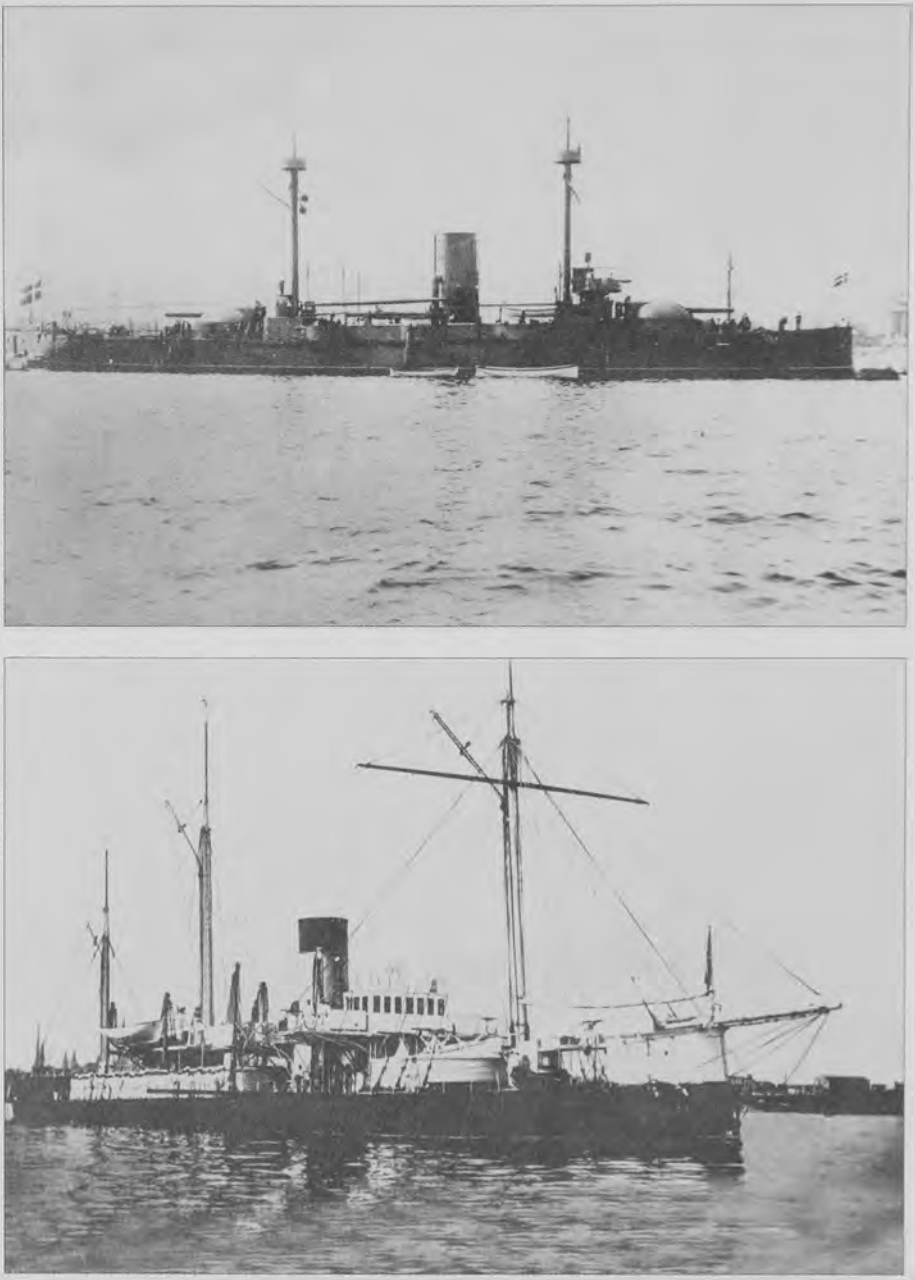
[102] Memorandum des Oberkommandos der Marine fur Staatssekretär des Reichsmarineamts, Vizeadmiral Hollman, vom 14 Februar 1895 zu den Chancen der Marine in einem künftigen Seekrieg // *Berghahn V.R., Deist. W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 100.

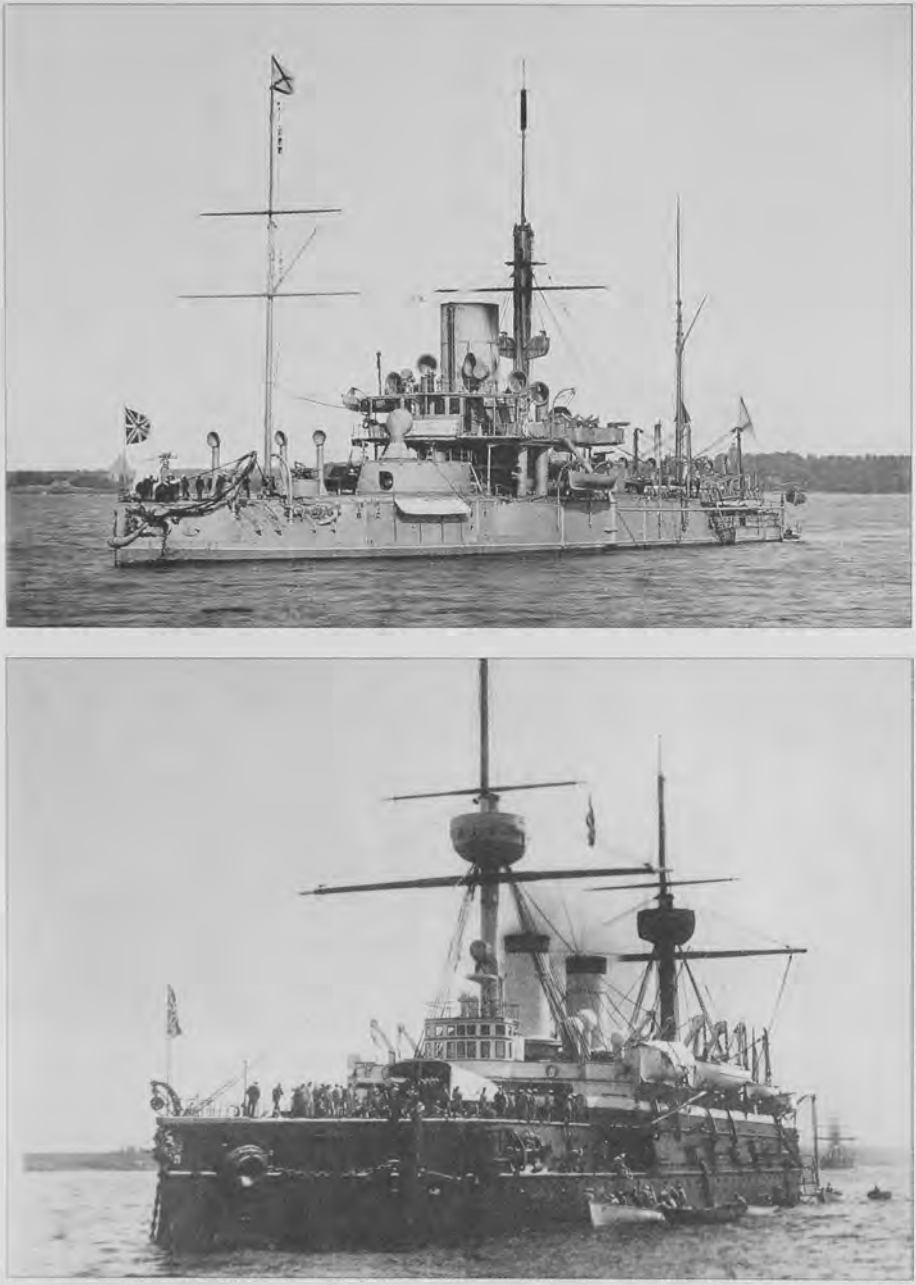
Броненосцы ВМС Франции: «Marseau» (вверху) и «Hoche»

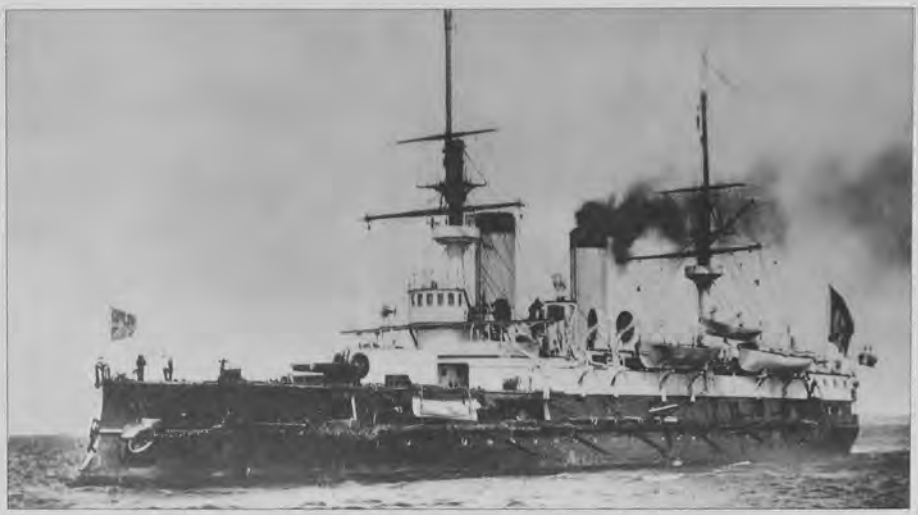
Броненосцы ВМС Франции: «Brennus» (вверху) и «Jaureguiberry»

Броненосцы ВМС Дании «Iver Hvitfeldt» (вверху) и Балтийского флота ВМФ России «Адмирал Грейг»

Броненосцы Балтийского флота ВМФ России: «Петр Великий» (вверху) и «Император Александр II»

«Император Николай I» — один из самых современных кораблей Балтийского флота в начале 1890-х годов

Германский броненосец «Friedrich Karl»

по меньшей мере, против объединенного Северного французского и Балтийского русского флотов. В противном случае все выделенные накануне средства для флота и (Кильского — *Авт.*) канала будут затрачены напрасно»[103].

---

[103]Memorandum des Oberkommandos der Marine fur Staatssekretär des Reichsmarineamts, Vizeadmiral Hollman, vom 14 Februar 1895 zu den Chancen der Marine in einem künftigen Seekrieg // *Berghahn V.R., Deist. W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 100.

Адольф Маршалль фон Бибершгейн, германский статс-секретарь по иностранным делам в 1890—1897 гг.

Приверженность Ф. фон Гольмана к традиционной стратегии развития германских военно-морских сил определялась как его личными убеждениями, так и неясностью представлений у руководства страны, и прежде всего у кайзера Вильгельма II, о том, какой флот требуется государству в первую очередь — крейсерский или большой броненосный. В «морской моде» того времени были и учение французской «молодой школы», и теория американского контр-адмирала А.Т. Мэхэна.

В результате, неопределенность намерений императора, а также борьба разных морских ведомств (Верховного командования и в Военно-морского министерства) за право определять морскую политику[104] негативно влияли на характер действий Ф. фон Гольмана. В итоге ничего не менялось и все шло по накатанному пути — основной акцент в морской политике делался на развитии крейсерского флота и подготовке его к морским баталиям.

Для ведения же крейсерской войны были необходимы опорные пункты. Ф. фон Гольман пытался разрешить эту проблему. В ответе на запрос руководителя Ведомства иностранных дел А. Маршалля фон Бибершгейна, является ли желательным для военно-морского флота приобретение станции в Китае, Ф. фон Гольман определил назначение военно-морских баз: это «...места за границей, которые... должны покрывать потребности наших судов в провианте, угле, боеприпасах и других запасах. Мастерские, доки, эллинги должны сделать возможным проведение ремонта... Во время войны они служат в качестве сборного пункта и опоры, для торговых судов — в качестве убежища»[105]. Тем самым официально Ф. фон Гольман придавал стратегическим и военно-техническим моментам, содержащимся в необходимости флотских стоянок вид коммерческих связей[106].

Параллельно с поиском опорных пунктов, Ф. фон Гольман пытался решать и проблему строительства крейсеров. Весной и летом 1895 г., накануне предстоящих сессий Рейхстага, выпускается целый ряд брошюр, в которых энергично доказывалась польза кораблей этого типа как в эскадренном бою, так и в самостоятельной крейсерской войне[107]. Авторы этих сочинений стремились показать, как мало уделялось внимания со стороны правительства строительству крейсерского флота.

В 1895 г. его сторонники создают в Баден-Бадене специальное общество, которое ставило своей целью сбор добровольных пожертвований на постройку

---

[104] *Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 59—61.

[105] Grosse Politik. Bd. 14 (1). № 3646; *Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 128.

[106] *Kaulisch B.* Zür uberseeischen Stützpunktpolitik der kaiserlichen deutschen Marineführung am Ende des 19. Jahrhunderts und im ersten Weltkrieg // Militärgeschichte. 1980. H. 5. S. 586.

[107] *Stenzel A.* Brauchen wir Panzer-Kreuzer? Berlin, 1895; Fort mit unserer Marine. Berlin, 1895.

крейсеров, для чего предполагалось учредить отделения во всех городах Германии и даже за границей[108]. Однако, по сообщению русского морского агента в Германии Э.Э. Кеттлера, бóльшая часть немецкой прессы довольно скептически отнеслась к задачам новоучрежденного общества, указывая на безрезультатность подобных сборов[109].

Ф. фон Гольман в свою очередь стремился всеми силами восполнить нехватку крейсеров. Принимая во внимание, что в Англии, Франции и Италии частные пароходные кампании давно уже получают от своих правительств значительные субсидии на постройку быстроходных судов, которые в случае войны могли быть использованы как вспомогательные крейсера, министерство заключило контракт с двумя пароходными компаниями — HAPAG и «Norddeutsche Lloyd» — на 10 пароходов водоизмещением по 5—6 тыс. т, которые в случае надобности должны будут выступить под германским военным флагом[110].

Правительство, в свою очередь, достаточно сдержанно отнеслось к затее использования торгового флота для военных целей. Газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» писала 15 мая 1895 г., что руководство Рейха не собирается следовать примеру других стран и устанавливать премии на строительство наиболее быстроходных судов, так как пароходные компании и без того, в случае надобности, предоставят Морскому министерству самые лучшие суда[111].

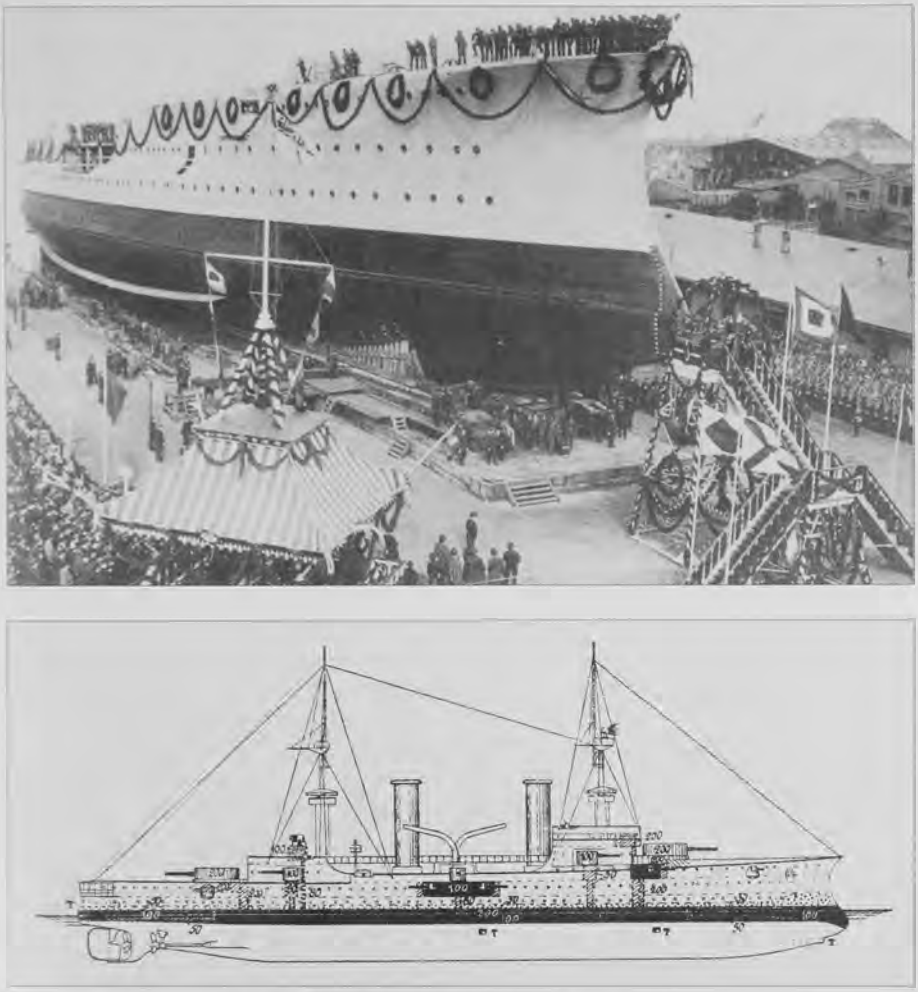
Зимой 1894 г. Вильгельм II намеревался выступить перед Рейхстагом, предполагая провозгласить курс на крейсерскую войну. Однако А. Тирпиц, который исполнял тогда обязанности начальника штаба верховного морского командования, завел речь на приеме у кайзера о необходимости строительства линейных кораблей. Результатом беседы было то, что император говорил в Рейхстаге уже о крейсерском и линейном флотах[112]. Таким образом, приблизительно с середины 90-х гг. XIX в. можно говорить о начале поворота во взглядах германских правящих кругов на перспективы военно-морского строительства.

Окончательная победа сторонников флота «открытого моря» обычно связывается с приходом в Военно-морское министерство адмирала А. Тирпица в 1897 г. С конца 1897 г. сторонником идей А. Тирпица становится и кайзер.

Тем не менее, от крейсеров полностью не отказались. Советский историк, адмирал В.А. Алафузов пишет о «компромиссе» между сторонниками крейсерского и почитателями линейного флотов[113]. Б.М. Туполев также отмечал, что немцы не отказались от опорных пунктов для крейсеров вплоть до начала Первой мировой войны[114]. В связи с этим закономерен вопрос: почему А. Тирпиц, ярый противник крейсерской или торговой войны, включал крейсера в свои законопроекты о флоте. Так, «Закон о флоте» 1906 г. утвердил строительство шести броненосных (по германской классификации — больших) крейсеров, отвергнутых Рейхстагом в 1900 г. Вероятно, дело в том, что с 1896 г. в германском воен-

---

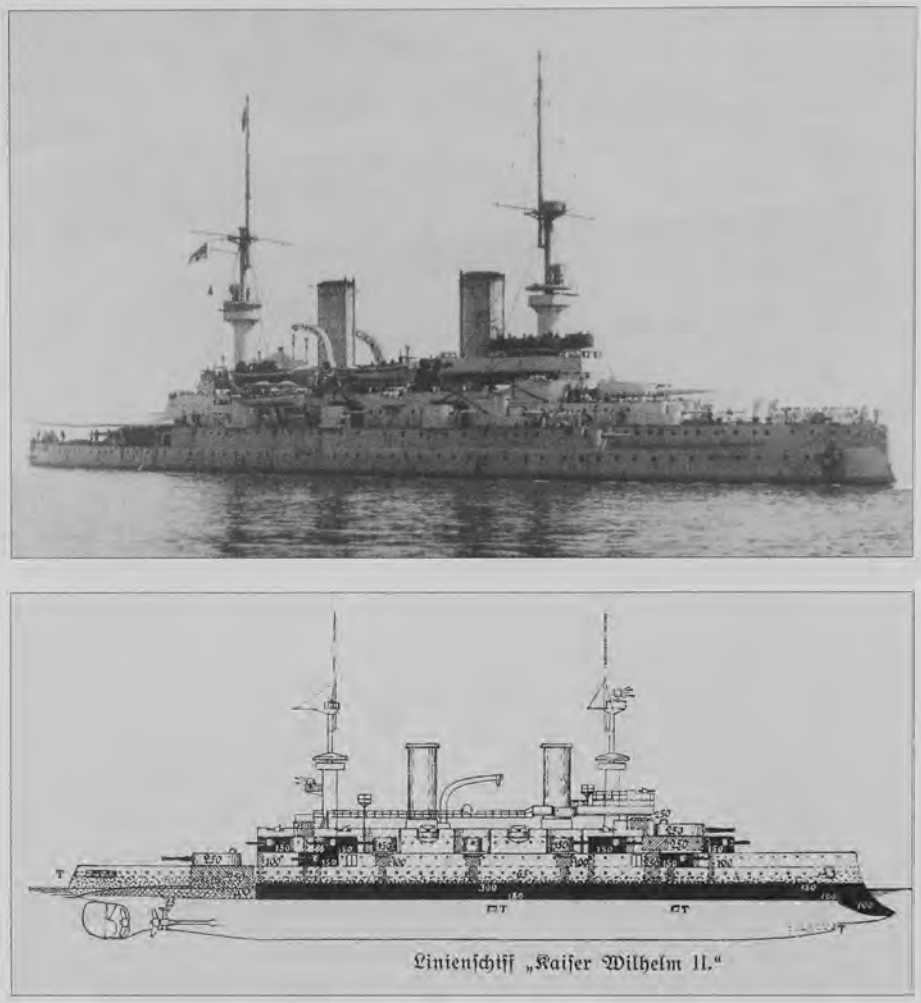
[108]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 8.
[109]Там же.
[110]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 7.
[111]Там же.
[112]*Тирпиц А.* Воспоминания. С. 98.
[113]*Алафузов В.А.* Доктрины германского флота. С. 28.
[114]*Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы.

Броненосный крейсер «Fürst Bismarck»: спуск на воду (вверху), схема бронирования

ном флоте появился новый тип корабля — броненосный крейсер. Русский морской офицер Л.Б. Кербер, сравнивая тактико-технические свойства первого германского броненосного крейсера «Fürst Bismarck» и броненосца типа «Kaiser», пришел к выводу, что по своей защите, скорости и запасу угля этот крейсер скорее может быть причислен к типу броненосцев[115].

[115] *Кербер Л.Б.* Записки по иностранным флотам. Курс Николаевской морской академии по отделению военно-морских наук. СПб., 1903. С. 229.

Броненосец «Kaiser Wilhelm II»: в составе флота (вверху), схема бронирования

Таким образом, германский броненосный крейсер фактически являлся линейным кораблем с конца 90-х годов XIX в. Возможность использовать крейсера как в линейном бою, так и для заграничного плавания объясняет позицию военно-морского министра в отношении кораблей этого класса.

Подводя краткий итог ситуации, сложившейся к 1897 г. в военно-морской сфере, можно со всей определенностью констатировать несколько положений. В германской военно-морской политике формально господствовала доктрина пре восходства Германии над «морскими державами второго ранга». В реальности же картина была совершенно иной. Германский флот значительно усту-

«Charles Martel» — новейший на тот момент броненосец французского флота

пал флотам Франции и России[116]. Именно против них, в случае войны, он должен был действовать. Кроме того, в военно-стратегических планах ему отводилась подчиненная роль. Он лишь являлся своеобразным придатком сухопутной армии. В лучшем случае его могли использовать для защиты побережья страны и колоний от нападения морских вражеских сил. О каких-либо наступательных операциях флота, как правило, речь не шла.

В судостроительной практике предпочтение отдавалось сооружению крейсеров и миноносцев. Современных броненосных кораблей Германия имела немного, по сравнению с другими морскими державами[117]. В целом же флот, по словам А. Тирпица, был «образчиком пестроты»[118]. Успокаивало в этой ситуации лишь то, что подобное положение являлось характерным даже для ведущих морских держав. Вместе с тем Германия не могла сохранять статус мировой державы с таким флотом в условиях, когда очень быстро менялись экономические, политические и военные обстоятельства. Требовалось кардинально изменить отношение к целям и задачам военно-морских сил, к их составу и организации. Это и было сделано А. Тирпицем, когда он занял должность руководителя Военно-морского ведомства. Однако его преобразовательная деятельность не была бы возможна без поддержки со стороны кайзера Вильгельма II, о роли которого необходимо сказать несколько слов.

---

[116] Как уже отмечалось выше, германский флот к 1897 г. в «табели рангов морских держав» занимал шестую позицию. См.: Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Т. 1—2.

[117] См.: *Романов А.М.* Сравнительные таблицы военных флотов Англии, России, Франции, Германии, Италии, Австрии, С-А. С. Шт. и республик Южной Америки. СПб., 1897.

[118] См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 134.

1.2. Начало правления кайзера Вильгельма II и его влияние на развитие германского флота.

Настоящее развитие германского флота, как известно, началось в конце XIX в. Это был вполне закономерный результат бурного и стремительного экономического развития кайзеровской Германии, которая в отличие от других ведущих европейских держав, прежде всего, Франции и Великобритании, слишком поздно включилась в раздел свободных заморских территорий[119]. Крепнувшей из года в год германской промышленной и торговой буржуазии требовалось действенное оружие в борьбе за жизненное «экономическое пространство». Если против Франции Германия могла выставить хорошо обученную и отлично вооруженную сухопутную армию, доказавшую свое превосходство во Франко-прусской войне 1870—1871 гг., то против островной Великобритании, обладавшей к тому же самым сильным флотом, этот фактор германской силы терял свою актуальность. Главному оружию англичан — мощному флоту — можно было противопоставить только такой же высококлассный и современный, в военно-техническом отношении, флот.

Кайзер Вильгельм II

Исторический отрезок времени с 1888 по 1918 гг. в жизни германского государства, несомненно, сыграл особую роль. Именно на этот период приходится правление Вильгельма II. В силу своего положения, особенностей характера[120], он наложил своеобразный отпечаток на все процессы, происходящие в жизни германского общества, на внутреннюю и внешнюю политику государства. Переломный характер европейской и мировой истории конца XIX в. в еще большей степени усилил это воздействие. Внешнеполитическая сфера открывала большие возможности для

---

[119] *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 199.

[120] Имеется в виду, прежде всего, всем хорошо известная импульсивность, сильная впечатлительность, эмоциональная увлеченность кайзера разными идеями и проектами. См.: *Виноградов К.Б. Жданов Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Монархи, министры, дипломаты XIX—начала XX века. Политические портреты, выполненные профессором Санкт-Петербургского университета К.Б. Виноградовым и его учениками. СПб., 2002. С. 228.

проявления всех качеств Вильгельма II как правителя, поскольку ему приходилось иметь дело с другими монархами ведущих европейских держав. От того, насколько успешными, «сердечными» были эти отношения, в немалой степени зависел общий характер взаимодействия Германии с ее партнерами по международным делам.

Влияние личности кайзера на развитие германо-британских и германо-российских отношений вполне может стать темой отдельного исследования. Однако, если говорить в целом, то необходимо отметить его несомненное наличие, причем, не всегда положительное. В своем отношении, например, к Великобритании и англичанам, с которыми у Германии и немцев, как покажет дальнейшая история, были непростые проблемы, Вильгельм II был непостоянен и противоречив. Такую характеристику с полным основанием можно отнести и к молодым его годам, и к более зрелому возрасту. После посещения британских островов в 1877 г. он писал своей родной бабушке по материнской линии — британской королеве Виктории, что если бы можно было, то он жил бы только у нее[121].

Примерно такие же признания в любви можно встретить и в переписке последующих лет, хотя в разговорах с близкими людьми у Вильгельма уже стали проскальзывать нотки недовольства и раздражения по отношению к англичанам. По мнению английского историка Дж. Рёля, это было связано с его увлечением флотом, которое у него сформировалось еще в детстве и юности. Он просто бредил «германским флотом»[122], а поскольку англичане обладали лучшими военно-морскими силами в мире, то появление определенной ревности и даже чувства зависти у Вильгельма вполне объяснимо.

Перелом в его отношениях к британцам произошел в 1884—1885 гг., когда разразился кризис в русско-британских отношениях[123], а также когда в разных частях Британской империи начались волнения, которые перерастали порой в настоящие войны[124]. К этому же времени относится и начало активной колониальной политики канцлера О. фон Бисмарка[125]. Определенные антианглийские настроения, имевшие место при дворе германского императора Вильгельма I, разделялись и Вильгельмом II.

Он, например, сожалел о героической гибели британских солдат в 1883 г. от рук восставших суданцев и в то же время открыто подвергал резкой критике британского премьер-министра У. Гладстона за его, как ему это представля-

---

[121] *Röhl J.C.* Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859—1888. München, 1993. S. 445.

[122] Например, в письме к своему отцу, кронпринцу Фридриху, в 1880 г. он хвастался тем, что сделал, как он сам говорил блестящий доклад об отечественном флоте перед гардемаринами. Ibid. S. 446.

[123] См.: *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 202—204.

[124] Например, восстание Аль- Махди в Судане в 1881—1899 гг. См.: *Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане (1881—1899). М.; Л., 1950; *Holt. P.M.* The Mahdist State in the Sudan. Oxford, 1970.

[125] См. напр.: История германского колониализма в Африке. М., 1983; *Чарный И.С.* Начало колниальной экспансии Германии в Африке (1879—1885). М., 1970; *Müller F.F.* Deutschland — Zansibar — Ostafrika. Geschichte einer deutschen Kolonialeroberung 1884 bis 1890. Berlin, 1959; *Nussbaum M.* Vom Kolonialenthusiasmus zur Kolonialpolitik der Monopole. Zur Kolonialpolitik unter Bismarck, Caprivi, Hohenlohe. Berlin, 1962.

лось, неумелые действия в Судане. В 1883—1885 гг. и потом во время Англо-бурской войны, Вильгельм II, изображая себя военным стратегом, давал не совсем уместные советы британским политикам и генералам, что нужно сделать, чтобы одержать победу над бунтарями. Конечно же, подобное бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Британской империи вызывали у его английских родственников лишь раздражение, и они списывали такое поведение на молодость и издержки воспитания непрошенного советчика.

Такая реакция, конечно же, не могла нравиться Вильгельму, и у него самого невольно возникало чувство недовольства по отношению к британцам. Удивительно, но, несмотря на эти проявившиеся в середине 80-х гг. XIX в. антианглийские выпады, у Вильгельма были друзья среди британцев. К их числу принадлежал и английский военный атташе в Берлине майор Л. Свейн. Последний не подозревал, что Вильгельм злоупотреблял дружественными отношениями и полученную в ходе доверительных бесед тайную информацию об британском флоте и сухопутной армии передавал А. фон Вальдерзее, О. фон Бисмарку и русскому царю Александру III. При этом, как отмечал тот же А. фон Вальдерзее, текст писем, в которых сообщались конфиденциальные данные, был проникнут антибританским духом.

По мнению упоминаемого уже выше историка Дж. Рёля, любимым выражением Вильгельма в этот период времени было «ceterum censeo Britanniam esse delendam». Это являлось перефразировкой известного исторического выражения и означало не что иное, как необходимость разрушения Британской империи[126].

Пока Вильгельм не находился у власти, подобные высказывания и настроения в Лондоне воспринимались, хотя и с сожалением и раздражением, но все-таки по-родственному снисходительно, тем более что настроения его матери и отца, наследника императорского престола, были проанглийскими. Совершенно по-иному все стало оцениваться, когда в 1888 г., после «призрачных» 99 дней правления Фридриха III и наступившей после этого его преждевременной смерти в результате тяжелой болезни, Вильгельм II стал кайзером Германской империи[127].

Возможно, одна из причин антианглийских настроений молодого германского императора заключалась в своеобразной реакции на усиленное стремление его матери сделать из него англомана. Во всяком случае, в такой подоплеке поведения Вильгельма II был убежден начальник Генерального штаба А. фон Вальдерзее[128].

При большом уважении кайзера к сухопутной армии он, тем не менее, как уже было отмечено, с детства питал особые чувства к военному флоту. С годами «морская увлеченность» только укрепилась. Еще будучи кронпринцем, Вильгельм не пропускал ни одного сколько-либо значимого события, связанного с

---

[126] См.: *Röhl J.C.* Op. cit. S. 451.

[127] См.: *Рыжов К.* Все монархи мира. Западная Европа. М., 1999. С. 590; *Freund M.* Das Drama der 99 Tage. Kranheit und Tod Friedrichs III. Köln, 1966. Отныне речи Вильгельма рассматривались как проявление государственной политики.

[128] *Röhl J.C.* Op. cit. S. 450.

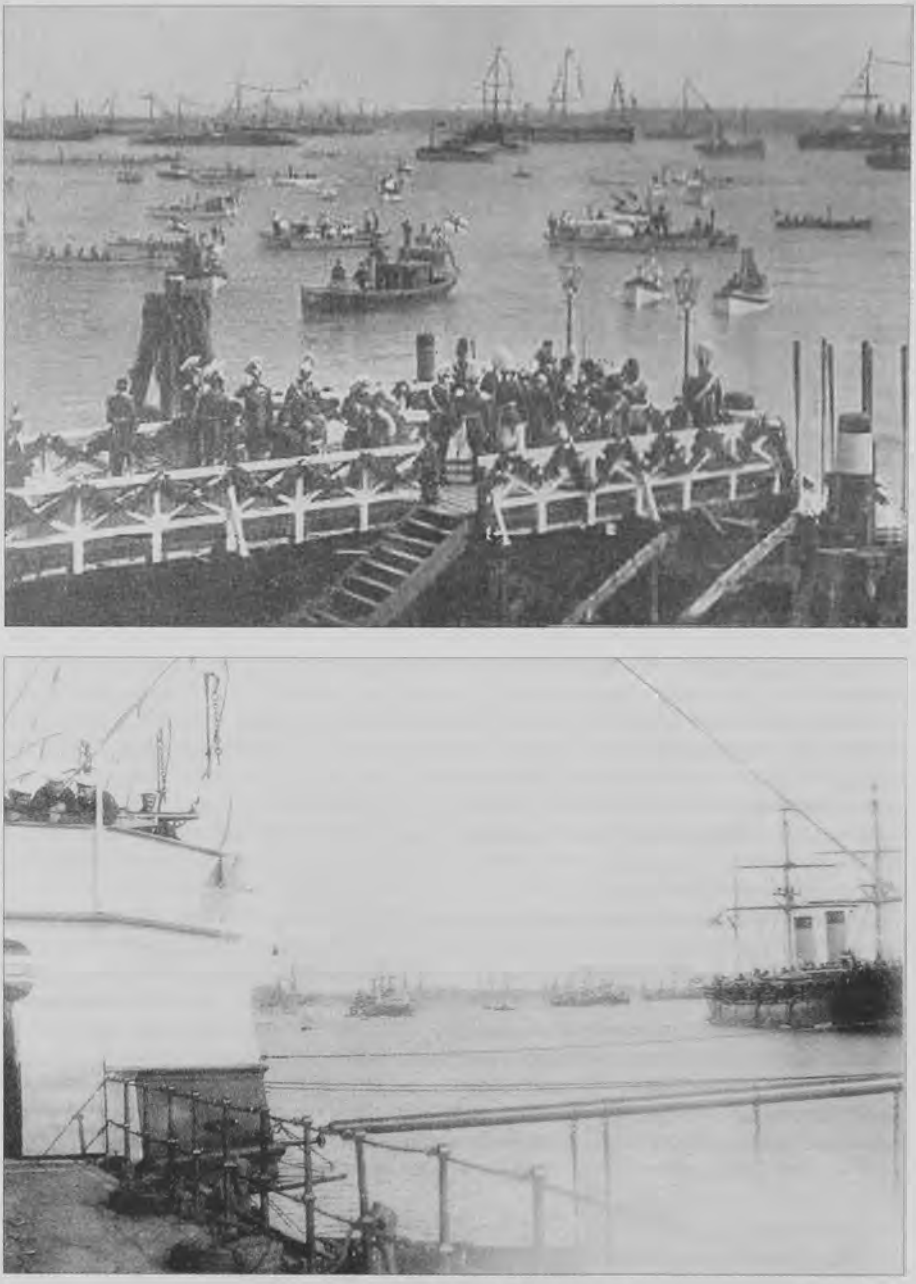
Открытие Кильского канала. 20 июня 1895 года

германским военно-морским флотом. Например, 3 июля 1887 г. после участия в закладке шлюза на Кильском канале его зачислили почетным солдатом морской пехоты. Сам канал был торжественно открыт в 1895 г. и он, безусловно, имел большое стратегическое значение. 22 сентября 1887 г. при спуске на воду броненосного корвета «Prinz Wilhelm» будущий кайзер произнес тост, выразивший его подлинные чувства к германским военно-морским силам — за «наш любимый флот»[129]. Во время визитов по государственным и личным делам в Киль и Вильгельмсхафен император уделял первостепенное внимание военно-морским базам и боевым кораблям, которые он посещал в обязательном порядке, без всяких исключений[130].

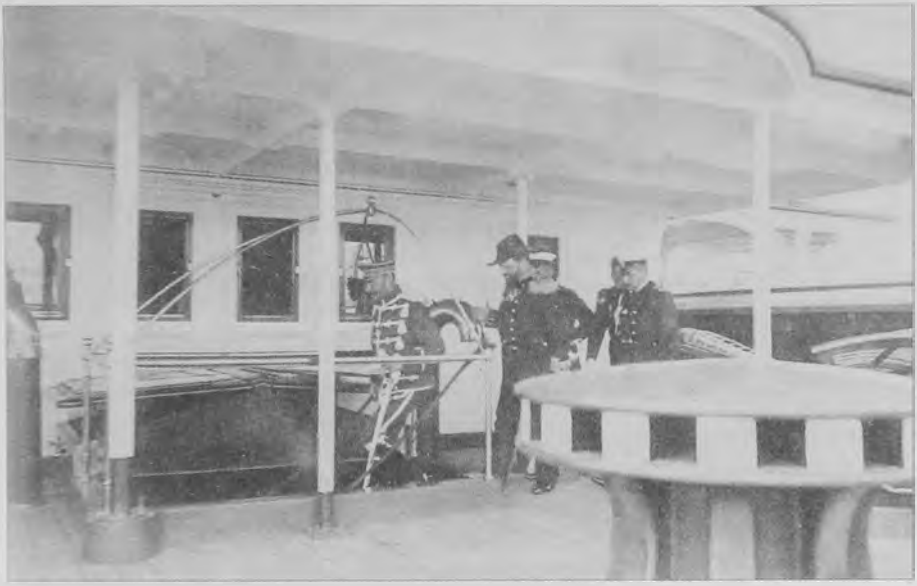
Правда, «морская страсть» доводила иногда до анекдотичных ситуаций. Как известно, Вильгельм II очень любил «проектировать» военные корабли. Однажды он представил один из таких своих «конструкторских шедевров» некоему итальянскому адмиралу. Последний внимательно ознакомился с проектом будущего корабля и стал его всячески расхваливать, восхищаясь мачтами, орудиями, капитанской каютой, матросскими кубриками и прочими деталями. В заключение своих дифирамбов он сказал, что этот замечательный корабль имеет всего лишь один недостаток: он не сможет держаться на воде — утонет сразу, как свинцовая утка. Как отметил впоследствии Б. фон Бюлов в своих воспоминаниях, «его (Вильгельма II — *Авт.)* талант был слаб, сильным было лишь желание»[131].

---

[129] См.: *Хальгартен Г.* Указ. соч., С. 172.
[130] РГА ВМФ. Ф. 417, Оп. 1, Д 573. Л. 109—109 об.
[131] См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935. С.65.

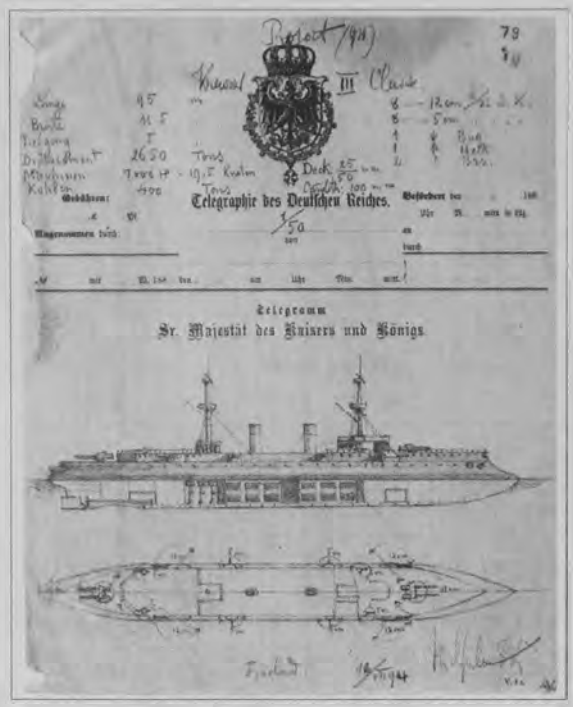
Парад по случаю открытия Кильского канала

Посещение кайзером Вильгельмом II российского броненосца «Император Александр II» (вверху); обложка парижского журнала «Le Petit Journal» и германская открытка, посвященные открытию Кильского канала

Чертеж крейсера, выполненный Вильгельмом II на телеграфном бланке

Став императором, Вильгельм II приступил к развитию отечественного флота «по-взрослому». Одним из первых его государственных актов стало издание общего приказа по сухопутной армии и флоту. Это означало, что отныне военно-морской флот будет рассматриваться как равнозначная составная часть вооруженных сил Германии.

Несколько недель спустя он поставил во главе Адмиралтейства первого морского офицера вице-адмирала А. Монтса. Одновременно император продолжил реорганизацию высших руководящих структур флота[132]. Результатом этой работы стало разделение в начале марта 1889 г. управленческих функций, ранее сосредоточенных в Адмиралтействе, между созданными Военно-морским ведомством и Верховным командованием флота (Oberkommando des Marine)[133]. В полномочия военно-морского статс-секретаря, которым был назначен контр-адмирал фон Гейснер, входили вопросы, связанные с материальной частью флота, постройкой кораблей и защитой «морских интересов» в Рейхстаге. Верховное командование флота, во главе которого кайзер поставил вице-адмирала барона К. фон Гольца, занималось личным составом, образованием офицеров, движением кораблей, разработкой морских операций[134]. Командующий адмирал имел право личного доклада императору.

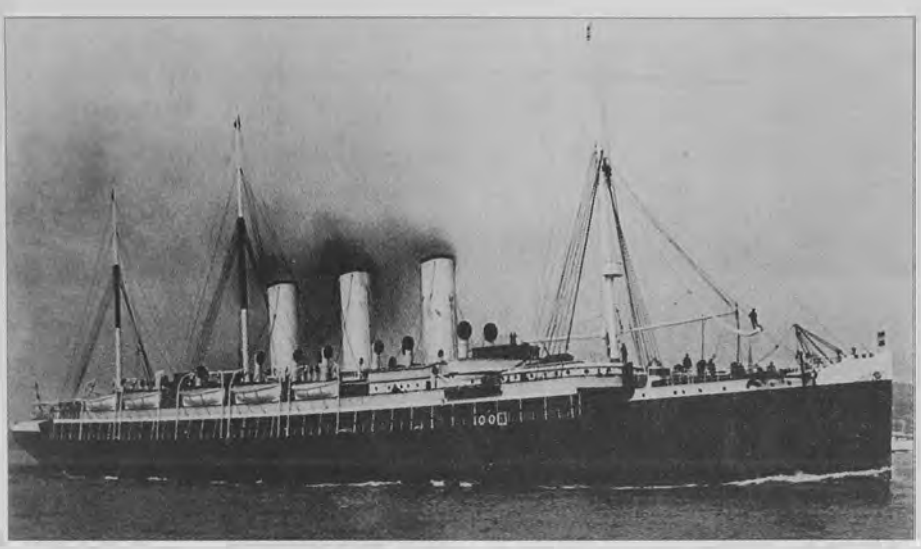
Помимо разделения руководства флотом на строевую и управленческую части, Вильгельм II осуществил еще одно преобразование. Он сформировал личный Морской кабинет, который строился по образцу Военного кабинета. В глазах морских офицеров, которые раньше были армейскими «пасынками», этот шаг воспринимался в качестве первого, но очень значимого, на пути превращения

---

[132] *Deist W.* Flottenpolitik und Flottenpropanda. Das Nachrichtenbureau des Reichsmarineamtes. Stuttgart, 1976. S. 19.

[133] *Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 49.

[134] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 22—22 об.

Лайнер «Augusta Victoria» компании HAPAG — один из пассажирских пароходов, предназначавшихся для переоборудования в крейсер в случае войны

флота, как говорил Вильгельм II, в равноценного «собрата армии»[135]. Однако с точки зрения эффективности управления флотом, все эти преобразования, по мнению А. фон Тирпица, носили скорее негативный характер[136].

В общем русле мероприятий, направленных на повышение боеспособности германского военно-морского флота, следует рассматривать решение властей, датированное 1 марта 1888 г. Оно было подготовлено при активном участии императора и предусматривало включение в состав боевого флота в случае войны 32 пароходов HAPAG и «Norddeutsche Lloyd» и быстрейшего переоборудования части из них в крейсера 1-го и 2-го класса[137]. Немцы в этом деле не были оригинальными. Многие государства, в том числе и Великобритания, которая, казалось бы, не должна была испытывать недостатка в боевых кораблях, также предусматривали переоборудование и использование торговых судов для военных нужд.

Для Германии подобный шаг объяснялся в первую очередь очевидной слабостью боевого флота. При этом германские власти осознавали, что использование «торговцев» в военных целях не даст высокой отдачи. Потому сразу же в качестве необходимой задачи было определено иметь не меньше 10 быстроходных броненосных крейсеров[138]. Они смогли бы эффективно вести крейсерскую войну, защищать торговые интересы Германии, наносить ощутимые удары по

[135] *Wilhelm II.* Aus meinem Leben 1859—1888. Berlin, 1927. S. 263.
[136] См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 86.
[137] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 257—259 об.
[138] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 50.

Крейсер-корвет «Carola»

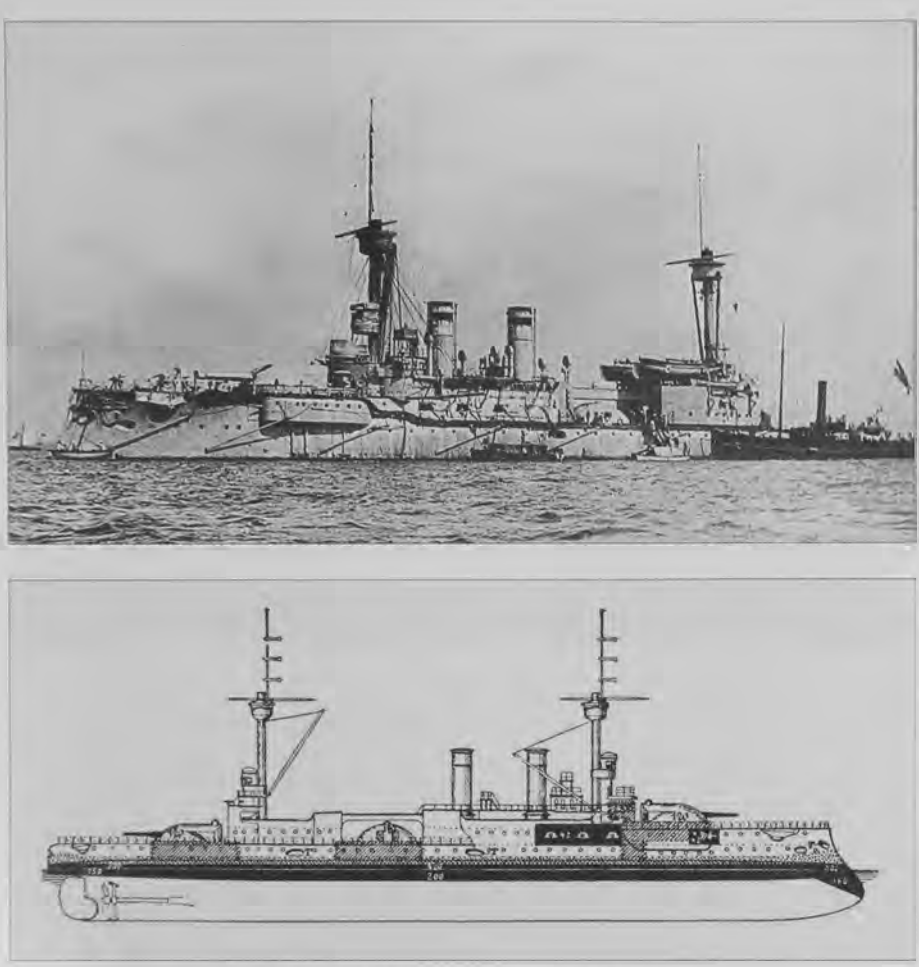
морским торговым путям неприятеля. Поэтому законодательный акт от 1 марта 1888 г. имел двоякое последствие: предусматривал широкое использование торговых судов в случае войны и нацеливал власть на быструю постройку как минимум 10 крейсеров, в которых страна испытывала большой недостаток.

Несомненно важным в плане укрепления военно-морских сил было и решение о расширении программы плавания германских боевых кораблей. В состав Практической эскадры входило до сих пор только четыре крейсера-корвета, а с 1890 г. планировалось включить в нее еще четыре броненосца, к которым в последующем должны были присоединиться два крейсера-корвета и одно посыльное судно[139]. С целью усилить тренированность боевых экипажей законом от 11 февраля 1888 г. увеличивался срок военно-морских сборов для находящихся в запасе до 16 недель в год[140].

Одновременно с чисто организационной деятельностью, кайзер предпринял некоторые и другие шаги, чтобы изменить состояние германского флота. Еще летом 1888 г., когда шла подготовительная работа по будущему бюджету 1889/1890 г., он распорядился включить в строительную программу четыре линейных корабля типа «Brandenburg»[141]. Они должны были образовать ядро нового флота, вокруг которого концентрировались бы все остальные военно-морские силы. Это в свою очередь способствовало бы выработке единой, а, следовательно, и более эффективной тактики в сражениях. Необходимость постройки новых броненосных кораблей являлась острой и очевидной, так как в силу рассмотренных выше причин с 1884 г.[142] корабли такого класса в Германии не создавались, а имеющиеся сильно устарели.

---

[139]Бюджет германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 12. С. 41.
[140]Там же.
[141]См.: *Koch P.* Geschichte der deutschen Marine. S. 113.
[142]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 573. Л. 46—46 об.

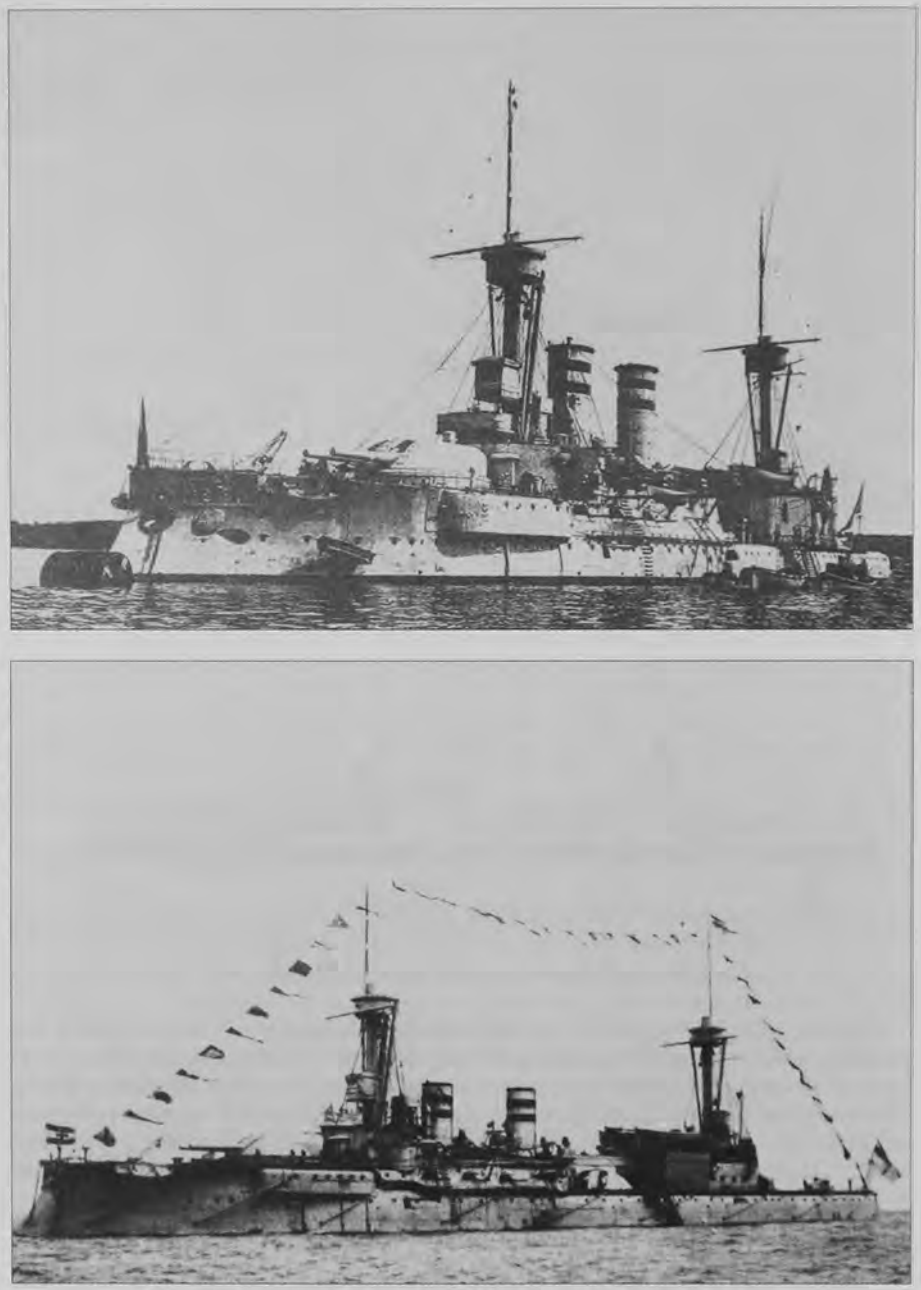

Броненосец «Brandenburg», общий вид и схема бронирования

Несмотря на, казалось бы, очевидные проявившиеся положительные сдвиги во морском деле, необходимо констатировать, что указанные действия кайзера соответствовали реализации основополагающего плана развития флота (Flottengründungsplan), принятого еще в 1873 г. Вильгельм II лишь реанимировал его, стал дорабатывать то, что не успели сделать А. фон Штош и Л. фон Каприви[143]. Начатая им активная работа показывала, что теперь Германия не будет довольствоваться положением «морской державы третьего ранга».

---

[143]Фактически программа 1873 г. полностью была выполнена к 1895 г. См.: О неудовлетворительном состоянии Германского флота. С. 32.

Броненосцы типа «Brandenburg»: «Kurfürst Friedrich Wilhelm» (вверху) и «Wörth»

Открытки конца XIX века с эпизодами службы в германском флоте: приборка на броненосце «Weissenburg» (слева) и торпедные стрельбы

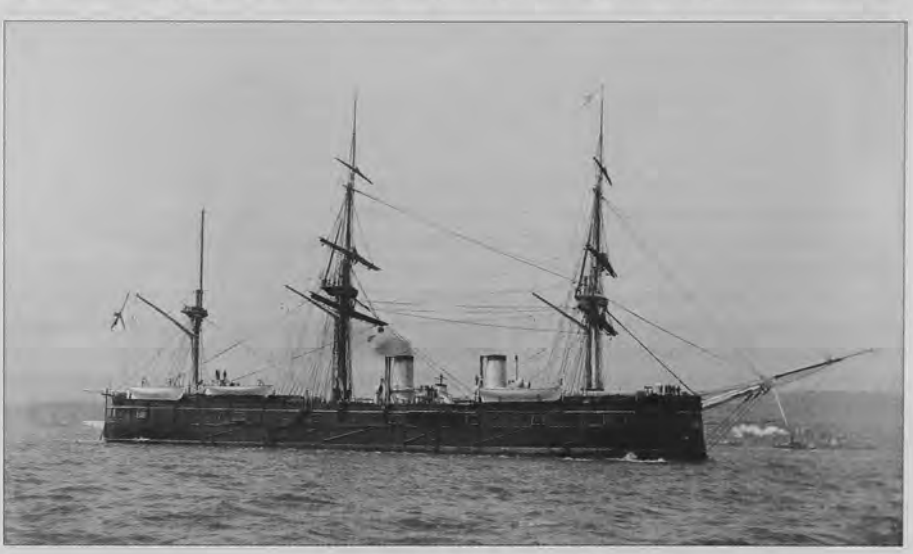
К 1888 г. немцы по качественным и по количественным показателям военно-морских сил заметно уступали и Великобритании, и Франции, и России, что признавалось ими самими и констатировалось как опасное явление[144]. О недостатках германского флота говорили и иностранные офицеры, которые имели возможность наблюдать его, что называется в действии. Интересны в этом отношении высказывания капитана 2 ранга А.А. Бирилева, ставшего в последствии известным российским адмиралом. В июне 1888 г., когда Вильгельм II прибыл с официальным визитом в Петербург, сопровождавшая его эскадра боевых кораблей стояла на рейде Кронштадта. А.А. Бирилев, тогда еще командир клипера «Пластун», в своем рапорте о германской эскадре отметил следующее: «Вахтенная служба, внутренний порядок, содержание судов..., поддержание наружного вида на судах Германского флота поставлены так, что примером нам служить не могут. Я вполне убежден, флот этот, несмотря на свою блистательную материальную часть и тщательно и толково составленную комплектацию, далек от победы, так как решительно приучает как в старых и в молодых офицерах полное равнодушие к своим судам, не смотреть на судно как на близкое себе существо, а приучает смотреть на него как на средство получать

[144]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 45—50 об.

содержание. Такой взгляд ярко сквозит у германских офицеров, лишь только случай позволит им оставить официальность. Такому взгляду на суда во многом помогает тяжелое однообразие применений, существующее на германских судах, причем молодым офицерам негде развернуться, негде высказать свою инициативу, а раз от своего лица он ничего не может сделать для судна, душа его не может лежать к нему»[145].

Приведенная цитата, конечно, интересна своим содержанием, но кому-то она может показаться субъективной. Для большей объективности, показывающей слабость Германии по отношению к своим реальным противникам на море — Франции и России — следует обратиться к сухим, но беспристрастным цифрам статистики. В германских судовых списках на тот момент числились: 12 броненосцев, 15 броненосных лодок, восемь фрегатов, 10 корветов, четыре крейсера, три канонерские лодки, семь посыльных судов[146]. Все эти корабли были технически устаревшими и их боевая мощь вызывала серьезные нарекания.

Россия при морском бюджете в 126 702 000 марок, из которых 47 413 500 были определены на постройку кораблей[147], имела 17 броненосных кораблей, шесть из которых относились к новейшей конструкции. Их водоизмещение колебалось от 6000 до 10 180 т. Кроме того, четыре корабля (водоизмещением от 7570 до 10 180 т) находились на стапелях и в самое ближайшее время их планировали спустить на воду. При этом четыре крейсера были уже совершенно готовы и

Российский броненосный фрегат «Дмитрий Донской»

[145]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 446. Л. 14.
[146]Состав германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 3. С. 20.
[147]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 52.

Французский броненосец «Amiral Baudin»

вступали в боевой строй. Суммарно в составе российского флота числилось 94 корабля всех рангов[148].

Франция обладала семью современными броненосными крейсерами водоизмещением 1280— 7000 т и строила еще 12 кораблей этого класса[149]. Общее же число боевых кораблей, входивших в состав военно-морских сил Франции, равнялось 124, из которых 34 были броненосными[150].

Единственным значимым европейским государством, с кем немцы могли реально состязаться (хотя в этом не было никакой необходимости в силу союзнических отношений между ними), была Италия. Ее флот был также небольшим. Однако и итальянцы прилагали серьезные усилия, чтобы заметно укрепить свои военно-морские силы[151]. Бюджет их флота в 1888/1889 г. составлял 83 398 800 марок, из них 22 200 000 марок шли на постройку кораблей. Италия имела семь готовых броненосцев водоизмещением 11 000—13 899 т новейших конструкций и вооружения. В процессе создания находились 14 крейсеров, три броненосца и один броненосный крейсер[152].

---

[148] Парламентские прения о бюджете английского флота на судостроение. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 1. С. 1—22.

[149] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 53.

[150] Парламентские прения. С. 1—22.

[151] См.: *Дубров К.* Указ соч. С. 76—81; Броненосные флоты Европы. С. 162.

[152] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 53.

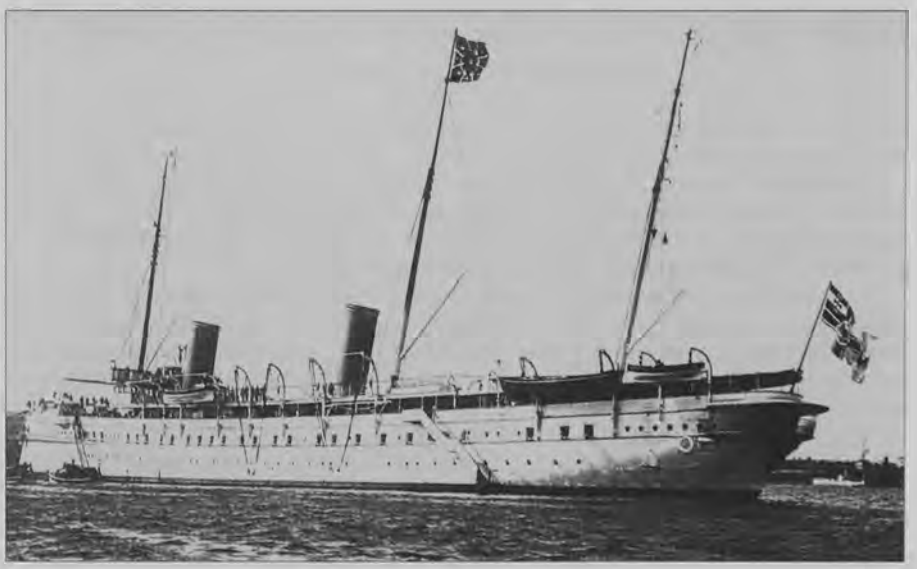

Кайзер Вильгельм II в морской форме

В такой компании «морских государств» Германия выглядела явным аутсайдером. Заслуга Вильгельма II состояла в том, что он поставил своеобразную «сверхзадачу» — превратить свою страну в первоклассную морскую державу[153].

Кайзер, насколько мог, начал пропагандировать идеи германского флота как внутри страны, так и за ее пределами. При каждом удобном случае он старался посещать столицы морских держав на своей яхте «Hohenzollern» в сопровождении боевых кораблей[154]. Любимым платьем Вильгельма II стала военно-морская форма, а офицеры германского флота теперь были постоянными участниками дворцовых мероприятий[155]. В их среде император старался прививать такие качества, как решительность и находчивость. Одним из таких способов стал учрежденный им приз для шлюпочных гонок, в которых участвовали морские офицеры. Его получение было обусловлено двумя условиями:

приз может выиграть лишь шлюпка военного флота;

Императорская яхта «Hohenzollern»

[153]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 197 об.
[154]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 151.
[155]См.: *Hallman H.* Op. cit. S. 48 ff.

победившая шлюпка получает приз лишь в том случае, если она три раза подряд выйдет победительницей гонок[156].

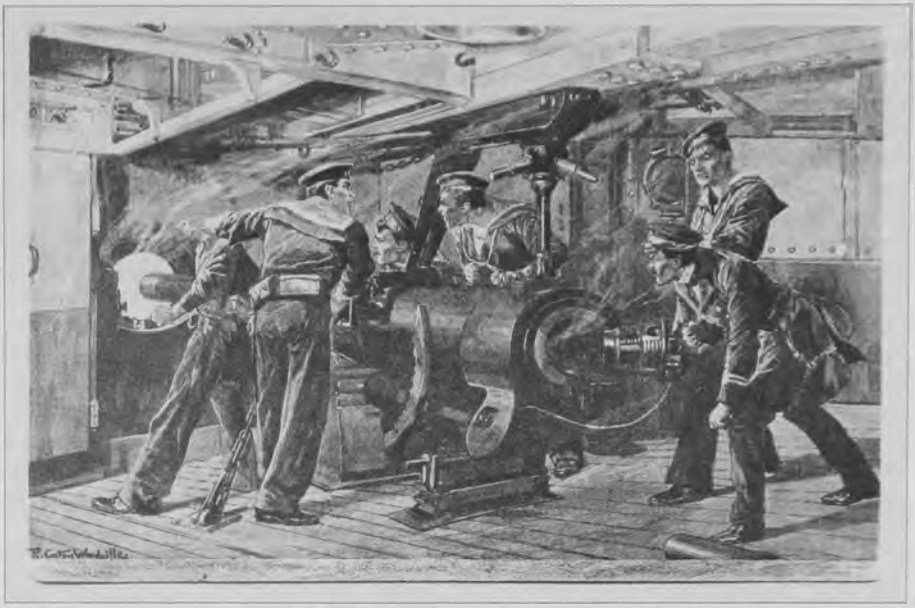
В германском обществе, пусть медленно, но стало меняться в положительную сторону отношение к флоту[157]. Вильгельму II принадлежала немалая заслуга в том, что пропагандируемый официальной печатью тезис: «мы, немцы, боимся только Бога, и больше никого в мире»[158] — получал все большее и большее распространение среди его подданных. Позже А. фон Тирпиц в своих «Воспоминаниях» скажет: «Без кайзера не удалось бы преодолеть отчужденность Германии от моря и связанных с ним интересов и культурных задач; в этом его историческая заслуга»[159].

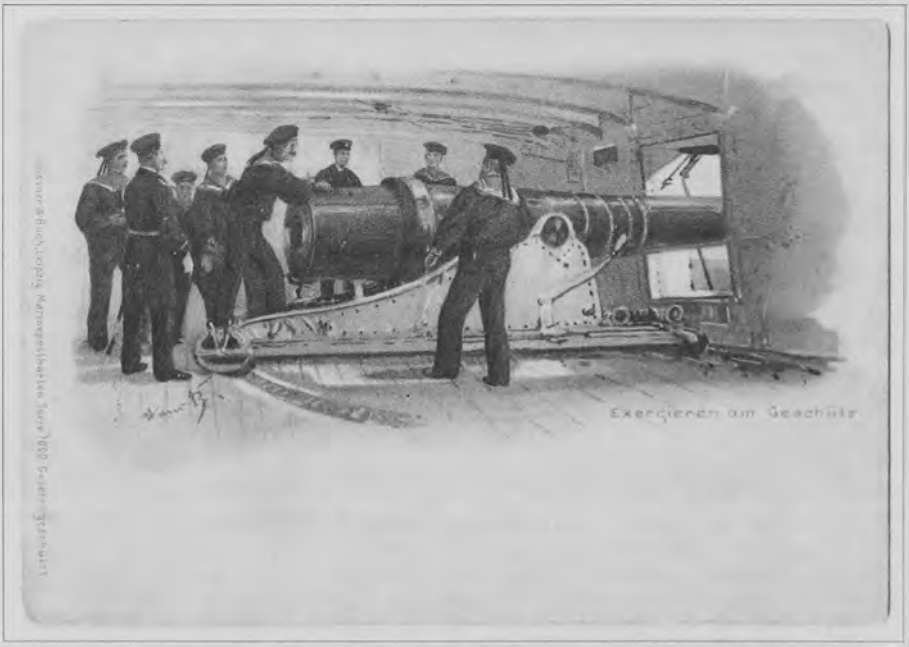
Однако реализация морских планов зависела не только от желания императора, но и от настроенности депутатов Рейхстага. Их требовалось убедить в насущной необходимости развития флота. С этим делом у кайзера возникали проблемы. Первоначально Рейхстаг, выбранный в 1887 г. (большинство в нем принадлежало консерваторам, имперским сторонникам и национал-либералам)[160], не противился требованию Вильгельма II финансировать строительство четырех новых боевых кораблей. Даже оппозиционно настроенный «центр» и левые либералы давали понять, что не будут выступать против активной военно-морской политики, проводимой в разумных пределах.

Однако в результате не очень тактичных действий императора, а также под воздействием определенных армейских кругов, выступавших за продолжение политики усиления армии[161] и против расширения флота, настроение в рейхстаге стало меняться. Тем не менее, кайзеру и его военно-морскому статс-секретарю фон Гейснеру удалось убедить депутатов Рейхстага одобрить в 1889 г. флотскую программу, рассчитанную до 1894—1895 гг. Она предусматривала сооружение четырех броненосцев новейшей конструкции, двух броненосцев малых размеров для обороны берегов, семи крейсеров-корветов, четырех крейсеров-стационаров, двух авизо и двух дивизионов миноносцев[162]. Их стоимость, включая вооружение, за исключением артиллерийского и минного, составляла 116 800 000 марок[163]. В последующем программа была расширена и ее сроки выполнения были сдвинуты к 1897—1898 гг.

Можно сказать, что это было практически все, что хотел на тот момент кайзер. Рейхстаг лишь отклонил просьбу о постройке казарм в Куксхафене и уменьшил запрашиваемую на увеличение военно-морских расходов в 1889/1890 г. сумму с 678 000 до 300 000 марок[164]. Германия начала пока неспешную, но

[156] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 139—140 об.
[157] *Hallman H.* Op. cit. S. 48.
[158] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 147.
[159] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 184.
[160] См.: *Ritter G.A.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. Gottingen, 1992. S. 366—367.
[161] 11 марта 1887 г. депутаты приняли военный законопроект, а в конце того же года правительство выступило с дополнениями к нему. Согласно этой поправки Германия в случае войны должна была иметь армию равной 2,7 млн солдат. См.: *Engelberg E.* Op. cit. S. 238—239.
[162] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 53 об.
[163] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 54.
[164] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 62 об.

Открытки конца XIX века с эпизодами артиллерийских учений на кораблях германского флота

все-таки переориентацию в своем флотском строительстве — от миноносок в пользу крейсеров и броненосцев[165]. У кайзера, говоря словами адмирала фон Гаузера, который наряду с другими высокопоставленными правительственными чинами защищал военно-морской бюджет в Рейхстаге, «произошло осознание того, что «миноноски не оправдали ожиданий и потому на них нельзя рассчитывать для поддержания достоинства германского флага на море»[166].

Нужно отдать должное Вильгельму II и его военно-морскому окружению в том, что они учли опыт прежде всего итальянцев, которые были наиболее близки немцам в плане состояния флота и ограниченных возможностей его развития. Италия в это время решила построить три броненосца, несмотря на их достаточно высокую стоимость[167]. Судостроительная практика других морских держав также свидетельствовала о том, что наиболее правильно и дальновидно одновременно создавать и броненосцы, и крейсера, и миноносцы, потому что каждый из этих классов кораблей имел свои специальные цели и задачи. Примером в этом отношении служила и Франция, где была создана модная в то время теория «малой войны», пропагандировавшая замену линейных кораблей флотилиями миноносок и где многое делалось для воплощения этой идеи в жизнь. Тем не менее, в 1890 г. Морское министерство этой страны приступило к строительству трех броненосцев для прибрежной обороны, каждый водоизмещением 6700 т [168].

Политика увеличения ассигнований на развитие флота была продолжена кайзером и в последующие годы. При обсуждении бюджета 1890/1891 г. депутаты высказались против увеличения постоянных расходов на флот с 36,9 млн до 38,2 млн марок[169]. По мнению некоторых народных избранников, в этот заметно подросший морской бюджет была заложена и стоимость новой и очень дорогой яхты кайзера «Hohenzollern».

Значительное изменение в требованиях со стороны Вильгельма II, по сравнению с 1888 г., дало основание одному из ярых противников усиления флота центристу О.Рихтеру заявить о «безбрежности» военно-морской программы. Депутат имел ввиду в том числе и требование кайзера, а через него и Военно-морского ведомства, узаконить дополнительные 8 320 000 марок на постройку и вооружение кораблей. Хотя это предложение правительства не прошло, но ему все-таки удалось добиться одобрения увеличить морской бюджет по сравнению с предшествующим годом почти на 2 млн марок. В 1890/1891 г. ведомство Ф. фон Гольмана получило 88 781 165 марок[170]. Наибольшее увеличение расходов

---

[165]До этого времени немцы, по мнению французского издания «Journal de la Marine» в деле военно-морского строительства были однозначными сторонниками сооружения миноносок. См.: Германский броненосец «Siegfried» Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 5. С. 40—41.

[166]Судостроительная программа настоящего времени. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 12. С. 15.

[167]Там же.

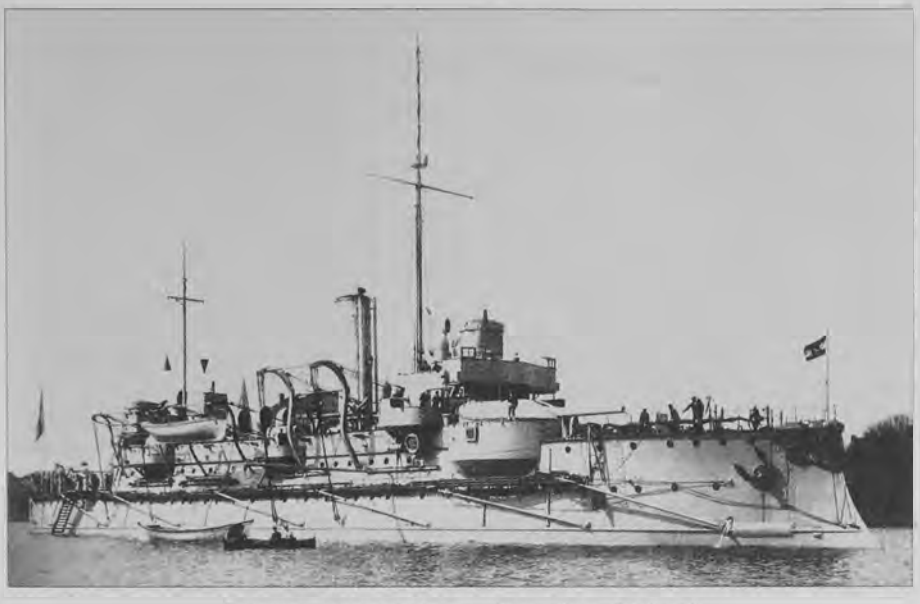
[168]«Молодая школа» во Франции и ее программа морской обороны государства. С. 13.

[169]См.: Военное судостроение Германии с 1877—1878 года. Морская хроника // Морской сборник. 1895. № 2. С. 13.

[170]РГА ВМФ. Ф. 417, Оп. 1. Д 573. Л. 212.

Броненосцы береговой обороны типа «Siegfried», начатые постройкой в 1888—1893 гг.: «Agir» (вверху) и «Odin»

Броненосец береговой обороны «Hagen» (типа «Siegfried»)

касалось увеличения личного состава флота, о чем постоянно говорилось в предыдущие годы[171].

Прения по морскому бюджету в Рейхстаге показали, что депутаты, несмотря на всю критику с их стороны, в принципе были не против планов кайзера. Однако среди многих из них существовало мнение, что в настоящее время, когда техника быстро изменяется и совершенствуется, нельзя сразу строить много кораблей, поскольку они в короткий промежуток времени морально устареют. Для их замены неизбежно потребуются серьезные дополнительные финансовые затраты[172]. Это тяжелым бременем может лечь на плечи налогоплательщика, негативно влияя на настроения в обществе.

В целом же можно констатировать, что будущая «морская эйфория», которая охватит фатерлянд в конце 90-х гг. XIX в. и в первое десятилетие XX в., начала постепенно пускать корни в умах и сознании парламентариев[173]. Это дало основание российскому морскому агенту в Берлине капитану 2 ранга Кригеру, с учетом увеличения государственных расходов на флот, сделать вывод о том, что Второй рейх в ближайшее время будет предпринимать серьезные усилия по ускоренному строительству прежде всего броненосцев[174].

---

[171] Бюджет германского флота. С. 40—41.

[172] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 198.

[173] Правда, как покажут последующие события, этот процесс шел не прямо по восходящей, а имел свои зигзаги.

[174] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 198.

Морской бюджет 1891/1892 г. уже рассматривал переизбранный Рейхстаг и его защищал перед депутатами статс-секретарь Военно-морского ведомства Ф. фон Гольман, который по своим взглядам на флот полностью соответствовал своему патрону[175]. Его деятельность в качестве морского министра и современниками, и последующими исследователями единодушно оценивалась отрицательно[176]. Однако поддержка со стороны кайзера, который испытывал к нему дружеские чувства[177], позволяла ему на протяжении целого ряда лет оставаться у руля ведомства. Не совсем убедительная аргументация[178] Ф. фон Гольмана в пользу необходимости усиленного строительства флота на заседаниях Рейхстага в 1890—1897 гг. делала депутатов мало сговорчивыми при утверждении морского бюджета. В итоге, несмотря на все усилия Вильгельма II, германский флот не укреплял свое положение в системе германских вооруженных сил, хотя внешне все выглядело вполне благополучно. Бюджет Военно-морского ведомства от года рос. Если в 1890/1891 г. ведомство Ф. фон Гольмана получило 88 781 165 марок[179], то в 1897/1898 г. финансирование уже составляло 129 359 545 марок[180]. Однако эти цифры уступают показателям первоначальных заявок, отклоненных депутатами Рейхстага, и к которым стремились кайзер и Военно-морское министерство.

Судостроительная программа 1889/1890 г. ко времени своего завершения, к 1897/1898 г., содержала еще некоторые невыполненные пункты. В 1897/1898 сметном году заканчивалось строительство четырех броненосцев 1-го класса, семи броненосцев 4-го класса, семи крейсеров 2-го класса, четырех крейсеров 4-го класса, двух авизо и двух дивизионов миноносцев. На стапелях находились четыре крейсера 2-го и один крейсер 4-го класса. На 1897/98 г. у Рейхстага запрашивались деньги на постройку двух крейсеров 2-го класса. До полного выполнения программы требовалось еще построить два броненосца 4-го класса[181].

Несомненно, что явное нарушение намеченных ранее планов было обусловлено не в последнюю очередь «кадровой политикой» Вильгельма II по морскому ведомству. Ф.фон Гольман не справлялся с возложенными на него задачами. Император ясно осознал, что необходимо произвести замену главы Военно-мор-

---

[175]А. Тирпиц высказался о нем кратко, но очень содержательно: «Человек благородного образа мыслей, который, однако, не имел ясного представления о целях и задачах флота. Цит. по кн.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 87.

[176]Хотя начинал свою деятельность Ф. фон Гольман на посту военного-статс-секретаря хорошо. В качестве доказательства достаточно сказать, что первый защищаемый им морской бюджет 1890/91 г. был самым большим за историю германского военного судостроения, начиная с 1877 г. См.: Военное судостроение Германии с 1877—1878 года. С. 13.

[177]См.: *Wilhelm II.* Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig, 1922. S. 193.

[178]Весной 1894 г., выступая в бюджетной комиссии, Ф. фон Гольман не нашел ничего лучшего как заявить, что его ведомство не устанавливает в бюджете какого-либо плана строительства новых кораблей, а будет действовать в зависимости от конкретной ситуации. После таких слов вряд ли можно было ожидать от депутатов Рейхстага энтузиазма по одобрению требований кайзера относительно необходимости совершенствования и развития германского флота. *Hallman H.* Op. cit. S. S. 96.

[179]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д 573. Л. 212.

[180]РГА ВМФ. Ф. 417 Оп. 1, Д 1473. Л. 341.

[181]РГА ВМФ. Ф. 417 Оп. 1, Д 1473. Л. 356 об.

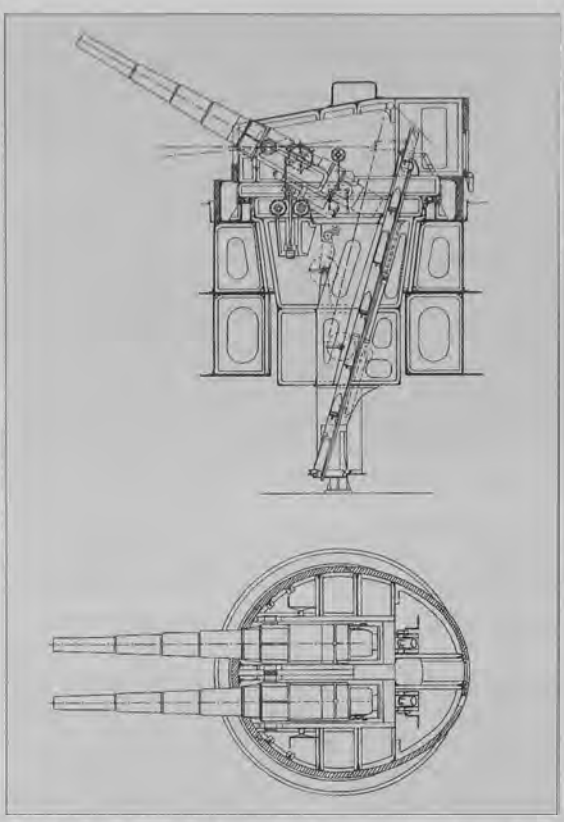

Броненосец «Kaiser Friedrich III», законченный постройкой в 1897/1898 сметном году

ского ведомства. Требовался профессионал с новыми идеями и предложениями относительно развития флота и к тому же способный убедить в необходимости их реализации прежде всего депутатский корпус. Вильгельм II остановил свой выбор на А. фон Тирпице[182]. Как показала последующая история, это решение принесло положительные результаты. Назначение А. фон Тирпица главой Военно-морского министерства являлось, пожалуй, одним из самых правильных и удачных кадровых перестановок, сделанных кайзером за весь период его правления[183]. Сложился, пусть и небезпроблемный, тандем «Вильгельм II — Тирпиц», который к 1914 г. привел к созданию такого германского флота, который по своей мощи уступал только британскому. В этом дуэте военно-морской статс-секретарь играл очень активную роль в формировании и реализации флотской

[182]Первая встреча кайзера и А. Тирпица произошла весной 1891 г. в Кильском замке. Там проходило обсуждение проблемы путей развития германских военно-морских сил. Среди приглашенных лиц был и А. Тирпиц, известный императору благодаря двум своим меморандумам о развитии флота. В них он открыто высказывался за строительство кораблей, способных сражаться в Северном море против главных морских держав, господствовавших там — Франции и Великобритании. Известно, что А. Тирпиц имел возможность выступить в ходе этой встречи. См.: *Tirpitz A.* Erinnerungen. S. 40.

[183]По мнению германского историка Б. Михалика, заслуга Вильгельма II состояла в том, что он призвал А. Тирпица, как в свое время Вильгельм I — О. фон Бисмарка. В этом, по мнению исследователя, заключается главный вклад кайзера в развитие германского флота. См.: *Michalik B.* Probleme des deutschen Flottenbaues. Breslau, 1931, S. 3.

240-мм двухорудийная башенная установка — главный калибр германских броненосцев постройки конца XIX в.

политики Германии конца XIX — начала XX вв. Однако без монаршего одобрения ее воплощение в реальную жизнь было бы невозможно.

Кайзер, в силу особенностей своего характера, не имел четкой системы взглядов на будущее германского флота. Его все время «бросало в сторону» от одной идеи к другой. В стремлении очень быстро создать большой и сильный флот отсутствовали строгая логика и последовательность. Но желания было много. Поэтому в его действиях по «реабилитации» флота в это время были как положительные, так и негативные моменты. Правда, такое состояние кайзера отчасти можно объяснить и имевшейся в это время технической неопределенностью в развитии боевых кораблей, в выборе основного типа корабля.

Как известно, в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. шел особенно быстро процесс обновления и усовершенствования боевых кораблей. Это приводило к формированию флота, который состоял совершенно из разных типов. В свою очередь такой флот создавал серьезные проблемы в разработке единой тактики. В Германии, как в других европейских морских странах, в это время проходила дискуссия по военно-морской стратегии и тактике. Большое влияние на этот процесс оказывали идеи «молодой французской школы», теория американца А. Мэхэна и высказывания англичанина Ф. Коломба, о которых будет сказано чуть ниже. Можно сказать, что вплоть до 1895 г., когда были окончательно расставлены акценты по данным вопросам, германский флот, как впрочем, и флоты других стран, находился в состоянии дезориентированности. Он жил в «бесплановом» времени, так как последний всеобъемлющий документ (если так можно определить меморандум А. фот Штоша) относительно целей и задач флота был датирован 1873 г.[104]

[104] См.: *Hallman H.* Op. cit. S. 67.

Кайзер, скажем так, «вывел из забвения броненосцы», но не увидел в них той силы, которая должна определять лицо флота и решать на море стратегические задачи глобальной политики германского государства. Он не смог вовремя заметить и оценить во всей полноте значение идей А. Мэхэна, учесть опыт британцев, которые с 1889 г. в военно-морском строительстве стали отдавать приоритет линейным кораблям. В предпочтении у немцев оказались положения «молодой французской школы» в том числе и потому, что они были очень логичны, убедительны и, что самое главное, требовали меньших финансовых затрат на их реализацию при гипотетической вероятности сформировать в итоге сильный флот. История показала ошибочность заявлений французских теоретиков флота. В итоге Германия упустила время, которого ей так потом не хватило, когда началось морское соперничество с Великобританией в начале XX в. Несомненно, что часть ответственности за это лежит и на Вильгельме II.

Говоря о внешнеполитических акциях кайзера, имеющих отношение к развитию германского флота, необходимо отметить его усилия установить тесное и постоянное сотрудничество с британскими военно-морскими силами[185]. Достаточно вспомнить, что визит кайзера во главе германской эскадрой в Портсмут в начале августа 1889 г. не только тщательно готовился германской и британской

Британский Флот Канала в Портсмуте

[185]Все это осуществлялось еще в русле политики Л.фон Каприви, направленной на включение Великобритании в Тройственный союз. См.: *Lahme R.* Op. cit. S. 277—348.

Кайзер Вильгельм II (слева) и канцлер О. фон Бисмарк. Конец XIX в.

сторонами, но и был с восторгом принят английской публикой[186]. Единение германского и британского флотов в эти августовские, а затем и октябрьские[187] дни 1889 г. было впечатляющим. Оно превосходило те положительные чувства, которые возникли, когда оба эти флота действовали совместно против Испании в 1873 г., в Китае с 1876 по 1883 г. и в Восточной Африке в 1888—1889 гг.[188]

Выражением особого отношения британцев к немцам стало присвоение Вильгельму II звания почетный адмирал флота (Honorary Admiral of the Fleet). Из европейских монархов такой же чести удостоился только российский император Николай II в 1908 г. Однако, казалось бы, наметившейся перспективе политического и военно-морского союза двух государств не суждено было воплотиться в жизнь. Помимо объективных политических причин[189] определенную роль сыграл и субъективный фактор[190].

---

[186]См.: *Duppler J.* Die Anlehnung der Kaiserlichen Marine an Grossbritannien 1870 bis 1890 // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 94—102.

[187]В октябре 1889 г. британский «Kanal Fleet» совершил ответный визит в Киль. Английских моряков встретили с таким же радушием, какое было оказано немцам в августе 1889 г. в Портсмуте. Ibid. S. 102—103.

[188]См.: *Duppler J.* Der Juniorpartner England und Entwicklung der Deutschen Marine 1848 bis 1890. Herford, 1985. S. 239—301.

[189]Речь идет об отставке в марте 1890 г. «железного» канцлера О. фон Бисмарка, а затем и его сына Герберта, руководившего внешнеполитическим ведомством Германии, а также о смене политического курса Великобритании в связи со сменой на посту премьер-министра в 1892 г. лорда Солсбери У. Гладстоном. См.: *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). Л., 1929. С. 80—118; *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 263, 274; *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии. М., 1959. С. 154—155.

[190]Вильгельм II в свойственной ему манере и в качестве «Honorary Admiral of the Fleet» начал давать рекомендации по улучшению состояния британского флота, проводить инспекции в зарубежных водах британских военных кораблей, вызвавших отрицательную реакцию не только в самой Англии, но и во Франции и России. См.: *Duppler J.* Die Anlehnung der Kaiserlichen Marine an Grossbritannien. S. 103—106.

Гельголанд. Новый порт. С рисунка начала XX в.

Тем не менее, из благоприятной ситуации двухсторонних германо-британских отношений 1888—1890 гг. кайзер сумел получить один очевидный положительный результат для германского флота. Речь идет о подписании 10 августа 1890 г. двухстороннего договора о продаже острова Гельголанд[91]. Со временем

---

[91] *Lahme R.* Op. cit. S. 116—178. До 1807 г. Гельголанд принадлежал Дании, но затем был захвачен англичанами. В 1889 г. британский министр колоний Джозеф Чемберлен намеревался отдать остров немцам в обмен за всю германскую Юго-Западную Африку. В результате торга англичане получили только лишь земли, населенные племенем виту в Кении и Занзибаре, которые, как пишет Хальгартен, «фактически никогда не находились во владении Германии...». *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 158. Вильгельм II сделал то, что не удалось такому непревзойденному и искусному политику как О. фон Бисмарк, который в 1884 г. хотел заполучить Гельголанд у англичан, но безуспешно. После 1890 г. остров, по словам кайзера, « ... должен стать нашим оплотом на море, обеспечить защиту немецким рыбакам, поддержку моему военному флоту, гарантию от посягательств любого врага, который осмелился бы появиться в водах нашего немецкого моря». В последующем в своих воспоминаниях Вильгельм II отмечал, что «возведенные на Гельголанде государственными организациями защитные сооружения, необходимые для безопасности острова...завершили оборудование и укрепление острова, что позволяло сделать его опорным пунктом для небольших крейсеров и миноносцев, а в последствии — и для подводных лодок». Кроме того, контроль Германии над Гельголандом обеспечивал полное стратегическое прикрытие только что построенного Кильского канала, военно-морское значение которого трудно переоценить. Хотя О.фон Бисмарк весьма скептически оценил эту сделку, заявив, что кайзер «получил путовицу от штанов за целый костюм». См.: *Вильгельм II.* События и люди 1878—1918: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 162

немцы превратили эти «несколько голых скал» в хорошо оборудованную и серьезно укрепленную военно-морскую базу для своих легких крейсеров, миноносцев и подводных лодок. Первоначально Гельголанд планировался как опорный морской пункт против возможных действий французского и русского флотов. Однако развитие событий пошло таким путем, что он стал германским форпостом в Северном море против Великобритании.

Имея в своем распоряжении Ютландский полуостров в Балтийском море и Гельголанд в Северном, Германия получила уникальную возможность быстро и просто соединять флоты, которыми она там располагала. Приобретением Гельголанда значительно повышалась безопасность германских морских коммуникаций, а также защищенность рек Эльба, Везер и Элаг. Конечно, для превращения «этого клочка земли» в хорошо укрепленный остров и базу кораблей германских военно-морских сил требовались немалые финансовые вложения, которые могли быть использованы на строительство тех же броненосцев. К тому же, защита Гельголанда требовала отвлечения части боевых кораблей[192]. Однако, по мнению кайзера, все эти издержки окупались последующим его военно-политическим значением.

Укрепленный остров вызывал у англичан обоснованное беспокойство и определенные затруднения при планировании в будущем военно-морских операций против немцев.

Таким образом, роль Вильгельма II как императора в первоначальном изменении германских военно-морских сил очевидна. Однако его деятельность на этом поприще не меняла принципиально картины их неудовлетворительного состояния по сравнению с флотами других великих морских держав. Поэтому А. фон Тирпиц, признавая значимость заслуг кайзера для флота, тем не менее, называл время с 1888 по 1897 гг. «потерянным десятилетием»[193]. Тем самым автор этих слов особо подчеркивал собственную роль в грандиозном преобразовании военно-морских сил германского рейха в 1897—1916 гг., когда он занимал министерскую должность и нес государственную ответственность за их развитие.

Несомненно, признавая уникальность 1897—1916 гг. в истории развития флота кайзеровской Германии, необходимо ответить, что произошедшая в этой военной сфере «революция» явилась не спонтанным актом. Она была обусловлена целым рядом объективных и субъективных причин и произошла не на пустом месте. Свои преобразования А. фон Тирпиц осуществлял на основе тех военно-морских сил, которые создавал Вильгельм II. Да и сам «отец германского флота», как теоретик морского дела, формировался именно в те годы, которые он потом назовет «потерянными».

---

[192]РГА ВМФ. Ф. 417 Оп. 1. Д. 1473. Л. 289 об—290 об.

[193]См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 86.

1.3. Альфред Тирпиц в «потерянном десятилетии» — 1888—1897 гг.

«Потерянное» для германского флота десятилетие не являлось таковым для А. Тирпица, который в это время не только нес военную службу на разных должностях, но и занимался важными вопросами тактико-стратегического характера. В дальнейшем они найдут отражение в программах развития нового германского флота. Еще в 1891 г., будучи начальником штаба Балтийского флота, А. Тирпиц в меморандуме на имя рейхсканцлера Л. фон Каприви обратил внимание на их значимость[194]. Но на тот момент его идеи не нашли поддержки у главы правительства и в его окружении[195]. Однако А. Тирпиц встретил понимание и активную помощь со стороны кайзера Вильгельма II[196].

А. Тирпиц. 80-гг. XIX в.

С января 1892 г. Вильгельм II начал предпринимать действия по созданию современного боеспособного военного флота. Первым таким шагом стало назначение А. фон Тирпица начальником Главного штаба Верховного морского командования. Постоянным местом его нахождения стал Берлин[197]. Так было удобно и кайзеру, и самому новому начальнику Главного штаба, чтобы быстро и эффективно решать рабочие вопросы.

На горизонте появились первые проблески так называемой «эры Тирпица», которая, по мнению германских историков, ознаменовалась выдвижением Германии, в силу быстрого формирования ее мощного военного флота, в число «серьезных партнеров в

---

[194]BA—MA. RM 3/32. Denkschrift des Kapitan zu See A. Tirpitz «Unsere maritim-militarische Fortentwicklung».

[195]См.: *Шилов С.П.* Указ. соч. С. 28.

[196]Весной 1891 г. кайзер устроил встречу с морскими офицерами в Кильском замке. На ней прошла дискуссия о путях развития германского флота. А. Тирпиц получил возможность изложить свой взгляд на эту проблему. В результате январе 1892 г. он был повышен в должности и стал начальником Главного штаба Верховного морского командования. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 87—89.

[197]См.: *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 63.

европейской и мировой игре»[198]. А. Тирпицу было поручено заниматься разработкой новой стратегии морской войны, предполагавшей наличие совершенно иного, чем прежде, флота, получившего впоследствии название «Hochseeflotte», то есть Флота Открытого моря[199].

Будущий глава Военно-морского ведомства, бесспорно, принадлежал к военной элите германского рейха, а впоследствии стал и значимой политической фигурой, что удавалось далеко не каждому из генеральско-адмиральского корпуса, даже из самых видных его представителей. Но чтобы достичь этого, ему пришлось пройти все ступени служебной карьеры. Альфред Тирпиц родился 19 марта 1849 г. в Кюстрине в семье небогатого чиновника, судебного заседателя Рудольфа Фридриха Тирпица. Таким образом, он не был дворянином и приставку «фон» к своей фамилии получил лишь в 1900 г. после успешно проведенного через рейхстаг нового законопроекта о флоте. Детство А.Тирпица прошло во Франкфурте-на-Одере, в прусской провинции, куда семья переехала в 1850 г. и где высший свет был представлен «преимущественно чиновниками и офицерами»[200].

В прусский военно-морской флот А. Тирпиц пришел довольно обыкновенным путем. Служба морским офицером представлялась молодому человеку лучшим, нежели продвижение по сложной иерархической лестнице прусской бюрократии. Его военно-морская карьера началась в 1865 г., когда он был зачислен кадетом прусского Королевского военного флота. В дальнейшем А. Тирпиц, можно сказать, успешно и быстро получал новые чины и должности благодаря трудолюбию и, несомненно, неординарным способностям. В наибольшей степени это проявилось у него в работе по усовершенствованию торпед и мин[201]. Достаточно высоко была отмечена и представленная им разработка тактики действий «малых кораблей»[202].

Начальство замечало А. Тирпица и выдвигало вперед: в 1886 г. он возглавил Минную инспекцию германского флота, в 1890 г. стал начальником штаба Балтийского флота, в 1892 г. — начальником Главного морского штаба Верховного командования. Находясь на этой должности, А. Тирпиц сумел разработать линейную тактику ведения морского боя[203], установил эскадренный принцип организации флота (эскадра формировалась из восьми кораблей), повлиявший в последующем на содержание судостроительной программы Германии. Кроме того, он вновь ввел в морской лексикон старый термин «линейный корабль»[204]. Но самым главным своим достижением в эти годы А. Тирпиц считал «развитие

---

[198]См.: *Epkenhans M.* Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908—1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München, 1991. S. 1.

[199]*Тирпиц А.* Указ. соч. С. 89.

[200]*Kaulisch B.* Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Berlin, 1982. S. 10.

[201]См.: *Kelly P.J.* Tirpitz and Development of the German Torpedo Arm. Annapolis, 1998; *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 47—54.

[202]*Kaulisch B.* Op. cit. S. 37.

[203]Как считал А. Тирпиц, после Германии все флоты мира «ввели линейную тактику и переняли линейный принцип». См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 94.

[204]Там же.

Германская база в Циндао (бухта Цзяочжоу). С рисунка начала XX в.

во флоте воинского духа»[205]. Следующим этапом его военной карьеры стало назначение в апреле 1896 г. командующим Восточно-Азиатской эскадры. «Дальневосточная командировка» ознаменовалась подготовкой и осуществлением захвата китайской бухты Цзяочжоу[206]. Наконец, в 1897 г. А. Тирпиц был поставлен во главе Военно-морского ведомства, которым руководил вплоть до своей отставки в 1916 г.[207]

Прежде чем анализировать формирование взглядов А. Тирпица на флот, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать институционально-теоретическую обстановку, в которой развивалась германская военно-морская стратегическая мысль. В период с 1871 по 1890 гг. германский флот находился практически в полной изоляции от интересов общества, политики им пренебрегали, а армия вообще смотрела на него сверху вниз. Не лучшим образом обстояло дело и с обсуждением вопросов стратегии и тактики флота. Начавший издаваться с 1872 г. по инициативе А. фон Штоша «Сборник распоряжений по военно-морским силам («Marine-verordnungsblatt») практически эти проблемы не рассматривал. Еще в меньшей степени они волновали неспециализированные

[205] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 95.

[206] О всех перипетиях подготовки этой операции будет рассказано ниже, когда речь пойдет о взаимоотношениях между кайзеровской Германией, Россией и Великобританией на Дальнем Востоке.

[207] См.: Альфред фон Тирпиц // *Скрицкий Н.В.* Сто великих адмиралов. М., 2003. С. 353—359.

издания, такие как «Neuen militärschen Blätter», «Intrnationale Revue der gesammten Armeen und Flotten», «Militär Wochenblatt», «Preussischen Jahrbücher». В то же время во Франции и Великобритании флотской стратегии уделяли самое пристальное внимание.

Именно подчиненность флота армии в решении определяющих военно-стратегических задач обусловило содержание так называемой «прусской морской школы», о которой речь шла при рассмотрении взглядов А. фон Штоша и Л. фон Каприви на германский флот. В силу политических и экономических причин ситуация стала меняться с начала 90-х гг. XX в. В 1890 г. по распоряжению кайзера в свет начал выходить новый специальный морской журнал «Marine Rundschau». Морская академия стала уделять самое пристальное внимание изучению вопросов стратегии и тактики, и в эти же годы началась плодотворная и интенсивная деятельность А. Тирпица.

Его взгляды на роль военно-морского флота в развитии германского государства формировались в период серьезных структурных экономических изменений, охвативших страны Европы и Северной Америки в конце XIX в., в том числе и Второй рейх. Большой отклик и полную поддержку у «отца германского флота» вызвала передовая для того времени военно-морская концепция североамериканского военно-морского теоретика и историка контр-адмирала А.Т. Мэхэна[208]. Появление его книг «Влияние морской силы на историю 1660—1783» и «Влияние морской силы на французскую революцию и империю»[209] оказало очень сильное воздействие на все мировые морские державы[210], в том числе и на Германию[211]. Принятие решения о строительстве нового германского флота происходило под влиянием идей этого военно-морского теоретика[212]. Во всяком случае, по словам самого кайзера, он стремился «выучить книги А. Мэхэна наизусть». Интересно, что, по признанию А. Тирпица, он еще до Мэхэна эмпирическим путем приходил к аналогичным мыслям[213].

Главным положением теории американца стала идея маринизма. Суть ее заключалась в том, что судьбы человечества решаются на просторах Мирового океана. Движущей силой прогресса является конкуренция между морской, островной державой и сухопутным государством. Соответственно, морская мощь становится важнейшим фактором мирового господства. А.Т. Мэхэн утверждал, что «сила на море решает судьбу истории», и «кто владеет морем, владеет всем»[214]. Морская мощь, по его мнению, представляла сложную систему, куда

---

[208]Краткую характеристику жизни и деятельности А.Т. Мэхэна см. в книге Н.В. Скрицкого: *Скрицкий Н.В.* Указ. соч. С. 316—317.

[209]См.: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. В 2 т. М.; СПб., 2002.

[210]См.: *Epkenhans M.* Seemacht = Weltmacht. Alfred T. Mahan und sein Einfluss auf die Seestrategie des 19 und 20 Jahrhunderts//Kiel, die Deutschen und die See. Stuttgart, 1992. S. 35—47.

[211]См.: *Herwig H.* The Influence of A.T. Mahan Upon German Sea Power // The Influence of History on Mahan. P. 67—80.

[212]Ibid.

[213]См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 95.

[214]*Доценко В.Д.* Указ. соч. С. 622.

Контр-адмирал Адьфред Тайер Мэхэн, создатель теории «владения морем»

входили такие компоненты, как военные и торговые флоты, порты и военно-морские базы. Причиной многих войн являлась борьба за право господствовать в морской торговле. Чтобы добиться доминирующего положения в этой сфере, борьба на торговых коммуникациях должна вестись недалеко от баз. В качестве же таковых, по убеждению североамериканского теоретика, могли выступать отечественные порты, отдаленная колония или сильный флот[215]. Главной задачей военно-морского флота в войне А.Т. Мэхэн считал завоевание господства на море. Под этим подразумевалось полное изгнание сил противника с морских просторов.

В отличие от сторонников «молодой школы» французского флотоводца Т. Оба, доказывавшей наибольшую эффективность береговой обороны малыми силами и крейсерской войны против торговых судов противника вплоть до его полного экономического истощения и поражения[216], А.Т. Мэхэн залог победы в войне видел в сильном флоте, составленном из линейных кораблей. Только такой флот способен в решающем морском сражении разгромить врага или заблокировать его корабли на базах, либо же, комбинируя эти два способа, все равно в конечном итоге вынудить противника к капитуляции.

Этим тезисом А.Т. Мэхэн обосновывал, с одной стороны, необходимость создания мощного флота, который по количеству и качеству превосходил бы военно-морские силы даже не одного, а нескольких вероятных соперников. С другой стороны, с целью значительного повышения огневой мощи флота, он предлагал иной способ формирования боевых морских сил по сравнению с тем, что применялся в те времена — создание морских соединений (эскадр, дивизионов, флотилий), состоящих из однородных кораблей. В последующем мировые морские державы пошли именно таким путем[217].

А. Тирпиц в полной мере осознал значимость теории североамериканского контр-адмирала для будущего германского флота, тем более, как уже указывалось, к ней он пришел собственным путем. Поэтому неудивительно, что он выступил ее защитником у себя на родине[218], поскольку идеи А.Т. Мэхэна воспринимались неоднозначно даже в военно-морских кругах[219]. Наглядным примером этому могут служить дискуссии, развернувшиеся в начале 90-х гг. XIX в. между ним и К. фон Мальтцаном, известным преподавателем Военно-морской академии, авторитетным историком военно-морского флота.

---

[215] Там же. С. 623.

[216] См.: Французский флот и молодая школа. Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 3. С. 12—14; *Bueb V.* Die «Junge Schule» der französischen Marine. Strategie und Politik 1875—1900. Boppard a. Rh., 1971.

[217] См.: *Rower J.* Kriegsschiffbau und Flottengesetze um Jahrhundertwende // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 211—219.

[218] См.: *Herwig H.* Der Enfluss von Alfred Th. Mahan auf die deutsche Seemacht. S. 127—142.

[219] *Тирпиц А.* Указ. Соч. С. 145.

К. фон Мальтцан в полном соответствии с духом Л. фон Каприви писал о том, что в планах верховного командования должно быть создание способного к «альянсу флота», одной из первых задач которого являлось бы прикрытие флангов сухопутной армии путем защиты побережья. Как пишет норвежский историк Р. Хобсон, разногласия между А. Тирпицем и К. фон Мальтцаном являлись для Германии того времени вполне типичными. Они отражали два фундаментальных направления в развитии военно-морской стратегической мысли. Одно касалось создания больших ударных кораблей и проведения генерального морского сражения, как главного итога морского противостояния. Другое вело речь о развитии зарубежного крейсерского флота для эффективной торговой войны против морского врага. Хотя при этом следует отметить, что в действительности и А. Тирпиц, и К. фон Мальтцан преследовали одинаковые цели.

Главное различие между ними заключалось лишь в методах их достижения. А. Тирпиц считал, что достижение морского могущества возможно в ближайшее обозримое будущее. Для этого просто необходимо мобилизовать все имеющиеся в наличии силы. К. фон Мальтцан же выступал за постепенное поэтапное решение данной задачи, и только достигнув одну промежуточную цель, как он считал, можно двигаться к следующей задаче. В его рассуждениях о будущих германских военно-морских силах зарубежный крейсерский флот выступал не в качестве альтернативы ударному флоту, но как средство для увеличения заморских интересов Германии. Инвестирование в крейсерский флот, который несет службу далеко за пределами страны и служит защите германских колоний, обернется в конечном итоге материальной отдачей. Бóльшую часть полученных с заморских территорий средств, по мысли К. фон Мальтцана, можно было бы направить на создание ударного флота в отечественных водах, а соответственно, и усилить в будущем позиции Германии по отношению к Великобритании[220].

Вопросами стратегии и тактики А. Тирпиц начал заниматься еще в 1871 г., будучи молодым морским офицером. Уже тогда он считал, что ядро флота должны составлять линейные корабли[221]. В последующем эта идея была облечена в логичные теоретические рассуждения. Доказательством тому служат меморандумы, составленные им в 1891 г.[222] Первый из них был датирован 1 февраля 1891 г. В нем доказывалось, что, как он писал чуть позже, судьба германского флота и значимость Германии как морской державы будут решаться в битве в европейских водах. Наилучшим путем подготовки к ней было бы сосредоточить в руках какого-то одного военно-морского органа решение проблем стратегии и тактики флота. Тем самым А. Тирпиц предлагал изменить существующую организацию германского флота[223]. В частности, он выступал за предоставление бóльших полномочий Верховному морскому командованию.

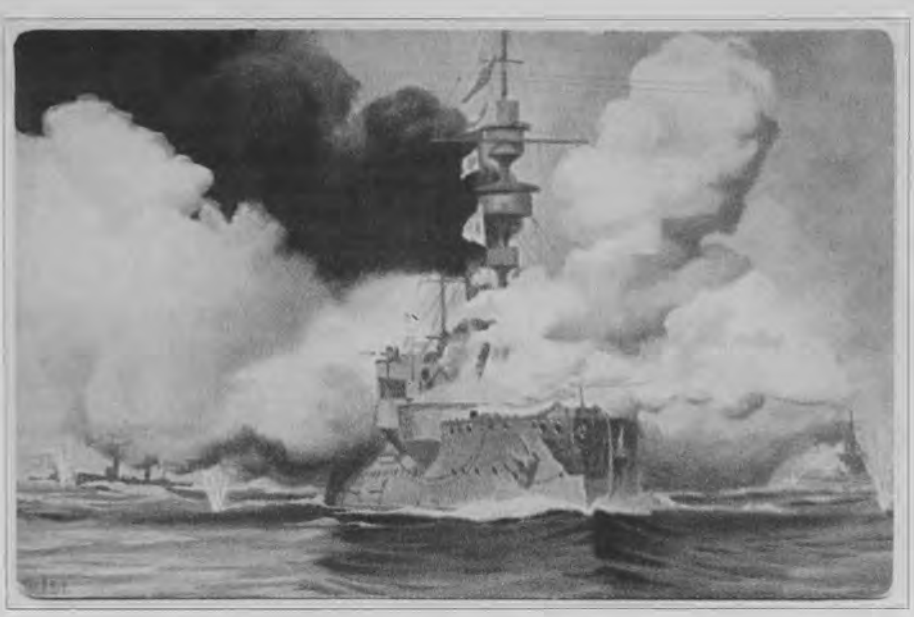
---

[220]См.: *Hobson R.* Op. cit. S. 199—201.

[221]См.: *Michalik B.* Op. cit. S. 5.

[222]Об этом писал К. фон Мальтцан в своей книге «История нашего тактического развития» См.: *Maltzahn C.* Geschicte unserer taktischen Entwicklung. Bd. 2. S. 9.

[223]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 69.

Учебная стрельба германского броненосца. С открытки начала XX в.

Эта же тема красной нитью проходит и во втором меморандуме, составленном 1 апреля 1891 г.[224] Данный документ прочитали самые высокие флотские чины, а также Вильгельм II. Примечательно, что о модной тогда французской «молодой школе» А.Тирпиц в этом меморандуме не упомянул, но при этом многократно употреблял словосочетание «морское господство»[225].

В конце 1891 г., перед своим назначением начальником Главного штаба Верховного морского командования, А. Тирпиц составил еще один достаточно солидный 80-страничный меморандум[226]. В нем он подтвердил уже ранее высказанную идею о необходимости подготовки главных ударных сил к европейской войне[227]. Для флота это предполагало битву в открытом море. А. Тирпиц в своих меморандумах не определял соотношение сил возможного морского противника. Позже подобное он будет делать применительно к Великобритании.

Тогда им еще не просчитывались последствия разгрома германского флота. Для него в 1891 г. видоизмененный германский флот являлся не средством, а самоцелью. Заостренность внимания А.Тирпица на значимости решающего

---

[224]BA—MA. RM 3/ 32. AB 115—139. Auszuge aus der Denkschrift des Kapitäns z. S. Tirpitz vom April 1891 über «Unsere maritim-militarische Fortentwicklung» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 82—87.

[225]*Hallman H.* Op. cit. S. 114.

[226]*Maltzahn C.* Op. cit. S. 9—14.

[227]*Hallman H.* Op. cit. S. 117—119.

морского сражения вполне объясняется еще одним обстоятельством — большим влиянием учений К. фон Клаузевитца и Г. фон Мольтке-старшего[228]. Поэтому понятно, что акцент на «решающую битву»[229] нашел отражение в меморандумах А. Тирпица. Правда, в последующие годы он отошел от догматического понимания этого термина и определил новую стратегическую цель — достижение морского господства.

Другая мотивационная причина, заставлявшая А. Тирпица так много говорить и писать о необходимости активности германского флота, заключалась в событиях прошлых лет — Франко-прусской войне 1870—1871 гг. Тогда, как известно, германские военно-морские силы себя никак не проявили[230], и все лавры победы достались сухопутной армии. По прогнозам, которые давали стратеги в Генеральном штабе, предстоящая война обещала быть кратковременной, поэтому флот просто обязан был проявить себя с самой лучшей стороны, чтобы оправдать свое существование. Ни один амбициозный морской офицер, да еще тем более такой, как А. Тирпиц, не хотел вновь переживать унижающие чувства ненужности и пассивности, какие пришлось испытать зимой 1870/1871 гг. Поэтому в будущей возможной войне верховное командование планировало активные морские операции[231]. Причем, по убеждению А.Тирпица, они должны были быть направлены, в первую очередь, против основных сил противника в открытом море.

Большое влияние на формирование военно-морских стратегических взглядов идеолога германского флота оказали популярные идейно-политические теории 70—90 гг. XIX в. Особенно сильные впечатления на А. Тирпица произвели мысли профессора Берлинского университета Г. Трейчке, лекции которого он в свое время посещал[232]. Этот известный историк в своих публичных выступлениях и в печати обосновывал необходимость борьбы против социалистов, либералов и евреев, поскольку именно они, по его мнению, являются серьезной угрозой государству изнутри.

Во внешней политике растущей и укрепляющейся в экономическом отношении Германии, опасность, как он полагал, будет исходить от сильной Великобритании, которая добровольно не уступит своего мирового первенства[233]. Вывод, который с неизбежностью делался из этих рассуждений, заключался в грядущем неминуемом конфликте между Германией и Великобританией[234]. Поэтому будущее германского государства могло определяться только успехами во внешней

---

[228]Идеи этих германских военных теоретиков имели большую популярность не только среди офицеров сухопутной армии, но и флота. См.: *Rahn W.* Strategische Probleme der deutschen Seekriegfuhrung 1914—1918 // *Michalka W.* Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. München, 1994. S. 344.

[229]*Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1: Die altpreussische Tradition (1740—1890). München, 1965. S. 248.

[230]См.: *Вильсон Х.* Броненосцы в бою. 1855—1895. М., 2003. С. 295—315.

[231]*Lambi I.N.* Op. cit. P. 201.

[232]*Тирпиц А.* Указ. соч. С. 144.

[233]См.: Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswartigen Amtes. Berlin, 1927. Bd. 24. № 8215. S. 95.

[234]*Tirpitz A.* Erinnerungen. S. 96.

Эскадра возвращается с маневров. С открытки начала XX в.

политике, залогом которых является военная сила, в том числе и мощный боевой флот[235]. Вся последующая деятельность А. Тирпица на разных высших военно-морских должностях показала, что он достаточно хорошо усвоил основные положения концепции Г. Трейчке.

После своего назначения в начале 1892 г. начальником Главного штаба Верховного морского командования[236] А. Тирпиц получил задание от кайзера разработать оперативный план на случай европейской войны[237]. В марте 1892 г. документ был представлен Вильгельму II[238]. При этом ввиду сжатых сроков ему пришлось срочно переработать имевшийся старый проект, составленный еще в 1889 г. Главными противниками (по-прежнему) рассматривались Франция и Россия. А. Тирпиц сократил число задач, которые должен был решать флот в будущей войне, до двух основных пунктов: защита побережья и взаимодействие с сухопутной армией. Вне своего поля зрения он оставил два других важных направления, о которых шла речь в 1889 г.: нападение на торговые морские пути противника и захват его побережья. В этом плане также ничего не говорилось о защите германской морской торговли. Зато А. Тирпиц воспринял из старого

---

[235] *Winzen P.* Treitschke's Influence on Rise of Imperiast and Anti-British Nationalism in Germany//Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914. Oxford, 1981. P. 154—170.

[236] *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 63.

[237] *Тирпиц А.* Указ. соч., С. 89.

[238] См.: *Lambi I.N.* Op. cit. P. 68—73.

оперативного плана близкую ему мысль о решающем сражении, с помощью которого можно было бы достичь морского господства. В последующем, на осенних маневрах 1893 г., А. Тирпиц отрабатывал и проверял возможность реализации данного оперативного плана[239]. В меморандумах и должностных записках, появившихся на свет после подведения итогов учений флота в 1892—1893 гг., он сформулировал мысли, которые в стратегическом, тактическом и в организационном отношениях определили строительство флота с 1897 по 1914 г.[240]

Среди этих документов особое значение имел так называемый «Меморандум № IX», датированный 16 июня 1894 г. Он явился итогом анализа опыта, наработанного за последние два года морских маневров и, несомненно, способствовал развитию германской морской стратегической и тактической мысли. Не случайно в своих мемуарах А. Тирпиц хвалился тем, что именно благодаря германскому флоту в постоянную практику были введены линейная тактика ударного флота и эскадренный принцип его построения. В отличие от вице-адмирала А.Т. Мэхэна, который строил свою теорию, прежде всего на изучении истории, он черпал новые идеи из практики морских маневров[241].

Представленный меморандум состоял из четырех частей. Первая из них посвящалась подведению итогов осенних маневров германского флота. В трех других автор обосновывал необходимость строительства стратегического

Германская пропагандистская новогодняя открытка начала XX в.

[239] *Berghahn V.R.* Op. cit. S.72 ff.
[240] Ibid. S. 57 ff.
[241] *Tirpitz A.* Op. cit. S. 47.

наступательного флота, говорил о структуре военно-морских сил и определял их задачи в будущей морской войне, рассматривал различные варианты взаимодействия с сухопутными силами[242]. К традиционным задачам, которые призван решать флот, А. Тирпиц относил необходимость взаимодействия с сухопутными силами при осуществлении десантных операций. Кроме того, военно-морские силы должны осуществлять блокаду вражеского побережья, не допуская возможности снабжения неприятеля всем, что требуется во время войны. К этой же задаче примыкало требование нанесения максимального вреда морским трансатлантическим интересам вражеского государства[243].

Вместе с тем А. Тирпиц считал нерациональным ограничивать действия флота только указанными функциями. Главное, по его мнению, заключалось в возможности наступательных операций. Только такие наступательные военно-морские силы могли бы обеспечить Германии защищенную стабильность в промышленном развитии, в международных торговых связях, сделать страну привлекательным и полноценным союзником для любого государства или союза держав, а также придать ей политический вес на любых международных переговорах[244].

А. Тирпиц приводил еще один аргумент в пользу создания наступательного флота, отмечая, что, в случае необходимости, он легко трансформируется в оборонительный флот, в то время как осуществить обратную операцию быстро невозможно. Далее автор рассмотрел разные тактические варианты использования флота при обороне[245].

Говоря об основе наступательного флота, призванного обеспечить господство на море, А. Тирпиц особо подчеркивал его эскадренный состав. В качестве костяка у него выступали две эскадры линейных кораблей. В свою очередь каждая из эскадр, с учетом использования линейной тактики, могла включать в себя восемь боевых единиц[246]. При наличии большего числа кораблей возможно было создание нескольких эскадр[247]. В дополнение к этим двум главным группам линейных кораблей начальник Главного штаба Верховного морского командования

---

[242] Auszüge aus «Taktische und strategischen Dienstschrriften des Oberkommandes der Marine» № IX vom 16 Juni 1894 uber «Allgemeine Erfahrungen aus den Manöver der Herbstübunsgflotte» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 87—99.

[243] Ibid. S. 88.

[244] Ibid. S. 90—91. Аналогичную мысль А. Тирпиц выскажет чуть позже в проекте меморандума, составленным им 3 января 1896 г. В нем речь шла о флотской программе верховного командования. См.: BA — MA 253/ 3, AB 105—108. Auszug aus dem undatierten Enwurf der Denkschrift des Kontreadmirals Tirpitz vom 3 Januar 1896 zum Flottenprogramm des Oberkommandos der Marine // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 197.

[245] Auszüge aus «Taktische und strategischen Dienstschrriften des Oberkommandes der Marine» № IX vom 16 Juni 1894 über «Allgemeine Erfahrungen aus den Manöver der Herbstübungsflotte» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 93.

[246] Reinhardt H. Tirpitz und der deutsche Flottengedanke in den Jaren 1892 — 1898. Phill. Diss. Marburg, 1964. S. 14—15.

[247] Ibid.

Германские миноносцы в Киле. С открытки начала XX в.

предусматривал формирование шести миноносных флотилий, а также шести броненосных и легких крейсеров[248]. Исключительно крейсерский флот, который пропагандировался «молодой французской школой», не в состоянии, как считал А. Тирпиц, принципиально и кардинально решить вопрос победы на море[249].

При освещении основных положений «Меморандума № IX» исследователи, как правило, обращают внимание на значимость линейных кораблей для будущих германских военно-морских сил. Это совершенно справедливо. Вместе с тем, в этом документе А. Тирпиц определенное место отвел крейсерской и миноносной тематике[250]. Тем самым он лишний раз доказал, что не отрицал роли и значения других классов кораблей для наступательного флота.

Оценивая важность представленного А. Тирпицем документа, можно сказать, что «Меморандумом № IX» был завершен процесс определения основополагающих вопросов будущей морской войны[251]. Четкое формулирование в указанном документе главного типа боевого корабля будущего германского флота, сразу вносило ясность и в вопрос тактики действий как отдельных кораблей, так и их соединений. Кроме того, комплектование линейного корабля требовало

[248]Auszüge aus «Taktische und strategischen Dienstschriften...». S. 99.
[249]Ibid. S. 96.
[250]Здесь следует учитывать сильную увлеченность миноносцами, которой «переболели» ведущие морские державы, в том числе и Германия, в 80-х—начале 90-х гг. XIX в.
[251]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 74.

Германские миноносцы на острове Рюген. С открытки начала XX в.

пересмотра традиционных, устоявшихся за многие годы взглядов на морское вооружение и на оснащение силовыми установками.

«Меморандум № IX» поднял не только вопросы новой стратегии и тактики германских военно-морских сил, но и подчеркнул внешне- и внутриполитическую значимость линейного флота для государства. По мнению его составителя, мощный, современный флот заставит Великобританию проводить компромиссную политику в отношении кайзеровской Германии. Кроме того, новая флотская политика, как полагал А. Тирпиц, обещала в ближайшей перспективе решить ряд серьезных внутренних экономических и социальных проблем.

Вместе с тем, идея создания в Германии линейного флота в целом противоречила тем взглядам на военно-морские силы, их цели и задачи, которые господствовали в Рейхстаге. Вполне следовало ожидать, что реализация идей, заложенных в «Меморандуме № IX», вызовет трудности при обсуждении вопросов финансирования флота в парламенте страны. К тому же Ф. фон Гольман очень скептически оценивал документ А. Тирпица. Поэтому вряд ли можно было надеяться на его активную защиту новой морской идеи перед депутатами. Предпринятая через шесть месяцев после составления «Меморандума № IX» попытка все-таки убедить военно-морского статс-секретаря в первоочередной необходимости строительства линейного флота за счет некоторого смещения сроков, обеспечивающих сооружение крейсеров для заграничной службы, закончилась неудачей[252].

[252] *Hallmann H.* Op. cit. S. 149—151

Карикатура на службу на германских миноносцах. С открытки начала XX в.

6 мая 1893 г. старый парламент был распущен и состоялись новые выборы, которые добавили новые места в Рейхстаге консерваторам и национал-либералам, но главной силой по-прежнему оставалась партия «Центр»[253]. Ни одна из перечисленных политических групп не являлась ярой сторонницей развития флота, поэтому для военно-морского руководства мало что изменилось по сравнению с предшествующим периодом. Статс-секретарь Ф.фон Гольман придерживался прежней тактики поведения в Рейхстаге. При обсуждении морского бюджета 1894/1895 г. он вновь готовился представить проект финансирования броненосных крейсеров, отклоненный в 1893 г.

Результат будущего голосования по такому документу можно было определить практически безошибочно. Кайзеру пришлось предпринимать активные действия, чтобы спасти положение. Он почти наполовину урезал проект Ф. фон Гольмана, что позволяло надеяться на более благоприятный исход обсуждения. Ожидания не оправдались. Рейхстаг все равно сократил даже этот куцый, по мнению Вильгельма II, морской бюджет[254]. Несмотря на это, казалось бы, очевидное отрицательное решение, при трех чтениях морского бюджета выявился и один положительный момент. Депутат от центристов Э.Либер высказался за необходимость установления принципа «Ersatzbauten», то есть за финансирование строительства кораблей, которые должны были заменить устаревшие единицы[255].

---

[253] См.: *Ritter G.A.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. S. 366—367.
[254] *Hallman H.* Op. cit. S. 92.
[255] Ibid. S. 94.

Еще в период формирования новой концепции развития германского флота верховное командование стало уделять самое пристальное внимание такому важному вопросу, как взаимоотношения с прессой. В его распоряжении, датированном 10 февраля 1894 г., говорилось о необходимости (напрямую или через специальных лиц) установления контактов с прессой. Цель такого сотрудничества заключалась в содействии развитию флота, в повышении его авторитета в обществе, в более полном раскрытии значимости морских сил для страны в мирное и, особенно, в военное время[256]. Специально подчеркивалась значимость выделения на страницах периодических изданий связи между экономическими морскими интересами страны и ее военно-морскими силами. Однако это были еще только первые проблески той «информационной работы», которая в полной мере раскроется в период «эры Тирпица».

14 февраля 1895 г. верховное командование флота составило меморандум для Ф. фон Гольмана[257], в котором анализировались шансы германского флота в будущей морской войне. Основными противниками назывались Франция, Россия и Дания. Единственно возможным и стратегически правильным действием для немцев в такой ситуации было бы навязать любому из этих врагов сражение до момента их объединения[258]. В противном случае, шансы германского флота на победу резко понижались. Главный вывод, к которому свелись все рассуждения в этом документе, заключался в «насущной необходимости увеличить число наших линейных кораблей, заменить устаревшие типы судов новыми боевыми единицами»[259]. При этом «старичков» предлагалось сохранить в составе флота.

Этим меморандумом Верховное морское командование пыталось лишний раз подстегнуть военно-морского статс-секретаря в его действиях по отстаиванию интересов флота в Рейхстаге. Документ должен был напомнить ему о необходимости убеждать депутатов финансировать строительство линейного флота. Кроме того, командование хотело бы расширить свое влияние на проводимую военно-морскую политику, обрисовав такое не очень радостное положение дел, надеясь вызвать этим стремление исправления ситуации при учете предъявляемых требований[260].

28 ноября 1895 г. Верховное морское командование представило Вильгельму II меморандум[261], в котором анализировались потребности германского флота в свете оперативной доктрины «Меморандума № IX» и предлагалось начать

---

[256]BA—MA RM 3/9785, AB 6—7. Auszug aus der Verfugung des Oberkommandos der Marine vom 10. Februar 1894. Bestimmungen uber den Verkehr mit der Presse // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 194.

[257]Первоначально меморандум был составлен для Военно-морского кабинета кайзера. См.: *Lambi I.N.* Op. cit. P. 83.

[258]BA—MA RM 2/ 2005, AB 170—175. Memorandum des Oberkommandos der Marine fur Staatssekretär des Reichsmarineamts, Vizeadmiral Hollman, vom 14 Februar 1895 zu den Chancen der Marine in einem künftigen Seekrieg // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 100.

[259]Ibid. S. 102.

[260]*Lambi I.N.* Op. cit. P. 81.

[261]Согласно Х. Хальману, этот меморандум был подготовлен учеником А. Тирпица О. Брауном. См.: *Hallman H.* Op. cit. S. 158.

строительство 12 линейных кораблей и трех броненосных крейсеров[262]. В качестве обоснования указывалось на необходимость противостоять объединенной коалиции в составе Франции и России. Наличие малого флота, при развертывании боевых действий против этих государств, могло иметь серьезные разрушительные военные и экономические последствия.

Меморандум Верховного морского командования произвел на Вильгельма II впечатление и 16 декабря 1895 г. он указал Ф. фон Гольману при составлении долгосрочного плана военно-морского строительства учесть высказанные требования с тем, чтобы увеличить число линейных кораблей до 25 единиц. Руководитель Военно-морского кабинета Г. фон Зенден-Бибран по поручению Вильгельма II обратился с просьбой к А. Тирпицу[263] дать собственный комментарий к этому документу.

Свое общее отношение к программе Верховного морского командования А. Тирпиц выразил в письме к адмиралу А. фон Штошу от 21 декабря 1895 г. В нем он подчеркивал в очередной раз, что без сильного линейного флота Германия в наступающем столетии очень быстро потеряет свое положение великой державы[264]. Кроме того, активное строительство флота сыграет очень важную роль в решении национальной задачи экономического подъема и связанную с этим проблему борьбы против социал-демократии[265].

Касаясь темы повышения эффективности общего морского дела, он предлагал сконцентрировать основные морские функции, которые были разделены между различными ведомствами, в руках Военно-морского министерства. По его мнению, процесс разделения различных морских дел, начавшийся с 1883 г., принес только вред[266]. По мнению контр-адмирала, должны быть внесены изменения и во взаимоотношения между Адмиралтейством и Военно-морским министерством с тем, чтобы последнее не потеряло своего управленческого влияния[267].

Полный анализ программы верховного командования А. Тирпиц дал в начале 1896 г.[268] Он очень обстоятельно изучил представленный ему документ и внес в него собственные коррективы. Они касались многих аспектов флота, начиная от вопросов его финансирования до проблемы недостатка экипажей для боевых

---

[262]*Steinberg J.* Op. cit. P. 77—81.

[263]А. Тирпиц в это время находился в Киле, где ожидал принятия командования над Восточно-Азиатской эскадрой, которой он руководил чуть меньше года до начала 1897 г. См.: *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 94—99.

[264]См.: BA—MA 253/ 321. Auszug aus dem Brief des Kontreadmirals Tirpitz an Admiral v. Stosch vom 21 Dezember 1895 zur administrativen Zusammenfassung der Seeinteressen des Reiches // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik.

[265]Ibid. S. 105.

[266]Ibid. S. 104.

[267]Последнее предложение предвосхищало будущее противостояние в 1898 г. между Военно-морским ведомством, когда в него придет А. Тирпиц, и Верховным морским командованием. См.: *Hohenlohe-Schlillingfürst C.K.* V. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Bd. 3. Stuttgart, 1931. S. 441.

[268]См.: Denkschrift Tirpitz' (Reinkonzept): Programm für den Ausbau der deutschen Flotte // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890—1911. Darmstadt, 1977. S. 133—143.

кораблей. Соглашаясь, например, с невысокой оценкой боеспособности кораблей германского флота, даже с учетом броненосцев типа «Siegfried», А. Тирпиц считал, что, если собрать воедино корабли, которые участвуют в учениях, проходят боевую подготовку, в две эскадры, то эта сила вполне может противостоять даже флоту первого ранга. С учетом того, что при мобилизации некоторые корабли могут находиться в ремонте, в обязательном порядке необходимо иметь для каждой броненосной эскадры, хотя бы один резервный броненосный корабль с тем, чтобы к 1908 г., как это предусмотрено программой, иметь две полноценные эскадры. Наличие, например, такого резерва для миноносцев позволяет быть спокойным военно-морскому руководству относительно обеспеченности этими кораблями на случай начала войны.

А. Тирпиц считал недостаточным представленное Верховным морским командованием предложение об усилении заграничных кораблей на один броненосный крейсер и три крейсера 3-го класса. Он предлагал «образовать крейсерский дивизион, который бы обладал большей боеспособностью и немалой командой с тем, чтобы в случае необходимости с его помощью можно было бы совершить десантирование». Причем основным типом боевого корабля флота в дальних морях, по его мысли, должен стать броненосный крейсер. В отечественных водах преимущество следовало отдавать линейным силам, поэтому он выступал за увеличение числа запланированных линейных кораблей с 12 до 14, броненосных крейсеров с трех до шести и снижение крейсеров 3-го класса с 12 до 10. Стоимость этой морской программы А. Тирпиц оценивал в 484 млн марок вместо первоначальных 420 млн. Ежегодные траты составили бы 33, 2 млн марок.

Ставка на преимущественное строительство линейных кораблей была оправдана как в экономическом (ввиду их большего срока службы, чем малых кораблей), так и военно-стратегическом смыслах[269]. При отстаивании военно-морской программы Верховного морского командования в Рейхстаге А. Тирпиц предлагал занимать жесткую позицию и не идти на ее даже небольшое сокращение, как это делалось ранее, чтобы добиться хоть какого-либо согласия депутатов. В случае войны или серьезного конфликта спрос будет прежде всего с флота, а не с Рейхстага. Но не только перспективы войны требовали самого серьезного отношения к флоту. К этому призывали и политика «бесцеремонных» Америки и Британской империи, стремившихся ущемить германские интересы в разных уголках мира.

Другим аргументом контр-адмирала для обоснования необходимости формирования мощных военно-морских сил стала ссылка на их использование во внешнеполитических отношениях с другими государствами. По замечанию А. Тирпица, «даже великие морские державы Европы были бы по отношению к нам значительно любезнее, если бы мы, имея две—три высоко обученные эскадры, могли бы их бросить на весы политики, а в случае необходимости и использовать в конфликтах». С помощью крейсерских эскадр, находящихся далеко

---

[269] См.: BA – MA 253/3, AB 102—105. Auszug aus dem undatierten Enwurf der Denkschrift des Kontreadmirals Tirpitz vom 3 Januar 1896 zum Flottenprogramm des Oberkommandos der Marine // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 105—107.

за границей, это сделать невозможно. А. Тирпиц ссылался на пример соседнего государства — Франции. За последние десять лет она превратилась в великую колониальную империю, в первую очередь, благодаря эскадрам боевых кораблей, базирующихся во внутренних водах.

В этом меморандуме А. Тирпиц впервые идентифицировал Великобританию как страну, против которой необходимо использовать сильный флот в качестве политического фактора давления. Подобное заявление отражало, несомненно, дух идеологии нарождающейся мощной морской державы. С другой стороны, оно невольно наталкивало на мысль о том, что человек, предлагающий это, может взяться за ее реализацию[270].

А. Тирпиц считал, что нельзя ограничиваться одними лишь военными аргументами в защиту строительства нового флота, поскольку только этим невозможно убедить общественность в его необходимости. Требуется, как он полагал, показать также политические и экономические перспективы для страны, которая имеет мощные военно-морские силы. Преодолеть имеющееся сопротивление развитию флота со стороны Рейхстага А. Тирпиц предлагал путем обращения к широким слоям населения. Их давление на депутатов заставит последних изменить свою позицию[271].

В этой связи центральные органы управления флота должны значительно усовершенствовать работу по пропаганде морских интересов в обществе. Собственно говоря, А. Тирпиц в этом отношении повторял мысль, которая уже была высказана в распоряжении Верховного морского командования от 10 февраля 1894 г. о налаживании работы с прессой. Однако в связи с продолжающейся антифлотской настроенностью Рейхстага она не теряла своей актуальности. Тем более эта работа была значима, так как предстояло очередное обсуждение Рейхстагом программы, составленной Верховным морским командованием.

Однако А. Тирпиц к пропагандистской деятельности подошел более основательно. Он не ограничивался только постановкой задач перед средствами информации, хотя, безусловно, возлагал на их работу большие надежды. Популяризация флота, как ему представлялось, возможна сразу по нескольким направлениям. Большое значение А. Тирпиц придавал вопросу подготовки морских офицеров. Выполнение этой задачи, по его глубокому убеждению, помимо чисто военного аспекта, имело очень важный общественный воспитательный и пропагандистский эффект. При этом он ссылался на традицию Великобритании, где существовал культ военно-морского дела, авторитет которого поддерживается государством и обществом как в мирное, так и в военное время.

К другому, не менее важному, пропагандистскому направлению он относил сотрудничество с морскими офицерами запаса и действующими офицерами. А. Тирпиц считал нужным привлекать их к работе всевозможных союзов и объе-

---

[270] См.: BA—MA 253/3, AB 105—108. Auszug aus dem undatierten Enwurf der Denkschrift des Kontreadmirals Tirpitz vom 3 Januar 1896 zum Flottenprogramm des Oberkommandos der Marine // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 196—197. По мнению Стейнберга, данная мысль являлась ранней версии теории «флота риска». См.: *Steinberg J.* Op. cit. P. 83.

[271] См.: *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik. S. 383.

Контр-адмирал Эдвард фон Кнорр

динений, так или иначе связанных с морской тематикой. Взаимодействие флотских кругов с деловыми людьми ганзейских городов также могло принести много пользы для популяризации морских интересов. В общей сложности А. Тирпиц назвал не менее 13 возможных видов такой деятельности. Все это показывает, насколько глубоко и всесторонне подходил он к вопросу пропаганды и осознавал его значимость для содействия развитию германского флота[272].

В своих рекомендациях А. Тирпиц, как это видно, выступал конкретно и убедительно. Любое предложение он обосновывал вескими доводами, что, несомненно, производило должное впечатление на его собеседников в лице как сторонников, так и оппонентов. В отличие от Ф. фон Гольмана А. Тирпиц рассматривал военно-морские силы как очень важный инструмент для решения проблем внешней и внутренней политики.

Довольно подробный комментарий, сделанный А. Тирпицем в отношении меморандума Верховного морского командования, нашел поддержку у кайзера[273]. Вообще, в конце декабря 1895 г. открывались неплохие перспективы реализации нового морского плана. Для этого даже была создана специальная, так называемая, «целевая комиссия», в которой адмиралу Э. фон Кнорру и Ф. фон Гольману предстояло обсудить все его детали. Однако, как известно, 3 января 1896 г. Вильгельм II отправил свою скандально знаменитую телеграмму президенту буров П.Крюгеру[274], вызвавшую кризис в германо-британских отношениях[275]. Это ускорило рассмотрение вопроса строительства нового флота[276].

В начале января 1896 г. Вильгельм II выдвинул перед Рейхстагом требование одобрить довольно крупный заем на финансирование покупки и строительства крейсеров для заграничного флота[277]. Даже те партии в германском парламенте, которые являлись активными сторонниками строительства нового военно-

---

[272]См.: BA—MA 253/3, AB 105—108. Auszug aus dem undatierten Enwurf der Denkschrift des Kontreadmirals Tirpitz vom 3 Januar 1896 zum Flottenprogramm des Oberkommandos der Marine // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 197—198.

[273]После знакомства с отзывом А. Тирпица кайзер сделал пометку на документе: «прочел с большим интересом». См.: Denkschrift Tirpitz' (Reinkonzept). S. 143.

[274]См.: Kaiser Wilhelm II an Präsident Krüger, 3. Januar 1896 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. Urkunden und Aktenstücke zur Inneren und Äusseren Politik des Deutschen Reiches. Bd. 1.: 1849—1906. Berlin, 1934. S. 303. *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951. С. 86—123.

[275]О обо всех перипетиях трансваальского кризиса См.: *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 86—123; *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 321—345.

[276]См.: *Hallmann H.* Krügerdepesche und Flottenfrage. Aktenmssiges zur Vorgeschichte des deutschen Schlachtflottenbaus. Stuttgart, 1927.

[277]*Hohenlohe-Schillingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 153.

морского флота, вынуждены были признать «безграничность» планов кайзера и заняли сдержанную позицию[278].

Вильгельму II не удалось разыграть внутри Германии «трансваальскую карту». Он не сумел добиться того, чтобы события в Южной Африке повлияли на результаты дебатов о морской политике в Рейхстаге. Не получив ни внутреннего, ни внешнего результата[279], он вынужден был оправдываться перед своими британскими родственниками. Свою бабушку и дядю он убеждал в том, что перед ними его просто-напросто оклеветали недоброжелатели[280]. Указанные события не улучшали и без того непростые германо-британские отношения, оставив о них у англичан неприятные воспоминания на многие годы[281].

А. Тирпиц и его апологеты события вокруг Трансваальского кризиса[282] рассматривали как определяющую причину поворота в начале 1896 г. в германо-британских отношениях[283]. Именно с этого времени возникла, по их мнению, опасность войны между двумя государствами и Германия вынуждена была готовиться к самому худшему[284]. Думается, что определенная доля истины в этих утверждениях есть. Во всяком случае, кайзер, который до 1895 г. являлся сторонником обороны побережья от Франции и России[285], теперь стал громче говорить о необходимости строительства именно сильного линейного флота, способного защитить страну от морского нападения англичан.

За несколько дней до представления Вильгельмом II перед Рейхстагом флотской программы верховного командования, 28 января 1896 г., А. Тирпиц составил заметки, где изложил свое видение преодоления антифлотской позиции Рейхстага. Прежде всего, он подверг критике все предшествующие действия канцлера, министра иностранных дел, военно-морского статс-секретаря в деле развития флота[286]. На деятельность последнего А. Тирпиц обратил особое внимание. Прежде всего, как он говорил, у нации должно быть доверие к руководителю столь важного для страны ведомства, давая однозначно понять, что у действующе-

---

[278] *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik. S. 464.

[279] Имеется в виду создание коалиции держав против Англии.

[280] *Hohenlohe-Schillingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 154.

[281] По прошествии более десяти лет после этого события, в 1913 г., британский посол в Берлине Э. Гошен в беседе с бельгийским посланником бароном Бейенсом отмечал, что негативное чувство от телеграммы, посланной Крюгеру, в Великобритании так и не сгладилось. См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 177.

[282] Сам А. Тирпиц критиковал политику «депеши Крюгеру». Он считал, что Германия не должна обострять отношения с Англией, так как еще не располагает достаточной морской силой. См.: Tirpitz an Stosch: Deutsche Flottenrüstung und Bündniswert. (Kiel, 13 Februar 1896) // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 148—149.

[283] См.: напр. *Willms J.* Nationalismus ohne Nation-Deutsche Geschichte 1789—1914. Düsseldorf, 1983. S. 643; Тирпиц А. Указ соч. С. 95.

[284] *Tirpitz A.* Erinnerungen. S. 57.

[285] *Роштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 479.

[286] См.: BA—MA 253/3, AB 270—271 Notizen des Konteradmirals Tirpitz für den Immediatvortrag am 28 Januar 1896 zu den politischen Voraussetzungen des Kampfes um das Flottenrüstungsprogramm // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 109.

го статс-секретаря такой поддержки просто-напросто нет. В этой связи, наверное, неудивительно, что депутаты Рейхстага раз за разом проваливали все попытки Ф. фон Гольмана получить одобрение запрашиваемого военно-морского бюджета.

Поэтому вопрос смены военно0морского министра, по мнению А. Тирпица, носил не столько организационно-тактический, сколько стратегический характер, так как напрямую был связан с перспективой развития германского флота[287]. Это становилось тем более очевидным, что Ф. фон Гольман был против основных положений программы Верховного морского командования. Кайзер также стал рассматривать возможность смещения морского министра[288]. В качестве альтернативы Ф. фон Гольману А. Тирпиц предлагал себя[289], получая в этом стремлении поддержку со стороны Г. фон Зенден-Бибрана.

31 января 1896 г. Вильгельм II окончательно принимает решение о форсированном строительстве нового германского военно-морского флота. Побуждением к этому, безусловно, была необходимость защиты имперских колониальных интересов, а также, учитывая самолюбивый характер кайзера, и личная обида, нанесенная ему британскими родственниками. Несомненно и то, что свою руку к этому приложил и А. Тирпиц. В своих мемуарах он отмечает, что направил гнев Вильгельма II в правильное русло. Раз англичане показали всю злобу и ненависть по отношению к Германии, то правильно будет, как он считал, использовать это для того, чтобы «...наша нация решилась создать флот»[290]. «Гневная реакция» Лондона показала готовность британцев при возможном случае «расправиться с беззащитными немецкими конкурентами».

Поскольку тема обострения отношений с «туманным Альбионом» в разгар трансваальского кризиса была очень актуальна, А. Тирпиц не мог оставить без внимания возможные перспективы войны с англичанами и определения роли в ней флота. Консультировал его по этому вопросу адмирал А. фон Штош, который сразу заметил антианглийскую направленность плана А. Тирпица и опасность войны с британской империей. «Старый вояка» выражал по этому поводу свое беспокойство.

---

[287] См.: *Hassell U.* Tirpitz. Sein Leben und Wirken mit Berücksichtigung seiner Beziehungen zu Albrecht von Stosch. Stuttgart, 1920. S. 105—112.

[288] См.: BA—MA 253/3, AB 272. Notizen des Konteradmirals Tirpitz über des Ergebnis des Immediatvortrages vom 28 Januar 1896 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 113.

[289] А. Тирпиц не удовлетворялся лишь предложением смены действовавшего статс-секретаря. Он считал, что возникла насущная необходимость реорганизации всего Военно-морского ведомства. В качестве первых шагов в этом направлении он предлагал создать, наряду с функционирующим бюро прессы, бюро по содействию принятию военно-морской программы. Чуть позже это бюро получит название информационное. См.: *Deist W.* Op. cit. S. 54. А. Тирпиц вновь повторил ранее уже высказанную им мысль о необходимости концентрации всех морских функций в Военно-морском ведомстве, поскольку в нем имеется лучшие кадры и все необходимые средства для наиболее их эффективного исполнения. BA—MA 253/3, AB 272. Notizen des Konteradmirals Tirpitz über des Ergebnis des Immediatvortrages vom 28 Januar 1896 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 111.

[290] См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 105.

В ответ А. Тирпиц в письме от 13 февраля 1896 г. отметил недальновидность германских политиков, которые «не понимают, что ценность союза с Германией определяется даже для европейских держав не столько ее армией, сколько флотом. Пример: Россия и Франция против Англии...Он предлагал использовать сложившиеся антианглийские настроения в обществе и в Рейхстаге, в связи с событиями в Южной Африке, для получения одобрения военно-морской программы. По его словам, потребуется напряжение всех имеющихся сил для создания в ближайшие 12 лет современного флота[291].

Касаясь вопроса возможного военного конфликта с британцами, он констатировал тот факт, что Верховное морское командование еще не прорабатывало такой вариант, поскольку оно в большей степени озабочено войной против Франции и России. Это обстоятельство у Тирпица вызывало недоумение и непонимание. Поэтому он предложил свой план возможных действий.

А. Тирпиц считал, что крейсерская война против англичан не принесет больших результатов. Германские корабли, находящиеся в зарубежных водах, скорее всего, будут блокированы, арестованы и уничтожены. Британцы, как известно, не соблюдают политический нейтралитет, поэтому боевые германские корабли не смогут получить защиту в заграничных портах, где они будут находиться на момент начала войны. Еще меньшие надежды А. Тирпиц возлагал на корабли «Norddeutsche Lloyd», которые вообще не приспособлены к ведению боевых действий. В отличие от Великобритании, Германия не имеет за границей ни укрепленных оборонных портов, ни угольных станций, ни «кишащих по всему миру современных военных кораблей». У немцев остается только выход концентрировать боевой флот в Северном море, а силы Балтийского моря должны будут выполнять функцию прикрытия и использоваться для нанесения вреда британской торговле.

В своих расчетах относительно действий англичан на море против Германии А. Тирпиц предполагал, что они очень сильно недооценивают германский военно-морской потенциал и в частности боевую мощь миноносцев. Поэтому им не исключался вариант наступления противника только силами, имеющимися на британских островах, без привлечения кораблей из дальних морей. В таком случае, Германия в силах отразить подобную атаку, что, возможно, в свою очередь, вызовет правительственный кризис на британских островах с благоприятным для Германии завершением войны. Вероятно, как предполагал А.Тирпиц, подобное развитие событий подвигнет Россию напасть на англичан. Для Германии это был бы, пожалуй, самый лучший вариант, поскольку, как он заявлял, «второго удара английского флота мы не выдержим».

Как трезво мыслящий стратег А. Тирпиц рассмотрел и неблагоприятный исход германо-британского морского столкновения сил, когда Великобритания всей своей военно-морской мощью обрушится на Германию. Результатом этого, как он полагал, будет занятие Боркума, блокада Северного и Балтийского морей, захват германских колоний, разрушение германской торговли по всему миру, а

---

[291]BA—MA 253/321. Brief des Kontreadmirals Tirpitz an Admiral v. Stosch vom 13 Februar 1896 zur politischen Funktion Bedeutung von Seemacht gegen über England // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 114.

также, возможно, и бесчинства на германском побережье. В такой ситуации немцам вряд ли можно будет надеяться на помощь со стороны Франции, даже несмотря на имеющиеся франко-британские противоречия. А.Тирпиц предлагал, но не категорически, собрать в Германии, как он говорил, все что может «ползать» и двинуть эти морские силы к устью Темзы.

Кстати, А. фон Штош был не согласен с этим предложением. Он считал, что будет целесообразнее сконцентрировать боевой германский флот в бухте Данциг в надежде вытянуть на себя часть британских сил и дать им бой в более благоприятных для себя условиях[292]. Расчет же А. Тирпица основывался на том, что англичане проведут свою мобилизацию медленнее, чем немцы. Поэтому выигрыш во времени, по мнению А. Тирпица, может составить несколько дней. Именно это временное преимущество даст Германии, путем угрозы бомбардировки Лондона, хоть какой-то шанс на благоприятный исход войны. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли данного временного отрезка, чтобы заключить благоприятный для обеих сторон мирный компромисс. Ответ на него повисал в воздухе[293].

Изложенный план вроде бы не страдал отсутствием логики, но с учетом состояния германских военно-морских сил в 1896 г.[294] в успешность его реализации А. Тирпиц не верил[295]. В нем, как это следует из рассуждений, было слишком много условностей, носящих характер «фатального везения». Однако в виду отсутствия какого-либо другого решения, приходилось пока временно уповать хотя бы на такой вариант развития событий. А. Тирпиц все-таки стремился придать предлагаемому плану определенную основательность и продуманность. В частности, перед подготовкой операции германских кораблей в устье Темзы, по его словам, морским офицерам необходимо провести точное исследование реки. Неожиданное их появление перед Лондоном будет иметь не только военное, но и политическое значение. Это заставит, как полагал А. Тирпиц, «деловое лондонское Сити, которое определяло внешнюю политику британского государства, с уважением относиться к Германии и учитывать ее интересы при любых обстоятельствах и при любых вопросах»[296].

Оценивая представленный план в целом, можно выделить заметное даже для взгляда неспециалиста по морскому делу расхождение между теоретическим положением о достижении морского господства, которое А. Тирпиц высказал ранее в других документах, и тем, что им предлагалось в письме к А. фон

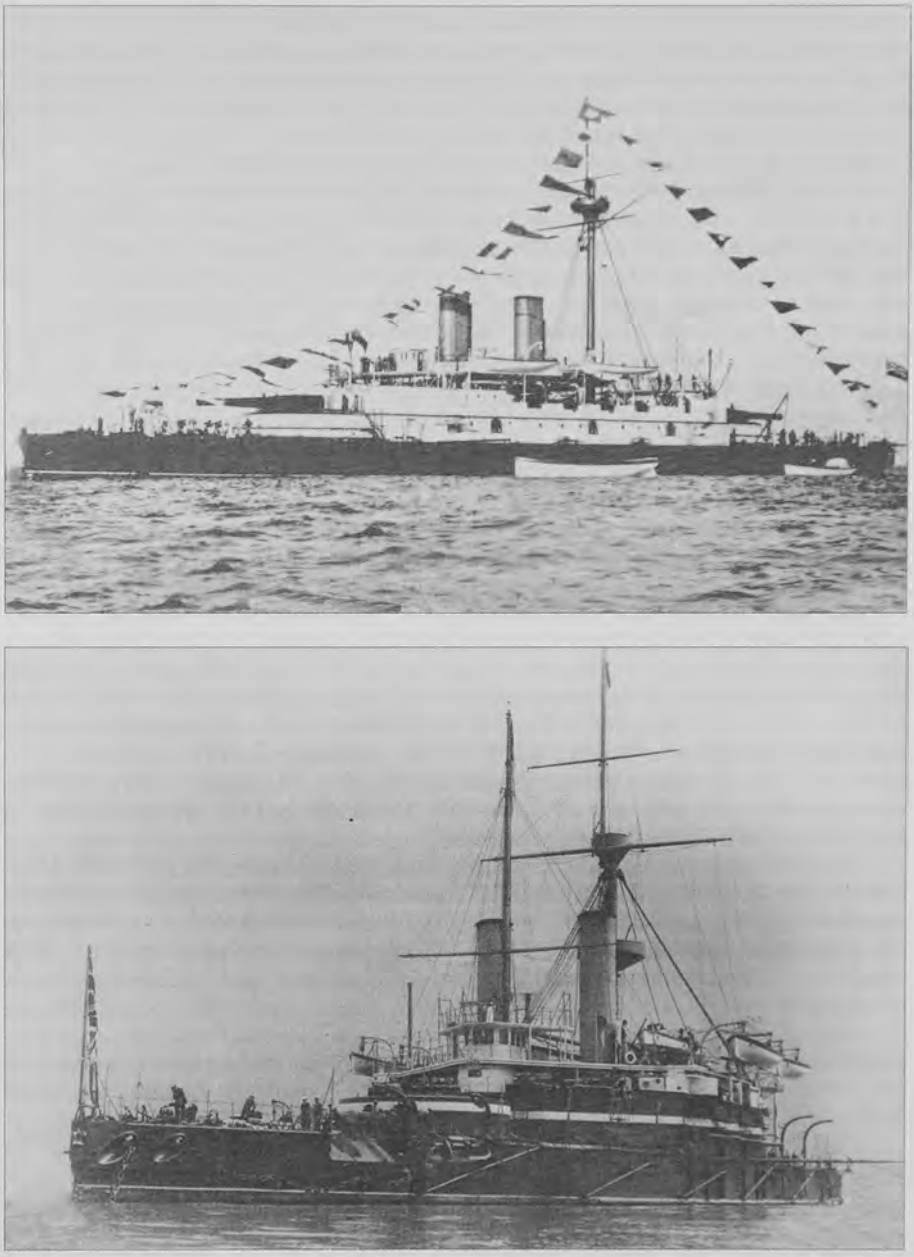
[292]См.: *Hassel U.* Op. cit S. 109 ff.

[293]См.: BA—MA 253/321. Brief des Kontreadmirala Tirpitz an Admiral v. Stosch vom 13 Februar 1896 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 116.

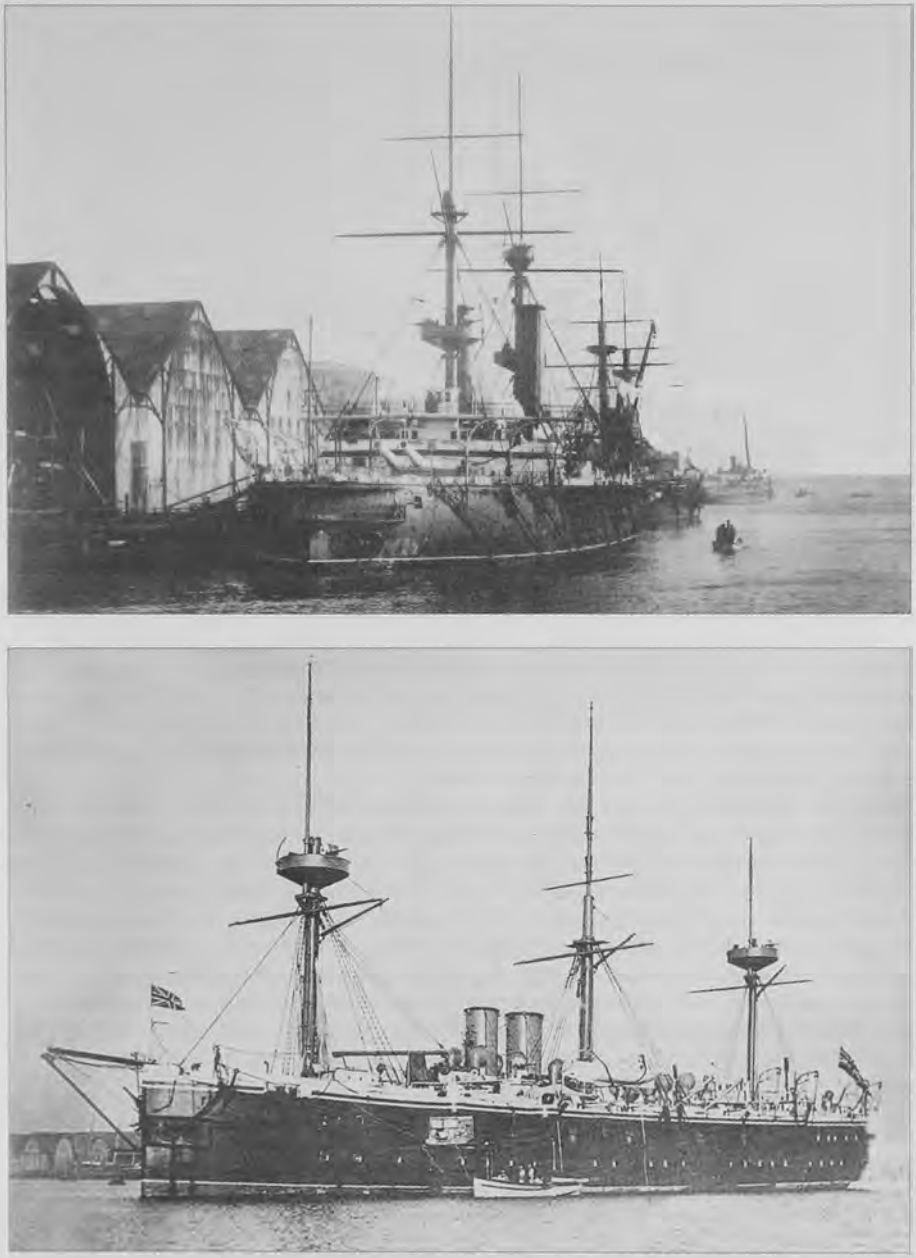
[294]См. оценку состояния германского флота в кн.: Германский военный флот. СПб., 1894.

[295]Думается, что лишним доказательством этому могут служить слова А.Тирпица о том, что при германо-британской морской войне нет необходимости привлекать к ней немецкие корабли из Восточной Азии, поскольку они «не увеличат наши шансы на победу». См.: BA—MA 253/321. Brief des Kontreadmirala Tirpitz an Admiral v. Stosch. // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 117.

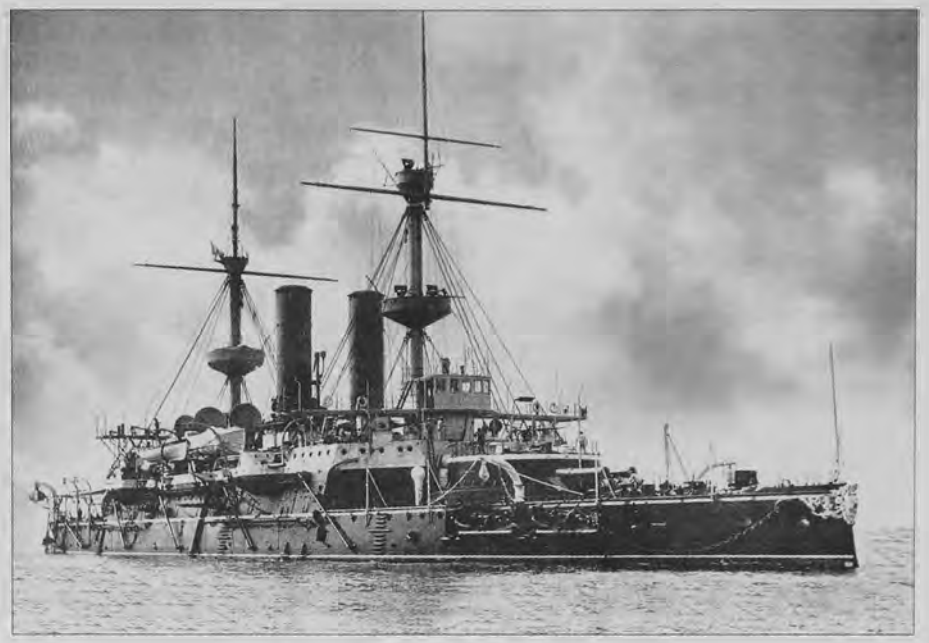
[296]Ibid.

Корабли, находившиеся в составе ВМС Великобритании в 80-е—90-е гг. XIX в.: броненосцы «Benbow» (вверху) и «Trafalgar»

Корабли, находившиеся в составе ВМС Великобритании в 80-е—90-е гг. XIX в.: броненосец «Revenge» (вверху) и броненосный крейсер «Nelson»

«Нооф» — один из новейших британских броненосцев

Штошу. Оперативный анализ, проведенный им, показал, что германский флот в его состоянии не имел даже малых шансов достичь желанной цели против Франции и России, не говоря уже о Великобритании.

Как считал А. Тирпиц, требуется как минимум 30-% численное превосходство в кораблях над силами противника, чтобы добиться господства на море. С учетом принятого в Великобритании «Закона о морской обороне» («Naval Defence Act») и программы Дж.П. Спенсера в 1893 г.[297] Германия не смогла бы достичь такого соотношения, даже если построила бы 20 или 30 новых кораблей. Но и с имеющимся флотом, практическая военная значимость которого невелика, по мнению А. Тирпица, можно все-таки добиваться политических и экономических целей, вызвать если не страх, то, во всяком случае, озабоченность со стороны того же лондонского Сити. Поэтому его знаменитая теория «флота риска»[298] сформировалась на основе попытки совместить политическое значение морской силы с военным расчетом.

297См.: *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории 1972 . М., 1973. С. 169—196.

[298]Впервые идея «флота риска» была сформулирована, как уже указывалось, в меморандуме А. Тирпица от 3 января 1896 г. Основной смысл ее заключался в том, что немцы, даже обладая меньшим флотом, чем у британцев, все равно могут сдерживать их от нападения.

В последующем эта своеобразная двойственность[299] нашла свое отражение в речи А. Тирпица, составленной в марте 1896 г. для депутатов Рейхстага. Она не была озвучена, но отраженные в ней мысли автора показывали его истинное отношение к «английской проблеме»[300]. В ней открытым текстом говорилось не только о возможной войне против Франции и России, но и против Великобритании. Хотя реальных шансов на победу у германского флота не было, но и британцы «должны будут почувствовать на себе неблагоприятные последствия этой войны». Поэтому, возможно, как считал А. Тирпиц, это их заставит быть более сдержанными в случае возникновения кризиса между государствами и искать невоенный путь его разрешения[301].

Таким образом, уже в 1896 г. была озвучена мысль о флоте как сдерживающем факторе в германской политике в отношении Великобритании. Но при этом флот должен быть по-настоящему сильным, вызывающим опасение даже у «морской владычицы мира».

Однако предложение А. Тирпица о формировании принципиально нового линейного флота на тот момент не нашло отклика ни в Рейхстаге, ни в общественных кругах. Причина заключалось в том, как пишет Г. фон Хальгартен, что «... такие идеи могли получить признание в Рейхстаге, если бы считалось, что при возникновении войны (имеется в виду война против Франции и России. — *Авт.*) Англия если и не займет враждебную позицию, то, во всяком случае, будет соблюдать столь мало благожелательный нейтралитет, что защита Германии с моря Англией станет совершенно невероятной, и линейный флот окажется совершенно незаменимым, по крайней мере, против Франции и России. Основание плана строительства флота и удовлетворение интересов стоявших за ним военной промышленности, кайзера и морского офицерского корпуса зависели, следовательно, непосредственно от того, ухудшатся ли англо-германские отношения»[302].

В окружении кайзера, а, следовательно, и у А. Тирпица не было полной ясности, в какой плоскости лучше строить отношения с Великобританией — либо идти на сотрудничество с французами и русскими против англичан, либо, напротив, образовать германо-британский альянс против России, а соответственно и против Франции[303]. В последующем при Б. фон Бюлове, когда он будет вначале министром иностранных дел, а затем и рейхсканцлером, это проявится в так называемой политике «маятника». Германское руководство будет делать попытки договориться то с Россией, то с Великобританией, оказывая шантажирующее воздействие на этих, как тогда казалось, непримиримых соперников с целью получить для себя наилучшие условия союза.

Политическое развитие внутри самой Германии в 1896 г. еще не благоприятствовало тому, чтобы озвученная идея создания нового линейного флота стала обще-

---

[299] Речь идет о том, что, с одной стороны, Германия должна стремиться к господству на море, а с другой, это невозможно было сделать в виду доминирующей позиции Великобритании.

[300] См.: *Hallmann H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. S. 79—87.

[301] Ibid. S. 84.

[302] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 174.

[303] См.: Müller A. Der Kaiser Wilhelm II. Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alekxander v. Müller über die Ara Wilhelms II. Göttingen, 1965. S. 36—41.

признанной, как и вообще увеличение числе боевых кораблей, предложенное Верховным морским командованием. Хотя, как известно, в конце января 1896 г. кайзер в беседе с А. Тирпицем обещал ему пост главы Военно-морского ведомства в самое ближайшее время для реализации этих замыслов[304]. В отличие от Вильгельма II рейхсканцлер Х. фон Гогэнлоэ был против «безграничных флотских планов»[305].

Эту же позицию разделял и глава Министерства иностранных дел А. Маршалль фон Биберштейн[306], сожалевший еще в феврале 1895 г. о том, что «у кайзера в голове только флот»[307]. Поэтому Ф. фон Гольман, считавшийся также очень «умеренным» в деле развития флота, имел сочувствие среди членов правительства. Более того, он стал вести себя значительно увереннее, когда получил поддержку лидера влиятельной в Рейхстаге партии «Центра» Э. Либера. Последний заявлял «о разумном, постепенном обновлении и дополнении флота»[308]. Учитывая и настроенность фракций ведущих партий в Рейхстаге, в марте 1896 г. Вильгельм II вынужден был признать невозможность замены главы военно-морского ведомства. А. Тирпицу пришлось почти на год отправиться на Дальний Восток в качестве командующего Восточно-Азиатской эскадры. Одним из главных дел, которым он занимался там, был выбор пригодной для захвата Германией бухты в Китае.

Между тем в начале 1896 г. большинство членов Рейхстага поддержали умеренный проект Ф. фон Гольмана, надеясь, что он сможет поставить заслон далеко идущим морским планам, о которых непрестанно говорил кайзер[309]. В июле 1896 г. военно-морской статс-секретарь убеждал своего патрона в том, что долгосрочная морская программа может быть утверждена только после роспуска нынешнего Рейхстага. На это Вильгельм II, при всей его ненависти к депутатам, которые не разделяли его «пламенной любви» к флоту, пойти не мог. Он понимал, что Бундесрат никогда не одобрит данный антиконституционный шаг, а распустить высшую палату парламента не представлялось реально возможным. Поэтому в 1896 г. не повторилась ситуация 1862 г., когда О. фон Бисмарк при решении вопроса об ассигновании сухопутной армии распустил Рейхстаг[310].

Отказ Рейхстага принять «безбрежную» морскую программу кайзера заставили Вильгельма II изменить свой тон в отношении Лондона. 28 июня 1896 г., он, выступая в Киле, заявил, что германская морская программа носит исключительно мирный характер. Эти слова были обращены главным образом к взбудораженной британской общественности. При этом кайзер не прекращал сокрушаться по поводу отсутствия современного боевого флота, который мог бы защищать германские колониальные интересы.

Вильгельму II на некоторое время пришлось смириться с невозможностью реализации его морского проекта[311]. Однако о какой-либо успокоенности говорить не

[304] *Steinberg J.A.* Yesterday's Deterrent. P. 94.
[305] *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 98 ff.
[306] *Steinberg J.A.* Op. cit. P. 92.
[307] Цит. по кн.: *Röhl J.C.G.* Op. cit. S. 129.
[308] *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik. S. 60.
[309] *Hallmann H.* Op. cit. S. 146.
[310] См.: *Чубинский В.В.* Бисмарк: Биография. СПб., 1997. С. 145—155.
[311] *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 323.

Рейхсканцлер Хубертус фон Гогенлоэ-Шиллингфюрст

приходилось. В конце мая 1896 г. глава Морского кабинета Г. фон Зенден-Бибран передал Ф. фон Гольману меморандум. В нем содержался план пропагандистской работы в обществе с целью подготовки его к принятию новой морской программы[312]. По своим основным положениям он полностью соответствовал тому, о чем говорил А. Тирпиц кайзеру еще 28 января 1896 г.[313] Однако работа в этом направлении по-настоящему не велась пока в Военно-морском ведомстве не произошла смена руководства, и А. Тирпиц не встал у его руля. На тот момент, пожалуй, только он мог наиболее полно не только раскрыть связь между ростом морских интересов Германии и необходимостью усиления флота, но и перевести ее в практическую плоскость реализации[314].

Вялые действия Ф. фон Гольмана по отстаиванию кайзеровского проекта, его непродуманные выступления в бюджетной комиссии Рейхстага в марте 1897 г. по морскому вопросу окончательно убедили Вильгельма II в мысли отправить военно-морского статс-секретаря в отставку и призвать вместо него А. Тирпица. Рейхсканцлер Х. фон Гогэнлоэ был против такого решения[315], призывая кайзера к политической осмотрительности. Однако весной 1897 г. Вильгельм II решил

---

[312] *Deist W.* Op. cit. S. 61 ff.
[313] *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 119.
[314] *Steinberg J.A.* Yesterday's Deterrent. P. 100—101.
[315] *Hohenlohe-Schillingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 312.

форсировать свою военно-морскую политику, поскольку не мог, как он сам говорил, спокойно ждать времен, когда «флот в Германии достигнет уровня сухопутной армии»[316].

В начале апреля 1897 г. Г. фон Зенден-Бибран обратился к Верховному морскому командованию, а также к военно-морскому министру с просьбой разработать совместный законопроект о флоте. В нем требовалось отразить необходимое количество больших боевых кораблей и миноносцев по отношению к морским силам потенциальных противников Германии. Речь шла о Франции и России. Чуть позже сам кайзер уточнил поставленную задачу. Вильгельм II прямо заявлял, что стране нужен такой флот, который наполовину был бы сильней объединенного франко-русского флота, чтобы доминировать в Балтийском и Северном морях[317].

По существу дела, данное заявление являлось возвращением к положениям программы, представленной верховным командованием еще в ноябре 1895 г.[318] Следует отметить, что к 1897 г. кайзер так окончательно и не определился относительно приоритетов в развитии флота. Он не знал, что лучше: либо создавать, в первую очередь, большие броненосные корабли, либо делать ставку на сооружение крейсеров, предназначенных, в том числе, и для заграничной службы[319]. При этом его желание иметь «такой же сильный флот, как и армия» в нем только усиливалось[320]. Ситуация зимы 1894/1895 гг. принципиально не изменилась, когда, как уже указывалось выше, кайзер, готовясь выступить перед депутатами Рейхстага с представлением своей морской программы, намеревался защищать именно проект развития крейсерского флота[321]. Только под давлением А. Тирпица он стал говорить о необходимости преимущественного создания боевого броненосного флота[322].

Таким образом, «потерянное десятилетие» прошло для А. Тирпица в очень активной и напряженной работе по выработке новых идей развития германского флота. Он четко сформулировал цели и задачи и определил пути их реализации. Тем самым была подготовлена теоретическая база для»Законов о флоте» 1898 и 1900 гг., призванных сформировать принципиально иные, значительно более мощные, чем это было ранее, военно-морские силы страны. В отличие от кайзера и Ф. фон Гольмана, А.Тирпиц точно знал, какой флот нужен Германии в быстро меняющемся мире и что для этого необходимо сделать. Именно эта уверенность и целеустремленность подкупили Вильгельма II. В А. Тирпице он увидел человека, который сможет реализовать его амбициозные морские планы.

---

[316] *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 253.

[317] *Steinberg J.A.* Op. cit. P. 115—116.

[318] *Hallman H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. S. 158.

[319] *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K.V.* Op. cit. S. 327.

[320] В 1897 г. кайзер сказал буквально следующее: «Я не успокоюсь до тех пор, пока Мой флот не будет стоять на такой же высоте, как армия». См.: *Виноградов К.Б. Жданов Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн. С. 230.

[321] *Tirpitz A.* Erinnurungen. S. 47.

[322] *Steinberg J.A.* Op. cit. P. 72.

Глава 2
ГЕРМАНСКИЙ «МОРСКОЙ РЫВОК» И ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В 1898—1906 ГОДАХ

2.1. Начало министерской деятельности А. Тирпица и принятие «Законов о флоте» 1898 и 1900 гг.

К моменту прихода А. Тирпица в Военно-морское ведомство в качестве его руководителя, главная доктрина развития отечественного флота, гласившая о необходимости превосходства Германии над «морскими державами второго ранга», не выполнялась. Германские военно-морские силы значительно уступали флотам Франции, России и других государств, занимая лишь шестую позицию в мире[323]. Отставание фиксировалось по всем классам боевых кораблей: и по крейсерам[324], и по броненосцам, которых было крайне мало по сравнению с флотами ведущих стран[325]. В целом же военно-морские силы, по словам А. Тирпица, были «образчиком пестроты»[326]. Вместе с тем, Германия не могла сохранять статус мировой державы с таким флотом в условиях, когда очень быстро менялись экономические, политические и военные обстоятельства. Требовалось кардинально изменить отношение к целям и задачам военно-морских сил, к их составу и организации. Это и было сделано А. Тирпицем, когда он занял должность руководителя Военно-морского министерства[327].

Весной 1897 г. Вильгельм II под влиянием событий вокруг депеши П. Крюгеру, обострившей германо-британские отношения, а также, стремясь в короткие сроки создать сильный флот, решил призвать А.Тирпица на пост статс-секретаря

---

[323] Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Т. 1—2. СПб., 1895.

[324] *Будиловский И.В.* Военные флоты иностранных государств и морская справочная книжка на 1891. СПб., 1891. С. 210—251.

[325] *Романов А.М.* Сравнительные таблицы военных флотов Англии, России, Франции, Германии, Италии, Австрии, С-А. С. Шт. и республик Южной Америки. СПб., 1897.

[326] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 134.

[327] Альфред фон А. Тирпиц // *Скрицкий Н.В.* Сто великих адмиралов. М., 2003. С. 353—359.

Адмирал А. фон Тирпиц, статс-секретарь Военно-морского министерства в 1897—1916 гг.

Военно-морского ведомства[128]. Ф. фон Гольман, об отстранении которого вопрос решался еще в начале 1896 г.[129], в том числе и по причине неприятия тирпицевских планов, был уволен[130]. Когда вопрос об отставке окончательно прояснился, Верховное морское командование решило вернуться к положениям своего меморандума 1895 г.[131].

2 мая 1897 г. адмирал Э. фон Кнорр представил кайзеру документ, в котором прописывались первоочередные задачи германского флота в мирное и военное время[132]. В войне против Франции и России флот должен был добиться полного господства в Северном и Балтийском морях. Только тогда можно было оказывать эффективную поддержку с моря действиям сухопутных сил и обеспечивать бесперебойное морское снабжение страны импортным сырьем и продуктами питания. Таким образом, основной акцент был сделан на формирование флота в «домашних водах».

---

[128]Это было, несомненно, одним из самых удачных кадровых решений кайзера. Современники А. Тирпица, даже из числа его недоброжелателей, называли его «блестящим организатором, выдающимся и искусным политиком, самым значимым после Бисмарка министром и государственным деятелем». См.: *Einem K.* Erinnerungen eines Soldaten. 1853 bis 1933. Leipzig, 1933. S. 152; *Monts A.* Erinnerungen und Gedanken des Botschafters Graf Monts. Berlin, 1932. S. 407.

[129]В ноябре 1896 г. Ф. фон Гольман представил план морского финансирования, предусматривавший в основном усиление крейсерского флота (строительство одного броненосца и трех крейсеров разных классов). В начале марта 1897 г. данный вопрос рассматривался в бюджетной комиссии Рейхстага. Депутаты отвергли заявку Ф. фон Гольмана. 20 марта 1897 г. Рейхстаг утвердил строительство только одного броненосца, отказавшись от расходов на крейсера. Кайзер был вне себя и серьезно думал о государственном перевороте и роспуске парламента. В итоге все свелось к замене членов правительства. В отставку был отправлен ряд ключевых министров. В их числе — Ф. фон Гольман и статс-секретарь Иностранного ведомства А. Маршалль фон Биберштейн. Вместо них были призваны А. Тирпиц и Б. фон Бюлов. См.: *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 313—321. Б. фон Бюлов, оценивая состояние взаимоотношений с Великобританией, отмечал их сложность в связи с активной конкурентоспособной деятельностью германского капитала и намечаемым строительством флота для его защиты. Поэтому во избежание преждевременного столкновения, ввиду отсутствия мощного флота, как говорил Б. фон Бюлов, следовало проводить «спокойную, осторожную и эластичную политику» по отношению к британцам, что само по себе было очень трудно и напоминало решение задачи «... квадратуры круга, или, еще лучше, изготовление деревянных ножей из железа». См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935. С. 62, 193.

[130]*Kennedy P.M.* Fischer and Tirpitz compared // *Kennedy P.M.* Strategy and Diplomacy. London, 1983. P. 117

[131]В этом документе давалось видение перспектив развития германского флота. См. Memorandum des Oberkommandos der Marine für den Staatasekretär des Reichsmarineamts, Vizeadmiral Hollmann, vom 14 Februar 1895 zu den Chancen der Marine in künftigen Seekrieg // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 99—102.

[132]*Steinberg J.A.* Op. cit. P. 120—122.

Броненосец «Sachsen». Корабли этого типа к 1897 году физически и морально устарели

Через восемь дней, 10 мая 1897 г., Э. фон Кнорр и В. фон Бюксель подготовили еще один меморандум, где обосновывался количественный состав германского флота, который требовался для выполнения поставленных задач. Речь шла в общей сложности о 28 кораблях, которые планировалось иметь к 1910 г. У Франции и России, по подсчетам немцев, к этому времени могло быть 20 кораблей[333]. Представленный Верховным морским командованием расчет несколько превосходил цифры, названные кайзером в апреле 1897 г. Критика меморандума со стороны кайзера и Военно-морского ведомства обусловила проведение 19 мая 1897 г. в Висбадене согласительного обсуждения все трех заинтересованных сторон. На нем окончательно был утвержден «Закон о флоте», согласно которому планировалось к 1910 г. располагать 25 кораблями[334]. Правда, восемь единиц из них должны были относиться к устаревшим типам «Siegfried» и «Sachsen». По словам историка И. Ламби, этот документ был компромиссом между кайзером, Верховным морским командованием и Военно-морским ведомством[335]. Каждая из участвовавших в его составлении сторон сумела, в разной степени, отстоять свои позиции.

Вместе с тем, по принципиальным вопросам развития флота Верховное морское командование все-таки добилось победы над Военно-морским ведомством.

---

[333] *Hallman H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. S. 242.

[334] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971. S. 105.

[335] *Lambi I.N.* Op. cit. P. 138.

В своих оперативных планах оно исходило из идеи стратегического наступления, прежде всего, на французское побережье с тем, чтобы не допустить блокады германских портов. Правда, с учетом слабого состояния германского флота, это была бы очень рискованная операция. Кроме того, ее осуществление во многом зависело от позиции Великобритании, поскольку только там германские военные корабли, «находящиеся не в самом лучшем состоянии», могли ремонтироваться и запасаться углем[336].

Стратеги Верховного морского командования, прежде всего Э. фон Кнорр и разделявшие его позиции другие адмиралы, возлагали большие надежды на то, что Лондон будет соблюдать право нейтрального государства, согласно Парижской морской декларации, если речь пойдет о торговле с германскими портами. В этом случае, как они считали, французам не удастся установить так называемую дальнюю блокаду и лишить Германию столь необходимого импортного сырья и продовольственных товаров. Путем фрахта или под защитой нейтрального флага будет обеспечена их поставка. Однако Верховное морское командование не давало прямой ответ на вопрос, как будет складываться ситуация в случае присоединения Великобритании к противникам Германии. Возможно, они, как в свое время Л. фон Каприви, надеялись на то, что торговые суда смогут ускользнуть от французских крейсеров.

Однако если говорить об идее меморандума, то она сводилась к необходимости достижения морского господства. Ввиду того, что Верховное морское командование опасалось блокады германских гаваней, оно предлагало обеспечить морское господство в отечественных водах путем 30-% превосходства над силами врага. Исходя из этой констатации, и было определено необходимое для германского флота число новых кораблей.

А. Тирпиц, занявший уже в начале июня 1897 г. пост военно-морского статс-секретаря[337], оценил проект «Закона о флоте» адмиралов Э. фон Кнорра и В. фон Бюкселя как «совершенно негодный»[338]. Главная причина столь нелестной оценки заключалась в концептуальном расхождении взглядов военно-морского статс-секретаря на будущее германского флота. Э. фон Кнорр и В. фон Бюксель основную ставку сделали на большой в численном отношении крейсерский флот, призванный, по их мнению, в полной мере обеспечивать защиту германских заморских территорий. А. Тирпиц легко переубедил своих оппонентов и исправил законопроект в духе собственной концепции[339].

Глава Военно-морского ведомства по-другому оценивал возможные действия тех же французов и соответственно иначе видел основной характер представленного документа. Он считал, что речь идет не о стратегическом наступлении, а о стратегической обороне. Верховное морское командование, по мнению А. Тирпица, думает настичь противника в Северном и Балтийском морях для того, чтобы разбить его там и тем самым обеспечить бесперебойный импорт. Но французы поступят иначе. В то время как германский флот станет их ждать в

---

[336] *Lambi I.N.* Op. cit. P. 107.
[337] *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 110.
[338] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 127.
[339] Там же. С. 128—129.

Северном море, они, без больших усилий, установят дальнюю блокаду в районах пролива Ла-Манш и севера Англии, то есть на дальних подступах к германским берегам, перекрывая, таким образом, от $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ всего импорта[340]. Поэтому А. Тирпиц предлагал осуществить стратегическое наступление на северное французское побережье с целью блокирования или разгрома неприятельских военно-морских сил и тем самым обеспечить германское господство на море. При этом А. Тирпиц также признавал, что успех задуманного предприятия будет зависеть от позиции Великобритании. Только он, в отличие от Верховного морского командования, по-прежнему считал, что даже слабый германский флот может служить сдерживающим фактором для англичан.

На первой же встрече с Вильгельмом II 15 июня 1897 г.[341] уже в должности военно-морского статс-секретаря, А.Тирпиц повторил организационные и политические требования, которые он озвучил еще в январе предыдущего года[342]. Он подчеркнул необходимость сосредоточения всех вопросов, касающихся развития флота, в его руках. Морской министр считал необходимым объединение усилий рейхсканцлера, прусского правительства, других правительств, а также имперских министерств иностранных дел и финансов в направлении принятия «Закона о флоте». Центральным положением данного документа, по его убеждению, должно стать создание нового боевого линейного флота. А. Тирпиц сокрушался по поводу «потерянного десятилетия»[343], в результате которого Германия попала в «политически опасную зону», и стремился наверстать упущенное время.

Как отмечается во многих исследованиях, посвященных событиям европейской истории 90-х гг. XIX в., в германском обществе, особенно в среде деловых людей, как аграриев, так и промышленников, начинает постепенно формироваться положительное мнение в пользу новой морской политики. Определяющими причинами этому являлись экономические противоречия с бурно развивающимися США (осуществлявшими на мировой и европейский рынки дешевый экспорт сельскохозяйственной и металлургической продукции), а также с англичанами в колониях[344]. Еще в декабре 1895 г. в письме к А. фон Штошу[345] А. Тирпиц обосновывал необходимость строительства военного флота защитой

---

[340] *Hallman H.* Op. cit. S. 240.

[341] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 4—5. Notizen des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immediavortrag am 15 Juni 1897 über das Flottenrustüngsprogramm // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 134—136.

[342] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/3, AB 270—271. Notizen des Konteradmirals Tirpitz für den Immediatvortrag am 28 Januar 1896 zu den politischen Voraussetzungen des Kampfes um das Flottenrüstungsprogramm // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 109—111.

[343] Под «потерянным десятилетием» А. Тирпиц имел в виду период с 1888 по 1897 гг. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 86.

[344] *Czaja M.* Die USA und ihr Aufstieg zur Weltmacht um die Jahrhundertwende. Berlin, 2006.

[345] BA—MA. Freiburg, Nachlass Tirpitz. № 253/321. Auszug aus dem Brief des Konteradmirals Tirpitz an Admiral v. Stosch vom 21 Dezember 1895 zur administrativen Zusammenfassung der Seeinteressen des Reiches // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 103—105.

отечественных «морских интересов», имея в виду внешнюю морскую торговлю, экспортную промышленность, рыболовство, пароходные компании и военный флот. Причем Германия, если стремится оставаться великой державой, по его словам, должна постоянно энергично расширять свои «морские интересы»[346].

Выдвигая концепцию будущего линейного флота Германии, А. Тирпиц понимал, что эта сила является не самоцелью, а средством борьбы за место «под солнцем». Экономическое соперничество германского и британского капиталов не только на так называемых «некапитализированых территориях», но и на землях, которые исконно считались сферой влияния и господства «туманного Альбиона», неизбежно должно будет привести к обострению отношений между двумя государствами вплоть до военного столкновения. Вот тогда и понадобится мощный флот как главный аргумент в споре с «морской владычицей мира». Единственным вариантом избежать такого противостояния было сохранение Германии на уровне отсталой аграрной страны, что являлось неприемлемым[347]. В подтверждение этой мысли А. Тирпиц ссылался на слова такой бесспорно авторитетной личности в германской политике, как О. фон Бисмарк, сказанные им в 1898 г., когда Германия еще не имела сильного флота. Отставной канцлер выражал озабоченность по поводу ухудшения отношений между Германией и Великобританией. И, как он говорил дальше: «к сожалению, ему неизвестно никакое средство против этого, за исключением того, чтобы взять в шоры нашу германскую промышленность, а это средство вряд ли применимо»[348].

А. Тирпиц отмечал в своих воспоминаниях, что у Германии «не было иного пути к мировому могуществу, кроме постройки флота. Никакой народ не может достичь высшей ступени благополучия даром, не может получить это благополучие в подарок. Морское могущество было естественной и необходимой функцией нашего хозяйства, которое в области мирового влияния оспаривало первенство у Англии и Америки, опередив все другие народы. Подобное положение опасно и сохранить его невозможно, если налицо не имеется внушительной морской силы, которая делает для конкурента весьма рискованной попытку посредством войны поразить насмерть преуспевающего соперника»[349].

Впрочем угроза для Германии, как считал А. Тирпиц, может исходить не только со стороны Великобритании. Это касалось также Америки, славян и «монголоидной расы во главе с Японией...»[350]. Чтобы им успешно противостоять, немцам нужна была политическая и военная мощь. А. Тирпиц никогда публично не заявлял, что создаваемый им флот направлен против Великобритании, он всегда подчеркивал его оборонительный характер. Его страна, по словам А. Тирпица, не стремилась к войне с англичанами, «лишенная флота Германия тщетно искала союза с Англией...». Более того, британцы, примерно с 1895 г., хотели поставить немцев «на колени».

---

[346] *Hallman H.* Op. cit. S. 125.

[347] *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart, 1924. S. 3.

[348] См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 218.

[349] Там же. С. 252.

[350] *Deist W.* Op. cit. S. 110—111.

Причина изначальной враждебности Великобритании к Германии, по глубокому убеждению А. Тирпица, крылась в торгово-экономических успехах его соотечественников. При этом он ссылался на очень показательную в этом отношении антигерманскую статью, которая была опубликована в 1897 г. в одной из британских газет. В ней говорилось: «Бисмарк уже давно признал, что, как начинает, наконец, понимать и английский народ, в Европе существует две великие, непримиримые, направленные друг против друга силы, две великие нации, которые превращают в свое владение весь мир и желают требовать с него торговую дань. Англия ... и Германия... немецкий коммивояжер и английский странствующий торговец соперничают в каждом уголке земного шара, миллион мелких столкновений создает повод к величайшей войне, которую когда-либо видел мир. Если Германия была бы завтра стерта с лица земли, то послезавтра во всем свете не нашлось бы англичанина, который не стал бы от этого богаче. Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство; неужели им теперь не следует воевать за ежегодный торговый оборот в пять миллиардов?»[351].

Правда, А. Тирпиц почему-то в своих воспоминаниях ничего не говорит о своей неопубликованной речи, подготовленной для выступления в Рейхстаге в марте 1896 г.[352] В ней он призывал сосредоточить все силы страны на создании такого флота, который позволил бы Германии выйти на «парадную лестницу мира» — Атлантический океан[353]. С учетом мирового морского статуса Великобритании это означало не что иное, как призыв к ее ниспровержению, то есть к войне против британцев, когда будет создан новый мощный германский флот[354].

В июне 1897 г. А. Тирпиц сделал набросок будущей программы строительства флота. Он констатировал, что с военной точки зрения имеющийся у Германии небронированный флот является бесполезным в сражении с бронированными кораблями. Поэтому стране нужен совершенно иной боеспособный флот. В представлении А. Тирпица, он должен состоять из 21 линейного корабля, восьми броненосцев, охраняющих побережье, 16 броненосных и 30 легких крейсеров[355]. Примечательно, что эти силы должны были быть направлены против Великобритании[356]. Вместе с тем, А. Тирпиц понимал, что ограничения экономического, финансового, а также политического характера не позволяют надеяться на то, чтобы создать вплоть до 1905 г. больше чем одну двойную эскадру без какого-либо резерва[357]. Буквально через месяц он дал развернутый план построения будущих военно-морских сил страны.

---

[351] См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 220.

[352] В начале 1896 г. А.Тирпиц считал, что вопрос о его назначении военно-морским статс-секретарем уже практически решен. В этой связи он сделал наброски своей речи перед депутатами Рейхстага. См.: *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 307.

[353] Там же. С. 308.

[354] Там же.

[355] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 4—5. Notizen des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immediavortrag am 15 Juni 1897 über das Flottenrüstungsprogramm // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 135.

[356] Ibid.

[357] *Lamby I.N.* Op. cit. P. 141.

Главной темой июльского меморандума 1897 г.[358], составленного при активном участии Г. Алефельда, Г.А. Мюллера, Г. фон Поля, Ф. фон Ингенола и Э. Капелле[359] и представленного Вильгельму II, являлось определение количественного и качественного состава германского флота, который способен действовать против нового морского противника — Великобритании. Можно сказать, что данный документ явился поворотным пунктом в истории кайзеровской Германии, поскольку такая формулировка имела далеко идущие политические и военные последствия.

Определяя главным морским соперником Германии Великобританию, А. Тирпиц отмечал, что крейсерская и так называемая трансокеанская война против нее бесперспективна. У Германии слишком мало заморских опорных пунктов, кроме того, британцы обладают значительным преимуществом в крейсерах. Поэтому германский флот должен действовать там, где в наибольшей и в лучшей степени могут раскрыться его боевые качества. А. Тирпиц называл район между Гельголандом и Темзой[360]. Данный выбор определялся также еще и тем обстоятельством, что позволял германским военным кораблям, учитывая их возможности в запасах угля, одновременно, в случае необходимости, осуществлять операции против Франции от Бреста до Шербура и против России вплоть до Кронштадта.

Если в отношении этих противников возможно применение крейсеров, то в отношении Великобритании требовались главным образом линейные корабли[361]. Оценивая весь научный, технический, производственный и людской потенциал Германии, А. Тирпиц приходил к тому же принципиальному выводу, за исключением некоторых нюансов, что он сделал в «Меморандуме № IX». По его мнению, к 1905 г. у немцев должны быть один флагманский корабль, две эскадры по восемь линейных кораблей, два корабля в качестве резерва. Кроме того, их дополняли еще одна броненосная эскадра по защите побережья, шесть броненосных и 18 легких крейсеров[362]. Представленный документ был одобрен Вильгельмом II, который позже писал, что «адмирал А. Тирпиц приступил к делу по одобренной Мной программе. Вложив в это дело всю свою железную энергию, силы и здоровье, он быстро сдвинул с места вопрос о флоте»[363].

Изначально, начав работу над программой строительства флота, военно-морской статс-секретарь стремился облечь ее в форму закона. При этом в полной мере учитывался опыт прошлых лет взаимодействия Военно-морского ведомства

---

[358]BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 8—18. Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, vom Juli 1897. «Allgemeine Gesichtspunkte bei der Feststellung unserer Flotte nach Schiffsklassen und Schiffstypen» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 122—127.

[359]*Steinberg J.A.* Yesterday's deterrent. P. 129.

[360]Ibid. BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 8—18. Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, vom Juli 1897. «Allgemeine Gesichtspunkte bei der Feststellung unserer Flotte nach Schiffsklassen und Schiffstypen» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 122.

[361]Ibid. S. 123.

[362]Ibid. S. 124—126

[363]*Вильгельм II.* Указ. соч. С. 158.

Здание Рейхстага в конце XIX века

с парламентом. Как отмечал сам А. Тирпиц, «Закон о флоте», принятый сразу на несколько лет, избавил бы Рейхстаг от ежегодных «дебатов по каждому отдельному кораблю». В свою очередь Военно-морское министерство смогло бы, наконец, получить возможность требовать не то, что можно было провести через парламент с его вечно меняющимся большинством, а то, что действительно требовалось для флота[364].

Строительство новых военно-морских сил требовало времени и мира. Поэтому А. Тирпиц стремился к тому, чтобы как можно меньше привлекать к Германии внимание непродуманными как внутренними, так и внешнеполитическими акциями. Он призывал избегать конфликтов[365]. Только такая уравновешенная политика могла бы предупредить превентивную войну со стороны Великобритании с целью удушения германского флота в зародыше[366]. В последующем у А. Тирпица и у других германских военно-морских стратегов, когда процесс создания нового флота перешел в практическую плоскость, сформировался так называемый «комплекс Копенгагена», который самым непосредственным образом влиял на политику, прежде всего, в отношении Великобритании, а также других мировых держав[367].

---

[364] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 134.

[365] Там же. С. 212—213.

[366] Там же. С. 221.

[367] *Steinberg J.A.* Der «Kopengagen-Komplex» // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». H. 3. München, 1967. S. 31—59.

Граф Франц фон Баллерштрем президент Рейхстага в 1898—1907 гг.

Возвращаясь к июльскому меморандуму, нельзя не отметить, что А. Тирпиц основное внимание уделил вопросу строительства кораблей, в то время как оперативные задачи германского флота остались в тени. Характеризуя Великобританию как «опаснейшего врага Германии»[368], он, тем не менее, не пошел дальше рекомендации сосредоточить против нее «такое количество линейных кораблей, какое только возможно»[369]. В отличие от военно-морского статс-секретаря, Верховное морское командование четко определяло круг задач двух эскадр по восемь линейных кораблей — осуществление стратегического наступления в войне на два фронта против Франции и России. Однако, судя по высказываниям А. Тирпица, которые он делал до июня 1897 г., нетрудно понять, что он стремился использовать германскую морскую силу в противостоянии с Великобританией в качестве удерживающего от войны фактора. Кроме того, флот должен был служить экономической экспансии отечественного капитала и обеспечивать Германии статус мировой державы.

Эти мысли он доказывал своим оппонентам и в дальнейшем, когда речь заходила о стратегии строительства нового линейного флота. В ноябре 1899 г., комментируя высказывания корветен-капитана К. фон Мальтцана и вице-адмирала Д. Вало[370], А. Тирпиц назвал не иначе как «роковым» для страны их предложение вести одновременно эскадровую и крейсерскую войну. Министр убеждал: «Мы должны концентрировать все наши силы на создании боевого флота против Англии, флота, который придаст нам значение морской державы по отношению к британцам»[371]. Не отрицая значения крейсерского флота, как это видно из июльского меморандума, военно-морской статс-секретарь все-таки отводил ему подчиненную роль, делая главную ставку в военном судостроении на линейные корабли. Таким образом, он повторял свои идеи, сформулированные им в предшествующие годы.

В 90-е гг. XIX в. Верховное морское командование стало разрабатывать оперативные планы, в которых рассматривались разные варианты войны с Великобританией. В частности, в меморандуме, составленном ещн 5 марта 1896 г. адмиралом О. фон Дидерихсом, говорилось о возможной блокаде британским

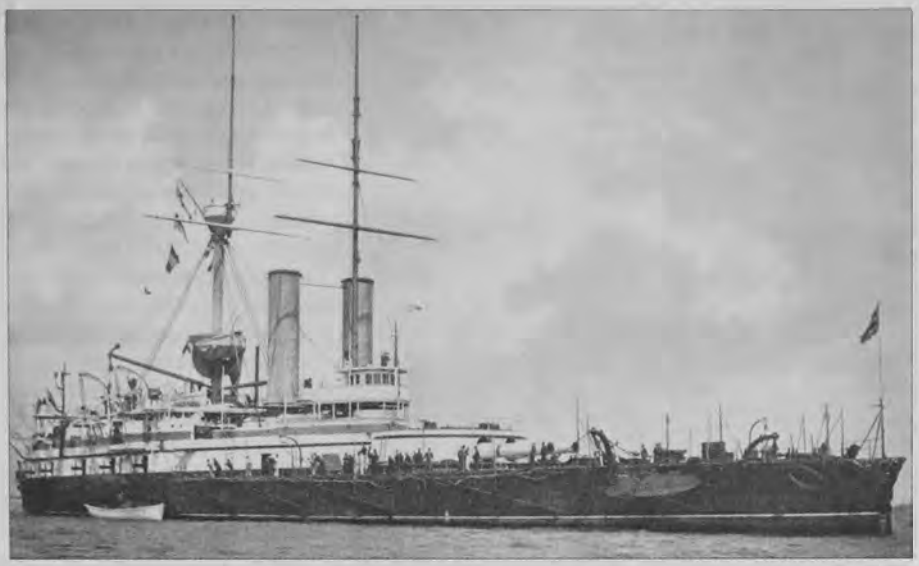
---

[368]BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 8—18. Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, vom Juli 1897. «Allgemeine Gesichtspunkte bei der Feststellung unserer Flotte nach Schiffsklassen und Schiffstypen» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 122.

[369]*Steinberg J.A.* Yesterday's deterrent. P. 208.

[370]BA—MA. Freiburg. BM 3/2, AB 77—80. Randbemerkung des Staatssekretär des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, vom November 1899 zu den strategischen Vorstellungen des Kapitans z. S. v. Maltzahn und des Vizeadmirals a. D. Valois // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 127.

[371]Ibid.

Британский броненосец «Sans Pareil». По предположениям адмирала О. фон Дидерихса германский флот мог воевать против кораблей такого класса

флотом германского побережья при военных действиях. Единственная надежда при этом возлагалась на то, что в Северном море у англичан какое-то время, до подхода основных сил из других морей, будут действовать корабли 2-го класса, против которых сможет воевать германский флот.

Конечно же, такой план не выдерживал серьезной критики, поскольку грубо недооценивал предстоящую подготовку британцев к боевым действиям, и потому был отвергнут[372]. Буквально через год, 31 мая 1897 г., начальник Морского генерального штаба Э. фон Кнорр представил Вильгельму II новый план военных действий против Великобритании, который по его поручению был составлен офицером штаба, капитаном цур зее Л. Шредером.

В этом документе так же, как и в предыдущем варианте, основная ставка делалась на быстроту и неожиданность действий со стороны Германии. Используя время, необходимое англичанам для стягивания основных морских сил в Северное море[373], германская сухопутная армия должна была молниеносным и внезапным броском выйти на бельгийское побережье и захватить порт Антверпен и устье реки Шельды. С этого плацдарма германские части могли бы десантироваться на британское побережье[374].

---

[372] *Kennedy P.M.* The development of German naval operations plans against England 1896—1914 // The War Plans of the Great Powers. P. 171—198.

[373] Э.Кнор оценивал этот временной промежуток в 15 суток. Ibid.

[374] Ibid.

Генерал-фельдмаршал граф Альфред фон Шлиффен, начальник германского Генерального штаба в 1891—1905 гг.

Совершенно очевидно, что в разработке Кнорра-Шредера основное значение придавалось действиям сухопутной армии, в то время как флоту отводилась вспомогательная роль. Впрочем, это было и неудивительно, учитывая состояние военно-морских сил Германии. Нелицеприятные слова Вильгельма II, сказанные им при восшествии на престол в 1888 г. о флоте, в полной мере можно было отнести и к 1897 г.[375].

Эту же мысль подтвердил и А. Тирпиц в разговоре с рейхсканцлером Х. фон Гогэнлоэ в октябре 1898 г. Военно-морской министр охарактеризовал идею вторжения на британские острова не иначе как безумной, поскольку она изначально была обречена на провал без обеспеченного германского морского превосходства на Северном море. «Даже если бы нам удалось высадить два армейских корпуса — говорил А. Тирпиц — нам бы это ничего не дало, поскольку два армейских корпуса недостаточно сильны, чтобы удержать плацдарм в Англии без подкреплений». Переброска же дополнительных войсковых подразделений, понятно, была возможна только морем, а там господствовал британский флот. Поэтому любые разговоры о десантировании на британские острова вообще не имели, по убеждению А. Тирпица, какого-либо смысла, пока германский флот «не станет таким же сильным, как и британский»[376].

Идея адмирала Э. фон Кнорра была отвергнута еще и потому, что основные усилия Генерального штаба во главе с А. фон Шлиффеном были направлены на разработку планов войны против главных континентальных держав — Франции и России. Отвлекаться еще на Великобританию не представлялось возможным[377]. Кроме того, при осуществлении предложенного плана возникала бы международная проблема нарушения нейтралитета Бельгии и Нидерландов, хотя Л. Шредер в сопроводительном письме и пытался доказать ее малую значимость. В частности, он говорил о недопустимости ставить в зависимость будущее германского государства, судьба которого должна была решиться в германо-британской войне, от соблюдения границ двух небольших европейских государств. К тому же и сами англичане, по его словам, не придерживались норм международного права, когда затрагивались их национальные интересы[378].

Однако подобная аргументация на тот момент еще не воспринималась гражданскими и военными властями Германии как бесспорная. Они не могли полностью игнорировать проблему нарушения границ Бельгии и Нидерландов. По-

---

[375]Вильгельм II, в частности, сказал, что германский флот «находился еще в первоначальной стадии своего развития». См.: *Вильгельм II.* Указ. соч. С. 155.

[376]См.: *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K.* V.Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Bd. 3. S. 464.

[377]*Kennedy P.M.* Op. cit. P. 171—198.

[378]*Steinberg J.A.* German plan for the invasion of Holland and Belgium // The War Plans of the Great Powers. P. 155—170.

этому тактические вопросы, касающиеся действий германского флота в случае войны с Великобританией, оставались открытыми, пока не был создан новый линейный флот.

В самой Германии идея строительства линейного флота имела как сторонников, так и противников. Борьба между ними носила серьезный характер, что признавал и сам А. Тирпиц[379]. В такой достаточно напряженной политической обстановке он начал работу по подготовке первого «Закона о флоте». 19 июня 1897 г. А. Тирпиц дал задание бюджетному отделу своего ведомства подготовить проект этого документа на основе уже сделанных им предложений по строительству флота[380]. Через два дня, 21 июня 1897 г., был создан информационный отдел под руководством соратника А. Тирпица А. фон Хеерингена[381], которому поручалось путем тесных контактов с депутатами Рейхстага, прессой и националистически ориентированными группами изменить настроение общественности в пользу флота[382]. По словам капитан-лейтенанта А. фон Хеерингена, его работа в период с лета 1897 до начала 1898 г. была очень плодотворной и осуществлялась сразу в нескольких направлениях. В их числе было разностороннее сотрудничество с прессой, поддержка набиравших силу Колониального общества, Пангерманского союза, Флотского союза, а также отдельных личностей, занимавшихся пропагандой флота.

А.фон Тирпиц (слева) и А. фон Хеерингеи

Особым вниманием пользовались известные люди из научного и политического мира. Сотрудники информационного бюро их всячески поощряли и

---

[379] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 149.

[380] *Steinberg J.A.* Yesterday's deterrent. P. 130.

[381] BA—MA, Freiburg. RM 3/9951 Auszug aus der Denkschrift des Fregattenkapitäns v. Heeringen vom 24. September 1900 über Aufgaben und Arbeitsmethoden des Nachrichtenbureaus // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 202.

[382] *Deist W.* Op. cit. S. 100—145.

оказывали им действенную помощь при подготовке выступлений. Параллельно с этим шла активная публикация научных работ по исторической, экономической, военно-морской тематикам, в которых, так или иначе, говорилось о необходимости защиты морских интересов Германии[383]. Их дополняли статьи в известных газетах, еженедельниках, в солидных журналах. Причем качество публикуемого материала постоянно совершенствовалось, что напрямую влияло на изменение настроения в обществе по отношению к флоту.

Вместе с тем, опыт пропагандистской кампании показал, что крупные берлинские газеты при раскрытии морской темы со временем стремились стать независимыми от информационного бюро Военно-морского ведомства. Исключение, пожалуй, составляла газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», являвшаяся официозным печатным органом[384].

Через два года, когда вновь будет готовиться пропагандистская акция по агитации за принятие второго «Закона о флоте» 1900 г., ведомство А.Тирпица, помимо известных в стране печатных изданий, будет привлекать к этому делу и журналистов маленьких провинциальных газет «с их свежими взглядами и идеями на германский флот»[385].

Очень эффективной оказалась деятельность ежегодника во главе с Э. Галле. Это периодическое издание было образовано в недрах все того же Военно-морского министерства. Его членами были экономисты, а также представители HAPAG, Немецкого банка, Немецкого восточного банка и других финансово-промышленных организаций. Данное издание помещало на своих страницах наиболее верную информацию, имеющую большую экономическую, военно-морскую и техническую значимость. Оно было менее тенденциозно, чем другие агитационные издания и тем самым вызывало к себе больше доверия.

В немалой степени этому также способствовало привлечение в качестве сотрудников авторитетных и известных специалистов из разных научно-технических сфер, чья работа очень хорошо оплачивалась[386]. В направлении морской пропаганды успешно работало и Германское колониальное общество, заинтересованное в наличии мощных военно-морских сил флота для защиты колониальных интересов[387]. Сам А. Тирпиц не сидел без дела, а вел активную разъяснительную работу среди представителей делового мира Германии[388]. Впрочем, юнкерство как социальная опора прусской власти и армии в последующем также стало проявлять больше благосклонности к новому флоту, чем это было первоначально[389].

---

[383]BA—MA. Freiburg. RM 3/9951 Auszug aus der Denkschrift des Fregattenkapitäns v. Heeringen vom 24. September 1900 über Aufgaben und Arbeitsmethoden des Nachrichtenbureaus // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 202.

[384]Ibid.

[385]Ibid. S. 207.

[386]Ibid. S. 209.

[387]*Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 304.

[388]*Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 214; *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 129.

[389]*Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 337.

Результатом массированной пропаганды[390] стало изменение настроения даже среди левых либералов, выступавших ранее против строительства флота. Непреклонным оставалось левое крыло Партии свободомыслящих и социал-демократы[391]. А. Тирпиц и его команда[392] сумели переубедить большую часть парламентариев в окончании так называемой «безориентированной морской политики» и недопустимости прежних «безбрежных морских планов», которые пытался защищать совсем недавно Ф. фон Гольман. Отныне морская политика имела четко поставленные цели и задачи и строго прописанное финансовое обоснование. Это не могло не импонировать депутатам Рейхстага[393].

Несомненно, утверждению популярности новых планов строительства флота среди немцев в немалой степени способствовали и антигерманские публикации в британских газетах и журналах. К печатным изданиям, находившимся под влиянием С. Родса, А. Бейта и выражавшим неприкрытое раздражение германской колониальной политикой, стали постепенно присоединяться газеты, ориентированные на высшие политические круги. К ним относились такие известные газеты, как «Times», «Saterday Review», «Morning Post» и некоторые другие.

Несмотря на это, по мнению историка Г. фон Хальгартена, в этот период «политическая враждебность по отношению к другим государствам перевешивала антипатию Англии к Германии». На появившуюся 11сентября 1897 г. статью в «Saterday Review» под названием «Germania est delenda» (Германия должна быть разрушена) на британских островах мало кто обратил внимание, особенно представители торгово-промышленных кругов, связанные деловыми отношениями с германским капиталом. Однако для А. Тирпица эта публикация была лишним доказательством непримиримости англичан к немцам и дополнительным обоснованием необходимости принятия военно-морской программы[394].

6 октября 1897 г. проект «Закона о флоте» стал темой обсуждения для прусского правительства, в заседании которого приняли участие рейхсканцлер Х. фон Гогенлоэ, министр финансов И. Микель, министр иностранных дел Б. фон Бюлов, военно-морской министр А. Тирпиц и другие высокопоставленные чиновники[395]. В ходе обсуждения высказывались отдельные замечания по некоторым положениям этого документа, но, в общем, практически все согласи-

---

[390] А. Тирпиц в пропагандистской деятельности «качественно и количественно» превосходил своего предшественника Ф. Гольмана. Последний лишь периодически, время от времени, помещал в национал-либеральной и официальной прессе статьи о флоте. См.: *Ерусалимкий А.С.* Указ. соч. С. 333.

[391] *Klein F.* Deutschland 1897/98 bis 1917 (Deutschland I der Periode des Imperialismus bis zur Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution). Berlin, 1969. S. 60—61.

[392] По словам самого А. Тирпица, в своей работе он всегда руководствовался девизом Нельсона «We are band of brothers». См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 130.

[393] *Kehr E.* Schlachtflottenpolitik und Parteipolitik. S. 125.

[394] См.: *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 181.

[395] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4. Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Preussischen Staatsministeriums vom 6 Oktober 1897. Beratung über den Entwurf eines Flottengesetzes // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 136—146.

Киль. Торговый порт и завод «Germaniawerft». С открытки конца XIX в.

лись с тезисом А. Тирпица, что в отношении флота также необходим закон, как это уже сделано в отношении армии. В нем должно быть отражено, в первую очередь, количество строящихся кораблей, их тип, время постройки и финансовые затраты[396].

Вместе с тем, как подчеркивал военно-морской статс-секретарь, главный смысл «Закона о флоте» заключается не столько в узаконивании строительства 14 или 19 линейных кораблей, сколько в обеспечении «величия Германии», которое даст ей новый флот[397]. Естественно, решение этой национальной по своему значению задачи потребует немало расходов.

По мнению А. Тирпица, планируемый в 1897/1898 г. бюджет «Закона о флоте» в 120 млн марок, в последующие семь лет, на которые он рассчитывался, то есть к 1904/1905 г., возрастет до 150 млн марок[398]. Однако это не вызвало каких-либо серьезных возражений. Многие из присутствующих высказывали законные опасения относительно трудностей голосования в Рейхстаге по «Закону о

[396]Eigenhändigen Notizen des Admirals von Tirpitz für die Sitzung des Preussischen Staatsministeriums vom 6 Oktober 1897 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 163.

[397]Ibid. S. 165.

[398]BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4. Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Preussischen Staatsministeriums vom 6 Oktober 1897. Beratung über den Entwurf eines Flottengesetzes // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 136—146.

флоте» ввиду известной «антиморской» позиции партии «Центра». Чтобы не накалять страсти в обществе по этому поводу раньше времени, на заседании решили проект закона оставить пока втайне от прессы[399].

Вся последующая работа А. Тирпица во многом была связана с продолжением «подготовки» общественности и лидеров политических партий в Рейхстаге к принятию «Закона о флоте». Вплоть до того, как в Рейхстаге начались слушания по проекту закона, по его поручению шли интенсивные переговоры с «проблемными партиями»[400].

В своей пропагандистской деятельности Военно-морское ведомство вовсю пыталось раскрыть и доказать связь между новым флотом и экономическими интересами Германии[401], расширяя тем самым число своих сторонников как в самом Рейхстаге, так и за его стенами[402]. Эта разносторонняя пропаганда подпитывалась мощной финансовой поддержкой со стороны промышленных кругов, которые напрямую получали экономическую выгоду от развития флота[403].

В ноябре 1897 г. А. Тирпиц представил обоснование проекта первого «Закона о флоте». В качестве доводов в пользу его принятия использовались аргументы, приводимые еще при защите морского плана А. фон Штоша. Военно-морской статс-секретарь говорил, что если бы сейчас началась война, то Германия вместо имеющихся у нее по списку 14 линейных кораблей в лучшем случае смогла бы выставить только семь. Из других семи кораблей два находятся в ремонте, три вообще небоеспособны, а еще два не сошли со стапелей. Такая же не очень радостная картина морской защищенности германских владений и торговли наблюдалась и за границей.

---

[399] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4. Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Preussischen Staatsministeriums vom 6 Oktober 1897. Beratung über den Entwurf eines Flottengesetzes // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 146.

[400] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 206—207. Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Capelle vom 6 Oktober 1897 über Unterredungen mit dem linksliberalen Reichatagsabgeordneten Dr. Barth zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 242—244; BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 208—209. Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Capelle über zwei Unterredungen Anfang November 1897 mit dem nationalliberalen Reichstagsabgeordneten Dr. Hammacher zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 245—247; BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 210—211. Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Capelle vom 12 Januar 1898 über Unterredung mit dem linksliberalen Reichstagsabgeordneten Rickert zum Flottengesetz // *Berghahn V. R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 247—249; *Loth W.* Katoliken im Kaiserreich. Der politische Katolizismus in der Krise des wilchelmischen Deutschlands. Düsseldorf, 1984.

[401] BA—MA. Freiburg. RM 3/9785. Auszug aus der Verfügung des Oberkommandos der Marine vom 10. Februar 1894. Bestimmungen über den Verkehr mit der Presse // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 194.

[402] *Chickering R.* We men who feel most German: a cultural study of the Pan-German League, 1886—1914. Boston, 1984. P. 60—62.

[403] *Epkenhans M.* Grossindustrie und Flottenbau 1897—1914 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1988. № 43. S. 65—140.

Граф Бернгард фон Бюлов, статс-секретарь по иностранным делам (1897—1900 гг.), рейхсканцлер (1900—1909 гг.)

Таким образом, получалось, что фактически Германия не могла ни себя защитить, ни отстоять собственные колониальные интересы. Поэтому, чтобы оставаться великой не только сухопутной, но и морской державой, требовалось безотлагательно приступить к строительству нового боеспособного флота. Он, по мнению А. Тирпица, должен был состоять из 16 линейных кораблей, о которых говорилось в «Эмском меморандуме», одного флагманского корабля, двух резервных кораблей и приданных к ним крейсеров и миноносцев. Основная задача линейного флота — защита побережья и прорыв возможной морской блокады. Именно этим определяется его численный состав. По отношению к флотам великих морских держав он способен осуществлять только функцию вылазки, контратаки. В отдельные пункты в «Законе о флоте» А. Тирпиц выделил вопросы поддержания в боевой готовности кораблей в мирное время и обеспечения их подготовленными экипажами[404].

Военно-морской статс-секретарь с оптимизмом смотрел в будущее и видел неплохие перспективы даже возможного морского противостояния с британцами. По его убеждению, отсутствие у них всеобщей воинской обязанности не позволит им укомплектовать командами большое количество кораблей, даже если они их построят. Напротив, Германия может ежегодно призывать на флот до 20 000 рекрутов, имея при этом еще и достаточный резерв[405]. Вопрос заключается только в нужном количестве новых кораблей.

В дальнейшем «Закона о флоте» был подвергнут тщательному рассмотрению с участием кайзера, А. Тирпица и Б. фон Бюлова в ходе двух- и трехсторонних встреч. На них обговаривались не только все детали будущего закона, но и форма его подачи депутатам Рейхстага. Мелочей в этом вопросе не было. Касаясь внешнеполитического аспекта «Закона о флоте», и в частности возможной реакции Великобритании на его реализацию, статс-секретарь иностранных дел замечал, что «мы не должны провоцировать Англию, но и не должны связывать с ней свою судьбу. Между Сциллой и Харибдой лежит опасная зона,

---

[404]См.: HStA Sttutgart, Berliner Gesandschaft, E 74 I Bu 100. Auszug aus Begründung zum Entwurfs des I. Flottengesetzes. November 1897 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 147—154.

[405]*Stadelmann R.* Die Epoche der deutsch-englischen Flottenrivalität // Deutschland und Westeuropa. Laupheim, 1948. S. 105.

которую нужно пройти. Для меня политическое положение сильно изменилось бы, если бы в наших новых сооружениях не так выдвигались на первый план большие суда и если бы законопроект делал упор на постройке крейсеров, торпедных лодок и береговых укреплений»[406].

С подобной трактовкой законопроекта А. Тирпиц не мог согласиться. Он приложил максимум усилий, чтобы переубедить министра иностранных дел. Впоследствии Б. фон Бюлов признал, что «адмирал А. Тирпиц с такой компетентностью и таким превосходным знанием дела обосновал в Вильгельмсгее требование сооружения линейных кораблей, что неспециалисту трудно было успешно возражать ему в этой области»[407]. С одобрением в высших берлинских военно-политических сферах нового «Закона о флоте» связано и официальное объявление Германии всему миру о своих притязаниях на место «под солнцем»[408].

Усиленная с осени 1897 г. пропагандистская кампания стала дополняться «политикой сплочения»[409]. Она осуществлялась, с одобрения кайзера, прусским министром финансов И. Микелем. Все это в итоге принесло для сторонников сильного флота положительные результаты. 28 марта 1898 г., после жарких споров и дебатов, Рейхстаг принял первый «Закона о флоте» на шесть лет[410]. За него проголосовали 212 депутатов, против — 139[411]. Во многом этому способствовало то, что, как уже отмечалось выше, документ, составленный А.Тирпицем, носил четко обоснованный и системный характер. Он имел пункт об ограничении

---

[406] *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 83.

[407] Там же. С. 83.

[408] 6 декабря 1897 г. Б. фон Бюлов, выступая перед депутатами Рейхстага, заявил, что прошли те времена, «когда немец оставлял одному из своих соседей землю, другому уступал море, а за собой оставлял лишь небо, где царствует чистая теория. Мы не хотим никого отодвигать в тень, но и себе требуем места под солнцем». См.: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstag. Bd. 1. Berlin, 1897. S. 60.

[409] «Политика сплочения» была призвана не только способствовать союзу между крупными промышленниками и юнкерами, но и склонить Рейхстаг к утверждению сформулированной нового «Закона о флоте». См.: *Stürmer M.* Das ruhelose Reich. Deutschlad 1866—1918. Berlin, 1983. S. 278—280; *Klein F.* Op. cit. S. 59—61.

[410] В первом «Законе о флоте предусматривалось создание в течение шести лет двух эскадр повосемь линейных кораблей, одного флагманского корабля, двух дивизионов по четыре броненосца береговой охраны, шести броненосных и 16 легких крейсеров в территориальных водах и трех броненосных и 10 легких крейсеров для несения службы за границей. Материальный резерв составлял два линейных корабля, три броненосных и четыре легких крейсера. Кроме того, этот закон предусматривал использование линейных кораблей и броненосцев прибрежной зоны в течение 25 лет, броненосных крейсеров — 20 лет, легких крейсеров — 15 лет. См.: Gesetz betr. Die deutsche Flotte, vom 10 April 1898 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. Urkunden und Aktenstücke. Bd. 1. T. 1. 1849—1906. Berlin, 1934. S. 334—337; Aus dem ersten Flottengesetz vom 10 April 1898 über Schiffbestand // Dokumente zur deutschen Geschichte. Bd. 1. 1897/98—1904. Berlin, 1976. S. 25—26; Увеличение германского флота. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 8. С. 38—41; *Widenmann W.* Marine-Attasche an der kaiserlich-deutschen Botschaft in London. 1907—1912. Göttingen, 1952. S. 25; *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 129.

[411] *Kaulisch B.* Op. cit. S. 88.

расходов определенным максимумом. Для его осуществления не требовались новые налоги и займы[412].

Таким образом, первый «Закона о флоте» был совершенно не похож на выдвигаемые ранее морские планы Ф. фон Гольмана, отмеченные печатью неопределенности и «безграничности». К тому же, эта «безграничность» порождала у депутатов германского парламента постоянно боязнь, что Вильгельм II их все равно рано или поздно осуществит, в том числе и путем роспуска Рейхстага[413]. По другую сторону Ла-Манша спокойно прореагировали на германское морское преобразование[414], абсолютно не подозревая, что это только первый камень в фундаменте германской военно-морской мощи.

Слабостью принятого закона было то, что он еще не создавал нужного Германии сильного флота[415], в нем не обеспечивалась стабильность в строительных темпах. Поэтому через некоторое время А. Тирпиц начал работу по подготовке расширения этого документа, используя благоприятную внутреннюю и внешнеполитическую обстановку[416]. Уже осенью 1898 г. было ясно, что в ближайшей перспективе, до истечения шестилетнего срока, военно-морской статс-секретарь хотел бы удвоить одобренный к строительству флот[417]. 28 ноября 1898 г. А. Тирпиц подготовил доклад кайзеру, в котором обосновывал необходимость таких действий. В частности были указаны конкретные трудности в деле подготовки офицерского состава. Он считал также, что плохо тратятся бюджетные деньги на строительство новых кораблей. «Закон о флоте» не учел определенные особенности в строительстве военно-морских сил, например, не уделено должного внимания финансированию доков и укреплению побережья. Однако А. Тирпиц соглашался с тем, что невозможно одновременно поддерживать на высоком уровне защиту береговой линии и создавать сильный флот, поэтому предпочтение следовало отдавать последнему направлению деятельности[418].

---

[412] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 147—148.

[413] *Deist W.* Op. cit. S. 197.

[414] На это были причины и политического, и военного характера. В отличие от русских и французов, немцы еще не рассматривались британцами как потенциальные враги. К тому же в 1898 г. соотношение флотов двух стран было таковым, что Германия совершенно не могла сравниваться с Великобританией. По данным британского морского ежегодника «Jane's Fighting Ships», у британцев на службе находилось 341 боевых кораблей разного класса, а у Германии — 69. По современным броненосцам соотношение было 26 : 4. См.: Jane's Fighting Ships. 1898. P. 35—86. Кроме того, принятый закон принципиально не менял характер германского флота. Он по-прежнему по своему составу и качеству оставался «флотом для вылазок» и потому не мог представлять угрозы для британцев. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С 147 – 148.

[415] По словам А. Тирпица, это было лишь осуществление «штошевского» плана «создания флота». Там же. С. 147.

[416] HStA Sttutgart, Berliner Gesandschaft, E 74 I Bü 100. Auszug aus Begründung zum Entwurfs des I. Flottengesetzes, November 1897 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 151.

[417] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/4, AB 217—218. Notizendes Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immedianvortrag am 28 November 1898 über den Ausbau des Flottengesetzes mit Hilfe einer Novelle // Berghahn V.R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 155.

[418] Ibid. S. 155—156.

Германские линейные корабли типа «Wittelsbach», построенной в соответствии с «Законом о флоте» 1898 года. «Mecklenburg» (вверху) и «Wettin»

Спуск на воду линейного корабля «Schwaben» (типа «Wittelsbach»)

Временем для внесения новой программы назывался 1901 или 1902 г.[419] Этот срок являлся не случайным. Помимо других причин, он позволял избежать накладок с пятилетним армейским бюджетом, завершение которого планировалось в 1903 г.

Большую финансово-экономическую помощь А. Тирпицу по подготовке принятия второго «Закона о флоте» оказывала индустрия, имеющая отношение к военному судостроению[420]. От нее не отставали торговый капитал в лице ганзейских городов, пароходные компании, связанные с заморской торговлей, а также промышленные группы, работающие на экспорт. Все они были убеждены, что сильный флот обеспечит им широкий доступ на зарубежные рынки при любых внешнеполитических обстоятельствах[421]. Такая мощная поддержка со стороны этих социальных слоев в период с 1898 по 1900 г. привела к изменению представлений о флоте. Теперь он воспринимался как действительно важный инструмент мировой политики, от состояния которого зависел рост германских морских интересов в противостоянии с самым сильным врагом на море — Великобританией.

Поставленная в ноябрьском докладе задача усиления германского флота сопровождалась усилением роли Военно-морского ведомства в формировании имперской морской стратегии, борьбой А. Тирпица против Верховного морского командования. Еще не будучи статс-секретарем, он выступал за перераспределение полномочий в пользу именно Военно-морского министерства[422]. Тем более этот вопрос был поставлен ребром, когда в июне 1897 г. А. Тирпиц возглавил ведомство. 14 марта 1899 г. кайзер Вильгельм II по его настоянию[423] издал

---

[419] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 150.

[420] *Epkenhans M.* Grossindustrie und Flottenbau. S. 65—140.

[421] *Böhm E.* Überseehandel und Flottenbau. Hanseatische Kaufmannschaft und deutsche Seerüstung 1879—1902. Düsseldorf, 1972.

[422] BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/ 3, AB 270—271. Notizen des Konteradmirals Tirpitz für den Immediatvortrag am 28 Januar 1896 zu den politischen Voraussetzungen des Kampfes um das Flottenrüstungsprogramm // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 111.

[423] *Kelly P.J.* The Naval Policy of Imperial Germany. 1900—1914. Phil. Diss. Georgetown. 1970. P. 131—136.

Адмирал Гуго фон Поль

Адмирал Фридрих фон Ингеноль

высочайшее повеление, которое изменило существовавшую до этого систему управления германскими морскими силами[424]. В результате проведенной реорганизации значительно усилилась роль Вильгельма II и А. Тирпица в формировании морской политики Германии[425]. В том же 1899 г. произошел пересмотр устаревших положений о подготовке военно-морских офицеров и комплектации флота.

В Германии традиционно почетным и социально значимым являлось офицерское звание. Становиться офицерами, как правило, могли только представители прусского дворянства. Исторически служба в сухопутной армии для них являлась одним из основных занятий. Принадлежность к офицерской «касте», помимо престижности, открывала немалые возможности для выхода в высшие круги германского общества. С развитием военно-морского флота в Германии возникла определенная проблема формирования офицерского корпуса, поскольку по своему убеждению и воспитанию дворяне туда не шли. По мнению германского историка Х.Х. Хервига, дворяне-офицеры в германском флоте в начале XX в. составляли чуть больше десяти процентов. Известные по довоенному и военному времени адмиралы и флотоводцы кайзеровской Германии такие, как Г.А. фон Мюллер, А. фон Тирпиц, Ф. фон Ингеноль, Г. фон Поль, Л. фон Шредер, Ф.Р. фон Хиппер и некоторые другие были выходцами из так называемого «третьего сословия», сумевшими своей службой добиться не только высоких флотских чинов, но и дворянского титула[426].

---

[424] Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Германия. Ч. I. СПб., 1904. С. 16—17.

[425] Согласно данному документу, упразднялась должность командующего адмирала. См.: *Kaulisch B.* Op. cit. S. 93 – 94. Верховное морское командование распускалось. Вместо него создавался штаб Адмиралтейства, как подчиненное императору подразделение, занимающееся военным планированием. См.: *Petter W.* Op. cit. S. 220. Все назначения морских офицеров, производившиеся ранее командующим адмиралом, теперь являлись прерогативой кайзера. Вильгельм II ввел такие должности, как главный инспектор и начальник флота. Одной из задач последнего являлась подготовка и осуществление ежегодных осенних маневров германских военно-морских сил. См.: Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Германия. Ч. I. С. 16—17.

[426] См.: *Herwig H.* Zur Soziologie des Kaiserlichen Seeoffizerkorps vor 1914 // Marine und Marinepolitik im Kaiser lichen Deutschland. 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 180—181; Walz N. «Und Wir verrosten im Hafen». Deuschland, Grossbritanien und der Krieg zur See 1914—1918. München, 2013. S. 32—33.

В итоге была утверждена новая редакция «Положения пополнения офицерского корпуса», дополненная некоторыми статьями в 1900 г.[427] Одним из важных нововведений стало то, что все заведения и учреждения, которые занимались обучением и подготовкой будущих морских офицеров, переподчинялись и передавались под контроль особого инспектора Учебной части флота. Этот высший морской чиновник, который должен был находиться в звании не ниже вице-адмирала, обладал правом личного, непосредственного доклада императору по вопросам, относящимся напрямую к образовательной деятельности.

Таким образом, Вильгельм II мог контролировать и эту сферу флотской жизни. Обучение в морском училище и в Морской академии было многолетним и включало в себя изучение многих предметов не только специального, но и общеобразовательного направления. В последующем, в 1901—1903 гг., в программу академии внесли изменения, и основной упор сделали на преподавании современных военных дисциплин[428]. Указанная реформа обеспечивала высокий уровень подготовки военно-морских кадров, нисколько не уступая в этом отношении британской системе.

Параллельно с этим продолжалась работа над проектом нового «Закона о флоте». Бюджетный отдел Военно-морского ведомства представил обстоятельный документ, в котором расписывалась возможная программа военного судостроения в Германии в период до 1917 г. Она предусматривала строительство второй двойной (третьей и четвертой) эскадры. Для более быстрого решения этой задачи и финансового ее обеспечения, в документе предлагалось сначала построить третью эскадру, которая должна была бы состоять из 10 линейных кораблей, а также из крейсеров и миноносцев. Четвертая же эскадра вполне могла бы сформироваться за счет действующих броненосцев береговой охраны. В соответствии с «Законом о флоте» к 1912—1916 гг., когда должен подойти срок списания, их намеревались заменить линейными кораблями. Таким образом, четвертая эскадра также могла стать линейной.

В случае принятия такого плана делалась рекомендация подтвердить в бюджете 1900 г. «трехтактный темп» строительства кораблей, который был установлен первым «Законом о флоте» для первых трех лет. Для создания третьей эскадры, как считали в бюджетном отделе, наиболее благоприятным временем может быть период с 1904 по 1911 гг., так как с 1912 по 1917 гг. по положению «Закона о флоте» будет происходить замена устаревших кораблей. Причем этот процесс должен носить довольно интенсивный характер — по 3,5 единицы в год. Следовательно, в данный отрезок времени ни сил, ни средств на строительство новой эскадры просто-напросто не будет. До 1911 г. планировалось увеличить число броненосных крейсеров в заграничных водах. Речь шла не менее чем о шести кораблях. В результате на 1904—1911 гг. пришлось бы строительство шести кораблей замены (два корабля, оставшиеся еще от периода 1898—

---

[427]Речь идет о «Положении о гардемаринах» и «Положении о Морской академии», регулировавших подготовку младших и старших офицеров германского флота.

[428]См.: *Forstmeier F.* Probleme der Erziehung und Ausbildung in der Kaiserlichen Marine in Abhängigkeit von geistiger Situation und sozialer Struktur // Marine Rundschau. 1966. S. 189—198.

1904 гг., а также «Sachsen», «Würtenberg», «Oldenburg», «Kaiserin Augusta») и 18 новых кораблей, из которых 10 линейных кораблей третьей эскадры, флагманский корабль, резервный корабль и шесть броненосных крейсеров, предназначенных для заграничной службы. В общей сложности получалось 24 корабля на восемь лет, то есть три единицы в год.

Если рассматривать предполагаемый план строительства больших кораблей на этапе 1901—1917 гг., то по отдельным годам складывалась бы следующая картина: в 1901—1903 гг. в Германии должны были строить по одному кораблю. В 1904—1911 гг. предполагалось построить, как уже отмечалось выше, 24 корабля. Наконец, в 1912—1917 гг. планировалось соорудить 21 корабль. Из этого общего числа три новых корабля пошли бы на количественное и качественное усиление флота, а 18 кораблей заменили бы старые и выбывшие из строя боевые единицы.

Таким образом, по данным бюджетного отдела, в Германии в период 1901—1917 гг. можно было рассчитывать на строительство 48 кораблей разных классов, но в основном линейных кораблей и броненосных крейсеров. При этом специалисты министерства считали такую строительную программу вполне выполнимой даже без введения в стране новых налогов, хотя они не исключали повышения стоимости постройки. Особенно расходы могли возрасти при создании третьей эскадры. Однако значительная их часть покрывалась бы за счет займов.

В качестве ближайшей важнейшей задачи А. Тирпиц определял установление стабильного ежегодного производства военных кораблей — три единицы в год, поскольку в 1901 г. уровень производства боевых кораблей должен был опуститься с трех до одной единицы. Поэтому вполне логично вставал вопрос, не будет ли целесообразным внести «Закон о флоте» в Рейхстаг до 1902 г.[429].

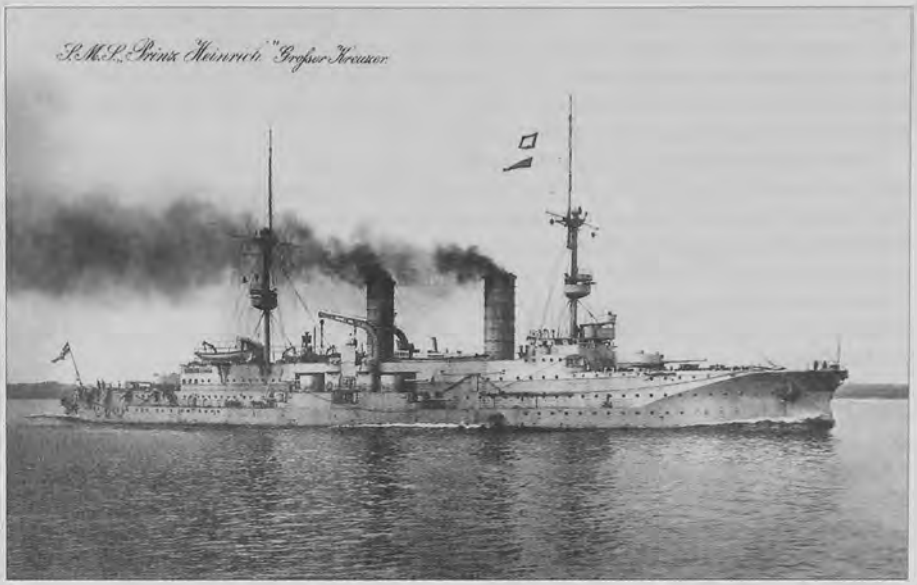
В сентябре 1899 г. на очередной встрече А. Тирпица с императором в его охотничьей резиденции Роминтен военно-морской статс-секретарь уже высказал конкретные предложения относительно времени ее принятия. В частности, речь шла о 1900 г.[430]. Это диктовалось, по его мнению, как необходимостью защиты германской индустрии и торговли, которые уже далеко вышли за предел национальных границ, так и благоприятным финансовым положением государства. Последнее выражалось в ежегодном увеличении расходов на флот, начиная с 1897 г.[431]. В собственных планах усиления германского флота А. Тирпиц шел еще дальше, чем это предлагалось в плане бюджетного отдела его ведомства.

---

[429] См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6655, AB 17—21. Aufzeichnungen aus der Etatsabteilung des Rechsmarineamts «Zur Flottenfrage» aus dem Sommer 1899. Überlegungen zu einer langfristigen Flottenbau-Planung // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 157—159.

[430] Stichpunkte des Admirals von Tirpitz für den Immediatvortag in Rominten. 28 September 1899 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 222.

[431] BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 19—20. Notizen des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immediavortrag am 28 September 1899 über die Vorbereitung und Zielsetzung der Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 159.

Броненосный крейсер «Prinz Heinrich», построенный по «Закону о флоте» 1898 года

Целью нового флотского документа, по мнению А. Тирпица, должно стать законодательное утверждение строительства для отечественного флота 40 линейных кораблей, восьми броненосных крейсеров, 24 легких крейсеров, 94 больших миноносцев, а также транспортных судова. Для азиатской группировки предназначались пять линейных кораблей, один броненосный крейсер, три легких крейсера, четыре—шесть канонерских лодок и одна миноносная флотилия. Корабли базирующиеся на Америку рассчитывалось пополнить двумя—тремя броненосными крейсерами, тремя легкими крейсерами, одной—двумя канонерскими лодками. Кроме того, предусматривалось также строительство минных заградителей и ряда вспомогательных судов.

Процесс достижения поставленной цели А. Тирпиц предлагал разбить на несколько этапов. На первом этапе, как рекомендовал бюджетный отдел, все силы необходимо сосредоточить на создании третьей эскадры. Правда, к этому он добавлял еще строительство кораблей для заграничной службы, транспортных судов и модернизацию старых кораблей, включая замену кораблей типа «Baden». На втором этапе должна произойти полная ротация кораблей типа «Siegfried» линейными кораблями. В результате реализации этой программы, как обещал А. Тирпиц кайзеру, у Германии появится довольно эффективная сила в 45 линейных кораблей, не считая броненосных и легких крейсеров. Такой флот по своему количественному и качественному составу будет уступать только британскому военно-морскому флоту. Но, по его же собственному признанию, «благодаря географическому положению, оборонной и мобилизационной системам, наличию миноносцев, тактической подготовке, планомерному и организованному флотскому строительству, единому руководству в лице

монарха мы (немцы. — *Авт.*) имеем, несомненно, хорошие шансы». Помимо прочего, британцы, видя перед собой такой флот, с политической и вообще с позиции здравого смысла, откажутся от идеи нападать на немцев. И это будет признанием со стороны Великобритании Германии как великой морской державы и позволит немцам проводить широкомасштабную заокеанскую политику[432].

Вильгельм II одобрил предложения А. Тирпица. Очень важной для военно-морского статс-секретаря была также поддержка и со стороны главы Морского кабинета кайзера Г. фон Зенден-Бибрана, симпатизировавшего идеям А. Тирпица. Правда, он рекомендовал министру учитывать в своей работе политические и парламентские трудности[433].

Кайзер, бредивший идеей сильного флота, настолько ухватился за предложенный А. Тирпицем проект нового «Закона о флоте», что начал о нем говорить публично раньше времени[434]. В день годовщины Битвы народов при Лейпциге, 18 октября 1899 г., в Гамбурге в присутствии Вильгельма II произошло торжественное и значимое для германского флота событие — спуск на воду броненосца «Kaiser Karl der Grosse». На банкете в городской ратуше, который был дан

Эскадренный броненосец «Kaiser Karl der Grosse», спущенный на воду в день годовщины Битвы народов

[432]BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 19—20. Notizen des Staatssekrëtars des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immediavortrag am 28 September 1899 über die Vorbereitung und Zielsetzung der Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 160—161.

[433]Ibid. S. 162.

[434]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 211—221. Судя по той реакции в печати, которую вызвало это выступление кайзера, можно без всяких сомнений говорить о продуманности и последовательности в действиях правительства по продвижению нового «Закона о флоте».

Фридрих Альфред Крупп, германский промышленник и политический деятель

по столь радостному событию, император произнес речь, которая получила комментарии не только в Германии, но и за ее пределами. Кайзер, в частности, сказал: «Мы только что пережили торжественный момент, посвящая морю новую единицу морской силы нашего отечества. Я надеюсь, что все присутствующие при этом были проникнуты желанием, чтобы гордый корабль мог в скором времени исполнить свое назначение. Он нам очень нужен, а сильный германский флот — вопрос жизни для нас. Именно здесь, в сердце могущественного торгового центра, чувствуется сила и крепость германских начинаний. Здесь же лучше всего умеют понимать, сколь нужна нашим заграничным интересам сильная защита и сколь необходимо усиление наших морских сил»[435].

Преждевременное заявление кайзера вызвало досаду у военно-морского статс-секретаря, но отступать уже было нельзя. 29 октября 1899 г. в проправительственной газете «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» появилась статья, где был представлен своеобразный макет программы увеличения германского флота[436]. Официально документ был представлен правительством только 10 декабря 1899 г., когда в Рейхстаге начались прения по «Закону о флоте». В ноябре 1899 г. «разъяснительная работа» уже шла полным ходом.

События, связанные с островом Самоа[437] были использованы правительством, промышленными кругами для начала агитации в пользу нового «Закона о флоте». Попавший под непосредственный контроль Ф.Круппа Имперский флотский союз, созданный 30 апреля 1898 г., несколько изменил название и стал

---

[435]Цит. по ст.: Германский закон о флоте от 14 июня 1900 года // Приложение к ежемесячнику за 1911 г. СПб., 1911. С. 1.

[436]Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 29. 10. 1899.

[437]В начале 1899 г. достоянием политических и деловых кругов Германии стало известие о срыве британцами германского займа бурам. Это вызвало волну негодования по отношению к первым и выражение симпатий в отношении последних. В этой обстановке англофобии был поднят вопрос о Самоа, который уже давно продвигался А. Тирпицем. В результате переговоров всех заинтересованных в этой территории держав — Германии, Великобритании и США — было принято решение об установлении их кондоминиума над Самоа. В ответном послании, пришедшем в Берлин более чем через две недели, говорилось о недопустимости подобного тона, который не подобает ни одному суверену, тем более — внуку по отношению к его бабушке. Однако требовательная позиция, занятая Берлином, все-таки возымела действие, особенно после того, как был отвергнут компромиссный вариант, составленный секретарем германского посольства в Лондоне Г. Эккардштейном и Дж. Чемберленом. В итоге Германия получила остров Диско и лишний раз заставила англичан считаться со своей напористой и целеустремленной колониальной политикой. См.: Convention and declaration between Great Britain and Germany of Nov. 14. 1899 for the settlement of the Samoa and other questions. London, 1899; Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diploma-tischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd.14/II. № 4074, 4076. S. 615—619, 620. Winzen P. Op. cit. S. 187.

именоваться Германским флотским союзом. Под новой вывеской он развил бурную пропагандистскую деятельность и приобрел широкую политическую известность и популярность[438].

В последующие годы Флотский союз сумел создать многочисленные филиалы и к началу 1914 г. насчитывал в своих рядах более миллиона человек[439]. Кроме многочисленных агиток и работ публицистического характера[440], заполонивших буквально всю страну, на политические партии и обывателя серьезное воздействие оказывали многие газеты, особенно такие, как «Post» и «Berliner Neueste Nachrichten»[441]. А. Тирпиц и кайзер также работали, не покладая рук, лично участвуя в пропагандистской деятельности[442]. От них не отставал и статс-секретарь иностранных дел Б. фон Бюлов.

В своей агитации среди депутатов Рейхстага министр в качестве веского аргумента использовал и «английскую угрозу». В частности, в марте 1900 г., выступая в одной из комиссий парламента, он заявил, что не может категорически отрицать, как два года назад, об отсутствии опасности войны с британцами. После таких слов столь ответственного государственного чиновника депу-

---

[438]В 1898 г. во Флотском союзе было 14 252 человек. Через год индивидуальных членов насчитывалось 93 991 человек, а с корпоративными — 152 890. В 1900 г., когда в Рейхстаг вносился второй «Закон о флоте», число членов Флотского союза составляло 246 967 человек, а в конце 1901 г. — 566 848 человек. В последующие годы Флотский союз продолжал расширять свои ряды. См.: *Жервэ Б.* Указ. соч. С. 149; *Wulf A.* Deutscher Flottenverein 1898—1934 // Friecke D. Die bürglichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürglichen Parteien und anderer bürglicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1. Berlin, 1968. S. 432.

[439]*Kuczynski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. II. Berlin, 1950. S. 187—188; *Wulf A.* Op. cit. S. 432.

[440]См., напр., *Weber H.* Die Bedeutung der deutschen Kriegsflotte für unsere Gegenwart und Zukunft. Berlin-Potsdam, 1900; *Ratzel F.* Das Meer als Quelle der Völkergrösse. München; Leipzig, 1900.

[441]Об этом свидетельствуют подборка материалов газет «Post» и «Berliner Neueste Nachrichten» с конца 1899 г. до июня 1900 г., когда был принят второй флотский закон.

[442]А. Тирпиц посещал частные судоверфи и предприятия, выступал среди морских офицеров, обосновывал необходимость принятия «Закона о флоте» именно в 1900 г. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 21—22. Disposition für eine Rede des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, vor Flagg- und Stabsoffizierskasino Wilhelmshafen am 20 Oktober 1899 zur Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 163. Вильгельм II проводил встречи с известными частными предпринимателями. См.: *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K. V.* Op. cit. S. 547. Император считал недопустимой политической ошибкой не использовать имеющуюся ситуацию в Германии, «чтобы дополнить и расширить «Закон о флоте» 1898 г.». См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 2—22. Disposition für eine Rede des Staatssekretärs des Reichsmarineamts // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 164. С внешнеполитической точки зрения, как представлялось кайзеру, также имелись благоприятные возможности утверждения нового законопроекта. Он имел в виду слова одобрения, высказанные русским царем Николаем II по поводу намерения Германии усилить собственный боевой флот. После же удачного визита Вильгельма II в Великобританию, «который протекал удовлетворительно во всех отношениях», можно надеяться, как он писал Х. фон Гогенлоэ, что предстоящее решение по германскому флоту будет воспринято в Лондоне с одобрением.

татам было о чем призадуматься. Ведь в предстоящем голосовании надо было определиться не просто с будущим германского флота, но и с обороноспособностью отечества, которому грозила, как говорил статс-секретарь, реальная опасность со стороны самой могучей морской державы мира. Поэтому отказ поддержать требование правительства проголосовать за предлагаемый им законопроект мог ведь и расцениваться в глазах избирателей как антипатриотический шаг, со всеми вытекающими из этого последствиями при следующих выборах[443].

Тем не менее, несмотря на значительные усилия властей, сопротивление новому «Закону о флоте» было очень серьезным. Как и при обсуждении вопроса в 1897—1898 гг., помимо «неисправимых» социал-демократов очень многое решали аграрии, поскольку промышленно-финансовые круги находились в фарватере морской политики и были поборниками ее активного развития. В соответствии с духом «политики сплочения» общий знаменатель интересов был найден — за незначительную уступку по вопросу о ввозе мяса в Германию аграрии получили установление зерновых пошлин. После этого Союз сельских хозяев, представлявший их интересы, и с позицией которого считались такие влиятельные партии Рейхстага, как «Центр», консерваторы и национал-либералы, был двумя руками «за» новый «Закон о флоте». Для обеспечения еще большей надежности проправительственной позиции центристов ее лидеру было предложено занять пост в высокой структуре государственной власти[444].

Параллельно с неистовой морской пропагандой в обществе нагнетались и антианглийские настроения. Это тоже был один из способов воздействия правительства на «неустойчивых и сомневающихся» граждан. Как всегда, в этом отношении отличался импульсивный кайзер, который легко менял свою любовь на «немилость». Такое поведение Вильгельма II нередко ставило канцлера и министров в очень затруднительное положение. Особенно это касалось Б. фон Бюлова и А. Тирпица, которым надо было решать двойную задачу — не провоцировать Великобританию на войну и активизировать строительство флота умеренной антианглийской агитацией. Попытки заранее готовить тексты выступления кайзера не всегда приводили к ожидаемому результату. Известно, что он был натурой эмоциональной и увлекающейся и его, что называется, иногда начинало «нести». Нередко бывало так, что Вильгельм II отходил от написанного на бумаге, вообще забывал о тексте и говорил под воздействием собственных чувств и настроений. Большое же влияние на его эмоциональное состояние оказывали члены императорского кабинета, особенно Г. фон Зенден-Бибран и генерал-адъютант Г. фон Плессен. Они были настроены более воинственно в антианглийском духе, чем их патрон, что вызывало серьезное беспокойство у А. Тирпица, который был всегда против неоправданной шумихи, тем более в отношении Великобритании[445].

В ноябре 1899 г. начала свою работу сессия Рейхстага. При первом чтении бюджета канцлер выступил с объяснением правительственного плана строи-

---

[443]См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 193; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 237.

[444]См.: *Hohenlohe-Schllingsfürst C.K. V.* Op. cit. S. 556.

[445]См.: *Tirpitz A.* Erinnerungen. S. 109, 154; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 236; *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 67.

Германская политическая открытка, высмеивающая британскую армию в войне с бурами

тельства флота. Х. фон Гогэнлое, в частности, заявил, что изменившиеся внешнеполитические условия существенным образом повлияли на морские интересы Германии. Поэтому, по его словам, требуется внести изменения в «Закон о флоте» от 10 апреля 1898 г. Согласно этим изменениям, предполагалось увеличить вдвое боевой флот, а также количество кораблей, находящихся в заграничном плавании, и полностью ликвидировать эскадры береговой обороны.

Срока для постройки необходимого судового состава закон не должен был предусматривать. Напротив, на каждый год предполагалось планировать строительство определенного числа кораблей, утверждаемых бюджетом. В случае появления непредвиденных расходов при постройке дополнительных кораблей, их намечалось покрывать за счет займов. Мотивировку нового «Закона о флоте» перед депутатами Рейхстага взяли на себя статс-секретари Министерства иностранных дел, Военно-морского ведомства и Казначейства.

Б. фон Бюлов, как всегда, говорил проникновенно, образно и убедительно. По его словам, последние десятилетия принесли Германии много счастья, могущества и процветания. Но, к сожалению, многие народы испытывают к немцам большую зависть — как политическую, так и и экономическую. «И, может быть, есть народы, которые находят, что немец был более удобен для своих соседей в то самое старое время, когда, несмотря на наши образование и культуру, чужеземцы смотрели на нас верху вниз, как гордые рыцари на скромного домашнего учителя. Эти времена бессилия и унижения прошли и не должны вернуться. Но мы только в том случае сохраним свое положение, если признаем, что благополучие для нас невозможно без сильной армии и флота. В грядущем столетии Германия явится либо молотом, либо наковальней».

А. Тирпиц в своем выступлении сделал упор на то, что изначально закон о флоте 1898 г. носил незавершенный характер и потребовал его дальнейшей доработки. События, связанные с Испано-американской войной 1899 г., показали, насколько сильно страдают морские интересы государства, когда оно не имеет достаточных сил, чтобы их защитить.

Другой, не менее убедительный, понятный и наглядный аргумент военно-морского статс-секретаря заключался в том, что, оставаясь в рамках закона 1898 г., флот будет увеличиваться только до 1900 г. В последующие же три года в Германии будут строиться корабли только для замены. Таким образом, страна потеряет время для пополнения военных сил. К тому же, набравшая высокие обороты германская судостроительная промышленность легко справится с поставленной перед ней задачей.

Наконец, секретарь Казначейства, барон фон Тилеман дал финансовые разъяснения относительно предстоящих расходов на новый «Закон о флоте» и развеял сомнения тех депутатов, которые опасались, что новые расходы на флот лягут тяжелым бременем на германских налогоплательщиков[446].

Принятию нового «Закон о флоте» благоприятствовала международная обстановка. Начавшаяся в октябре 1899 г. Англо-бурская война вызвала у большей части германского общества откровенные симпатии к далекому южноафриканскому государству. В обстановке почти всеобщей враждебности к Великобритании в январе 1900 г. стало известно о захвате британскими боевыми кораблями по приказу Адмиралтейства на восточно-африканском побережье двух германских пароходов для выяснения, не перевозят ли они оружие бурам[447].

Телеграмма с этой информацией поступила в тот момент, когда кайзер вместе с А. Тирпицем были в ведомстве у Б. фон Бюлова. После ее прочтения, по утверждению Вильгельма II, он воспроизвел старинную английскую пословицу насчет того, что «ни один ветер не бывает настолько плох, чтобы не принести чего-то хорошего». А. Тирпиц добавил: «Теперь мы имеем тот ветер, который нам нужен, чтобы привести наш корабль в гавань. Законопроект о флоте теперь пройдет. Вашему Величеству следовало бы даже пожаловать орден английскому командиру в благодарность за проведение законопроекта о флоте»[448].

Начавшиеся в декабре 1899 г. парламентские дебаты по «Закону о флоте» проходили в атмосфере очень сильного идеологического прессинга со стороны членов правительства и подконтрольных им средств печати. Особенно был убедителен Б. фон Бюлов, отличавшийся недюжинными ораторскими способнос-

---

[446]См.: Германский закон о флоте от 14 июня 1900 года. С. 7—8; *Winzen P.* Bülows Weltmachtkonzept. Untersuchungen zur Frühphase seiner Aussenpolitik 1897—1901. Boppard, 1977. S. 230.

[447]По мнению современной немецкой исследовательницы Е. Яшоб, действия англичан имели далеко идущие последствия. Политическое руководство Германии значительно усилило подготовку к следующему «Закону о флоте», принятому уже в 1900 г. См.: *Jaschob L.* (Dis-)respect and (Non-)recognition in World Politics: the Anglo-Boer War and German Policy at the Turn of the Nineteenth/Twentieth Century // Global Discourse: An Interdisciplinary Journal of Current Affairs and Applied Contemporary Thought. 2014. Vol. 4. Issue 4. P. 499—512.

[448]См.: *Вильгельм II.* Указ. соч. С. 159; *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 240.

тями. Основной тезис его доклада сводился к тому, что главная цель законопроекта — это обеспечение мира со всеми, в том числе и Великобританией. Длительный мир с этим государством может быть обеспечен «только в том случае, если нападение на нас будет представляться Англии не очень безопасным, как сейчас. При существующем теперь положении мы хорошо вооружены против нападения на суше. Но в наших морских вооружениях в случае нападения Англии обнаруживаются крайне опасные пробелы. Англия является единственной державой, которая может напасть на нас без всякого риска для себя... При нашей теперешней слабости на море война с Германией кажется большинству английского народа сравнительно нетрудной задачей. Считают, что Англии для этого понадобится только флот, и английскому народу, не знающему всеобщей воинской повинности, не придется нести особых жертв»[449].

«Обработка мозгов» общественности продолжалась вплоть до начала чтений проекта документа в Рейхстаге. Первые два обсуждения прошли относительно благоприятно для правительства, хотя не обошлось «без потерь»[450].

Перед третьим, окончательным слушанием, 14 июня 1900 г. рейхсканцлер держал речь перед парламентариями. Используя все свое красноречие, он убеждал принять предложенный им законопроект[451]. Хорошо продуманная и последовательно проводимая в стране профлотская пропаганда, а также крайне антианглийские настроения в германском обществе, подогреваемые прессой[452], обязательно должны были дать положительный результат. В результате при окончательном голосовании «Закон о флоте» был одобрен 201 голосом «за» при 108 голосах «против»[453].

В числе значимых причин, определивших его принятие, были, безусловно, проправительственная настроенность самой большой партии Рейхстага —

---

[449]См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 179; Aus der Rede des Statssekretärs des Auswärtigen Amtes, Bernhard Graf von Bülow, am 11 Dezember 1899 im Reichstag uber Weltmachtpolitik des deutschen Imperialismus // Dokumente zur deutschen Geschichte. Bd. 1. 1897/98—1904. S. 47—48.

[450]Первое обсуждение проходило с 8 по 10 февраля 1900 г. В течение марта—мая 1900 г. комитет по бюджету Рейхстага самым тщательным образом рассматривал проект закона. В результате правительственный вариант усиления отечественного флота был одобрен, но шесть броненосных крейсеров для заграничного флота из него были исключены. См.: *Uhle-Wettler.* Op. cit. S. 172—173. На вторых чтениях в начале июня 1900 г. ведомство А. Тирпица представило депутатам статистку соотношения германских и европейских военно-морских сил. Из нее со всей очевидностью следовало, что даже флоты Тройственного союза уступали соединенным флотам союзных России и Франции. См.: Новое время. 26 мая (8 июня). 1900.

[451]Рейхсканцлер, в частности, сказал, что «ввиду Greater Britain и Nouvelle France мы имеем право на более обширную Германию. Без флота невозможно решить те задачи, которые ставит перед собой Германия... Поэтому во имя величайших интересов Отечества необходимо голосовать за проект о флоте». См.: Новое время. 2 (15 июня). 1900.

[452]Народу периодически напоминался инцидент, связанный с задержанием англичанами немецких почтовых кораблей в январе 1900 г. в восточно-африканских водах. Этот случай послужил поводом для парламентского запроса относительно безотлагательного и положительного решения вопроса об усилении флота.

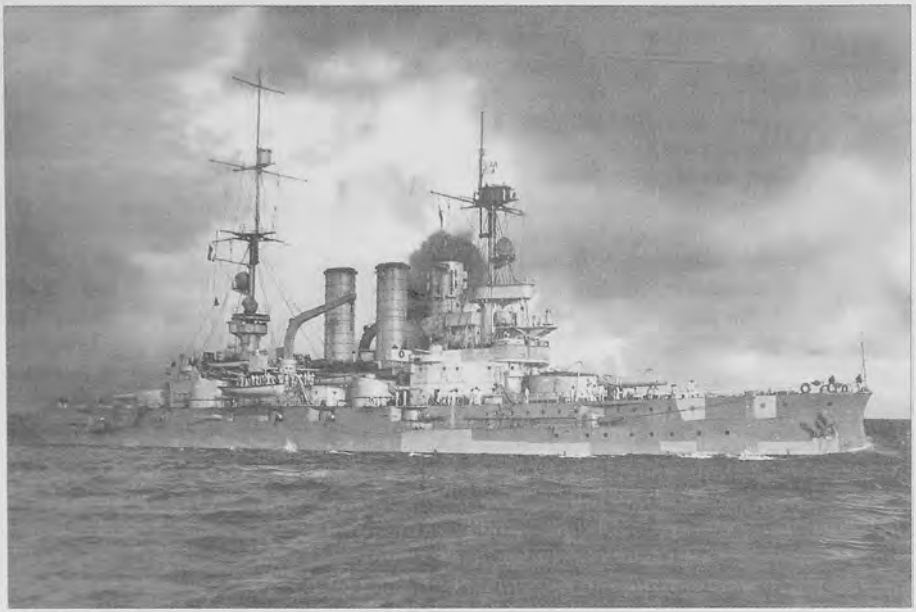
[453]Против закона голосовали социал-демократы, Народная партия, поляки, вельфы, эльзасцы и часть партии «Центра». См.: *Kaulisch B.* Op. cit. S. 102; *Klein F.* Op. cit. S. 64—65.

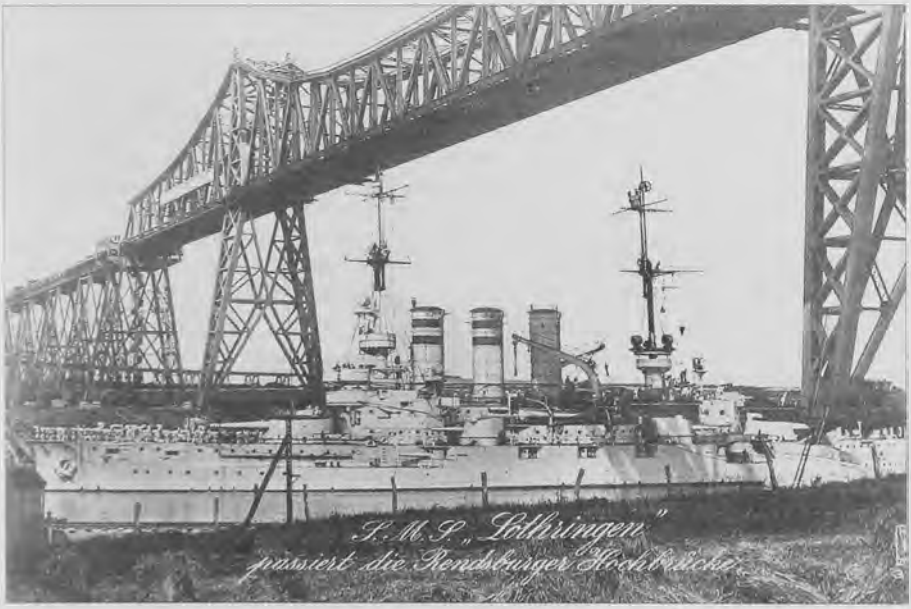
«Braunschweig» — головной линейный корабль новой серии, строившейся по «Закону о флоте» 1900 года

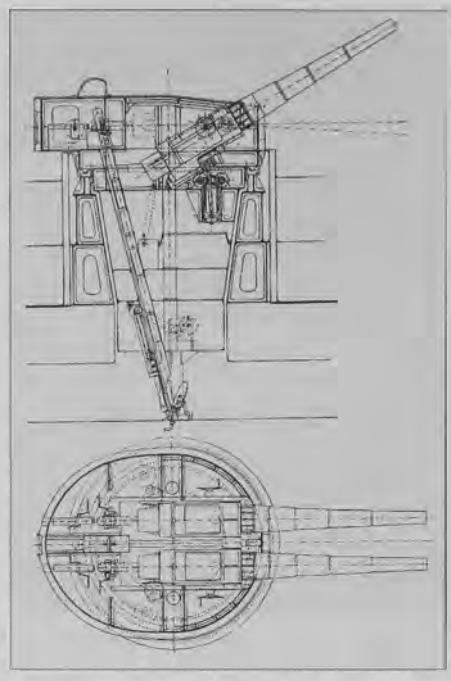
Линейный корабль «Elsass»

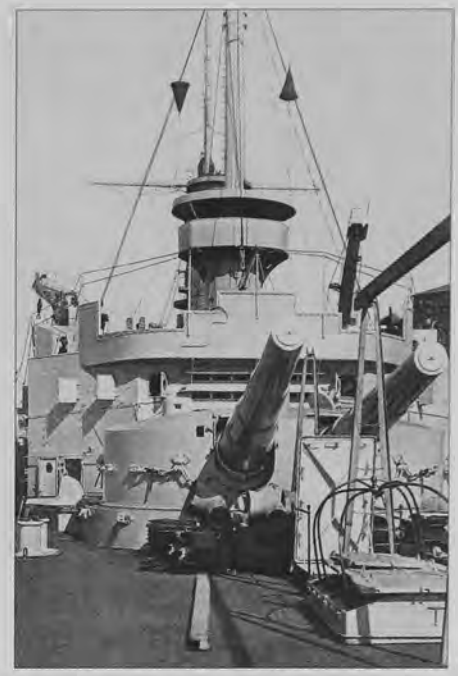

Линейный корабль «Hessen»

Линейный корабль «Lothringen» при прохождении «Канала кайзера Вильгельма»

Новое вооружение германских линейных кораблей: 280-мм двухорудийная башенная установка

«Центра»[454], аграриев[455], а также особая позиция прусского Военного министерства и самого кайзера. Избранный в 1893 г. парламент одобрил капрививский армейский квинтинант 1894 г. и первый «Закон о флоте» 1898 г. При Х. фон Гогэнлоэ такого одновременного усиления и армии, и флота уже добиться не удалось (хотя в 1899 г. произошло принятие очередного армейского квинтинанта, а в 1900 г. — второго «Закон о флоте»).

Однако расстановка приоритетов уже была иной, чем раньше — власти стали выделять значительно больше средств на содержание флота. Вплоть до 1912 г., когда Рейхстаг утвердил последний «Закон о флоте», прирост финансирования

---

[454]Благодаря работе, организованной А. Тирпицем, Военно-морское ведомство сумело изменить настроение лидера партии «Католический Центр» Э. Либера и превратить его в своего союзника. В результате партия голосовала за новый «Закон о флоте», получив обещание от правительства, что необходимые средства на развитие флота будут браться за счет повышения таможенных тарифов на определенные товары. См.: *Steinberg J.A.* Yesterday's deterrent. P. 178.

[455]Аграриев «задобрили» тем, что правительство обещало им в течение всего 1900 г. не обсуждать проект Эльба-Рейнского канала, против которого они активно выступали. См.: Новое время. 2 (15 июня). 1900; *Canis K.* Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Aussenpolitik 1890 bis 1902. Berlin, 1997. S. 310.

армии был незначительным[456], в то время как выделение денежных средств на развитие военно-морских сил шло по заметно восходящей линии. Причина такого положения дел объяснялась сдержанностью прусского Военного министерства[457] и особой «любовью» кайзера к флоту. Но при этом, конечно, нельзя забывать, что приоритет сухопутной армии перед флотом в Германии оставался незыблемым[458]. Начатое кайзером и А. Тирпицем форсированное строительство флота в последующем приведет не только к ухудшению внешнеполитического положения Германии, но и создаст внутренние проблемы политического и

---

[456]Усиленное строительство флота поставило несколько в «тень» сухопутную армию, которая являлась краеугольным камнем могущественного положения Германии на европейском континенте. См.: *Mommsen W.J.* Domestic factors in German foreign policy before 1914 // *Sheehan J.J.* Imperial Germany. New York, 1976. P. 223—268.

[457]В 1899 г. начальник германского Генерального штаба граф А. фон Шлиффен составил свой план войны на два фронта против Франции и России. Согласно этому документу предусматривалось, прежде всего, совершить фланговый маневр, охватить французскую армию, разгромить ее, а затем перебросить силы против России. См.: *Bucholz A.* Moltke, Schliffen and Prussian war planning. New York, 1991. P. 109—214. Для решения этой задачи требовалось значительно больше войск, чем имелось на тот момент у Германии, то есть необходимо было увеличение финансирования сухопутной армии. Однако прусское Военное министерство отказалось от такого предложения не только в рамках нового квинтиланта, но даже от его обсуждения в последующем. См.: Aüzuge aus dem Schreiben des preussischen Kriegsministers, General v. Gossler, an den Chef des Generalstabes, General v. Schliffen, vom 8. Juni 1899 betr. grunsätzliche überlegungen zum weiteren Ausbau der Armee // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 64.

Статс-секретарь финансов также занял жесткую позицию, мотивируя ее отсутствием денег в казне ввиду намечаемого принятия второго «Закона о флоте». В дальнейшем добровольная сдержанность прусского Военного министерства относительно увеличения роста армии объяснялась серьезным опасением того, что дополнительные призывы новобранцев в войсковые части произойдут, в том числе и за счет социалистов, которые поведут там свою разлагающую армию агитацию. Кроме того, вливание новых сил в армейскую среду грозило, по мысли представителей министерства, господству аристократии в офицерском корпусе. См.: *Kehr E.* Klassenkampfe und Rüstungspolitik im kaiserlichen Deutschland // *Kehr E.* Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preussisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhunderts. Berlin, 1970. S. 101—103. Таким образом, получалось, что на рубеже столетий армейская верхушка практически добровольно отказывалась от борьбы за дополнительное бюджетное финансирование. С учетом центральной роли Вильгельма II в оборонной политике государства и его благорасположенности к флоту неудивительно, что принимаемые решения складывались в пользу планов А. Тирпица, и Германия взяла курс на морскую экспансию, в том числе и за счет сухопутной армии. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 137—139. Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des preussischen Staatsministeriums vom 20. Januar 1900. Ausserung des Kriegsministers uber die Konsequenzen des 2. Flottengesetzes für den Ausbau der Armee // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 66.

[458]Для сравнения можно привести бюджеты сухопутной армии и флота в период 1901—1913 гг. Цифры даны в млн марок: 1901 г. — 677,9 и 207,8; 1902 г. — 669,2 и 217,4; 1903 г. — 660 и 225; 1904 г. — 647 и 219, ; 1905 г. — 697,1 и 246,1; 1906 г. — 752,6 и 259,2; 1907 г. — 808,6 и 303,4; 1908 г. — 829 и 347,4; 1909 г. — 867,1 и 419,9; 1910 г. — 831,2 и 434,3; 1911 г. — 842,1 и 451,9; 1912 г. — 929 и 462,9; 1913 г. — 1467 и 480,1. См.: Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890—1911. S. 508.

финансового порядка. Выделение все бóльших и бóльших сумм на флот должно было идти за счет других статей бюджета, и прежде всего, армии.

В условиях благоприятной экономической конъюнктуры, существовавшей до 1900 г., это можно было еще делать без особых сложностей. В последующем, когда наступили кризис и депрессия, поиски дополнительных источников финансирования флота вызывали большие трудности. Это была серьезная проблема для военно-морского статс-секретаря при подготовке им «Законов о флоте» 1906, 1908 и 1912 гг.

При мотивировке необходимости принятия нового «Закон о флоте» А. Тирпиц впервые официально, в публичной форме, сформулировал «идею риска»[459]. Хотя он стремился скрыть антибританскую цель новой строительной программы, однако вынужден был сказать буквально следующее: «Для того чтобы поставить германскую торговлю и германские колонии в условия безопасности, существует лишь одно средство: Германия должна иметь такой сильный флот, чтобы для даже самой могущественной державы война с ней была сопряжена с риском, который поставит под вопрос ее собственное превосходство. Для этого нет существенной необходимости, чтобы германский флот был также силен, как флот самой сильной морской державы, потому что большая морская держава не будет в состоянии сосредоточить все свои силы против нас. Даже если ей удастся выступить против нас всей своей мощью, уничтожение сильного германского флота настолько ослабит ее, что, несмотря на достигнутую победу, ее собственное положение как сильной державы не будет больше обеспечено имеющимся флотом»[460]. Кто являлся самой могущественной морской державой, объяснять никому не надо было.

А. Тирпиц вынужден был исключить из окончательного варианта законопроекта положение об увеличении числа кораблей заграничного плавания[461].

---

[459]Сама по себе, эта идея уже давно обсуждалась в кулуарах Военно-морского ведомства. В секретном документе, составленном в феврале 1900 г. бюджетным отделом, говорилось, что гарантией безопасности Германии от нападения со стороны Великобритании станет создание такого флота, который будет составлять $^2/_3$ от британских военно-морских сил. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6657, AB 214-220. Auszüge aus dem Entwurf einer Aufzeichnung aus der Etatabsteilung des Reichsmarineamts vom Februar 1900. «Die Sicherung Deutschland gegen einen englischen Angrif» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 128. Выбор А. Тирпицем пропорции соотношения германского и британского флотов объяснялся тем, что, как отмечает немецкий историк Ф.Р. Бергхан, Англия ввиду своих огромных имперских владений, требующих защиты, не могла применить весь флот против Германии. См.: *Berghahn V.R.* Rüstung und Machtpolitik. Zur Anatomie des «kalten Krieges» vor 1914. Düsseldorf, 1973. S. 197—200.

[460]Цит. по ст.: *Врангель Ф.* Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. // Морской сборник. 1901. № 8. С. 27; Begründung zum Entwurf der Novelle zum Flottengesetz vom 10 April 1898 (1900) // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 285.

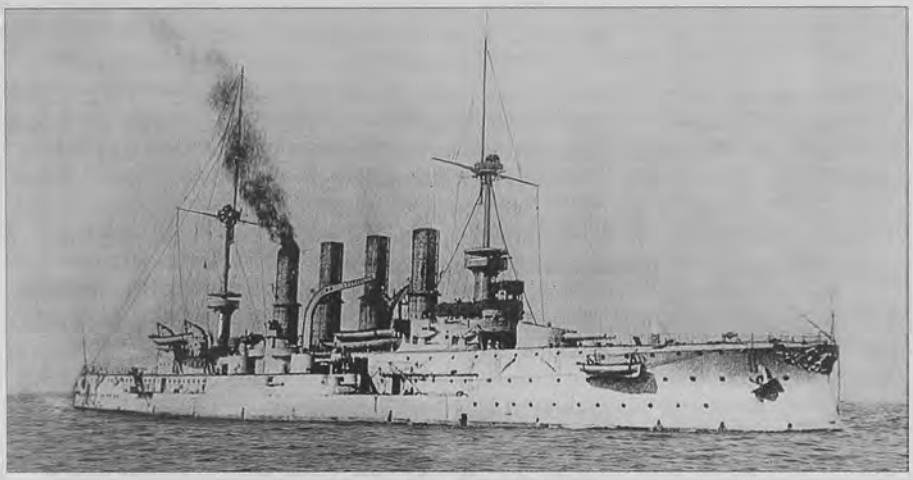
[461]Речь шла не только о шести броненосных, но и семи легких крейсерах, о которых А. Тирпиц говорил кайзеру осенью 1899 г. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/1, AB 19—20. Notizen des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Kontreadmiral Tirpitz, zum Immedia-vortrag am 28 September 1899 über die Vorbereitung und Zielsetzung der Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 159—162.

Это объяснялось ограниченностью финансовых средств и невозможностью одновременно строить боевые корабли для отечественных вод и для заграничной службы. Потребность же в кораблях для «дальних вод» была большая. Правительство решило отложить решение данного вопроса до 1906 г.

Тем не менее, «Закон о флоте» в том виде, в каком он был принят в 1900 г., являлся значительным шагом в деле создания сильных и опасных для ближайших соседей Германии военно-морских сил. В нем открыто говорилось, что в ближайшие годы будет сформирован флот, включающий в себя примерно 60 больших боевых кораблей[462]. Согласно основным положениям закона, германские военно-морские силы должны были состоять из боевого флота, флота заграничного плавания и резерва[463].

К 1917 г. состав боевого флота предполагал: два флагманских линейных корабля, четыре эскадры по восемь линейных кораблей, восемь броненосных крейсеров, 24 легких крейсера в качестве разведывательных кораблей и 80 миноносцев. При каждой эскадре должна была находиться группа разведчиков, два броненосных и шесть легких крейсеров и миноносная флотилия (20 кораблей), разделенная на четыре дивизиона по пять кораблей[464].

В свою очередь флот заграничного плавания намечалось составить из трех броненосных и 10 легких крейсеров[465]. В резерве предполагалось иметь четыре

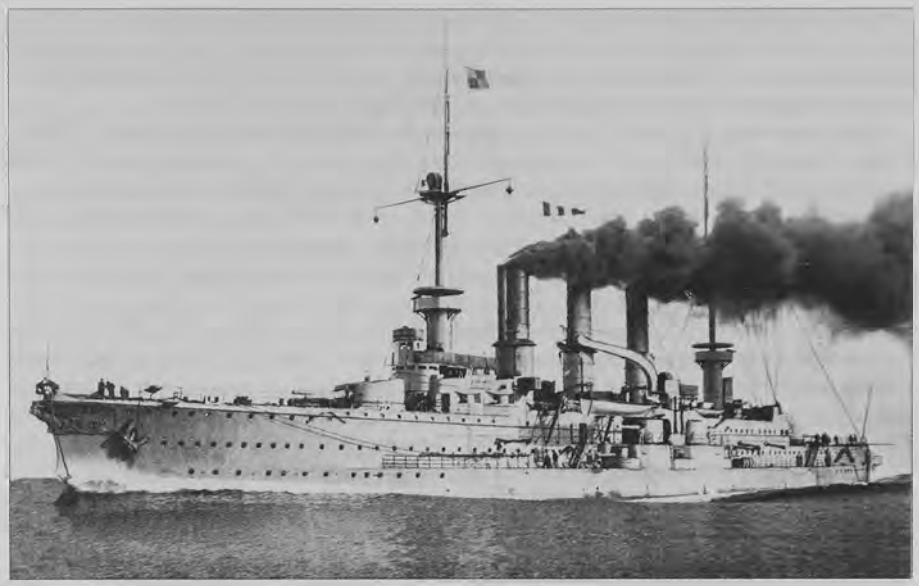
Броненосный крейсер «Roon»

[462] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 193.

[463] Aus dem zweiten Flottengesetz vom 14 Juni 1900 über Erweiterung des Schiffbestandes // Dokumente zur deutschen Geschichte. Bd. 1. 1897/98—1904. S. 55.

[464] Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Германия. Ч. 1. СПб., 1904. С. 22.

[465] Увеличение германского флота. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 8. С. 42—45.

Броненосный крейсер «Prinz Adalbert»

линейных корабля, три броненосных и четыре легких крейсера[466]. Эти корабли требовалось держать в полной готовности на случай выхода из строя кораблей боевого флота. В период плавания боевого флота первая и вторая эскадры, согласно закону, образовывали Действующий боевой флот (флот «Открытого моря»), а третья и четвертая эскадры — Резервный боевой флот. Все корабли и крейсера Действующего флота и половина кораблей и крейсеров Резервного флота должны были постоянно находиться в плавании[467].

Далее закон определял сроки замены боевых кораблей[468]. За исключением случаев их гибели предусматривалась следующая схема: линейные корабли подлежали замене через 25 лет, а крейсера — через 20 лет[469]. Сроком отсчета считался год первого ассигнования на подлежащий замене корабль до года первого ассигнования на заменяющий корабль[470].

Однако, помимо всех этих количественных показателей, особое внимание зарубежных наблюдателей, и в первую очередь британских, не могла не прив-

---

[466]Германский закон о флоте. С. 33.

[467]Gesetz, betr. die deutsche Flotte, vom 14 Juni 1900 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. S. 553.

[468]К закону о флоте была приложена таблица I с обозначением числа кораблей, подлежащих замене в период 1901—1917 гг. См.: Изменение в германском законе о флоте. Морская хроника // Морской сборник. 1908. № 1. С. 7.

[469]Gesetz, betr. die deutsche Flotte, vom 14 Juni 1900. S. 353; *Кербер Л.Ф.* Военные флоты иностранных государств. СПб., 1907. С. 92.

[470]Германский закон о флоте. С. 33.

Легкий крейсер «Undine»

лечь преамбула «Закон о флоте» 1900 г. В ней открытым текстом говорилось о том, что будущий германский флот должен быть такой мощи, чтобы превосходство даже самой сильной морской державы было поставлено под сомнение в случае ее нападения на Германию. Это являлось публичным обнародованием цели германского строительства флота, сформулированной в ведомстве А. фон Тирпица в феврале 1900 г.[471].

Учитывая атмосферу общественного настроя, в которой обсуждался, а затем и принимался «Закон о флоте» 1900 г., было ясно, что Германия открыто вступала в морскую гонку вооружений с Великобританией[472]. Реализация принятого

---

[471] BA—MA. Freiburg. RM 3/6657, AB 214—220. Auszüge aus dem Entwurf einer Aufzeichnung aus der Etatabsteilung des Reichsmarineamts vom Februar 1900. «Die Sicherung Deutschland gegen einen englischen Angrif» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 128.

[472] На британских островах с немалым беспокойством восприняли новый германский закон о флоте 1900 г. Создание к 1917 г. 38 первоклассных линейных кораблей ставило под угрозу безопасность страны. Там не верили, что немцы строят свой флот для защиты торговли. В Англии даже подсчитали, что новейшим германским кораблям хватит 10 ч, чтобы достигнуть устья Темзы. См.: British Documents. Vol. 6. № 85. P. 57. Вместе с тем полного осознания «германской угрозы» у британцев еще не наступило. По данным германского военно-морского атташе в Лондоне К. Кёрпера, англичане считали, что Германия не «потянет» наряду с сильной сухопутной армией содержание еще и мощного флота. См.: Grosse Poltik. Bd. 23/I. № 7785. S. 48—51.

«Закон о флоте» должна была привести к созданию второго по мощи флота в мире после британских военно-морских сил[473].

Антианглийская направленность программы строительства военных кораблей в Германии выступала без какого-либо камуфлирования, поскольку флот предназначался для борьбы за новые сферы влияния, рынки сбыта, за новые источники сырья, столь необходимые бурно развивавшейся германской экономике. В то же время А. фон Тирпиц изначально подчеркивал «оборонный характер» нового германского флота, акцентировал внимание на «сдерживающий от войны» его характер. В своих «Воспоминаниях» он пытался это доказать, объясняя разницу между тактическим и политическим наступлением[474].

Однако, как показала последующая история взаимоотношений двух государств, особенно после 1906 г., англичане серьезно не воспринимали эти слова. Они не верили, учитывая имеющиеся экономические и политические противоречия, что германский флот носит исключительно оборонный характер. Показательным в этом отношении является позиция одной из ведущих британских газет лондонской «Times». Сразу же после получения известия о принятии Германией второго «Закон о флоте» с ее страниц прозвучал призыв к правительству, «быть особо бдительными». Так как немцы, по мнению редакции издания, «могли иметь дело только с тремя противниками: Россией, Францией и Англией, то строящийся флот, как существенное средство борьбы, им необходим при столкновении лишь с одной Англией»[475].

В Лондоне не без оснований полагали, что любое оружие, тем более такое мощное как флот, всегда может трансформироваться из оборонительного в наступательное. К тому же, даже самая оборонительная стратегия предполагает изменение вектора действий в противоположную сторону — в наступление. Убеждать в этой аксиоме британцев особой нужды не было. Они и так все прекрасно понимали. О правоте этого тезиса свидетельствуют оперативные планы войны против Великобритании, которые разрабатывались германским Военно-морским руководством с учетом тирпицевской «теории риска»[476].

Один из таких документов датирован февралем 1900 г., когда еще даже не был принят второй «Закон о флоте». Он начинался следующими словами: «Самым могущественным морским врагом является Англия. Для выяснения вопроса, как можно противостоять английскому нападению, необходимо сформулировать три основных вопроса: 1) какие слабые места в военно-морском отношении имеет Англия; 2) по каким из этих мест можно с успехом наносить удары; 3) какими средствами для этого надо обладать». Для Великобритании, безусловно, чувствительными были бы удары по ее заморской торговле. Однако англичане имеют значительное преимущество в заграничных кораблях перед немцами. Кроме того, в их распоряжении разбросанные по всему свету хорошо укрепленные опорные морские базы. Поэтому усиления в этом направлении будут напрасными. Вполне реальным, как считали в бюджетном отделе, мог бы быть

---

[473] *Kaulisch B.* Op. cit. S. 103.
[474] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 154.
[475] См.: Новое время. 2 (15 июня). 1900.
[476] *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 332-340; *Lambi I.N.* Op. cit. P. 225—257

другой путь. Островное государство имеет незначительную сухопутную армию, и если оно лишится флота, базирующегося в отечественных водах, оно окажется беззащитным перед германским вторжением[477].

В отличие от плана, который разработал в мае 1897 г. адмирал Э. фон Кнорр и где ставка делалась на быстроту переброски германских сухопутных войск на британские острова, пока не подтянутся основные военно-морские силы британцев, в данном документе определяющая роль на начальном этапе войны отводилась боевому флоту Германии. Уверенность в возможности германских военно-морских сил не просто противостоять лучшему флоту мира, а нанести ему серьезный урон, после чего он даже не будет в состоянии помешать высадке германского десанта, основывалась на реализации «Закон о флоте».

В документе отмечалось, что уже сейчас, когда стал воплощаться в жизнь «Закон о флоте» 1898 г., германский флот по своей мощи составляет примерно $^{1}/_{3}$ от британского флота. После утверждения «Закон о флоте» 1900 г. (в это время как раз обсуждался новый законопроект) соотношение уже будет 2 : 3. На возможное возражение о том, что англичане не станут спокойно наблюдать за германским флотским строительством и также предпримут действия по усилению собственных морских сил, в документе отвечали тем, что увеличение флота в Великобритании идет не такими темпами, как в Германии. Причина этого заключалась в большом количестве кораблей, которые требовали замены.

К 1920 г. англичане должны построить боевые корабли замены общим объемом 11,5 млн т, что в три раза больше, чем предусмотрено на аналогичные цели в последнем германском «Законе о флоте». Численное превосходство Великобритании в кораблях разных классов очевидно. Однако оно может нивелироваться лучшей подготовкой экипажей, оттачиванием боевого мастерства на тактических учениях больших морских соединений. Этой цели служила, особенно с того времени как министерский пост занял А. Тирпиц, продуманная и целенаправленная работа по поддержанию флота в высокой боевой готовности. По мнению представителей Военно-морского министерства, все это, с учетом также исполнения положений нового «Закона о флоте», позволит держать $^{2}/_{3}$ всего ударного флота в боевом состоянии (в то время как в Великобритании данный показатель составлял лишь 50 %).

В документе было указано еще на одно обстоятельство, которое позволяло надеяться на благоприятный исход в случае англо-германской морской войны. Речь, в частности, шла о проблемах подготовки экипажей в британском флоте. Как считали в германском Военно-морском ведомстве, такая ситуация вряд ли изменится в лучшую сторону. Конечный вывод, к которому там пришли на основании изложенных фактов, заключался в том, что пока не создан мощный ударный флот, необходимо соблюдать мир с Великобританией.

Таким образом, принятие двух «Законов о флоте» 1898 и 1900 гг., без учета их

---

[477] См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6657, AB 214—220. Auszüge aus dem Entwurf einer Aufzeichnung aus der Etatsabteilung des Reichsmarineamrts vom Februar 1900. «Die Sicherung Deutschlands gegen einen englischen Angriff» // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 128—129; *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 332—340; *Lambi I.N.* Op. cit. P. 225—257.

значимости для внутриэкономической и политической жизни страны[478], можно рассматривать как серьезную заявку Германии на превращение страны в мощнейшую морскую державу, уступающую по силе только Великобритании[479]. Новый строящийся флот, призванный стать инструментом провозглашенной Берлином «мировой политики»[480], неизбежно должен был вызвать самую негативную реакцию со стороны Лондона[481]. Это было тем более очевидно, учитывая его антианглийскую направленность. Поэтому проявление германо-британского противостояния являлось делом самого ближайшего времени. К имеющимся уже германо-британским противоречиям добавлялся новый источник коллизий, масштабы которого в Германии в начале XX столетия пока еще в полной мере не осознавали. Вольно или не вольно, но германская внешняя политика в значительной степени стала заложницей морской политики А. фон Тирпица.

В противовес новому германскому флоту Великобритания построила несколько серий линейных кораблей

---

[478]О них очень подробно говорит западногерманский историк Ф. Бергхан в многократно цитируемой нами монографии «План Тирпица», а также в других своих исследованиях. См., напр.: *Berghahn V.R.* Germany and the approach of war in 1914. London, 1979. P. 27.

[479]О достижении этой цели А.Тирпиц говорил кайзеру в 1900 г. в Роминтене, когда второй «Закон о флоте еще не был принят. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 155.

[480]Вне всяких сомнений, начатое А. Тирпицем строительство военно-морского флота превращало Германию в одного из ведущих игроков европейской и мировой политики. В итоге оно оказало и свое воздействие на оформление двух противостоящих друг другу блоков — Антанты и Тройственного союза.

[481]По словам видного британского политика Э. Грэя, после 1900 г. стало ясно, что Германия хочет построить большой флот, который реально стал рассматриваться как вражеский. Это уже никак не вписывалось в схему «двухдержавного стандарта», который предполагал в качестве противников только Францию и Россию. Выходом из такой ситуации стало, по словам Э. Грэя, заключение англо-японского и англо-французского договоров 1902 и 1904 гг. См.: *Grey E.* 25 Jahre Politik 1892—1916. Bd. 1. München, 1926.

2.2. Влияние Германии на изменения британской морской политики в 1902—1906 гг.

Ухудшение германо-британских отношений наступило еще до того, как в Германии началось активное военно-морское строительство. В основе этого явления лежали экономические факторы — быстро развивающиеся германская экономика, германский капитал. Ему уже было тесно в национальных рамках, и он начал осваивать другие территории мира, в том числе и те, которые лежали в «зоне английских интересов»[482].

После неудавшихся попыток рейхсканцлера Л. фон Каприви привязать британцев к Тройственному союзу[483] отношения между Берлином и Лондоном стали обостряться. Германия начала противодействовать, где только возможно, британской политике и, в первую очередь, в колониальных делах[484]. О серьезности германо-британского противостояния свидетельствовал факт попытки в середине 90-х гг. XX в. со стороны кайзеровской дипломатии безуспешно реализовать план[485] континентальной лиги против Великобритании[486]. Своеобразным апогеем кризиса двухсторонних отношений стал события в Трансваале в 1895 г.[487] Поэтому вполне закономерным было появление в 1895—1897 годах в одной из влиятельных лондонских газет — «Saterday Review» — серии статей антигерманского содержания, выражавших настроения большой части британцев[488]. Смысл их был простой — Германия представляет опасность для Великобритании и от ее уничтожения будет одна лишь польза. Серьезные международные проблемы[489], с которыми столкнулись английские политические верхи, заставляли их искать компромисса с Германией[490].

Инициатором переговоров по англо-германскому сближению выступил в

---

[482] *Хальгартен Г.* Указ.соч. С. 153—172.

[483] *Lahme R.* Op. cit. S. 277—348.

[484] *Хвостов В.М.* История дипломатии. М., 1945. Т. 2. С. 108.

[485] Grosse Politik. Bd. 9. № 2640. S. 67—69.

[486] *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 86—123.

[487] Кайзер Вильгельм II готов был даже воевать за Трансвааль, но был разубежден рейхсканцлером Х. фон Гогэнлоэ, статс-секретарем иностранных дел А.Маршаллем фон Биберштейном и военно-морским командованием. В результате все ограничилось лишь посылкой телеграммы президенту П. Крюгеру, возмутившей всю британскую общественность. В свою очередь о решительности англичан отстаивать собственные интересы в Южной Африке, вплоть до начала боевых действий против Германии, и говорил факт мобилизации эскадры британских боевых кораблей. См.: *Marder A.J.* Anatomy of British sea power — A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880—1905. New York, 1940. P. 256.

[488] *Langer W.* The diplomacy of imperialism. 1890—1902. New York, 1935. Vol. 1. P. 438.

[489] Речь идет о противоречиях между Великобританией и Россией на Дальнем Востоке, конфликте с Францией в верхнем течении Нила, а также о подготовке к войне с бурами.

[490] О возможности союза с Германией в 1896 г. говорил даже Р.А. Солсбери. См.: British Documents. Vol. 6. Appendix IV. P. 780.

Джозеф Остин Чемберлен

конце марта 1898 г. британский министр колоний Дж. Чемберлен[491]. Предметом заинтересованности для Германии должны были стать территории Западной Африки и Восточной Азии[492]. Главная цель, которую преследовал этот британский политик, заключалась в том, чтобы побудить через англо-германское сближение Францию и Россию вновь обратиться к европейским делам и тем самым ослабить колониальную экспансию в сфере английских интересов в Африке и Восточной Азии. Однако, проводимая Германией в рамках «мировой политики» стратегия «свободных рук» предполагала балансирование между Россией и Великобританией, используя их друг против друга[493]. Поэтому подставлять себя под удар России в интересах Лондона Берлин не собирался. Кроме того, попытка Б. фон Бюлова в качестве условия заключения германо-британского соглашения получить поддержку Лондона в притязаниях Германии на «испанское наследство» провалилась[494].

Точно так же неудачными оказались усилия немцев наладить германо-британское сотрудничество по противодействию французской экспансии в Марокко[495]. Англичане посчитали, что немцы требуют слишком много за свою дружбу. Окончательно первый раунд переговоров о союзе завершился в декабре 1899 г. Он выявил совершенно разные подходы сторон не только к колониальным проблемам[496], но и к другим вопросам международной политики[497]. Неудаче

---

[491]По мнению германского историка Б. Михалика, одним из мотивов переговорной инициативы Дж. Чемберлена, являлось начавшееся активное военно-морское строительство в ряде стран, в том числе и в Германии. См.: *Michalik B.* Op. cit. S. 59—62.

[492]*Роштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 467—468.

[493]Это была ведущая идея, которую реализовал на практике советник германского иностранного ведомства Ф. Гольштейн. Именно он, по мнению историков, определял стратегию внешней политики государства. См.: *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 130.

[494]В апреле 1898 г. началась война между Испанией и США. Германия претендовала на часть испанских владений в Тихом океане. См.: *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 459—478.

[495]*Бюлов Б.* Воспоминания. С. 134—135.

[496]Особенно наглядно противоположность взглядов не только политиков, но и общественности двух стран выявила Англо-бурская война 1899-1902 гг. См.: *Роштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 577—618.

[497]Например, с 18 мая по 29 июня 1899 г. в Гааге проходила Первая мирная конференция, созванная по инициативе России. На ней также проявились германо-британские противоречия, в частности, по вопросу принудительного международного арбитража. Германия в принципе отвергла саму идею принудительного арбитража, увидев в нем попытку лишить ее несомненного военного преимущества на европейском континенте. Договор о международном арбитраже между Германией и Англией был подписан только в 1904 г. См.: *Düllfer J.* Regeln gegen den Krieg. Die Haager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. Berlin; Frankfurt a. M.; Wien, 1981. S. 80—100; *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005. С. 155—161.

германо-британских переговоров о союзе способствовало также принятие немцами второго «Закона о флоте» 1900 г. Он, по мнению британцев, делал для них Германию опасным государством[498].

В 1900-м— начале 1901 г уже Германия предприняла зондаж о заключении союзного договора с Англией. Причиной тому стало германо-русское соперничество в Китае. Оно усилилось после того, как немцы возглавили интервенцию европейских войск на севере Китая в 1900 г. В результате германо-британских переговоров удалось достичь договоренности по Янцзы. 16 октября 1900 г. государства подписали между собой договор[499]. При этом обе стороны преследовали совершенно противоположные цели, мешавшие им в конечном счете прийти к союзному соглашению. Германия надеялась, что договор ограничит британскую экспансию в Китае, а Великобритания предполагала, что Германия поставит заслон российским устремлениям захватить Маньчжурию. Ни того, ни другого не произошло, что вызвало разочарование и в Берлине, и в Лондоне.

После аннексии Маньчжурии Россией немцы сделали предложение англичанам присоединиться к Тройственному союзу. Однако оно было отклонено. Англичане не хотели связывать себя союзом, который они не считали для себя необходимым[500]. Кроме того, растущая на британских островах «тевтонофобия» в связи с позицией Германии[501] в продолжающейся Англо-бурской войне 1899—1902 гг., обрекала весь переговорный процесс на неудачу[502]. Хотя несомненно, что главной причиной этого было, прежде всего, экономическое соперничество стран[503]. Англичане не хотели уступать ранее завоеванные ими позиции перед натиском агрессивно настроенного германского капитала[504].

Провал германо-британских переговоров о союзе и продолжающая нарастать степень противоречий между двумя странами заставили официальный Лондон начать отход от политики «блестящей изоляции». Это привело вначале к заключению 30 января 1902 г. англо-японского союзного договора[505], а затем (8 апреля 1904 г.) — англо-французской «entente cordiale»[506].

---

[498] British Documents. Vol. 6. № 85. P. 57.

[499] *Meineke F.* Geschichte des deutsch-englischen Problems. 1890—1901. München, 1972. S. 171—176.

[500] Британский премьер-министр Р.А. Солсбери, обосновывая свой отказ германскому послу П. фон Меттерниху, заявил, что безопасность Англии зависит не столько от союзников, сколько от ее неприступных островов и от ее флота. См.: *Meineke F.* Op. cit. S. 226.

[501] По словам лондонской «Times», германский народ показал себя во время бурской войны «злейшим врагом Англии». См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 226.

[502] *Marder A.J.* From the Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 105.

[503] *Kehr E.* Der Primat der Innenpolitik. S. 149—183.

[504] *Kennedy P.M.* German world policy and alliance negotiations with England. 1897 – 1900 // Journal of Modern History. 1973. № 45. P. 605—625.

[505] Англо-японский союз был направлен, в первую очередь, против российской экспансии в Корее и Китае. Однако, получив Японию в качестве надежного союзника на Дальнем Востоке, британцы смогли в значительно большей степени переключиться на европейские дела, и в частности, на Германию. Этому также способствовало и окончание 31 мая 1902 г. войны против буров. См.: *Klein F.* Deutschland 1897/98 bis 1917. S. 129.

[506] Ibid. S. 135.

На фоне неудавшегося германо-британского соглашения, к заключению которого в последующие годы делались неоднократные попытки, стало постепенно набирать обороты морское соперничество двух государств. С самого начала XX столетия Германия номинально, а затем и фактически потеснила прежних потенциальных врагов «владычицы морей» и заняла среди них первое место. Но прежде чем об этом пойдет речь, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать особенности британской морской политики в предшествующие 80-е—90 гг. XIX в.

Примерно с середины XIX в. в британских военно-морских кругах были популярны идеи школы «Brick and mortar». Ее сторонники полагали, что старая стратегия адмирала Г. Нельсона морской блокады территории противника уже неактуальна, она пережила свое время и потому следует перейти к обороне побережья путем укрепления береговой линии, в том числе и через сооружение крепостей. Адепты этой концепции полагали, что англичане должны быть готовы, прежде всего, к отражению нападения с моря.

С середины 80-х гг. XIX в. было отмечено постепенное распространение теории военно-морской школы «Blue water», идейными и фактическими идеологами которой были братья Филипп и Джон Коломбы[507]. Суть ее заключалась в том, что вторжение на британские острова невозможно до тех пор, пока противник не добьется господствующего положения на море. Из этого положения следовало, что единственным серьезным препятствием к морской гегемонии врага может служить сильный боевой флот. На исторических примерах доказывалось, что основной путь к победе на море лежит в уничтожении вражеских военных сил в одном или нескольких решающих сражениях[508].

Подтверждение правильности данной теории ее сторонники видели в чуть более поздней концепции американского адмирала А.Т.) Мэхэна, получившей большое распространение в мире (и на британских островах в том числе)[509]. Прошло еще примерно десять лет, прежде чем предложения школы «Blue-water» были окончательно восприняты в Адмиралтействе и легли в основу программы развития британского флота[510].

Столь длительный промежуток времени объясняется также и тем, что в Великобритании имелись приверженцы французской «молодой школы» адмирала Т. Оба с ее идеей об исключительных преимуществах «крейсерской войны». Если говорить о развитии тактики морского боя в этот отрезок времени, то, по утверждениям А. фон Тирпица, англичане в данной области были слабы и сильно отставали от немцев[511]. Лишь под их влиянием британцам пришлось серьезно начать заниматься этими вопросами.

---

[507] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 181—184.

[508] *Коломб Ф.Г.* Морская война, ее основные принципы и опыт. М.; Л., 1940.

[509] В отличие от книг Ф. Коломба, написанных сухим академическим языком, труды А.Т. Мэхэна отличались простотой изложения. Они были понятны даже неспециалистам. Поэтому о теории американца в Англии знали больше, чем об учении своего соотечественника.

[510] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 182.

[511] «Битва под Трафальгаром — писал А.Тирпиц — исключала какое-либо морское соперничество с англичанами. Британский флот настолько превосходил своих потенциальных соперников, что не существовало какой-либо острой необходимости в развитии тактики». См.: *Tirpitz* A. Erinnerungen. S. 47.

Один из британских миноносцев, построенных в конце XIX в.

Ослабление внимания к флоту за счет сосредоточенности на состоянии армии, наблюдаемое в Великобритании с 60-х гг. XIX в., привело к замедлению строительства броненосцев и крейсеров — главной ударной силы английского флота. Напротив, развитие минного и торпедного дела способствовало появлению первых миноносцев[512], на которые возлагались большие надежды по защите британских островов. Все это привело к настоящему буму их строительства[513].

«Миноносная страсть» у англичан прошла в связи с «русской паникой» 1885 г., когда произошло резкое обострение англо-русских отношений из-за Кушки. Опасения британцев, что русские крейсера могут нанести их морской торговле серьезный ущерб, были настолько велики, что пришло осознание необходимости в сильном броненосном флоте. Причем этот мощный флот, для того чтобы ему успешно обеспечивать защиту морских торговых путей и не допустить высадку иностранного десанта, должен был быть именно линейным. Только линейные корабли, по представлению Парламента, делового Сити и подавляющего числа британцев, могли не просто конвоировать торговые суда, но преследовать и уничтожать противника, то есть осуществлять полное господство на море.

---

[512] *Лихарев В.Д.* Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993. С. 57.

[513] Увлечение постройкой миноносцев в 80-е гг. XIX в. привело к тому, что морской министр лорд Гамильтон, требуя кредиты на постройку броненосцев «Nile» и «Trafalgar» в 1885 г. был совершенно убежден, что это последние броненосцы, которые строятся в Англии. Кстати, во Франции в это время вообще прекратили создание броненосцев. См.: *Кетлинский К.Ф.* Военные флоты. Ч. 1. Флот Англии. СПб., 1912. С. 33.

Лорд Солсбери, премьер-министр Великобритании в 1886—1892 и 1895—1902 гг.

Лорд Норсбрук

Колониальное соперничество не только с Россией, но и с Францией, а также уже намечаемое «русско-французское понимание» явились причинами, побудившими британское правительство значительно увеличить расходы на флот.

В 1885 г. морской бюджет вырос в три раза по сравнению с 1882 г. Принимается судостроительная программа лорда Норсбрука[514]. Под давлением общественного мнения, которое находилось под сильным влиянием пропаганды навалистов[515], на основании не очень положительных оценок маневров британского флота в 1888 г.[516], а также в интересах военно-промышленных фирм в 1889 г. эта программа была переработана в сторону расширения и вошла в историю под названием программа Дж. Гамильтона[517] или «Закона о морской обороне» («Naval Defence Act»). В этом документе предусматривалось увеличение ассигнований на британский флот, создание в течение пяти лет 70 боевых кораблей разных типов (восьми линейных кораблей 1-го класса, двух малых броненосцев, девяти крейсеров 1-го класса, 33 легких крейсеров и 18 канонерских лодок). Они должны были строиться как на королевских, так и на частных судоверфях.

Обсуждение по морскому бюджету на 1888—1889 гг. началось в британском Парламенте в декабре 1888 г. В нем приняли участие самые заинтересованные и компетентные во флотских делах депутаты. Особо отличался Ч. Бересфорд.

В одном из своих выступлений он указал, что у Великобритании имеется 49 готовых и строящихся броненосцев, по факту — 36, так как восемь явно уже негодны ввиду старости, пять находятся в дальних водах, а Франция, против

---

[514]С 1 800 000 фунтов стерлингов в 1882 г. до 3 300 000 фунтов стерлингов в 1885 г. *Кетлинский К.Ф.* Военные флоты. Ч. 1. Флот Англии. СПб., 1912. С. 34.

[515]Сторонники морской школы «Blue-water» (или навалисты) развернули активную пропагандистскую кампанию в средствах печати. Они требовали от правительства существенного усиления флота для обеспечения национальной безопасности страны. См.: *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 190—194.

[516]По оценкам маневров флота в 1888 г., было признано, что он недостаточно силен для обороны государства в случае войны. См.: Военное судостроение в 1889 г. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 2. С. 1—2.

[517]Дж. Гамильтон, обосновывая необходимость принятия «Закона о морской обороне», сказал буквально следующее: «Мы составили свою программу так, чтобы ясно показать всему миру несравненную мощь нашей родины и ее безмерные богатства. Проект, который я внес на рассмотрение Палаты, таков, что я не думаю, чтобы все верфи Европы могли выполнить его в намеченный нами срок». Цит. по кн.: *Ньюбольд У.* Указ. соч. С. 45.

«Ramillies» — броненосец типа «Royal Sovereign». Эти корабли построились в рамках «Закона о морской обороне» 1889 г.

которой предположительно могла воевать Англия — 30. Что касается крейсеров, то их у Англии 101, а у Франции — 75. Из этих 101 крейсера только 61 имели ходом более 15 уз, 33 — ход менее 15 уз, их наступательные и оборонительные средства весьма ограничены. Кроме того, семь крейсеров предназначены для защиты Австралии. Вывод, который делал Ч. Бересфорд сводился к тому, что у Великобритании недостаточно кораблей для ведения морской войны, то есть она не обеспечивает себе превосходство над объединенным флотом двух держав. Лорд Ч. Бересфорд считал, что на флот надо потратить на 20 млн фунтов стерлингов — больше обыкновенного бюджета.

Первый лорд Адмиралтейства лорд Дж. Гамильтон был согласен с тем, что флот еще не достиг требуемой силы, хотя констатировал, что за последние

Адмирал Чарльз Бересфорд

годы ассигнования на военно-морские силы постоянно увеличивались[518]. Был признан также и тот факт, что время постройки броненосцев на британских верфях в период с начала 80-х гг. по 1888 гг. сократилось с шести лет и восьми месяцев до трех—четырех лет. То же самое касалось и сооружения крейсеров.

Тем не менее, несмотря на эти, казалось бы, вполне впечатляющие показатели, делался вывод, что следует усилить строительство флота. Причина такого категоричного заявления определялась состоянием флота двух потенциальных врагов — Франции и России. По данным бюджетной комиссии французского Парламента, которые привели в ходе прений в британском Парламенте «французский флот должен бы стремиться к численному равенству с двумя главнейшими континентальными государствами Европы. Франция, к несчастью, не достигает своей цели частью вследствие недостатка средств, частью потому, что ее армия требует больших расходов, вынуждая ограничивать бюджеты флота. Англия имеет, кроме миноносок, 301 военное судно, в том числе 57 броненосцев; Франция имеет только 124 судна, из которых 34 броненосных, а Россия имеет 94 судна всех рангов»[519].

Вроде бы по всем показателям Великобритания превосходила своих возможных морских оппонентов по отдельности, но при этом не выдерживался так называемый «двухдержавный стандарт» (Two Power Standart).

Дело в том, что с 1885 г. на британских островах определялось новое морское положение, согласно которому британский флот должен превосходить флоты двух других, следующих по силе, государств. С 1889 г. оно фиксировалось в законе. Двумя такими державами на то время, которые по своей силе на море соперничали с Великобританией, считались Россия и Франция. С ними же у «туманного Альбиона» были серьезные противоречия по колониальным вопросам в разных частях мира.

Вполне осязаемая опасность со стороны Франции и России доводилась Адмиралтейством до сведения широких общественных кругов, которые, ввиду развитости институтов демократии в британском обществе, оказывали непосредственное давление на правительство с целью строительства флота. В частности, британская пропаганда умело раскрутила жупел французской и русской морской угрозы в связи с началом реализации программы развития французского флота, принятой в начале 90-х гг. XIX в., и наращиванием мощи военно-морских сил в России. Это позволило беспрепятственно провести через Парламент законы 1889 и 1894 гг. о строительстве флота. Они, как в последующем и «Законы о флоте» Германии, отвечали решению внутриполитических задач и цели поддержания высокого внешнего военно-морского статуса государства[520].

---

[518]С 1878/1879 по 1884/1885 гг. на судостроение в Великобритании тратилось по 1 650 000 фунтов стерлингов, а во Франции — 1 450 000 фунтов стерлингов, а уже с 1885/1886 по 1888 г. в Англии на судостроение выделялось по 3 300 000 фунтов стерлингов, тогда как во Франции — 1 600 000 фунтов стерлингов. См.: Парламентские прения о бюджете английского флота на судостроение. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 1. С. 1—22.

[519]Там же.

[520]См.: Усиление английского флота на 70 судов. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 4. С. 1—6; *Ньюбольд У.* Указ соч. С. 43.

Если говорить о значимости закона 1889 г., то, конечно же, необходимо отметить его беспрецедентную финансовую обеспеченность. В денежном выражении она составила сумму, равную 21 500 000 фунтов стерлингов[521]. Далее определялась 4,5-летняя строительная программа, под которую выделялась строго фиксированные деньги. Тем самым прекращалась не очень эффективная практика, суть которой заключалась в том, что те средства, которые почему-либо не успевали расходоваться до окончания бюджетного года, всегда поступали обратно в Государственное казначейство. В результате сметные назначения сокращались ежегодно на эту неизрасходованную сумму.

Определяемые законом 1889 г. на 4,5-летний период деньги планомерно распределялись по каждому году: 1889/1890 г. — 2 645 000 фунтов стерлингов, из которых только 1 360 000 фунтов стерлингов должны были пойти на выполнение новой программы, а остальные деньги — на окончание уже строящихся кораблей; в 1890/1891 г. — 2 590 000 фунтов стерлингов, из которых 2 340 000 фунтов стерлингов на новую программу; 1891/1892 г. — 2 560 000 фунтов стерлингов, все на выполнение новой программы; 1892/1893 г. — 1 650 000 фунтов стерлингов и в 1893/1894 г. — 740 000 фунтов стерлингов.

Таким образом, на выполнение новой программы планировалось израсходовать 8 650 000 фунтов стерлингов. Если к ним прибавить стоимость артиллерии в 2 850 000 фунтов стерлингов, то получалась сумма в 11 500 000 фунтов стерлингов. К ней уже добавлялся так называемый экстраординарный кредит в 10 000 000 фунтов стерлингов. Он достигался путем ежегодной прибавки к обыкновенному бюджету только в 215 000 фунтов стерлингов[522]. Помимо строительства 70 новых кораблей разных типов предполагалось заняться модернизацией 12 старых броненосцев на средства обыкновенного бюджета.

Наконец, говоря о законе 1889 г., следует отметить, что англичане окончательно определились с основным классом боевых кораблей, которые должны были составлять костяк флота, его становой хребет. Естественно здесь мыслились только линейные корабли. «Два года тому назад, — сказал лорд Дж. Гамильтон, — я надеялся, что броненосцы "Nile" и "Trafalgar" будут последними броненосными кораблями, заложенными в Англии. Тогда казалось, что предстоит всеобщее прекращение броненосного судостроения в виду появления миноносок. Но назначение этих миноносок было чрезмерно преувеличено морскими офицерами. Франция прекратила строить броненосцы, а другие государства последовали ее примеру; но с тех пор, отчасти вследствие изобретения скорострельных орудий, последовало возобновление постройки боевых броненосцев, и в нынешнем году, а равно и в три последующих года, будет израсходовано больше денег на броненосцы, чем в какой-нибудь из предшествующих годов. Между тем морское могущество Великобритании должно измеряться числом боевых судов, которое оно может выставить на линию, а потому мы должны следовать примеру иностранцев, тем более, что, судя по большинству высказан-

---

[521] *Preston A.* History of the Royal Navy. London, 1985. P. 110.

[522] Усиление английского флота на 70 судов. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 4. С. 4—5.

ных в последние годы мнений, английский флот должен быть в состоянии бороться с соединенными морскими силами всяких двух государств»[523].

Англичане первыми в мире осознали значимость линейного флота в новых исторических условиях. Они начали активное его развитие, заложив серьезную экономико-военную основу для своего преимущества перед другими державами.

По мнению британского историка Дж. Роуера, акт 1889 г. был первым в Европе и в мире законом о флоте, который послужил примером для других морских держав[524]. К этому следует добавить слова советского историка Н.А. Ерофеева о том, что «Закон о морской обороне» открыл дорогу к новому этапу гонки морских вооружений, к дальнейшему обострению противоречий между державами и ухудшению международного положения[525]. В 1894 г. «Закон о морской обороне» получил дополнение и расширение[526]. Это можно было рассматривать как принятие новой программы на следующие пять лет[527]. Необходимость такого шага определялась несколькими причинами. Во-первых, «Закон о морской обороне» был выполнен[528]. Во-вторых, теснимая иностранными конкурентами британская торговая и промышленная буржуазия требовала военной защиты своих интересов. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и значение заключенного в 1891—1893 гг. франко-российского союза, хотя реально он был направлен против Тройственного союза[529].

В 1895 г. впервые после 60-х гг. XIX в. официально военно-морской бюджет в Великобритании стал превышать расходы на содержание сухопутной армии[530]. После выполнения этой программы в британском Парламенте прошла дискуссия о периодичности финансирования военно-морских сил. Речь шла о так называемом долгосрочном или ежегодном голосовании по вопросу выделения денежных средств на строительство флота. В результате парламентарии согласились ежегодно в марте выносить на голосование финансирование военно-морской программы.

---

[523]Усиление английского флота на 70 судов. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 4. С. 2.

[524]*Rohwer J.* Kriegschiffbau und Flottengesetze um Jahrhundertwende // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland. S. 215.

[525]*Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 196.

[526]Осознание необходимости принятия новой программы военного судостроения пришло еще в 1892 г. Согласно предварительным расчетам, в нее планировалось включить сооружение нового типа эскадренных броненосцев. См.: Новая программа судостроения. Морская хроника // Морской сборник. 1892. № 4. С. 4—6.

[527]Этот документ получил название «Программы Спенсера», по имени морского министра. В ее основе лежал проект, представленный лордом Ч. Бересфордом. Программа Спенсера предусматривала еще большее увеличение числа броненосцев и других типов кораблей дополнительно на 45 единиц. См.: Судостроительная программа лорда Бересфорда. Морская хроника // Морской сборник. 1894. № 1. С. 7—11; История военно-морского искусства. М., 1953. Т. 3. С. 7.

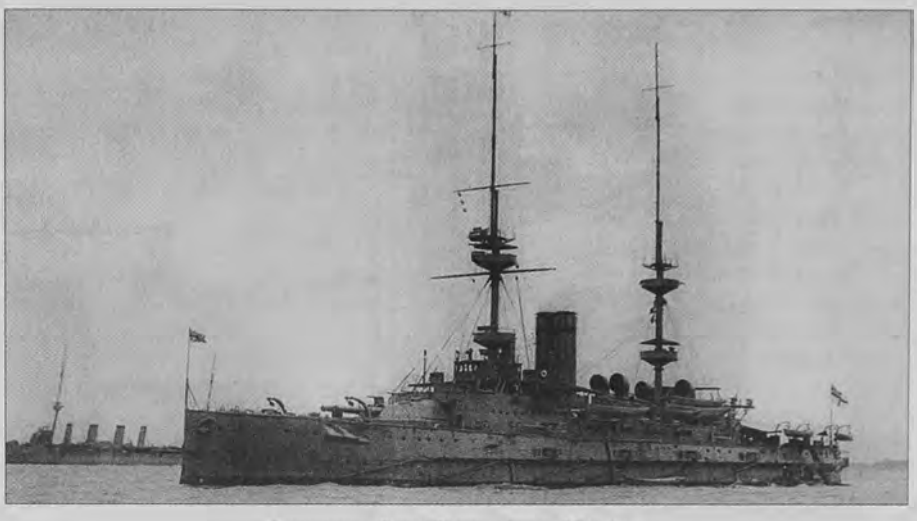
[528]Новейшие английские броненосцы и крейсера 1-го класса. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1894. № 1. С. 152.

[529]*Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 275—278.

[530]*Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 93.

Броненосцы типа «Majestic», строившиеся по «Программе Спенсера» 1894 г.: «Illastrious» (вверху) и «Mars»

Броненосец «Prince George» (типа «Majestic»)

Как показали последующие события, это было правильное решение. Оно лучше и в более полной мере учитывало быстро происходящие технические и конструктивные изменения в военном судостроении, которые, безусловно, отражались на повышении стоимости изготовляемой продукции[531].

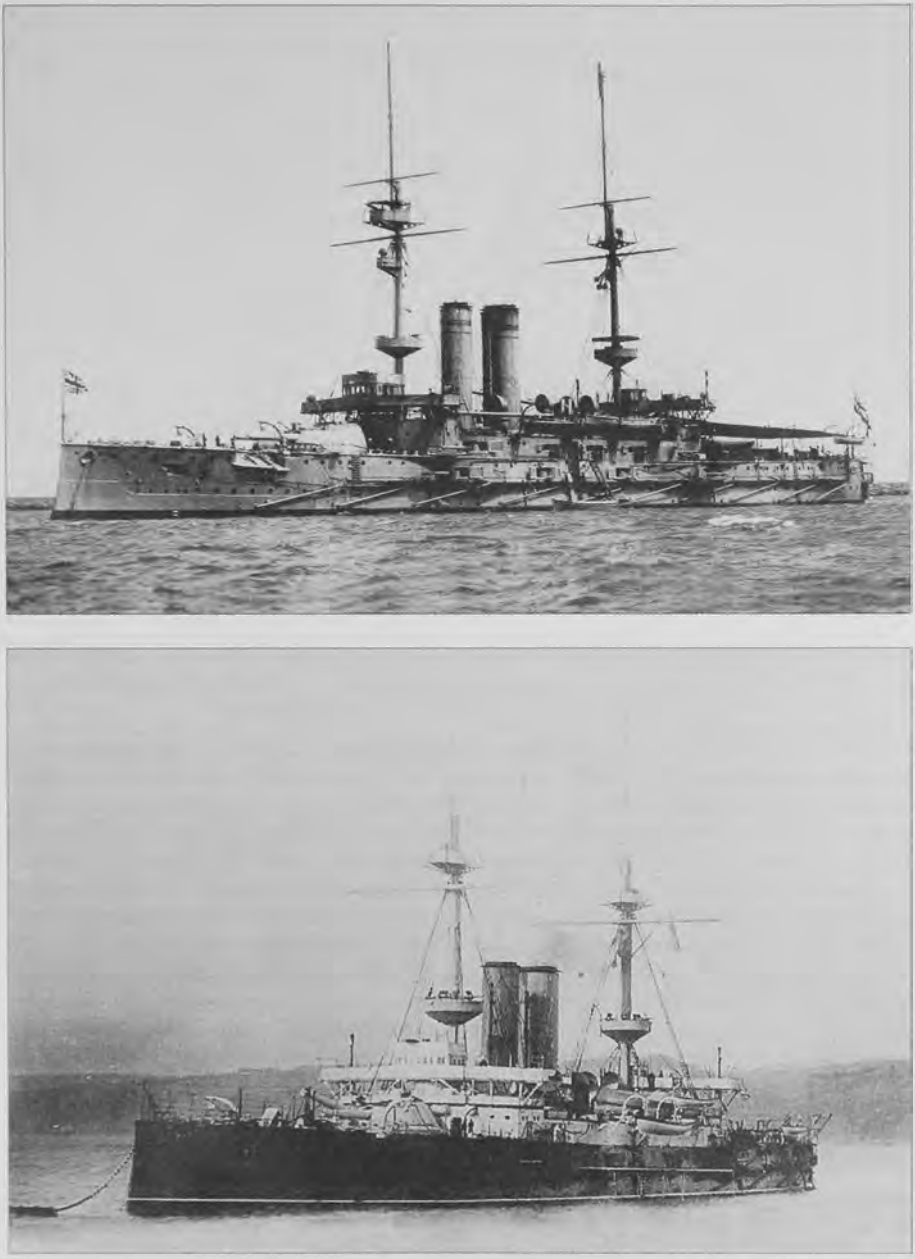
До конца 90-х гг. XIX в. морская пропаганда на британских островах не осуществлялась активно[532]. Хотя, как известно, там раньше[533], чем в Германии, была

---

[531]В отличие от Великобритании, в Германии финансирование морской программы осуществлялось в долгосрочном порядке, что, конечно, сужало возможность более свободного использования бюджетных средств на внедрение технических новинок при строительстве боевых кораблей. Различие в подходе к этому вопросу определялись многими обстоятельствами, в том числе и экономическим и внутриполитическим факторами. В Германии был совершенно иной расклад сил в парламенте, чем в Великобритании. Но, что самое важное, экономический потенциал Германии уступал Великобритании, поэтому немцам за меньшие деньги нужно было исхитряться строить корабли, которые бы по своим боевым качествам не уступали британским. А. Тирпицу всегда при обсуждении флотского законопроекта, как было показано на примере 1898 г. и 1900 г. и в последующем также, приходилось прилагать немало сил для преодоления сопротивления противников флота. См.: *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 317—318, 337—343; *Kaulisch B.* Op.cit. S. 85—102; *Massie R.K.* Die Schalen des Zorns. Grossbritanien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 1993. S. 202—205.

[532]В Германии же Флотский союз, как отмечалось выше, сразу после своего возникновения развернул кипучую деятельность по созданию во всех уголках страны своих многочисленных филиалов и начал вести мощную идеологическую обработку населения в поддержку строительства линейного флота. См.: *Witt P.C.* Innenpolitik und Imperialismus in der Vorgeschichte des Ersten Weltkrieg // Liberalismus und imperialistischer Staat. Der Imperialismus als Problem liberalen Parteien in Deutschland. 1890—1914. Göttingen, 1975. S. 7—34.

[533]Лига военно-морского флота Великобритании была создана 10 января 1895 г. К началу XX столетия число ее членов достигало 15 712 человек.

Броненосцы типа «Canopus», строившиеся в Великобритании с 1895 г: «Goliath» (вверху) и «Ocean»

Броненосец «Canopus»

создана Лига военно-морского флота. В последующем этой работе власти стали уделять значительно большее внимание. Однако масштабность и степень накала морской агитации в Великобритании уступали тому, что происходило в Германии[534]. Определенным образом это объясняется той ролью, которую флот играл в жизни каждого из государств еще до начала открытого соперничества.

Для англичан вплоть до конца XIX в. не было особой нужды абсолютизировать значение военно-морских сил для жизни страны. Британский флот на протяжении не одного столетия обеспечивал внешнеполитическое, экономическое и военное господство в мире. Сухопутная армия, ввиду островного положения страны, по определению занимала подобающее ей второе место. Лишь в небольшой отрезок времени, с 60-х до середины 90-х гг. XIX в., ее положение изменилось. Тем не менее «войсковики» не смогли окончательно перехватить пальму первенства в вооруженных силах Великобритании.

В последующем борьба между военными ведомствами продолжалась и даже с переменным успехом — в период Англо-бурской войны 1899—1902 гг. расхо-

---

[534] *Strandmann P.* Nationale Verbände zwischen Weltpolitik und Kontinentalpolitik // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 296—317; *Meyer J.* Die propaganda der deutschen Flottenbewegungen. 1897—1900. Diss. Bern, 1967.

ды на содержание армии резко выросли[535]. Однако усложнение военно-морского вооружения, а также ухудшение отношений с Германией, пытавшейся оспорить морское господство Англии, привели к изменению ситуации в пользу флота. Кроме того, военно-морские силы рассматривались британцами не только как выражение силы и могущества в мире. В условиях большой зависимости от ввозимых по морю товаров, боевые корабли обеспечивали продовольственную и сырьевую безопасность страны, поддерживали высокий жизненный стандарт[536]. Поэтому флот, в представлении англичан, должен был иметь приоритетное развитие.

Говоря о потенциальных внешних врагах Великобритании, начиная со второй половины 90-х гг. XIX в., необходимо отметить постепенное переориентирование со старых противников на нового опасного морского соседа — Германию[537]. Уже после принятия первого «Закона о флоте» в Великобритании стали раздаваться голоса, наполненные тревогой относительно незыблемости морского могущества страны. Адмиралтейство реагировало немедленно в соответствии со своим максимумом поддержки «двухдержавного стандарта». Кроме того, отныне британские военно-морские стратеги рассматривают Германию как серьезный фактор, с которым следует считаться при формировании и осуществлении морской политики[538].

---

[535]В 1901/1902 финансовом году расходы на армию составляли 92 542 000 фунтов стерлингов. До таких показателей бюджетного содержания британский флот не поднимался даже в самые свои лучшие предвоенные годы. Самое большее, чего смог добиться морской министр У. Черчилль в конце 1913 г. выражалось суммой в 52 000 000 фунтов стерлингов. См.: *Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 93; *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль: политическая биография. М., 1977. С. 117—118. По данным же, которыми располагало германское издание «Jahrbuch für Deutschlands Seeinteresse. Nauticus» за 1908 г. соотношение морского и армейского бюджетов в период 1899—1902 гг. было примерно одинаковым, но с небольшим преимуществом в пользу «моряков». См.: Jahrbuch für Deutschlands Seein-teresse. Nauticus. 1908. Jhrg. 10. S. 508.

[536]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 423.

[537]В военно-морском соперничестве Франция и Россия постепенно отходят на вторые позиции. Это объясняется особенностями их внутреннего экономического и политического положения того периода истории. Во Франции, в частности, приходит осознание невозможности одновременно строить флот против Великобритании и развивать сухопутную армию против Германии. В результате там выбор был сделан в пользу наземных войск, поскольку только с их помощью можно было надеяться на возвращение потерянных в ходе Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Эльзаса и Лотарингии. Флот в значительной степени требовался для решения колониальных задач, а они отступили по своей значимости перед проблемой восстановления прежнего статуса территорий. Русский флот также в конце XIX в. перестал представлять опасность для британцев. Тем более что Россия все больше и больше переключала свое внимание, не без помощи Германии, на Дальний Восток. См.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1905—1907. М.— Л., 1955. Современный немецкий ученый А. Розе, напротив, полагает, что Великобритания по-прежнему считала своим главным врагом Россию и абсолютно не переключалась на Германию. См.: *Rose A.* Zwischen Empire und Kontinent. Britische Aussenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. München, 2011. S. 171—189.

[538]Уже при обсуждении первых двух «Законов о флоте» Адмиралтейство проявляло серьезное беспокойство. См.: *Kennedy P.M.* The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914. London, 1982. P. 251.

По инерции Лондон по-прежнему следил за тем, как шел процесс военно-морского строительства в России и Франции. Однако после 1900 г.[539] центр его внимания постепенно смещается на противоположную сторону Ла-Манша. Тем более что попытки установления договоренности между двумя странами закончились неудачей.

В соответствии с положениями второго «Закона о флоте», в Германии должны быть построены 16 линейных кораблей и примерно 44 крейсера активного флота[540]. В Адмиралтействе[541] не сомневались, что они со временем будут направлены против британцев[542]. Англичан в значительно большей степени волновал не столько количественный рост боевых германских морских единиц, сколько качественное изменение германского флота. Они стремились, по возможности, отслеживать, как совершенствуется морская тактика, какие внедряются новые строительные материалы при сооружении кораблей, как осуществляется подготовка военно-морских кадров.

За аналогичными процессами, протекавшими у британцев, следили и в Берлине.

---

[539]Это стало особенно заметно, когда окончательно ясно обозначился провал германо-британских переговоров о союзе. См.: *Monger G.* The end of isolation. British foreign policy 1900—1907. London, 1963. P. 78, 86.

[540]Gesetz, betr. die deutsche Flotte, vom 14 Juni 1900 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. S. 352—553; Новая судостроительная программа для германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1900. № 2. С. 5.

[541]Адмиралтейство являлось главным ведомством, отвечающим за развитие военно-морских сил в Великобритании. Морское управление было сосредоточено в руках шести лиц, именуемых лордами Адмиралтейства. С 1870 г. наибольшую ответственность нес на себе Первый лорд, которому подчинялись все остальные. Первого лорда еще называли морским министром. Как правило, он выбирался правительством не из военных моряков, то есть являлся гражданским лицом. Это делалось с целью недопущения узурпации власти. Морской министр являлся членом правящей в парламенте партии и контролировался в своих действиях премьер-министром и министром финансов. Он отвечал за состояние флота перед королем и Парламентом. Второй, Третий, Четвертый и Пятый лорды назначались из военных моряков и именовались: Первым Морским лордом, Вторым, Третьим и младшим лордами. Шестой лорд Адмиралтейства, как и морской министр, являлся гражданским лицом, членом парламента и именовался Гражданским лордом. С отставкой правительства в Адмиралтействе происходила смена только его и морского министра. См.: *Штенцель А.* История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. Т. 1. М., 2002. С. 630; Устройство Морского управления // Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Англия. Вып. II. СПб., 1901. С. 1—2.

С октября 1904 г. были произведены изменения в распределении обязанностей между лордами Адмиралтейства. Первый Морской лорд отвечал за боеготовность флота и являлся первым советником морского министра. Второй — осуществлял руководство по комплектованию и подготовке корабельных экипажей. Третий — занимался вопросами, связанными с конструированием и строительством кораблей. Четвертый — нес ответственность за транспортную службу и снабжение. В компетенции Гражданского лорда находились береговые сооружения и медицинское обеспечение. Парламентский и финансовый секретари Адмиралтейства, являвшиеся одновременно членами Парламента, соответственно курировали общие организационные вопросы, отслеживали всю входящую и исходящую корреспонденцию, осуществляли финансовый контроль над расходованием средств военно-морского бюджета. См.: *Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 97.

[542]*Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 461.

Броненосный крейсер «Hogue» (тип «Kressy»). С 1898 по 1904 г. военно-морские силы Великобритании пополнились шестью кораблями этого типа

Каждая из сторон пыталась максимально засекретить весь процесс постройки боевых кораблей. Надо признать, что в немалой степени это удавалось делать.

Известно, что А.фон Тирпиц по вполне понятным причинам был принципиальным противником обсуждения в открытой печати не только достижений отечественного военного кораблестроения, но и недостатков, которые обнаруживались на британском военно-морском флоте. Логика была вполне понятной и объяснимой: зачем указывать потенциальному противнику на его недостатки, которые его ослабляют[543]. Глава Военно-морского ведомства не одобрял и уничижительной критики британского флота, которая раздавалась со страниц германских газет[544]. В этой связи военно-морскому атташе в Лондоне К. Кёрперу были даже даны соответствующие указания попытаться сгладить негативное впечатление в высших кругах от действий германской прессы[545].

Хотя после официального принятия и публикации второго германского «Закона о флоте» в британской прессе и появлялись статьи с призывами напасть и уничтожить строящийся германский флот[546], в целом на британских островах поначалу спокойно наблюдали за тем, что происходило по другую сторону

---

[543] *Marder A.J.* Op. cit. P. 222.

[544] Ibid. P. 380.

[545] *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 430.

[546] В частности, подобные публикации периодически появлялись в официозном специализированном издании «Army and Navy Gazette». См.: Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. I. S. 71.

Ла-Манша[547]. Показательным в этом отношении можно считать выступление морского министра Г. Гошена при обсуждении морской сметы на 1900/1901 г. в Палате общин. Он абсолютно не видел на тот момент угроз Англии со стороны моря от какого-либо государства Европы[548].

Это было не удивительно, если учитывать оценку военно-морскими экспертами коэффициента боевых кораблей ведущих морских держав[549]. Уже буквально через год, в 1901 г., британское Адмиралтейство начало проявлять первые симптомы беспокойства, правда, пока что на уровне констатации неприятных для себя фактов[550]. Однако многократное преимущество по многим классам кораблей составляло хороший задел спокойствия англичан по отношению к немцам[551].

1901 год стал для англичан самым рекордным (начиная с 1890 г.) по числу спущенных на воду военных кораблей, от эскадренных броненосцев до подводных лодок[552]. При этом «законодатели военно-морских стандартов» не стеснялись брать на вооружение положительный германский опыт судостроения[553].

В значительной степени 1902 г. стал рубежным в германо-британских отношениях. После неудавшейся попытки заключить союзнические отношения

---

[547]*Woodward E.L.* Great Britain and the German Navy. P. 4950.

[548]Увеличение морского бюджета (с 26 594 000 в 1899/1900 г. до 27 522 000 фунтов стерлингов в 1900/1901 г.) министр объяснял необходимостью успокоить народ, встревоженный продолжающейся войной в Южной Африке. Реальной же угрозы Англии, по его словам, не было. См.: Английская морская смета на 1900—1901 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1900. № 5. С. 87—88.

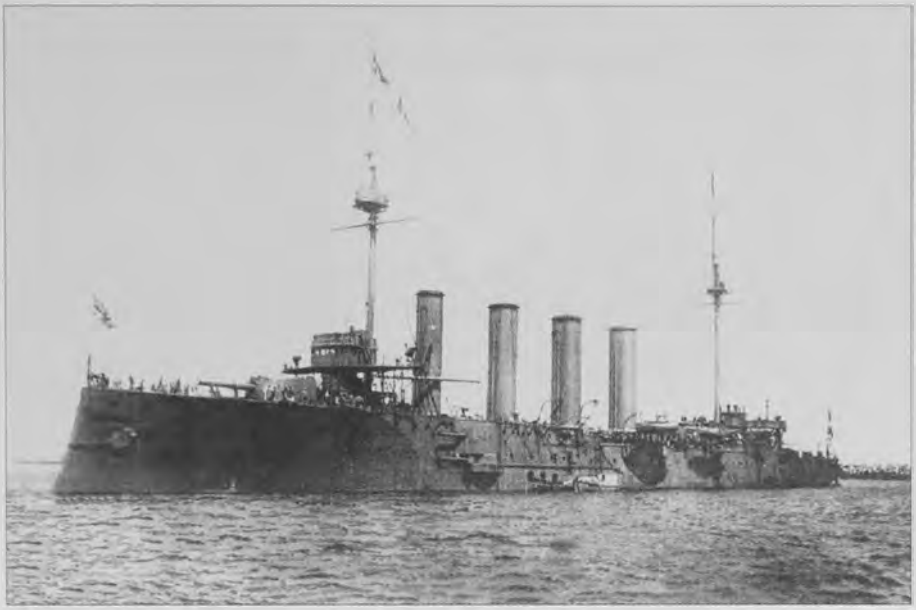
[549]Согласно одной из таких оценок, коэффициент боевых кораблей Англии исчислялся цифрой 1001, Франции — 466, России — 280, США — 195, Японии — 189, Италии — 189, Германии — 179, Австро-Венгрии — 64. См.: *Кетлинский К.Ф.* Указ. соч. С. 38.

[550]При обосновании в парламенте морского бюджета на 1901/1902 г., составлявшего 30 875 000 фунтов стерлингов, было отмечено, что по темпам военно-морского судостроения конкуренцию Великобритании может составить только Германия. См.: Английская морская смета на 1901—1902 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 5. С. 27.

[551]Речь шла о трехкратном преимуществе по эскадренным броненосцам, двукратном перевесе по броненосным крейсерам, семикратном превосходстве по легким крейсерам и пятикратном — по подводным лодкам. Говоря о последнем виде морского вооружения, необходимо отметить, что англичане были вторыми после французов по числу подлодок. У немцев на тот момент такого вида морского оружия пока не было. См.: Численность по родам судов флотов Великобритании, Франции, России, Германии, Италии, С-А. Соединенных Штатов и Японии. Морская хроника // Морской сборник. 1901. № 6. С. 1—2; Современное положение вопроса о подводных лодках во Франции. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 7. С. 141—151.

[552]В 1901 г. англичане ввели в строй 32 новых корабля. С 1890 по 1901 г. на казенных верфях было сошло на воду 89 кораблей разных классов (общим водоизмещением 581 370 т.), на частных судоверфях — 211 корабль (общим водоизмещением 613 976 т.). См.: Английский флот в 1901 году. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 2. С. 4—6.

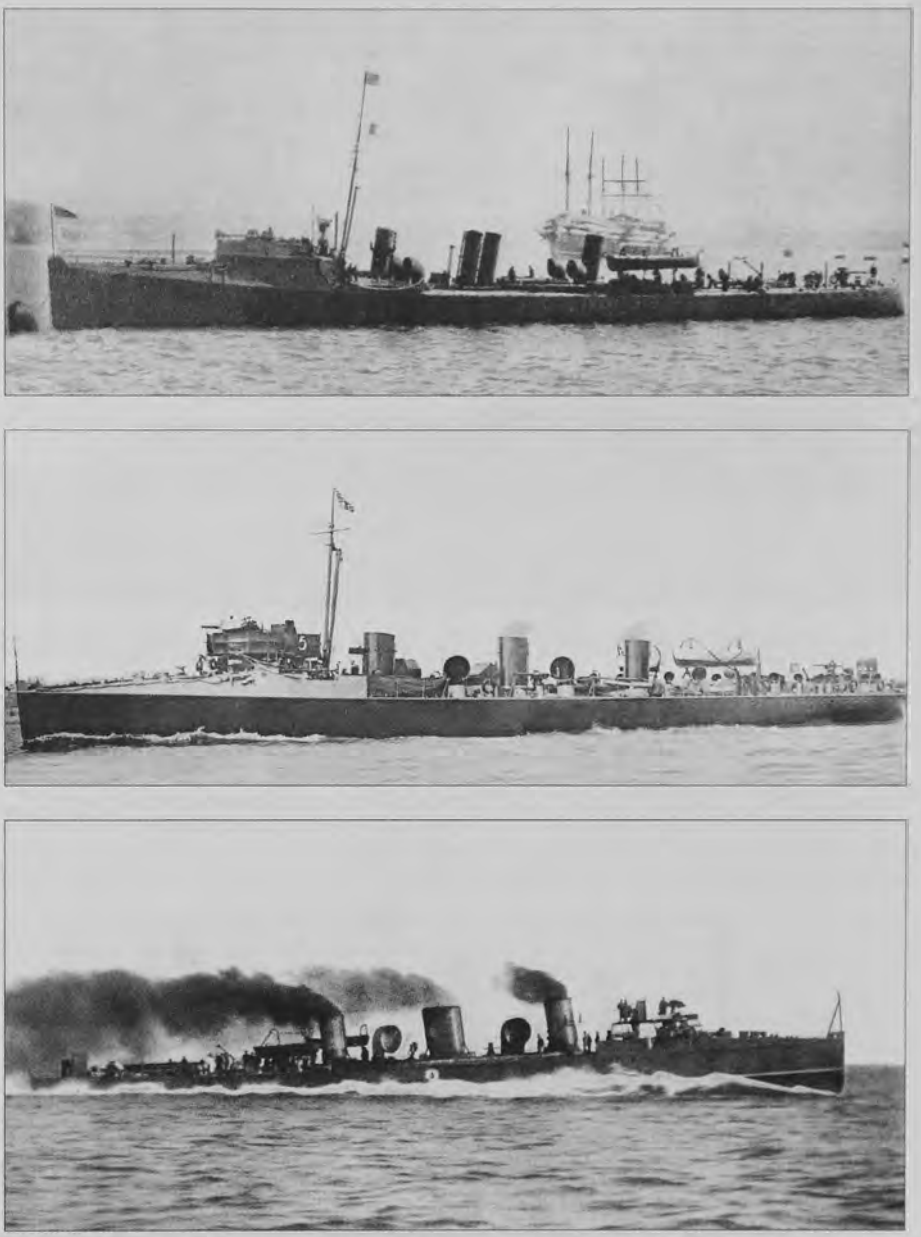
[553]По данным секретаря Адмиралтейства А. Форстера, в 1900 г. британцы перешли на производство брони по системе Круппа, что вызвало некоторое замедление в строительстве новых кораблей. См.: Английская морская смета на 1901—1902 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 5. С. 27.

Броненосный крейсер «Good Hope» (тип «Drake»). В 1901 г. сошли на воду все четыре корабля этой серии

В 1901—1903 гг. были спущены 10 броненосных крейсеров типа «Kent», предназначавшихся для службы на Дальнем Востоке; на фотографии — «Lancaster»

В начале XX в. британский флот пополнялся быстроходными эсминцами типов «B» (на фотографии вверху — «Bonetta»), «C» (на фотографии — «Fairy») и первыми турбинными кораблями этого класса (на фотографии внизу — «Velox»)

А5 — представитель первой серии подводных лодок ВМС Великобритании

антигерманская составляющая начинает играть все более и более значимую роль во внешней политике Великобритании[554]. В Министерстве иностранных дел (Форин оффис, Foreign Office) с апреля 1902 г. стали открыто и часто говорить о Германии как враге № 1[555]. К политическим и экономическим противоречиям теперь еще добавлялась и военно-морская проблема.

От пристального взгляда Лондона не могло ускользнуть, как немцы спокойно и педантично осуществляли реализацию своего «Закона о флоте». Уже к 1904 г. они должны были располагать 19 линейными кораблями, восемью броненосцами береговой охраны, 12 броненосными и 32 легкими крейсерами[556]. В перспективе (к 1917—1918 гг.) число линейных кораблей планировалось довести до 38 единиц, броненосных и легких крейсеров — соответственно до восьми и 24[557].

По оценке Адмиралтейства, к 1906 г. Германия уже могла превратиться во вторую морскую державу мира[558]. Объективно возникал вопрос, против кого немцы строят свой флот? С учетом общего развития международных экономических и

---

[554] *Steiner Z.* Britian and the origins of the first world war. London, 1977. P. 175—176; *Wormer K.* Grossbritannien, Russland und Deutschland — Studien zur britischen Weltreichpolitik am Vorabend des ErstenWeltkriegs. München, 1980. S. 68; *Monger G.* Op. cit. P. 12—13.

[555] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P 106.

[556] *Uhle-Wettler F.* Op.cit. S. 129.

[557] *Kaulisch B.* Op. cit. S. 102.

[558] Еще в декабре 1900 г. руководитель военно-морской разведки Кастэнс утверждал, что после 1906 г. германский флот превзойдет российский. Поэтому с этого времени именно Германия и Франция будут являться теми державами, в отношении которых следует проводить политику «двухдержавного стандарта». См.: *Kennedy P.M.* Op. cit. P. 251.

Граф Артур Бальфур, премьер-министр британского правительства в 1902—1905 гг

политических дел ответ напрашивался сам собой. В середине ноября 1901 г. морской министр У. Сэлборн представил меморандум правительству, в котором ясно была очерчена опасность для Великобритании германского военно-морского строительства[559]. Консервативная пресса Англии еще раньше открыто стала высказывать опасения относительно направленности германских морских планов[560].

В октябре 1902 г., после посещения У. Сэлборном в августе того же года двух главных германских военно-морских баз — Киля и Вильгельмсхафена — у Адмиралтейства уже не было никаких сомнений в том, что немцы создают свой флот для войны с англичанами[561]. К тому же этот тезис прямо и косвенно подтверждался германскими официальными [562] и оппозиционными изданиями[563].

Император Вильгельм II в октябре 1902 г. в одном из своих писем к российскому царю Николаю II назвал себя не больше и не меньше как «адмирал Атлантики»[564], что в Лондоне было расценено как претензия Германии на господство

---

[559] *Marder A.J.* Op. cit. P. 106.

[560] *Kennedy P.M.* Op. cit. P. 256.

[561] В августе 1902 г. после визита в Германию У. Сэлборн вместе с А. Бальфуром и Дж. Чемберленом провели совещание по военно-морским делам. На нем было принято решение о покупке земли на побережье Северного моря. Там предполагалось поместить флот, который по силе должен был, как минимум, равняться германскому флоту, запланированному по закону 1900 г. Ibid. P. 252.

[562] В 1902 г. в британском издании «The Naval Annual» была напечатана статья «Доступна ли Англия неприятельскому вторжению?». В ней, в частности, делались ссылки на публикации двух офицеров германского Генерального штаба барона В. фон Лютвица и барона фон Эдельсгейма, которые обосновывали возможность высадки немецкого десанта силами шести пехотных дивизий и кавалерии на британское побережье. Понятно было, что совершить подобную операцию без помощи флота не представлялось бы возможным. Поэтому в «The Naval Annual» помимо явного определения «германской угрозы» делался и другой закономерный вывод: «Англии ничто не угрожает, пока английский флот будет представлять собой ту мощь, на которую государство и народное благосостояние должно опираться». Издание призывало укреплять и развивать военно-морской флот. См.: Доступна ли Англия неприятельскому вторжению? Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 2. С. 96.

[563] В 1902 г. в социал-демократической газете «Vorwärts» была опубликована статья о «Законе о флоте» 1900 г. В ней подчеркивалось, что цель его реализации заключается в том, чтобы «сравняться с величайшей морской державой». По мнению британского издания «Army and Navy Gazette», во-первых, появление этого материала, учитывая достаточно жесткий по сравнению с английскими реалиями контроль германских властей над прессой, было сознательно допущено ведомством А.Тирпица. Во-вторых, эта публикация лишний раз доказывала, что Германия действительно серьезно встала на путь создания мощного военно-морского флота. См.: Предполагаемое усиление германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 3. С. 10—12.

[564] *Marder A.J.* Op. cit. P. 107.

Императорский военный порт Вильгельмсхафен. С германской открытки начала XX в.

Выход флота на маневры. С германской открытки начала XX в.

в этом океане[565]. Формально и реально ситуация для англичан в деле развития флотов выглядела пока очень благоприятно[566]. Это фиксировалось и германскими[567], и британскими специальными изданиями[568]. Тем не менее англичан, с учетом складывающихся двухсторонних непростых отношений, волновала тенденция быстрого усиления германского флота.

Поэтому неудивительно, что при обсуждении военно-морских смет британские парламентарии теперь обращали самое пристальное внимание на постановку и развитие морского дела у немцев. Так, при обсуждении военно-морской сметы на 1902/1903 г. депутат от либералов Р.Б. Холден, будущий военный министр, отмечал, что Англия содержит мало морских агентов (атташе) за рубежом — 13 человек, в то время как у Германии их 18.

Другим недостатком он назвал слишком большой возраст британских адмиралов по сравнению с их германскими коллегами. Там самому старшему из них было 57 лет, а самому младшему — 49 лет. К тому же в Германии адмиралами становились только старшие офицеры, служившие на боевых кораблях, а у англичан это звание можно получить по возрасту. Наконец, Р.Б. Холден отметил и

---

[565] *Marder A.J.* Op. cit. P. 108.

[566] Специалисты разделяли британские броненосцы, находящиеся в строю в 1903 г., на четыре категории: группа «Majestic» — девять кораблей (скорость хода 17,5 уз, водоизмещение 14 900 т, артиллерия — четыре 305-мм, 12 152-мм, 18 76-мм орудий); группа «Canopus» — шесть кораблей (скорость хода 18 уз, водоизмещение 12 950 т, артиллерия — четыре 305-мм, 12 152-мм, 10 76-мм орудий); группа «Formidable» — шесть кораблей (скорость хода 18 уз, водоизмещение 15 000 т, артиллерия — четырех 305-мм, 12 152-мм, 16 76-мм орудий); наконец, группа «Duncan » — шесть кораблей (скорость хода 19 уз, водоизмещение 14 000 т, артиллерия — четыре 305-мм, 12 152-мм, 12 76-мм орудий). По мнению знатоков военно-морского дела, самыми лучшими считались корабли группы «Formidable». См.: *Зотов.* Какой флот обладает самым сильным броненосцем? Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 1. С. 68—70. У немцев на службе в это время находилось 10 броненосцев типов «Kaiser» и «Wittelsbach». Ввиду мелководья германских каналов их водоизмещение не превышало 11 000—12 000 т. Корабли типа «Kaiser» имели следующую артиллерию: четыре 240-мм, 18 150-мм и 12 88-мм орудий. Скорость их составляла 18 уз. На кораблях типа «Wittelsbach» предпочтение отдавалось средней артиллерии, и их скорость равнялась 19 уз. Немецкие разработчики, создавая эти корабли, сделали ставку на скорострельность орудий с тем, чтобы в короткий промежуток времени обрушить на неприятеля шквал огня и тем самым добиться победы. См.: Сборник военно-морских сведений. С. 134; *Kaulisch B.* Op. cit. S. 142.

[567] По прогнозам, сделанным в 1902 г. германским военно-морским изданием «Nauticus», в 1906 г. у Англии будет 57 броненосцев (52 — водоизмещением более 10 тыс. т) и 70 броненосных крейсеров, а у Германии соответственно 19 (18 — водоизмещением более 10 тыс. т) броненосцев и 11 броненосных крейсеров. См.: Главные флоты в 1906 году. Морская хроника Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 9. С. 29—30.

[568] По данным, представленным А. Мардером, в 1903 г. у Великобритании было 63 линейных корабля разных классов, 18 броненосных крейсеров, а у Германии соответственно 36 и два. Общее же соотношение всех боевых кораблей выражалось пропорцией 104:42. См.: *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 419. По эскадренным броненосцам, броненосцам береговой обороны и броненосным крейсерам, представлявшим главную ударную силу флота, картина была несколько иной — 64:35, а по строящимся кораблям — 30:10. См.: Сравнительная сила флотов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 5. С. 2.

то, что в германском флоте нет ни одного офицера, который не был бы занят работой по морской службе. Напротив, у англичан, как он считал, «много офицеров, находящихся на берегу и не имеющих какого-либо занятия»[569].

Маркиз Г. Лэнсдаун, министр иностранных дел Великобритании в 1900—1905 гг.

Британские эксперты не могли не отметить, что из германского морского бюджета на 1902 г., составлявшего 217 400 000 марок[570], почти половина — 105 402 000 марок — шла на постройку и боевое вооружение кораблей[571]. По сравнению с предыдущим годом, прирост расходов по этой статье морского бюджета составил почти 5 000 000 марок[572]. В 1903 г. указанная тенденция сохранилась.

По данным, представленным французским морским журналом «Moniteur de la Flotte», в 1903 г. среди европейских морских держав Германия стояла на первом месте по величине расходов на новое судостроение в общем военно-морском бюджете (51,29 %). После нее шла Франция (37,82 %), и только на третьем месте находилась Великобритания (30,20 %)[573].

Поэтому Адмиралтейство, с учетом оценки опасности перспектив «германского фактора», решило начать реорганизацию британского флота. Эта реформа должна была затронуть практически все стороны его многогранного функционирования. Речь шла о качественно новом состоянии британских военно-морских сил[574].

Безусловно, что начавшиеся активные действия явились ответной реакцией англичан на успешно реализуемый немцами второй «Закон о флоте». Вместе с тем следует признать, что в Адмиралтействе не было единства взглядов на то, что именно германская угроза является исключительно единственной для Англии. Пока еще учитывались в большой мере французский и русские флоты. Кстати, и премьер-министр А. Бальфур, министр иностранных дел Г. Лэнсдаун тогда еще скептически относились к разговорам о «германской угрозе». Однако У. Сэлборн находил поддержку у консервативно настроенных изданий

---

[569]См.: Английская морская смета на 1902—1903 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1902. № 5. С. 87—88.

[570]Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890—1911. S. 508.

[571]Бюджет германского флота на 1902 год. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 6. С. 15—20.

[572]В 1901 г. на постройку и вооружение боевых кораблей тратилось 100 586 000 марок. Там же. С. 20.

[573]Распределение морского бюджета по главным родам расходов в разных флотах. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 2. С. 2—3.

[574]Периодическая «чистка» британского флота была нормой для деятельности Адмиралтейства. Так, например, в 1901 г. по сообщению секретаря Адмиралтейства Форстера в 1901 г. было списано 16 броненосных кораблей, вооруженных гладкоствольными орудиями. См.: Английская морская смета на 1901—1902 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 5. С. 20. Правда, на этот раз речь шла о кардинальных изменениях на флоте.

Король Эдвард VII

и стоящих за ними деловых, политических и военных кругов, а также у короля Эдварда VII, чья германофобия была известна, пожалуй, каждому подданному британской короны. Морской министр требовал увеличения следующего бюджета как минимум на 3 млн фунтов стерлингов[575].

В 1902 году англичане приняли, по словам газеты «Times», «самый большой морской бюджет, за какой когда-либо голосовали как в мирное, так и в военное время»[576]. Кроме того, был создан совет обороны (Concil of Defence), в котором должны были заседать, кроме четырех членов кабинета, представители высшего военного или морского командования[577].

Зарубежные наблюдатели при анализе британского морского бюджета на 1903/1904 г. отметили ряд его особенностей. Помимо общего увеличения финансирования флота (оно составляло 34 557 500 фунтов стерлингов[578]) в морском бюджете предусматривалось строительство нового военного порта и морской базы в заливе Ферт-оф-форт[579], которая должна была стать четвертой для британского Флота Метрополии после Портсмута, Девонпорта и Чатама. Цель ее сооружения заключалась в защите британского побережья от морских сил неприятеля Северной Европы[580], в контроле над возможным прохождением иностранных эскадр из Северного моря в Атлантику, где, как известно, проходили важнейшие торговые морские пути, по которым в Великобританию доставлялись все необходимое сырье и товары[581]. Особые комментарии вызвало также

---

[575]См.: *Kennedy P.M.* Op. cit. P. 253—255; *Williamson S.R.* The politics of grand strategy. Britain and France prepare for war 1904—1914. Cambridge, 1969. P. 17.

[576]Морской бюджет 1902/1903 г. равнялся 31 255 009 фунтам стерлингов. См.: Английская морская смета на 1902—1903 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1902. № 4, 5. С. 39—57, 71—98.

[577]*Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М., 1937. С. 122.

[578]Морской бюджет 1902/1903 г. равнялся 31 255 009 фт. ст. См.: Английская морская смета на 1902—1903 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1902. № 4, 5. С. 39—57, 71—98. Таким образом, рост финансирования на 1903/1904 г. составлял чуть более 4 млн фунтов стерлингов. Прибавка, несомненно, являлась значительной, если учесть, что увеличение морского бюджета 1902/1903 г. по сравнению с 1901/1902 г. укладывалась в сумму немного меньшую, чем 1 млн фунтов стерлингов. См.: Английская морская смета на 1901—1902 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 5. С. 20—21.

[579]Английская морская смета на 1908—1909 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1908. № 7. С. 84.

[580]Какое государство имелось в виду, нетрудно было догадаться, если учесть улучшение англо-французских отношений, произошедших в это время. См.: *Василевский Н.Ф.* Георг V. Пг., 1914. С. 7; *Обри Д.* Король Эдуард VII Английский. М., 1910. С. 114; *Aubyn G.St.* Eduard VII. Prince and King. New York, 1979. P. 320—321.

[581]В начале XX в., вплоть до 1914 г., Великобритания являлась первой страной мира, обладавшей наибольшим количеством торговых судов, которые обеспечивали беспрецедентный по тем временам объем грузоперевозок в 5,3 млн т. См.: *Халыртен Г.* Указ. соч. С. 276.

решение британского правительства консерваторов увеличить численность личного состава флота до 127 000 человек[582].

В числе значимых задач, поставленных изменившимися политическими и военными реалиями, были повышение качества подготовки военно-морских кадров[583], совершенствование проведения морских маневров и учебных стрельб, осуществление координации действий между морскими и сухопутными силами. Наконец, нельзя не отметить начало тщательной проработки различных вариантов оперативных планов. В них в качестве основного противника стали фигурировать германские военно-морские силы[584].

Учеба в британских морских училищах: морская практика (вверху) и обучение плаванию

К этому перечню следует добавить и намерение Адмиралтейства в ближайшее время изменить дислокацию флотов и их структуру. Речь шла о создании новой Южно-атлантической эскадры, которая должна была контролировать юго-восточное побережье Америки и западное побережье Африки. Кроме того, предполагалось преобразовать Флот Метрополии (Home Fleet) и сделать ее независимой от Флота Канала (Channel Fleet). Местом базирования этого преобразованного соединения кораблей должен был стать Портленд[585]. Поэтому можно с

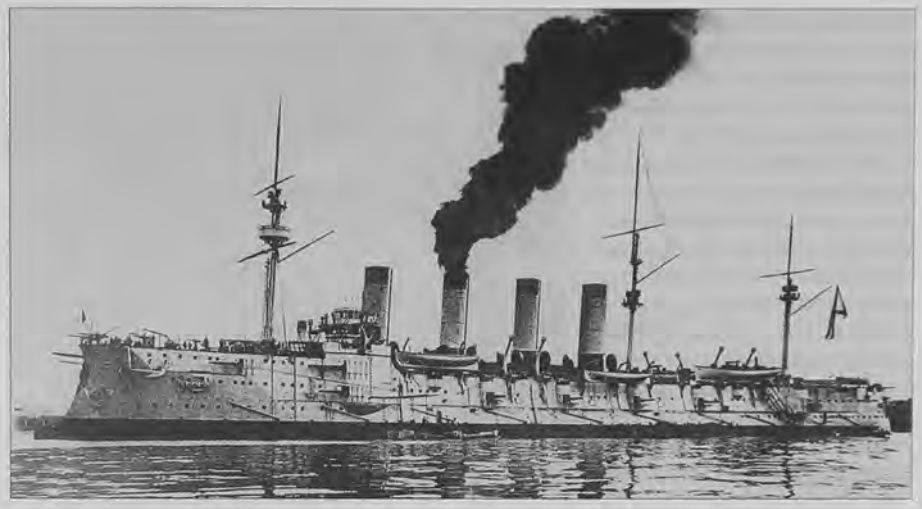
---

[582] Английская морская смета на 1903—1904 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 4. С. 119.

[583] С целью повышения качества военно-морской подготовки правительство консерваторов предложило начать обучение в морских училищах с 12,5 лет. См.: Английская смета на 1903—1904 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 5. С. 96.

[584] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 14.

[585] См.: Английская морская смета на 1903—1904 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 4. С. 133—134.

«Громобой» — новейший на тот момент времени российский броненосный крейсер

уверенностью говорить, что работа по реформированию британского флота началась еще до прихода в Адмиралтейство знаменитого Дж. Фишера и что одной из немаловажных причин[586] этого было осознание угрозы со стороны быстро строящегося германского флота[587].

В середине 1903 г. британский журнал «Naval and Military Record» привел статистику соотношения флотов ведущих мировых морских держав. По данным издания, британцы не выдерживают «двухдержавный стандарт» по многим типам кораблей. Например, эскадренных броненосцев, постройки 1898—1903 гг. у Англии 19, а у Франции и России — 22, у России и Германии — 29; броненосных крейсеров, построенных в 1898—1903 гг. у Англии 28 , у Франции и России — 19, у России и Германии — четыре; эскадренных миноносцев (Destroyer) у Англии 51, у Франции и России — 90, у России и североамериканцев — 87. Наконец, численный состав флота Англии составлял 122 тыс. человек, Франции — 53 тыс. человек, России — 62 тыс. человек, Германии — 33 тыс. человек[588].

На основе проведенного анализа делался однозначный вывод о необходимости увеличения ассигнований на британский флот. Впрочем, эта тенденция уже

---

[586]В современной англоязычной историографии доминирует мнение, что реформирование британского флота было обусловлено не германской угрозой, а экономико-финансовыми соображениями. Лишь несколько позже, с 1906 г., немецкий фактор стал определяющим в военно-морской политике Великобритании. См.: *Lambert N.A.* Sir John Fisher's Revolution. Colombia, 1999. P. 641.

[587]В 1903 г. Дж. Фишер, не занимая еще пост Первого Лорда Адмиралтейства, в одном из своих писем Р. Эшеру призывал «обрезать бутон германского флота, пока он не расцвел». См.: *Farrer J.A.* Die europäische Politik unter Eduard VII. München, 1925. S. 254.

[588]См.: Сравнительная сила английского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 6. С. 4—6

«Welland» — британский эсминец типа «River». Корабли этой серии строились в 1902—1903 гг

проявилась в достаточно явной форме в предыдущие годы. Об этом недвусмысленно говорили немецкие специализированные журналы и газеты. Один из таких печатных органов «Marine Engineer», сопоставляя в конце 1903 г. морские сметы европейских государств за 1903/1904 гг., отмечал, что за последнее десятилетие, то есть с 1893 г. по 1903/1904 гг., Великобритания увеличила свой морской бюджет более чем в два раза: с 17,25 до 36 млн фунтов стерлингов. Причем наиболее заметный рост ассигнований пришелся именно на последние годы, когда англичане стали говорить о «германской угрозе». Германия отставала в финансировании своего флота более чем в три раза, ее морской бюджет в 1903 г. составлял 11 141 700 фунтов стерлингов[589].

Зафиксированная немцами британская политика усиления флота в 1904 г. продолжилась. Хотя, может быть, это происходило не такими высокими темпами, как того хотели бы в Адмиралтействе[590]. Тем не менее У. Сэлборну удалось убедить членов кабинета консервативного правительства А. Бальфура и дальше осуществлять усиленную подпитку флота[591], «сохранять универсальность "двухдержавного стандарта" применительно к любому возможному союзу держав»[592].

---

[589] См.: Рост морских бюджетов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 12. С. 2.

[590] На 1904/1905 г. предусматривался рост финансирования британского флота всего на 245 200 фунтов стерлингов и в итоге весь морской бюджет равнялся 36 889 000 фунтов стерлингов. См.: Английская морская смета на 1904—1905 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1904. № 4. С. 43.

[591] В 1904 г. в Англии существовала реальная угроза сокращения военно-морского бюджета. См.: *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта 1898—1914. М., 2008. С. 49.

[592] Там же.

Адмирал Джон Арбетнот Фишер, Первый Морской лорд в 1904—1910 и 1914—1915 гг.

Поэтому, выступая перед членами Парламента при защите очередного морского бюджета, глава правительства говорил о необходимости иметь военно-морские силы, превышающие на несколько процентов «двухдержавный стандарт».

Цель такого флотского усиления заключалась в стремлении «не оказаться безоружными пред лицом третьей державы, не участвовавшей в конфликте и не истощившейся таким образом свой морской потенциал»[593]. Речь шла о Германии. В том же 1904 г. на британском флоте с подачи У. Сэлборна, который решил перенять германский опыт, стала реализоваться программа «омоложения» высшего командного состава. Целью данных мероприятий было повышение качества управления военно-морскими силами[594].

С приходом 21 октября 1904 г. в Адмиралтейство на должность Первого Морского лорда адмирала Дж. Фишера[595] полномасштабная работа по реформированию британского флота заметно усилилась. Он стал, как показала история, достойным конкурентом А.Тирпицу, нисколько не уступая ему в энергичности характера, в решительности действий на грани безоглядности. Нет никаких сомнений в том, что эти неординарные личности наложили серьезный отпечаток на развитие флотов своих государств и внесли немалую лепту в их разворачивавшееся противостояние.

Первый Морской лорд являлся ярым сторонником идеи приоритетного положения флота в вооруженных силах Великобритании. Именно на него он возлагал основные надежды на возможность защитить как сами британские острова, так и огромные заморские владения. Еще до прихода Дж. Фишера в Адми-

---

[593] *Романова Е.В.* Указ. соч.. С. 50.

[594] В частности, отныне определялось, что адмирал, командующий флотом, должен оставаться на службе до 70 лет, просто адмиралы, контр-адмиралы, если они в течение пяти лет не поднимали своего флага — до 65 лет, контр-адмиралы, если они 3,5 года оставались на суше — до 60 лет. См.: Английская морская смета на 1904—1905 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1904. № 4. С. 43.

[595] Эту должность Дж.Фишер занимал до 1910 г. См.: *Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 86—192.

ралтейство, в высших британских политических и военно-морских сферах знали о его особом отношении к флоту[596].

Одним из самых значимых мероприятий, проведенных Дж. Фишером и призванных значительно повысить безопасность британских островов и вызвавших, кстати, серьезную озабоченность у кайзера, рейхсканцлера и Военно-морского ведомства Германии, стала передислокация британского флота. Существовавшая до этого схема рассредоточения боевых кораблей по всему миру соответствовала эпохе парусного флота и предусматривала наличие девяти флотов и эскадр. Техническое совершенствование боевой техники и вооружений, проходившее в конце XIX— начале XX вв. в ведущих странах мира, касалось как сухопутной армии, так и военно-морского флота. Мобильность морских соединений значительно возросла, что позволяло меньшему их числу охватывать и контролировать все стратегически важные для Великобритании территории. К началу XX в. общая международная политическая обстановка изменилась, что позволило Адмиралтейству внести корректировку в планы по дислокации британского флота. В 1902 г. англичане заключили тесный военно-политический союз с набиравшей силу империалистической Японией, который обеспечивал в определенной степени защиту их интересов на Дальнем Востоке военно-морскими силами «Страны восходящего солнца»[597].

Через два года последовало оформление «сердечного соглашения» с Францией, которая из соперника в недавнем прошлом превратилась в союзника. Для британцев это означало устранение серьезной угрозы их позициям в акватории Средиземного моря, исходившей ранее от французских военно-морских сил. Последовавшая после октябрьских событий 1904 г. реорганизация военно-морских сил Великобритании являлась именно ответной реакцией на усиление германского флота, повышение с его стороны угрозы безопасности британским островам. Первый Морской лорд очень часто повторял мысль о том, что британский военный флот в любую минуту должен быть готов нанести удар по врагу, что возможно лишь при концентрации кораблей, при отсутствии в их составе устаревших единиц[598].

В результате к 1905 г. после передислокации военных кораблей, осуществленной Дж. Фишером, все активные британские военно-морские силы были

---

[596] В 1903 г. он работал в комиссии Р. Эшера, которая должна была сформулировать концепцию предстоящей военной реформы. В нее входили известные в стране высокие военные чины армии и флота. И хотя считается, что Дж. Фишер не внес какого-то весомого вклада в работу комиссии, его очень эмоциональные выступления о допустимости перераспределение военных расходов государственного бюджета в пользу флота за счет сухопутной армии многие генералы запомнили надолго. Во всяком случае, отношения с ними, в том числе и военным министром Р.Б. Холденом, были испорчены серьезно и надолго. См.: *Лихарев Д.В.* Адмирал Дэвид Битти. История британского флота в конце XIX—начале XX вв. СПб, 1997. С. 41.

[597] См.: *Kennedy A.L.* Old diplomacy and new. 1876—1922. From Salisbary to Lloyd George. London, 1922. P. 101. См.: *Кербер Л.Ф.* Военные флоты иностранных государств. С. 297—300; *Mackay R.F.* Fisher of Kilverstone. Oxford, 1973. P. 273—349; *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 491; *Лихарев Д.В.* Адмирал Дэвид Битти. С. 43—44.

[598] См.: *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 489.

Британский флот Средиземного моря на Мальте

разделены на несколько флотов. Главная мощь была сосредоточена во Флоте Канала (бывший Флот Метрополии). Он состоял из 12 броненосцев, шести броненосных крейсеров и базировался в Портленде. Чуть менее сильным являлся Атлантический флот (ранее называемый Флотом Канала). Он включал в себя восемь броненосцев, шесть броненосных крейсеров и базировался на Гибралтаре. Третьим по важности значился Флот Средиземного моря (восемь броненосцев и четыре броненосных крейсера). Его корабли базировались на Мальте.

Следующая составляющая британских военно-морских сил представляла собой четыре крейсерских эскадры для Атлантического океана и европейских вод. В Адмиралтействе планировали создание броненосной эскадры для восточноазиатских вод. Кроме того, в восточном полушарии Великобритания держала Австралийскую, Восточно-индийскую и Восточноазиатскую крейсерские эскадры. Наконец, одна крейсерская эскадра предназначалась для Капской колонии в Южной Африке. Эти корабли, находившиеся в строю и выполнявшие в соответствии с существовавшей программой учебно-боевые задачи, по старой, «дофишеровской», классификации входили в число кораблей первой линии.

Вторую линию составлял Резервный флот. Он включал в себя корабли, не требующие продолжительного ремонта. На них всегда находилось $^2/_3$ команды, командир, старший офицер, несколько офицеров и инженеров-механиков. В случае реальной военной угрозы эти корабли должны были полностью доукомплектоваться. Корабли резерва были сведены в дивизии и распределены по трем портам — Портсмут, Плимут и Чатам-Ширнесс. Эти корабли в свою очередь делились на корабли первого резерва (по два броненосца и по два крейсера в каждом порту) и второго резерва, или специального резерва. При мобилизации предполагалось комплектовать эти корабли на $^1/_3$ срочнослужащими, на

$^1/_3$ из, так называемого, флотского резерва (Fleet-Reserve) и на $^1/_3$ из морского резерва (Naval-Reserve).

К резервным добавлялись еще корабли разных классов, которые базировались в водах Атлантического океана (в общей сложности 18 единиц — восемь эсминцев и 19 миноносцев) и в Средиземноморье (16 единиц — семь эсминцев и девять миноносцев. На всех резервных кораблях, кроме тех, что находились на ремонте в доках, находилась часть кадровой команды, поддерживавшая состояние техники в боевой готовности. Это, в частности, выражалось в рейдовых учениях, в периодических выходах каждой дивизии резерва в море. Раз в году проводилась проба механизмов с полным комплектом машинной команды. Указанные мероприятия находились в полном соответствии с решением, принятым Первым Морским лордом относительно боевых кораблей резерва в конце 1904 г.

Так, 6 декабря 1904 г. в одном из своих меморандумов Дж. Фишер заявлял: «Хотя при прежнем режиме корабли и мобилизовались быстро и без недоразумений, но зато наблюдалось всегда, что число аварий в механизмах всегда было весьма большое. Этого Адмиралтейство в будущем надеется избегнуть»[599].

Англичане, безусловно, открыто нигде не заявляли, что основная цель таких действий — противостояние быстро растущему германскому флоту[600]. Однако по другую сторону Ла-Манша расценивали эти действия Адмиралтейства именно в таком смысле. Слова здесь были не нужны, поскольку дела говорили сами за себя. Начавшийся в 1904 г. процесс переброски освободившихся кораблей в Северное море в целом был завершен к концу 1906 г.[601] В результате 75 % главных ударных сил британского флота было сосредоточено против Германии[602].

Летом того же года прошли самые большие, по сравнению с предыдущими периодами, маневры военно-морских сил. Главная их задача заключалась в отработке взаимодействий кораблей при войне в европейских водах, и прежде всего, в Северном море. Именно сюда, по мнению службы морской разведки Великобритании, перемещается центр европейского конфликта[603]. В учении приняло участие более 400 боевых кораблей разных классов сразу трех флотов: Канала, Атлантического океана и Средиземного моря[604].

23 октября 1906 г. в русле политики, нацеленной на передислокацию британского флота, вышел приказ по Адмиралтейству. Согласно этому документу, из кораблей, находившихся в резерве, составлялся Флот Метрополии (Home

---

[599] См.: *Кербер Л.Ф.* Военные флоты иностранных государств. С. 297—300; *Mackay R.F.* Op.cit. P. 273—349; *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 491; *Лихарев Д.В.* Адмирал Дэвид Битти. С. 43—44.

[600] Кайзер нисколько не сомневался в том, что передислокация британского флота направлена исключительно против строящихся германских военно-морских сил. См.: *Hopman A.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». S. 123.

[601] *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 541.

[602] Там же.

[603] *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 119.

[604] *Кербер Л.Ф. Доливо-Добровольский Б.* Большие маневры английского флота летом 1906 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1906. № 9. С. 50—51.

Эдвард Грэй оф Фаллодон, министр иностранных дел Великобритании в 1905—1916 гг.

Fleet)[605]. Корабли активных флотов (Средиземного моря, Атлантического океана и Канала) в случае необходимости продолжения ремонта могли заменяться кораблями Флота Метрополии.

Кроме того, в конце 1906—начале 1907 гг. произошло значительное усиление броненосной группы кораблей флотов Метрополии и Канала за счет кораблей Атлантического и Средиземноморского флотов. В этот же период Адмиралтейство начинает активную разработку планов морских операций против германского флота ввиду его реальной угрозы национальной безопасности[606]. Концентрация основных военно-морских сил Великобритании в Северном море вызывала критику со стороны министра иностранных дел Э. Грэя. В Форин оффис опасались, что в результате таких действий в жертву будут принесены интересы Британской империи в других частях земного шара. Тем более, что вероятность германского нападения, о котором так много говорили английские издания в этот период, на ближайшие годы оценивалась невысоко[607]. Однако Первый Морской лорд непреклонно осуществлял задуманную политику.

Британские корабли в Гонконге. 1906 год

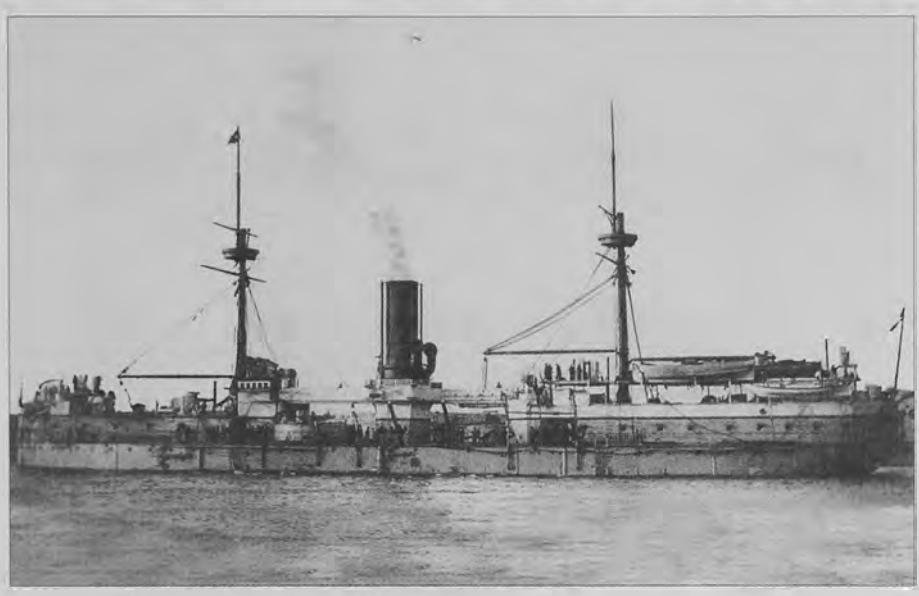
[605]Такие действия были продиктованы тем, что, как говорил Дж. Фишер, «Германия является единственным нашим врагом, концентрирующим свой флот в нескольких часах хода до Англии, поэтому мы должны всегда иметь в готовности двукратный по силе флот». См.: *Lee E.* Eduard VII. Dresden, 1928. S. 327.

[606]*Кербер Л.Ф.* Влияние русско-японской войны на изменение облика боевых судов и распорядка в иностранных флотах. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1907. № 6. С. 69—70; *Williamson S.R.* Op. cit. P. 105.

[607]*Романова Е.В.* Указ. соч. С. 59—60.

Одновременно с передислокацией военно-морских сил Дж. Фишер вел большую и серьезную работу по комплектации флота хорошо обученными морскому делу кадрами. В 1907—1909 гг. были внесены изменения в дисциплинарный устав, значительно повысившие дисциплину матросов и офицеров[608]. Первый Морской лорд предложил держать на кораблях резерва не менее 40 % экипажа. Это, по его мнению, позволит в случае необходимости быстро привести Резервный флот в состояние полной боевой готовности[609].

Серьезно повлияла на качество военно-морских сил и проведенная им ревизия технического состояния боевых кораблей[610] вплоть до их полного

Броненосец «Agamemnon», вооруженный 318-мм дульнозарядными орудиями — один из наиболее устаревших кораблей, отправленных на слом в 1905 г.

---

[608] *Yexley L.* Our Fighting Sea Men. London, 1911. P. 224.

[609] *Больных А.* Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2003. С. 22.

[610] С целью повышения боеспособности британского флота и одновременно экономии бюджетных средств, Дж.Фишер осуществил списание старых, отслуживших уже давно свой срок, военных кораблей и ликвидировал прежнюю систему их базирования. Офицеры и матросы с этих кораблей при первой возможности отравлялись на родину. См.: *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 40; *Fremantle S.R.* May Naval Career. 188—1928. London, 1949. P. 147—148.

В результате проведенной Дж. Фишером «военно-морской технической ревизии» заграничного флота и сокращения его небоеспособных единиц, к концу 1904 г. удалось высвободить около 7000 матросов и офицеров, уже имевших морскую подготовку. Они-то и пополнили экипажи кораблей первого резерва. См.: *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера. С. 69.

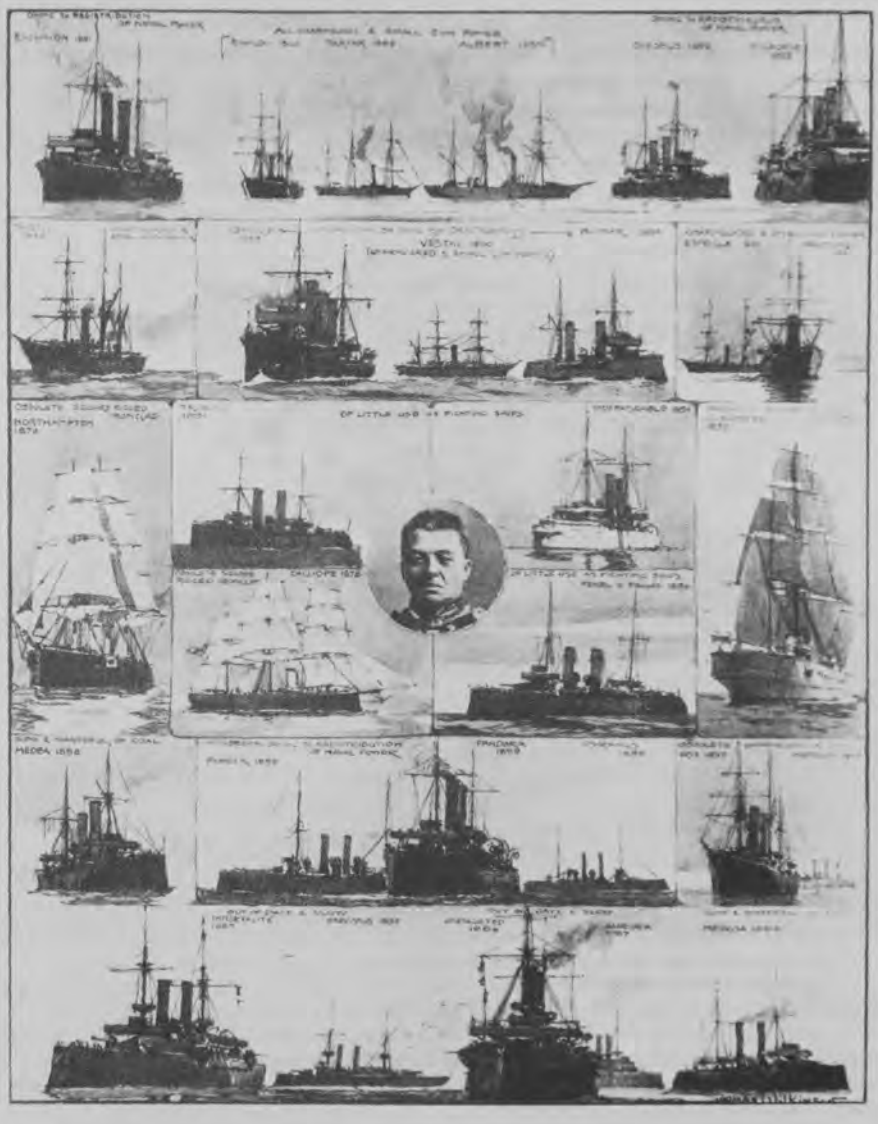

Иллюстрация из одной из британских газет с портретом адмирала Дж. Фишера на фоне фотографий устаревших кораблей, сданных на слом по его приказу в 1905 г.

списания[611]. После этого британский флот стал не только более боеспособным, но и в преобладающей степени был ориентирован на возможные военные действия против германского флота.

О «дредноутной революции», совершенной Дж.Фишером, написано уже достаточно много в отечественной и зарубежной исторической литературе. Это было, без всякого преувеличения, новое слово не только в британском, но и в мировом военном судостроении, изменившем облик флотов, как ведущих, так и второстепенных морских государств[612]. К имеющемуся очевидному и неоспоримому количественному превосходству британского флота над германским[613] Дж. Фишер решил добавить еще и принципиально качественное преимущество.

В июне 1905 г., когда в Германии полным ходом шла работа по закладке пятой группы из двух линейных кораблей[614] и крейсера, Гражданский Лорд британского Адмиралтейства А. Ли сделал очень важное заявление. Он объявил, что осенью в Портсмуте будет начато строительство самого сильного из всех существующих на свете броненосцев[615]. Речь шла о знаменитом «Dreadnought»[616]. Этот корабль создали в кратчайшие сроки[617]. Его закладка прошла 2 октября 1905 г., а через год он уже вышел на ходовые испытания[618]. В Берлине тогда еще

---

[611]Этот процесс шел и в предшествующие годы. В частности, с 1901 по 1904 г. было списано 84 корабля. Однако при Дж.Фишере «ревизия» состояния флота получила совершенно иные темпы. В результате его усилий число кораблей, исключенных из списка флота, достигало 160. См.: Английская морская смета 1905—1906 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 5. С. 150—151. В 1904 и 1905 гг. из числа основной ударной силы британских военно-морских сил — эскадренных броненосцев и крейсеров — была убрана 21 боевая единица (шесть эскадренных броненосцев и 15 крейсеров). См.: Число эскадренных броненосцев и крейсеров, исключенных из списка судов английского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 10. С. 2.

[612]*Шершов А.П.* История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней. СПб., 1994. С. 144.

[613]По данным германского издания «Marine Rundschau», в 1905 г. соотношение по эскадренным броненосцам между Великобританией и Германией было следующим: 66 (60 в наличии и шесть строящихся, общий тоннаж составлял 909 280 т) и 25 (20 в наличии и пять строящихся, общий тоннаж — 292 391 т); по броненосным крейсерам — 82 (71 в наличии и 11 строящихся, общий тоннаж — 814 791 т) и 14 (12 в наличии и два строящихся, общий тоннаж — 114 596 т). См.: Численность и общее водоизмещение крупных судов главных флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 2. С. 4.

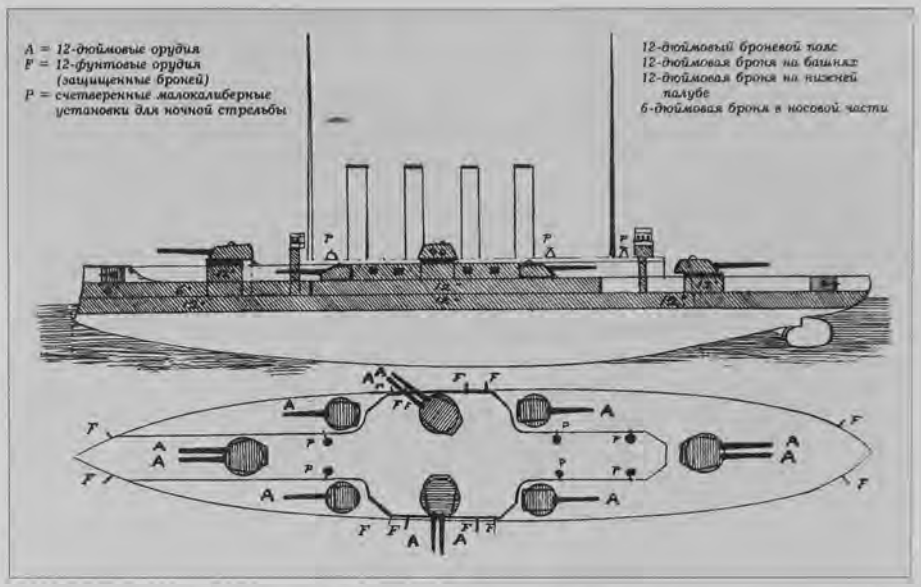
[614]Речь идет о броненосцах типа «Deutschland», которые относились к судам додредноутного типа. См.: Jane's Fighting Ship. 1914. P. 125.

[615]Новый тип английского эскадренного броненосца. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 6. С. 1—2.

[616]Корабль поражал воображение современников своей мощью. Это было неудивительно, поскольку речь шла о кораблее стандартным водоизмещением 17 900 т. На его вооружении стояли 10 орудий калибром 305 мм и 27 — калибром 76 мм. По огневой мощи «Dreadnought» был равен двум—трем линейным кораблям предшествующего типа. При этом его скорость достигала 21 уз, что на 3 уз больше, чем у других броненосцев. См.: *Vercoe G.A.* Britian's Fighting Fleets. London, 1935. P. 30; *Massie R.* Op. cit. S. 407—431.

[617]По словам Дж. Фишера, «само Провидение помогло англичанам быстро создать «Dreadnought». См.: *Kennedy A.L.* Op. cit. P. 101.

[618]*Лихарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти. С. 58—59.

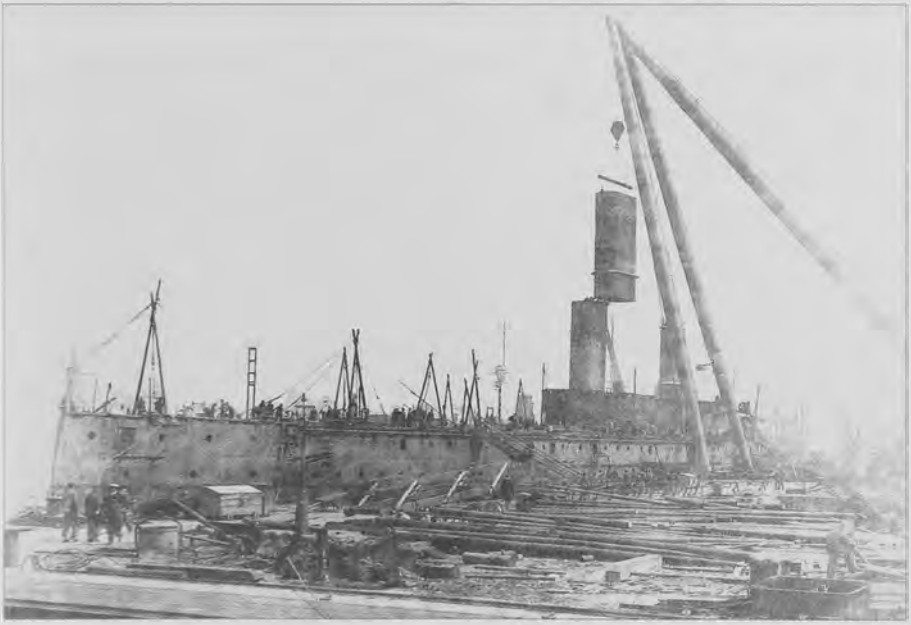

В 1903 г. итальянский кораблестроитель В. Куниберти создал первый проект быстроходного линейного корабля, вооруженного однородной артиллерией главного калибра. Многие идеи В.Куниберти использовались при проектировании «Dreadnought»

Линейный корабль «Dreadnought» в день спуска на воду 10 февраля 1906 г.

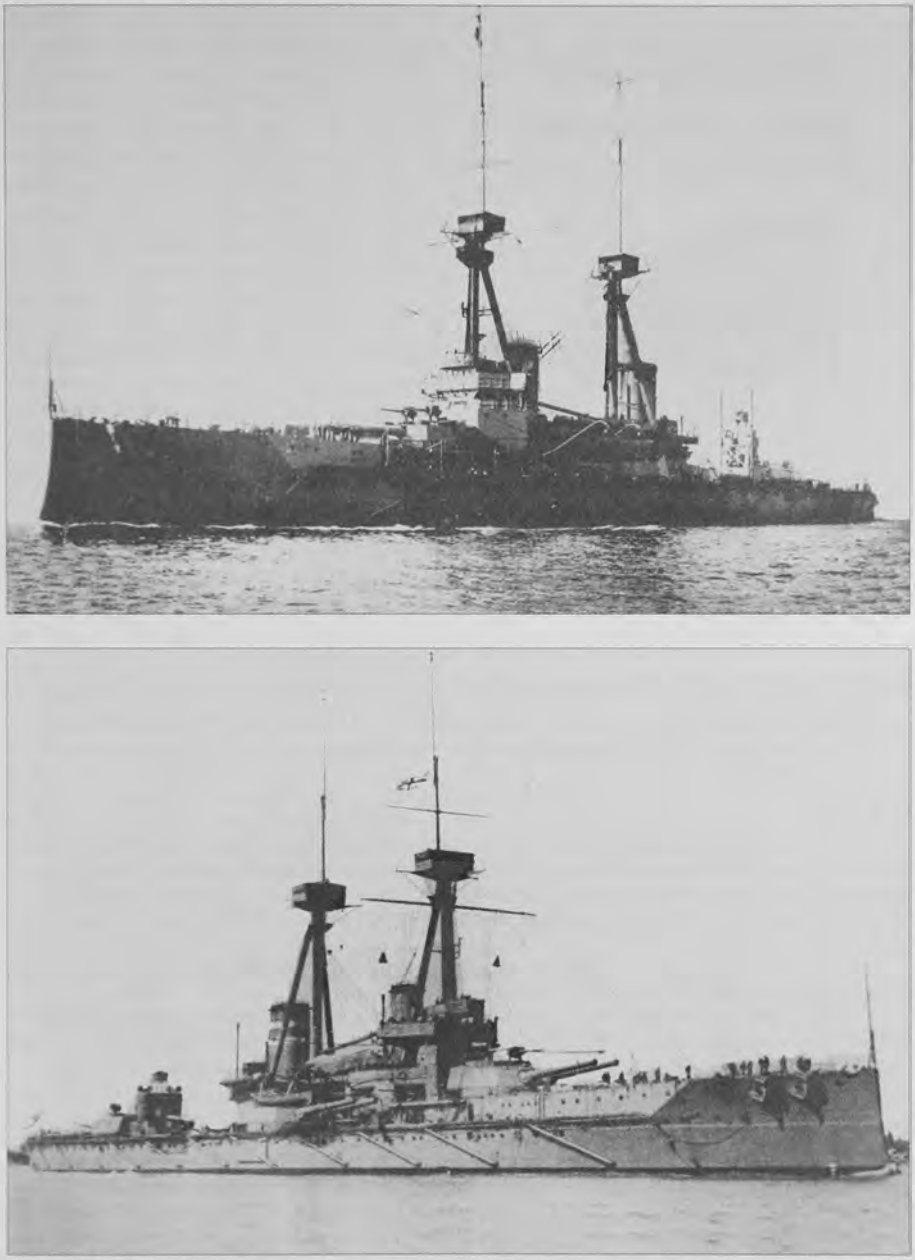

«Dreadnought» во время достройки

Линейный корабль «Dreadnought» в разные годы службы

По типу «Dreadnought» в 1906—1910 гг. британским ВМС передали две серии линейных кораблей: типов «Bellerophon» (вверху) и «St.Vincent»

Обложка буклета, изданного ко дню спуска «Dreadnought» на воду

не знали обо всех[619] тактико-технических элементах этого корабля[620]. В последующем А. фон Тирпиц говорил, что создание «Dreadnought» стало ошибкой адмирала Дж. Фишера[621], поскольку этот новый класс линейных кораблей разрушил бесспорное морское превосходство англичан[622], открыв шанс другим державам начать строительство нового флота «с чистого листа».

Германский военно-морской статс-секретарь напрямую обвинял именно британцев в начавшейся гонке морских вооружений[623]. Однако серьезным стимулом для Дж. Фишера к созданию такого «чудо-броненосца» как раз и являлась суперактивная флотская политика немцев. Она грозила, как считали в Лондоне, уменьшить неоспоримое до этого морское превосходство англичан[624].

При этом считается, что в своем стремлении создать как можно быстрее новый тип линейного корабля Первый Морской лорд руководствовался мыслью о том, что немцы не смогут по техническим и финансовым причинам[625] перейти к строительству кораблей типа «Dreadnought». Тем самым, без значительных затрат из бюджета, англичане обеспечивали бы безоговорочное

---

[619]В июле 1905 г. немецкий журнал «Schiffbau» уже дал общие характеристики «Dreadnought». В частности, указывалась его длина, ширина, углубление, водоизмещение, броневая защита, общее вооружение. Однако более подробные данные отсутствовали. См.: Эскадренный броненосец будущего. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 7. С. 1—2.

[620]Об атмосфере скрытности вокруг строящегося «Dreadnought» говорила даже британская пресса. См.: Times. 10. 02. 1906.

[621]Подобную точку зрения разделяли некоторые представители политических и военно-морских кругов Великобритании. См.: *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 56, 62, 68.

[622]British Documents. Vol. 6. № 124. P. 199.

[623]Ibid. P. 199.

[624]*Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 536—538.

[625]В Лондоне полагали, что имеющееся неоспоримое превосходство англичан по числу додредноутных боевых кораблей разных типов, да к тому же еще и усиленное «дредноутным скачком», вынудит немцев добровольно отказаться от морского соперничества. См.: British Documents. Vol. 6. № 39. P. 66. Кроме того, оценивая собственные финансово-экономические возможности, англичане были просто уверены в сохранении существовавшего преимущества британского флота над германским. См.: British Documents. Vol. 3. Appendix A.P. 418.

превосходство над германским флотом[626]. Вместе с тем необходимо отметить, что создание нового типа линейного корабля было продиктовано общим ходом технического военно-морского развития[627]. Идея конструирования «Dreadnought» «созревала» у инженеров ведущих морских держав, просто Дж.Фишер чуть опередил другие страны в ее практической реализации[628].

Появившиеся в конце 1906 г. в британских и германских изданиях фотоснимки «Dreadnought» поражали не только специалистов, но и людей далеких от флота. В комментариях по поводу этих фотографий говорилось, что «Dreadnought» действительно является революционным кораблем. Отмечалось, что при его создании «без всякого сожаления принесены в жертву традиции, требования эстетики, различные личные удобства и были приложены все усилия к тому, чтобы получить в этом корабле настоящую боевую машину, каждая часть которой имела бы свое определенное назначение во время войны[629].

Столь же сильными были впечатления и о данных трех новых британских броненосных крейсеров — «Invincible», «Indomitable» и «Inflexible» — информация о которых, несмотря на всю секретность[630] вокруг них, все же проникла в зарубежную печать[631]. Эти корабли должны были войти в состав британского флота уже в 1908 г. и, естественно, значительно его усилить[632].

---

[626] Grosse Politik. Bd. 23. № 7777. S. 35—37.

[627] *Sumida J.T.* Sir John Fisher and the Dreadnought: sources of naval mythology // The Journal of Military History. 1995. (59). P. 619—638.

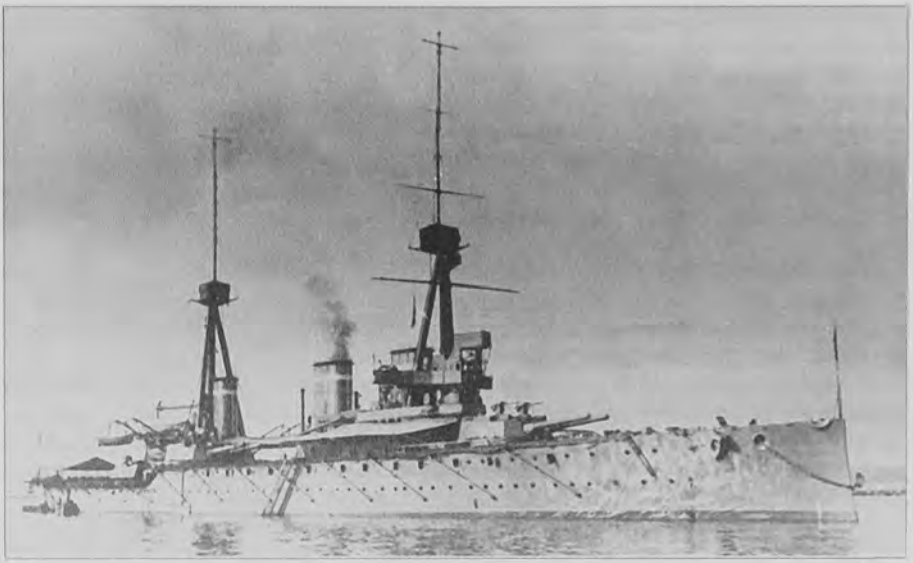
[628] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 66.

[629] См.: Английский эскадренный броненосец Dreadnought и испытание его артиллерии. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 11. С. 4.

[630] Дж. Фишер, чтобы сбить с толку немцев, сознательно запустил дезинформацию о том, что новые крейсера будут вооружены 234-мм орудиями. А. Тирпиц «клюнул» на эту уловку, создав в качестве противовеса крейсер «Blücher», который вступил в строй в 1909 г., имея на вооружении следующие орудия: 12 210-мм и восемь 150-мм. Когда обман выяснился, военно-морской статс-секретарь сильно возмущался хитростью англичан и упущенным временем. Неудивительно, что немцы даже не включали «Blücher» в число кораблей-дредноутов. См.: *Больных А.* Указ. соч. С. 14, 489—490.

[631] Элементы английского эскадренного броненосца Dreadnought и бронированных крейсеров Invincible, Inflexible и Indomitable. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 7. С. 5. Согласно утверждениям журнала «Rivista Maritima», эти броненосные крейсера должны были обладать водоизмещением 17 526 т, иметь на вооружении восемь орудий калибром 305 мм и развивать скорость в 25 уз. Правда, броневая защита у них уступала линейным кораблям. См.: Английские бронированные крейсера класса «Invinsible». Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 11. С. 8.

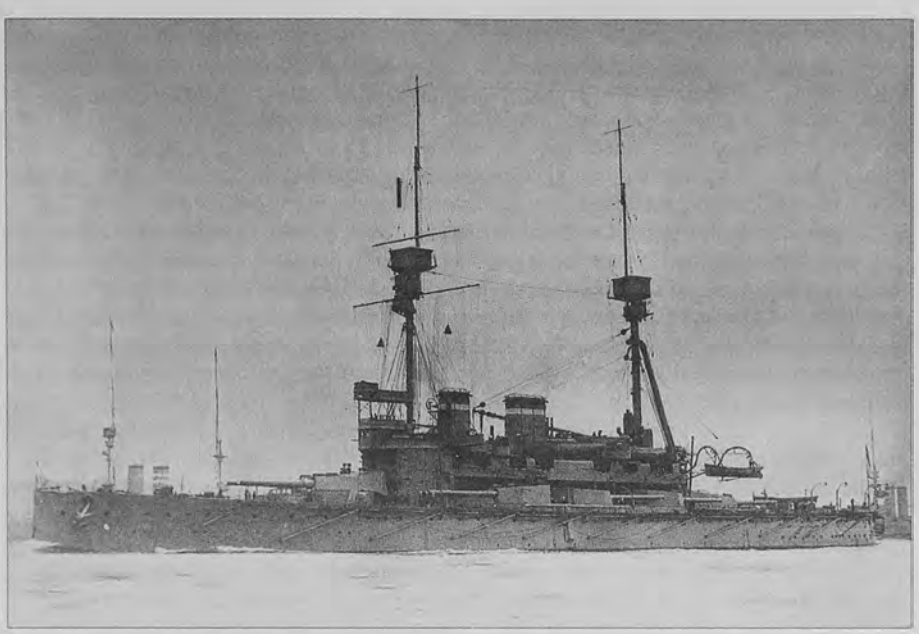
[632] К 1908 г. англичане планировали иметь в составе своего линейного флота 36 броненосцев и броненосных крейсеров, 17 из которых относились бы к числу новых и новейших кораблей. Речь шла о четырех кораблях типа «Dreadnought» (17 900 т, 10 305-мм орудий, 21 уз), двух типа «Lord Nelson» (16 350 т, четыре 305-мм орудия, 18 уз), восьми типа «King Edward VII» (16 350 т, четыре 305-мм орудия, 18 уз) и трех типа «Invinsible» (17 256 т, восемь 305-мм орудий, 25 уз). При этом более старые корабли других типов, за исключением типа «Devonshire», были примерно равны по водоизмещению и вооружению новейшим германским кораблям типов «Braunschweig» и «Deutschland», но превосходили их в скорости: у немцев она равнялась 19 уз, а у самого тихоходного» «Black Prince» — 22,5 уз. Что такое иметь преимущество в скорости в морском бою, объяснять не надо даже неспециалисту. Там же.

Британский броненосный (позднее линейный) крейсер «Invincible» (вверху). Построенный одновременно с ним германский «Blücher», уступавший своему сопернику по всем параметрам

То, что Дж. Фишер на один «Dreadnought» заложил сразу три корабля типа «Invincible», означало, что Первый Морской лорд под влиянием идей французского адмирала Ф.Э. Фурнье видел в этом классе «некий боевой универсальный

Последними британскими линкорами-додредноутами типа стали два корабля типа «Lord Nelson»

корабль»[633]. Считалось, что он при слабой броневой защите[634], обладая превосходством в скорости, в калибре орудий и располагая новой системой управления огня, будет расстреливать противника на большом расстоянии, не подвергая себя никакой опасности[635]. Совершенно очевидно, что Дж.Фишер строил свой флот против Германии, которому по определению предстояло быть флотом нападения[636].

Таким образом, в период 1902—1906 гг. в британской морской политике произошли существенные изменения, вызванные возникшей «германской морской опасностью»[637]. Это нашло свое отражение в самых главных ее составляющих: от увеличения финансирования флотских программ, изменения классов боевых кораблей, осуществления передислокации флотов до подготовки морских экипажей. Имевшееся уже преимущество англичан по различным типам

---

[633] Похожую идею высказывал и российский адмирал С.О. Макаров.

[634] Главным девизом Дж. Фишера в отношении этого класса кораблей были слова: «Скорость — лучшая броня».

[635] *Больных А.* Указ. соч. С. 13.

[636] См.: *Lambert N.A.* Admiral Sir John Fisher and concept of flotilla defence. 1904—1909 // Journal of Military History. 1995. (59). P. 630—660.

[637] В 1906 г. Первый Морской лорд Дж. Фишер называл Германию врагом № 1 для Великобритании. См.: Fear God and Dread Nought. The Correspondece of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone / ed. by *A.J. Marder*. London, 1952—1956. Vol. II. P. 102—103.

кораблей додредноутного периода было закреплено начавшимся строительством новейших линкоров типа «Dreadnought» и больших броненосных крейсеров[638]. Поэтому несомненно, что в этом отношении деятельность Дж. Фишера имела положительное значение[639]. Это позволило британскому правительству либералов Г. Кэмпбелл-Баннермана, пришедшему к власти в конце 1905 г., даже сократить судостроительную программу консерваторов, принятую в начале февраля 1905 г.[640].

Казалось, что осуществленных действий вполне хватит для обеспечения незыблемости морских позиций Великобритании[641]. Однако, как покажет дальнейшая история, предпринятых мер для нейтрализации «германской угрозы» окажется недостаточно. Немцы не собирались быть «мальчиками для битья». Они, внимательно отслеживая все британские морские преобразования, готовили свой ответный ход. Военно-морское противостояние двух стран начало входить в активную фазу.

---

[638]По данным издания Ф.Т. Джейна «Jane' Fighting Ships», в 1906 г. германский флот по своей мощи уступал не только британскому, но французскому, американскому и японскому флотам. См.: Jane's Fighting Ships. 1906. В 1907 г. такое положение должно было сохраниться. См.: *Зеленой 2-й.* Военные флоты к 1907 году. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 4. С. 50.

[639]*Sumida J.T.* British naval administration and policy in age of Fisher // The Journal of Military History. 1990. (54). P. 1—26.

[640]В соответствии с программой морского министра Ф. Каудора планировалось заложить четыре броненосца, один броненосный крейсер, четыре легких крейсера, 12 подводных лодок, девять эсминцев, четыре миноносца, одну речную канонерскую лодку и одну яхту для членов Адмиралтейства. См.: Английская морская смета на 1905—1906 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 4. С. 80. Бюджет британского флота в 1906 г. равнялся 31 869 500 фунтов стерлингов. Сокращение с предыдущим годом составило 1 520 000 фунтов стерлингов.

[641]Одно высокопоставленное лицо во Франции, обсуждая новое положение английского флота, считало, что контроль над миром и войной находится в руках Великобритании; этого прежде в истории не бывало. См.: Английская морская смета на 1906—07 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1906. № 12. С. 101.

2.3. Ответ ведомства А. фон Тирпица на «дредноутную революцию» — начало открытого морского соперничества

В конце 1902 г. германский военно-морской атташе в Лондоне К. Кёрпер сообщал из Лондона о том, что в ближайшее время англичане будут строить корабли водоизмещением по 18 000 т. Эта тенденция к увеличению тоннажа боевых кораблей проявилась в кораблестроении и других стран, о чем свидетельствовала информация, поступавшая в Военно-морское ведомство из-за рубежа. А. фон Тирпиц, в силу целого ряда причин объективного и субъективного характера, главным образом ввиду недостаточных финансовых возможностей, не смог сразу включиться в этот процесс, и германские корабли первоначально по своей мощи уступали кораблям ведущих морских держав[642].

Британцы приняли во внимание и стали воплощать на практике идеи итальянского конструктора В. Куниберти, которые он изложил в известной военно-морскому миру статье «Идеальный боевой корабль для британского флота»[643]. Большое значение для развития военных флотов, совершенствования вооружения и морской тактики, сыграла Русско-японская война 1904—1905 гг.

Опыт ее морских сражений, особенно Цусимской битвы, очень внимательно изучался во многих странах, в том числе и в Германии. В ведомстве А. фон Тирпица очень тщательно прорабатывали все донесения военно-морского атташе в Санкт-Петербурге П. Гинце, касающиеся опыта Русско-японской войны[644], а также сообщения одного из германских морских чинов А. Хопмана. Последний имел возможность находиться в Порт-Артуре и непосредственно на месте боевых действий анализировать результаты морских сражений[645]. Эти данные сопоставлялись с информацией, поступавшей и из столиц других морских держав.

Германские аналитики не оставили без внимания выводы, сделанные французским Военно-морским министерством относительно уроков Цусимы. В них особо обращалось внимание на изменение расстояния в бóльшую сторону, когда начинался огонь на поражение (с 3000 до 8000 м). Это неизбежно должно было привести к укрупнению главного калибра корабельной артиллерии. Другой вывод заключался в необходимости увеличения количества имеющегося на корабле

---

[642] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 436—437.

[643] В ней, в частности, говорилось о том, что в целях повышения боевой мощи и маневренности линейного корабля, на нем необходимо устанавливать орудия калибром от 120 до 303 мм и более мощные силовые машинные установки. См.: *Marder A.J.* The Anatomy of British sea power. P. 527.

[644] BA—MA. RM 3/10264. Hintze an RMA. 25. 08. 1904 ; *Paul von Hintze.* Marineoffizierer, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik.1903—1918 / hrsg. v. J. Hürter. Berlin, 1998. S. 140.

[645] *Hopman A.* Das ereignisreiche Leben «Wilhelminers». S. 115—119. В последующем в 1906—1909 гг. в Германии было составлено трехтомное издание «Der Krieg zwischen Russland und Japan. 1904—1905». Активное участие в этой работе принимал А. Хопман.

боезапаса. Для повышения живучести кораблей и их боеспособности в условиях применения противником крупнокалиберных снарядов и торпед, обладающих особой убойной и разрушительной силой, рекомендовалось уменьшить число корабельных надстроек и увеличить броневую защиту особо уязвимых частей. Этой же цели должно было служить увеличение скорости линейных кораблей от 19 до 21 уз. Исход морского сражения зависел также от четкости и слаженности действий экипажа, что обосновывало значимость его тщательной подготовки[646].

Однако ко всем этим заключениям А. фон Тирпиц относился неоднозначно. Дело в том, что при осуществлении своей военно-морской политики он должен был исходить из ограниченных финансовых возможностей. Как считал немецкий историк Ф. Бергхан, статс-секретарь Военно-морского ведомства во главу угла в собственных расчетах ставил количественный аспект, а не качественный, надеясь со временем конкурировать с англичанами на равных. Для него идеальным было бы такое положение дел, когда при прохождении так называемой «опасной зоны» не создавались бы международные конфликты с участием Германии, а также, чтобы в сфере кораблестроения не происходило каких-либо «технических революций», финансирование которых не всегда предусматривалось военно-морским бюджетом[647].

Насколько можно было, А. фон Тирпиц противился увеличению тоннажа броненосцев. Полное водоизмещение кораблей типа «Wittelsbach», которые входили в строй в 1901—1903 гг., составляло 11 600 т[648]. Последующие за ним корабли типов «Braunschweig» и «Deutschland»[649] уже «пополнели», их водоизмещение достигло 13 400 т, но и они уступали британским линкорам такого же класса[650].

В немалой степени сдерживающим фактором в этом вопросе являлась недостаточная глубина шлюзов Вильгельмсхафена и «Канала кайзера Вильгельма», не способных пропускать корабли, тоннаж которых превышал 13 000 т[651]. На их углубление требовались деньги, которые не были заложены в «Законе о флоте».

---

[646]См.: BA—MA. RM 2/1769. Hopman an Kaiser Wilhelm. 23. 09. 1904; *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 435.

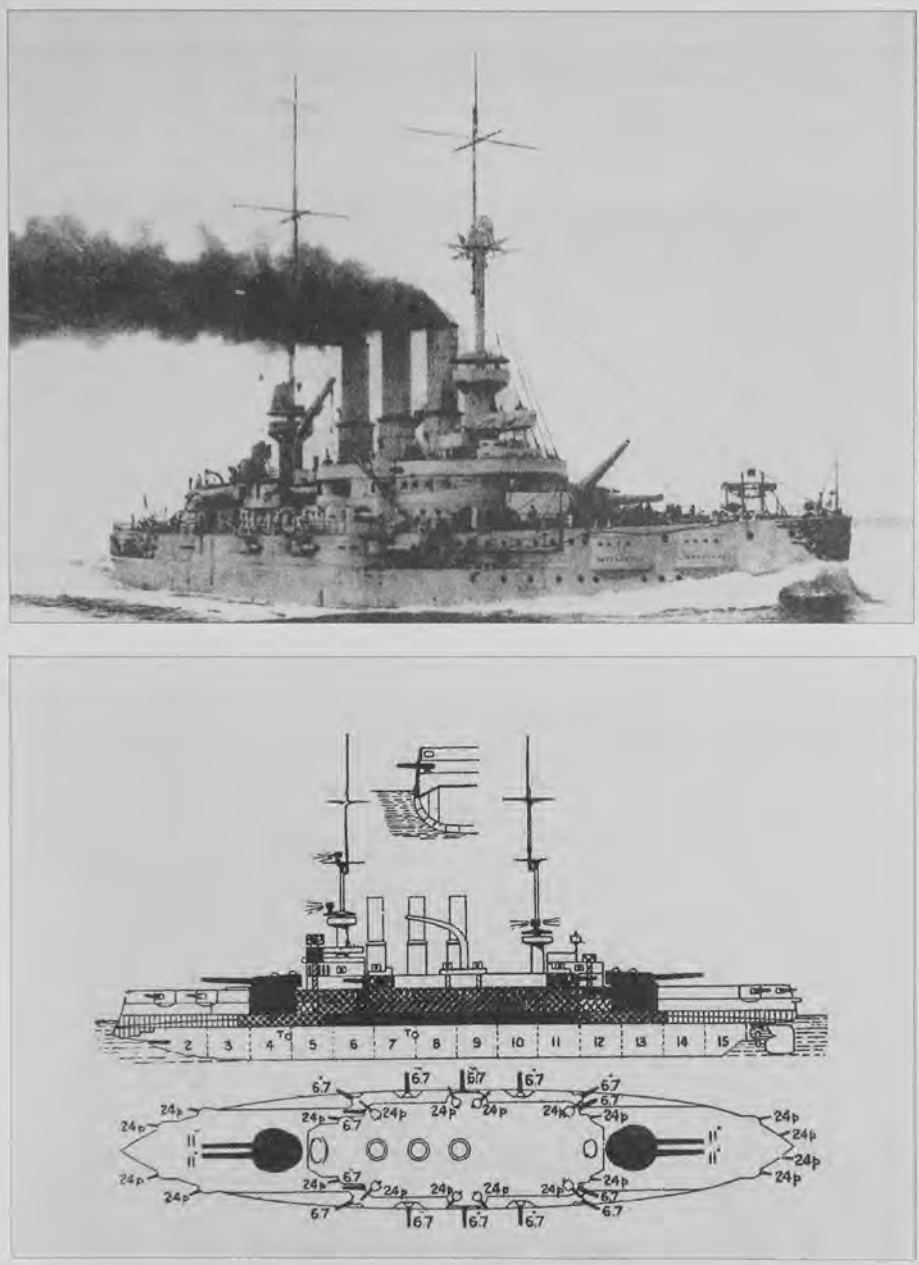
[647]Ibid.

[648]Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. СПб, 1904. Ч. 1. С. 130; Jane's Fighting Ship. 1914. P. 126.

[649]На броненосцах этого типа немцы усовершенствовали орудия среднего калибра от 100 до 150 мм и усилили бронебойность снарядов, повысили меткость выстрелов. См.: Обозрение военно-морских сил Германии за 1904 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 2. С. 42; Jane's Fighting Ship. 1914. P. 126.

[650]На вооружении кораблей, например, типа «Deutschland», начавших входить в строй в 1904 г., было четыре 280-мм 14 орудий 170-мм орудий, скорость хода составляла 18 уз. По этим и другим характеристикам германские корабли уступали британским линейным додредноутам типа «Lord Nelson», у которых было более мощное вооружение, в том числе четыре орудия калибром 305 мм при той же скорости хода. См.: Jane's Fighting Ship. 1914. P. 125, 132. Ср. эти данные с характеристиками, которые приводились в «Морском сборнике». См.: Английские бронированные крейсера класса «Invincible». Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 11. С. 8.

[651]*Berghahn V.* R. Der Tirpitz-Plan. S. 435.

Германский линейный корабль «Schlesien» (типа «Deutschland»), общий вид (вверху), схема бронирования и расположения артиллерии

«Канал кайзера Вильгельма». С германских открыток начала XX века

Аналогичное отставание немцев от британцев, и по тем же причинам, наблюдалось и в системе вооружений кораблей. Максимальный калибр орудий германских кораблей достигал 240—280 мм, в то время как в британском флоте и на флотах других стран был уже перейден рубеж в 300 мм.

Вопрос об увеличении водоизмещения германских кораблей не раз выносился на обсуждение Военно-морского ведомства. Предпринимался своеобразный «мозговой штурм» с тем, чтобы понять тенденцию в мировой практике кораблестроения.

Еще в ноябре 1904 г. А. фон Тирпиц допускал, что рост тоннажа флотов есть лишь временное явление и что вскоре все вернется «на круги своя». Подобные заявления делались даже после того, как в июле 1904 г. специальные отделы Военно-морского ведомства под литерами «А» и «В» после изучения уже имевшегося опыта Русско-японской войны дали своему начальнику неутешительное для него заключение — возврата к строительству кораблей прежнего водоизмещения не будет. Параллельно с этим делались попытки по разработке нового типа линейного корабля с прежним водоизмещением, но с увеличенной огневой мощью и усиленной броневой защитой. Однако все проекты, активным пропагандистом которых являлся, в том числе и кайзер, в итоге были отвергнуты. Определенной компенсацией за невозможность повышать тоннаж германских кораблей явилась усиленная работа экипажей по проведению учебных стрельб, частые маневры по совершенствованию морской тактики[652].

С лета 1904 г. А. фон Тирпиц начинает постепенно менять свои воззрения относительно политики «ограниченного водоизмещения» германского флота. К этому его побуждала мировая практика кораблестроения. Ее игнорирование вполне реально грозило вывести Германию из числа ведущих морских держав. Кроме того, указанная выше перестройка британского флота, предпринятая Дж. Фишером и, в частности, организация им Атлантического флота, требовали от А. фон Тирпица адекватных действий.

Статс-секретарь Военно-морского министерства переключается практически полностью на «английскую тематику» в кораблестроении, пытаясь по различным каналам получить наиболее полную и достоверную информацию о новых типах британских боевых кораблей. Несмотря на то, что англичане умели хранить свои секреты, для него становится все более очевидным, что противостоять английским кораблям, собранным в Атлантическом флоте, могут только такие же по классу германские корабли.

С целью повышения мобильности флота А. фон Тирпиц все чаще начинает ставить перед кайзером вопрос об углублении шлюзов Вильгельмсхафена и «Канала кайзера Вильгельма», который призван был обеспечить быструю переброску кораблей из Северного моря на Балтику и обратно. Его недостаточная глубина делала весьма проблематичным решение этого вопроса с учетом намечавшейся тенденции к строительству крупнотоннажных кораблей. Кроме того, А. фон Тирпиц, по аналогии с действиями Дж. Фишера, начал проводить «техническую ревизию» состояния германского флота. Масштабы этой операции

---

[652] *Berghahn V. R.* Der Tirpitz-Plan. S. 438.

были несравненно меньшими, поскольку немцы не обладали таким большим количеством старых кораблей[653].

С конца декабря 1904 г. в ведомстве А. фон Тирпица начинается активная работа по проектированию линейного корабля водоизмещением 17 000—18 000 т[654], на вооружении которого находилось бы четыре орудия калибром 280 мм и 12 орудий по 210 мм[655]. Очень нервно реагировали кайзер и А. фон Тирпиц на сообщение К. Кёрпера о том, что британское Адмиралтейство издало приказ о готовности военно-морских сил, в случае необходимости, к единой общей операции всех флотов и эскадр[656]. В Берлине полагали, что подобная акция может быть направлена только против Германии. Поэтому, как там полагали, необходимо было усилить осуществляемую флотскую программу.

В январе—феврале 1905 г. германский военно-морской атташе в Лондоне передал информацию о ближайших планах Адмиралтейства построить корабли типа «Lord Nelson» водоизмещением примерно 18 000 т. и оснастить их орудиями калибром 305 мм[657]. Более того, К. Кёрпер считал, что на основе приведенных им данных можно сделать предположение о повышении в ближайшем времени тоннажа строящихся кораблей вплоть до цифры 19 200 т[658]. Этот прогноз полностью подтвердился, когда стало известно о начале строительства британцами принципиально новых классов кораблей «Dreadnought» и «Invincible».

Спокойно взирать на то, как англичане «отрываются» от немцев в строительстве военных кораблей, значительно превосходящих отечественные аналоги, ставя тем самым под угрозу провала идею «создать флот равный по мощи $^{2}/_{3}$ британского», уже было нельзя. Более того, возникла реальная опасность вообще оказаться в хвосте ведущих морских держав, поскольку в других странах (в Японии, США, во Франции, России) велись активные работы по созданию кораблей по типу «Dreadnought».

В течение мая—сентября 1905 г. в ведомстве А.фон Тирпица шла очень напряженная работа над проектами нового линейного корабля и броненосного крейсера. Этому, правда, мешали попытки кайзера навязать свое видение будущего «быстрого линейного корабля» и крейсера[659]. Внутри самого министерства

---

[653]Например, Данцигский порт был буквально заполнен мелкими брошенными судами. Дело в том, что германское военно-морское руководство превратило Данциг в своеобразную долговременную морскую «камеру хранения». Такая захламленность получилась в связи с «чисткой» Вильгельмсхафена и Кильской гавани. См.: Сборник военно-морских сведений. С. 26.

[654]В определенной степени этому способствовало и сообщение К. Кёрпера из Лондона в декабре 1904 г. о том, что британская судоверфь «Vickers Ltd» работает над планами нового линейного корабля, на вооружении которого будет от 10 до 12 орудий калибром 305 мм. Кайзер увидел в этом корабле «оружие будущего». См.: *Marder A.* The Anatomic of British sea power. P. 540.

[655]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 451.

[656]*Marder A.J.* Op. cit. P. 491.

[657]В действительности водоизмещение кораблей этого типа было чуть меньшим — 16 500 т. См.: Jane's Fighting Ship. 1914. P. 46.

[658]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 439.

[659]*Müller G.A.* Der Kaiser Wilhelm II. Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alekxander v. Müller uber die Ära Wilhelms II. Göttingen, 1965. S. 62.

также не было единства мнений, но все споры решались в деловом порядке. Рассматривались разные варианты повышения тоннажа: от 16 000—16 800 т[660] до 18 000 т для линейных кораблей и от 14 000 т до 15 000 т для броненосных крейсеров[661]. При этом учитывалось сразу несколько важных факторов. В первую очередь во внимание бралась военная составляющая.

Новый тип германского корабля не мог принципиально уступать лучшим британским аналогам. При этом он должен был «вписываться» в параметры реконструируемого «Канала кайзера Вильгельма». Наконец, важной стороной являлась стоимость проекта. 22 сентября 1905 г. на заседании Военно-морского ведомства, проходившем полемично[662], был окончательно определен основной тип линейного корабля. Он имел следующие характеристики: водоизмещение 18 000 т, длина 133—135 м, ширина 26 м и осадка 8 м. На его вооружение планировалось установить 12 280-мм, 12 150-мм и 20 88-мм орудий, которые, как считалось, обеспечат кораблю большую огневую мощь. От использования тяжелых 305-мм и средних 170-мм орудий пришлось отказаться ввиду отсутствия денежного резерва. Силовая установка мощностью 19 000 л. с., по замыслам разработчиков, должна обеспечивать скорость хода до 18,5 уз. Общая стоимость корабля составляла 36,5 млн марок[663]. Проект броненосного крейсера предусматривал создание корабля водоизмещением 15 000 т. Вооружение составляли 12 210-мм орудия. Мощность машин равнялась 30 000 л.с., что позволяло развивать максимальную скорость 23,5 уз[664]. Цена такого крейсера составляла 27,5 млн марок.

После окончательного утверждения проектов нового линейного корабля и броненосного крейсера в Военно-морском министерстве, он был передан на утверждение кайзера и в начале октября 1905 г. получил одобрение. Это решение, как считает западногерманский историк Ф. Бергхан, определило дальнейшую судьбу всего морского плана А. фон Тирпица. Оно, по его утверждению, породило далеко идущие последствия для германской политики вплоть до 1914 г.[665].

По сути дела, в октябре 1905 г. в Германии было решено создать корабль[666], который по своим военно-техническим данным был бы сопоставим с «Dread-

---

[660]BA—MA. RM 3/5. Schreiben des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, an den Kapitan z. S. Scheer (RMA) vom 3 September 1905 zur Frage der Typensteigerung // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 320—321.

[661]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 471—472.

[662]*Widenmann W.* Marine-Attasche. S. 58.

[663]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 472.

[664]Ibid.

[665]Ibid.

[666]Летом 1906 г. в Германии было принято решение о закладке первого линейного корабля-дредноута «Ersatz Bayern», получившего при спуске на воду имя «Nassau». Правда, его реальное строительство началось только в 1907 г. Корабль имел следующие тактико-технические элементы: водоизмещение составляло 18 000 т, вооружение включало 12 280-мм, 12 150-мм и 16 88-мм орудий. Кроме того, на его борту имелось шесть торпедных аппаратов. Корабль развивал скорость хода 20 уз. См.: *Kaulisch B.* Op. cit. S. 142.

nought», строительство которого начиналось на верфи в Портсмуте[667]. Получалось, что одна из главных целей, определяемая англичанами при создании этого типа линейного корабля — качественный отрыв от строящегося германского флота[668] — принципиально не была достигнута[669]. Начало строительства кораблей дредноутного типа, которое происходило не только в Великобритании и Германии, но и параллельно шло также в Японии[670] и США[671], не означало, что все броненосные корабли предшествующего периода превратились «в хлам старого металлолома», как об этом говорят некоторые историки[672]. Потенциал додредноутов у англичан был достаточно большой[673], и они его собирались использовать на всю мощь в случае начала боевых действий. Как показала дальнейшая история, в годы Первой мировой у англичан в Средиземном море, а у немцев в Балтийском море основную ударную силу составляли именно эти корабли[674].

Таким образом, А. фон Тирпиц был вынужден принять «дредноутный» вызов Дж. Фишера, чтобы не отстать не только от англичан, но и от общемировой

---

[667]Уже 10 февраля 1906 г. «Dreadnought» в присутствии короля Эдварда VII был спущен на воду, и на нем продолжались работы по достройке. См.: Спуск английского эскадренного броненосца Dreadnought. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 2. С. 5.

[668]*Berghahn V.R.* Op. cit. S. 433; *Ерусалимский А.С.* Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 годов // *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность: (исследования, публицистика). М., 1964. С. 139.

[669]Такое предположение на британских островах делалось с самого начала. В частности, в газете «Times» от 10 февраля 1906 г. сообщалось, что «появление Дредноута в значительной степени будет содействовать преждевременному старению наличных военных судов других флотов и должно вызвать ответную постройку кораблей соответствующих типов». См.: Times. 10. 02. 1906.

[670]В 1907 г. конструкторы британской фирмы «Vickers» представили выполненный по заказу японского правительства эскизный проект линкора-дредноута. Из-за нехватки средст реализация этого проекта началась только в 1909 году закладкой линкоров «Каваси» и «Сеттсу» (водоизмещение 22 800 т, 12 305-мм, 10 152-мм, восемь 120-мм и 16 76-мм орудий, скорость хода 21,5 уз).

[671]Американский проект «Michigan» был составлен раньше, чем проект «Dreadnought». Боле того, в США парламент санкционировал постройку двух кораблей такого типа до того, как это было сделано на британских островах в отношении «Dreadnought». Однако в итоге «Michigan» был заложен позже на два месяца, а в строй вошел на три года позже, чем «Dreadnought». См.: *Hubatsch W.* Die Ära Tirpitz. S. 75.

[672]См., напр.: *Epkenhans M.* Wilhelminische Flottenrüstung. S. 25. Несомненно, что такие заявления были обусловлены, в том числе, и публикациями в британской прессе того времени, где говорилось о моральном и военно-техническом устаревании кораблей додредноутного типа.

[673]По данным североамериканского журнала «Scientific American», на 1 июня 1905 г. соотношение кораблей британского и германского флотов было следующим: эскадренных броненосцев 1-го класса — 51 и 16, броненосцев береговой обороны — шесть и 16, броненосных крейсеров — 29 и четыре, крейсеров водоизмещением более 6000 т — 21 и ноль, крейсеров водоизмещением от 6000 т до 3000 т — 50 и девять, от 3000 до 1000 т — 56 и 27, эскадренных миноносцев — 126 и 37, миноносцев — 90 и 105, подводных лодок — девять и одна. См.: Сила флотов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 8. С. 3.

[674]*Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. 1—2. М., 1937.

военной судостроительной практики. При этом отношение к «дредноутному скачку» у военно-морского статс-секретаря было неоднозначным. С одной стороны, надо было вносить коррективы в уже хорошо отлаженную и прекрасно работающую судостроительную программу[675], нацеленную, прежде всего, в соответствии со вторым «Законом о флоте» на количественные показатели[676]. С другой стороны, открывалась возможность начать с «чистого листа» морское соревнование с британцами по новейшим классам кораблей. Однако это требовало внесения изменений в действующий «Закон о флоте» и, соответственно, дополнительных денежных вливаний, со всеми вытекающими отсюда сложностями и финансового, и внутриполитического характера, не говоря уже о реакции на это англичан.

Правда, необходимо отметить, что подготовка к дополнению «Закона о флоте» 1900 г. началась не в 1904 г. и не в 1905 г., когда уже полным ходом разворачивалась реформаторская деятельность Дж. Фишера как ответная реакция на «германскую угрозу». Эти работы начались сразу же после принятия второго «Закона о флоте» 1900 г., из которого, как известно, А. фон Тирпицу пришлось исключать шесть крейсеров. Однако активная фаза подготовки дополнений наступила с января 1902 г.

Возможно, по совпадению, но именно в это время англичане стали все больше и больше осознавать опасность появления сильного морского соседа, с которым у них имелись серьезные экономические, политические и колониальные разногласия (тем более что попытки их урегулирования закончились неудачей). Безусловно, не только внешняя составляющая заставляла А. фон Тирпица прилагать усилия в направлении «доработки» «Закона о флоте». Решение внутриполитических задач также играло большую роль. Но то, что «английский фактор» являлся значимым в этом деле, не вызывает никаких сомнений. Военно-морской статс-секретарь планировал представить новый флотский документ Рейхстагу зимой 1904/1905 гг.[677]

Основное его содержание должно было касаться численного увеличения кораблей, находящихся на службе за границей. Вместе с тем в приложении к

---

[675] По словам английской газеты «Yacht», за четыре года, с 1902 по 1905, германский флот пополнился крупными кораблями общим водоизмещением 195 490 т (Франция за тот же период создала корабли, общий тоннаж которых составлял 165 200 т). В конкретном выражении для Германии это 11 эскадренных броненосцев, три броненосных крейсера и 12 легких крейсеров, а для Франции — два эскадренных броненосца, один броненосец береговой охраны, 12 броненосных крейсеров и два легких крейсера. Как заявляло британское издание, в случае боя между немцами и французами, имеющими такие силы, последние были бы разгромлены или им пришлось бы спасаться бегством, «благо, что французские броненосные крейсера отличаются быстроходностью». См.: Возрастание за последние годы французского и германского флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 3. С. 6.

[676] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 467.

[677] BA—MA. Freiburg. RM 3/6659. Verfugüng des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Vizeadmirals Tirpitz, vom 6 Januar 1902 über Vorbereitung für die Weiterentwicklung des Flottenbaus // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 165.

нему речь предполагалось вести о строительстве кораблей на пятилетку 1906—1910 гг. и финансовых затратах на эти цели[678].

При разработке данного документа, по рекомендации А. фон Тирпица, следовало исходить из того, чтобы на этапе 1906—1910 гг. сохранялся существующий ежегодный «трехтактный темп» строительства — двух линейных кораблей, одного броненосного и трех легких крейсеров. В соответствии с требованием поддержания на высоком уровне боевой готовности флота, линейные корабли и броненосные крейсера должны быть полностью готовы к службе через пять лет после испытательного плавания, легкие крейсера — соответственно через четыре года, а миноносцы — через три года[679]. В качестве проекта нового «Закона о флоте» А. фон Тирпиц предложил вариант, в котором предусматривалось значительное усиление заграничной группы кораблей — до 29 новых единиц разных классов.

В июле 1903 г. на рассмотрение А. фон Тирпица был представлен документ, созданный в недрах его ведомства и включавший в себя три варианта «Закона о флоте». Один из них предусматривал формирование третьей двойной эскадры, что лично ему очень сильно импонировало[680]. Однако данный вариант на тот момент не мог быть принят по причинам внутри- и внешнеполитического характера[681].

Если говорить о главном внешнем сдерживающем факторе, то он заключался в опасении спровоцировать таким законом нападение англичан[682]. Вместе с тем, в целом данный документ полностью учел главную рекомендацию А. фон Тирпица — сохранялся «ежегодный трехтактный темп», который обеспечивал создание к 1917 г. примерно 57 линейных кораблей и броненосных крейсеров, полностью укомплектованных подготовленными командами[683]. Тем не менее, глава Военно-морского ведомства продолжал поиски другого варианта проекта «Закона о флоте», который соответствовал бы не только этой стратегической цели и ограниченным финансовым возможностям государства, но и учитывал бы в полной мере реалии меняющейся не в пользу Германии международной обстановки.

---

[678]BA—MA. Freiburg. RM 3/6659. Verfügung des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Vizeadmirals Tirpitz, vom 6 Januar 1902 über Vorbereitung für die Weiterentwicklung des Flottenbaus // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 165

[679]Ibid. S. 166.

[680]BA—MA. Freiburg. RM 3/6663. Denkschrift des Korvettenkapitäns Dähnhardt von der Etatsabteilung fur den Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Vizeadmiral v. Tirpitz, vom 9 Juli 1903 über alternative Vorschlage für eine weitere Flottennovelle // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 171.

[681]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 323—326.

[682]BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichskanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 184.

[683]*Kennedy P.M.* Strategic aspects of Anglo-German naval race // *Kennedy P.M.* Strategy and Diplomacy 1870—1945. London, 1983. P. 159.

[684]BA—MA. Freiburg. RM 3/6663. Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Dähnhardt von der Etatsabteilung des Reichsmarineamts vom 2. November 1903 über die Moglichkeiten der Weiterentwicklung der Flotte nach dem Jahre 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 171—179.

В начале ноября 1903 г. был подготовлен очередной документ. В нем формулировались перспективы развития германского флота после 1906 г.[684] В качестве конечной цели военной судостроительной политики до 1910 г. опять определялось создание третьей эскадры линейных кораблей с приданными ей крейсерами, дивизионами миноносцев и соответствующим резервом[685]. При этом предлагалось сохранить установленный с 1898 г. ежегодный строительный темп в три больших и четыре малых кораблях.

Принятие «Закона о флоте» предлагалось осуществить в два этапа — в 1906 г. и в 1910 г., чтобы таким образом избежать возможных яростных нападок на законопроект со стороны противников флота в Рейхстаге. На случай неблагоприятного расклада сил в парламенте имелся и так называемый вспомогательный план. Он предусматривал ежегодную закладку четырех броненосных и четырех легких крейсеров и кораблей для несения службы за рубежом.

Большим минусом этого варианта являлось удлинение срока выполнения всей военно-морской строительной программы на пять лет. По ее окончанию планировалось иметь флот, состоящий из 57 линейных кораблей, 20 броненосных и 52 легких крейсеров, 24 дивизионов миноносцев[686]. Эти корабли, как писал один из главных авторов проекта Г. Денхардт, были необходимы, в первую очередь, для борьбы против Англии или Америки, а также для осуществления успешной колониальной политики. Великобритания к этому времени, по его же оценке, могла располагать 109 аналогичными кораблями. Часть из них британцы вынуждены будут держать в зарубежных водах для защиты там своих интересов[687]. Это, по мнению Г. Денхардта, положительным образом скажется на соотношении морских сил[688] в Северном море в пользу Германии и заставит англичан отказаться от планов нападения. Получалось, что очередной составленный документ полностью вписывался в тирпицевскую «теорию риска»[689]. Однако и он был отвергнут.

Между тем неутешительный прогноз исхода возможной германо-британской морской войны, нашедший отражение в оперативном плане, составленном штабом Адмиралтейства еще в начале 1903 г.[690], вынуждал А. фон Тирпица продолжать «корректировку» предлагаемых ему проектов.

Новые оценки исхода германо-британской войны в связи с обострением ситуации в конце 1904 г., которые дал штаб Адмиралтейства в начале 1905 г., также были неутешительными[691]. Но полностью подчиняться внешнему неблагоприят-

---

[684] BA—MA. Freiburg. RM 3/6663. Aufzeichnung des Korvettenkapitäns Dähnhardt von der Etatsabteilung des Reichsmarineamts vom 2. November 1903 über die Moglichkeiten der Weiterentwicklung der Flotte nach dem Jahre 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 174.

[685] Ibid. S. 179.

[686] *Goltz C.F.* Seemacht und Landkrieg // Deutsche Rundschau. 1900. (102). S. 347.

[687] Эта пропорция, по мысли Г. Денхардта, должна будет выражаться в цифрах «2 : 3». См.: *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 317.

[688] Ibid. S. 315—319.

[689] *Lamby I.N.* Op. cit. P. 209—226.

[690] BA—MA. RM 3/4. Denkschrift des Admiralstabes über die Kriegführung gegen England. 01. 01 1905.

S130 — германский эскадренный миноносец, построенный в 1905 году

ному фактору А. фон Тирпиц не мог. В противном случае ему пришлось бы отодвигать на далекую и неопределенную перспективу достижение поставленной им цели — формирование флота, уступающего по своей мощи британскому лишь на $^1/_3$[692]. Поэтому военно-морской статс-секретарь не стал полностью «зацикливаться» на выводах штаба Адмиралтейства. Хотя, безусловно, он «держал их в уме» при своей законотворческой деятельности.

В начале мая 1905 г. А. фон Тирпицу был предложен очередной проект закона, но очень краткий. Все содержание документа сводилось к одному параграфу, который гласил, что количество кораблей зарубежного флота должно быть увеличено на шесть броненосных крейсеров, одному из которых отводилась роль резервного[693]. В нем вообще ничего не говорилось ни о повышении водоизмещения кораблей, ни об увеличении количества миноносцев. Правда, у него имелись приложения под названием «План строительства кораблей со сметой на 1906—1917 гг.» и «Суждение об увеличении военного персонала», которые и включали в себя вопросы повышения водоизмещения линейных кораблей и увеличение числа миноносцев, а также морских экипажей.

Такое разделение являлось не случайным. Оно, по мысли автора документа Э. Капелле, позволяло упростить и обезопасить проведение и закона, и его приложений через Рейхстаг[694]. А. фон Тирпицу такая идея понравилась, и он дал задание продолжить работу в данном направлении.

В конце мая 1905 г. Г. Денхардт представил переработанный проект. Прежде всего, финансовые, бюджетные трудности делали очень проблематичным законодательное утверждение повышения тоннажа больших кораблей и увеличе-

---

[692] *Epkenhans M.* Op. cit. S. 25.

[693] Ibid.

[694] Э. Капелле считал, что в самом проекте закона, который будет вынесен на дебаты о флоте, должны быть отражены только общие ежегодные расходы на строительство кораблей и на их вооружение. Приложение же он планировал перевести в плоскость переговоров о бюджете 1906 г. См.: *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 461.

ние числа миноносцев[695]. Отказ же от идеи изменения типа кораблей был в принципе невозможен. В этой связи Г. Денхардт предлагал внести на утверждение парламента общее требование, но разделить его на две части с тем, чтобы избежать негативных моментов в этом деле.

Первая часть содержала бы в себе положения об увеличении флота на шесть броненосных крейсеров и вносилась бы как закон с соответствующим обоснованием. В нее включались бы еще и сведения о денежных средствах, которые планировалось потратить на формирование новых экипажей[696]. Во второй части речь шла бы об изменении типа кораблей, об увеличении числа миноносцев и, соответственно, о повышении финансовых затрат на строительство кораблей с приблизительной сметой расходов. Она в виде меморандума должна была бы прилагаться к бюджету 1906 г.[697] А. фон Тирпиц одобрил такое предложение.

В связи с укрупнением боевых кораблей возрастала и стоимость их строительства. Отныне, согласно законопроекту, линейный корабль должен был стоить 30,78 млн марок (по старой смете — 25 млн марок). Броненосный крейсер предполагалось создавать уже за 24 млн марок (по предыдущим расчетам — 18 млн марок). Легкий крейсер в ближайшем будущем обещал обходиться казне в 6,38 млн марок (вместо прежних 5,5 млн марок). Дивизион миноносцев тоже мог дорого обойтись налогоплательщику — 8,57 млн марок[698].

Немало бюджетных ассигнований требовалось и для оплаты новых корабельных команд в связи с ростом числа тех же миноносцев. Все эти денежные увеличения, а к данным суммам прибавлялись новые затраты на подводные лодки в размере 3 млн марок, в итоге составляли дополнительную потребность в 173 млн марок. Однако, как показали последующие события, это была еще не окончательная цифра. Начавшаяся в сентябре 1905 г. лихорадочная работа в Военно-морском ведомстве по созданию нового проекта линейного корабля в связи с полученной информацией из Лондона о «Dreadnought» вновь внесла коррективы в проект закона. А. фон Тирпиц теперь просил за линейный корабль 36,5 млн марок, а за броненосный крейсер 27,5 млн марок[699]. «Закон о флоте», переданный в начале сентября 1905 г. в Казначейство для экспертизы, как следовало из обращений ведомства А. фон Тирпица, требовал изменений.

В качестве ответной реакции на эти предложения в конце сентября 1905 г. имперское Казначейство организовало инспекторскую проверку работы бюджетного отдела Военно-морского министерства, составлявшего проект «Закона о флоте». Итогом такой своеобразной «согласительной» деятельности двух ведомств явился окончательный проект закона[700].

---

[695] BA—MA. Freiburg. RM 3/666. Aufzeichnung des Kapitäns z. S. Dähnhardt für den Staatssekretär des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, vom 31 Mai 1905 zur besonderer Form der geplanten Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 317.

[696] Ibid. S. 319.

[697] Ibid.

[698] Первоначально сумма составляла 6 млн. марок. См.: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 330.

[699] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 472.

[700] Novelle vom 5. Juni 1906 zum Gesetz betr. die deutsche Flotte vom 14. Juni 1900 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. S. 401.

«Scharnhorst» — броненосный крейсер, построенный для заграничной службы по программе 1905 г.

В документе предусматривалось финансирование постройки шести крейсеров для заграничного флота (пяти для несения постоянной службы и одного резервного). Кроме того, предусматривалось дополнительное финансирование в размере 165 млн марок. Вызывавший поначалу так много нареканий у Казначейства рост численности экипажей определялся 126 морскими офицерами, 16 офицерами медицинской службы, 40 морскими инженерами, 5643 унтер-офицерами и матросами[701]. Текущие расходы на германский флот возрастали на 20 млн марок ежегодно, из них на подводные лодки — 5 млн марок.

Военно-морское ведомство было удовлетворено и изменившимися показателями относительно миноносцев. Вместо предварительно планировавшихся 96 боевых единиц, по согласованию с казначейством, в окончательный проект была внесена цифра 144[702].

В ноябре 1905 г. А. фон Тирпиц составил меморандум на имя рейхсканцлера Б. фон Бюлова, в котором дал обоснование необходимости внесения в 1906 г. «Закона о флоте» на рассмотрение Рейхстага. Он повторил мысль Г. Денхардта о том, что «данный законопроект позволил бы поддержать прежний темп строительства флота и, соответственно, продолжить его дальнейшие техническую и качественную модернизации и количественное увеличение»[703]. По срав-

---

[701] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 330.

[702] Там же.

[703] BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichakanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 182.

нению с Францией и Великобританией, в Германии в процентном отношении планировалось тратить значительно больше средств морского бюджета на строительство кораблей[704].

Кроме того, А. фон Тирпиц определил и приоритетное направление военного судостроения в другом, последующем «Законе о флоте», который он планировал уже после утверждения закона 1906 г. В ее основе, как он считал, должен лежать не план замены кораблей[705], а строительство дополнительных единиц, увеличивающее состав германского флота. В частности, как считал глава Военно-морского ведомства, речь должна идти о формировании третьей двойной эскадры. В итоге это позволило бы создать флот из 50—60 первоклассных линейных кораблей. Именно они стали бы тем реальным фактором силы, с которым вынуждена будет считаться Великобритания[706].

Однако в требованиях настоящего закона, который предстояло принять в 1906 г., А. фон Тирпиц призывал к сдержанности. Он выступал против резкого перехода от оборонительного флота к наступательному пока не построены новые корабли. К этому настойчиво призывал Флотский союз[707], резко критикуя «умеренность» требований главу Военно-морского ведомства[708], на что А. фон Тирпицу приходилось реагировать проведением «разъяснительной работы». Как считал на тот момент А. фон Тирпиц, резкое усиление строительства флота может иметь пагубные последствия как для внутренней, так и внешней политики. С позиций внутренней политики значительное усиление флота, с учетом ограниченных бюджетных возможностей, осуществлялось бы в определенной

---

[704]В частности, во Франции и Англии на эти цели шло 25 % морского бюджета, а в Германии хотели 50—60 %. Ibid.

[705]В случае реализации только плана замены кораблей главное строительство пришлось бы на 1906—1909 гг., а с 1910 по 1917 гг. образовалась бы своеобразная «яма». Причем до 1914 г. не закладывалось бы ни одного корабля, с 1914 г. на стапеля ежегодно ставился бы всего один корабль. Неправильность такого подхода А. Тирпиц пытался объяснить с точки зрения внешней и внутренней политики.

[706]BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichskanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 184.

[707]Руководство Флотского союза считало, что уже в проекте закона 1906 г. основной упор необходимо сделать на замену имевшихся устаревших боевых кораблей. В частности, речь шла, например, как минимум о том, чтобы в последующие четыре года заложить на стапелях вторую двойную эскадру. В результате по истечении семи лет на месте физически и морально отслуживших свой срок кораблей типов «Baden», «Siegfried», «Herta» можно было сформировать новую двойную эскадру, состоящую из 16 линейных кораблей и четырех броненосных крейсеров. Наряду с этими боевыми единицами в данное морское соединение входили бы еще новые малые крейсера и миноносцы. Совершенно очевидно, что реализация этих требований фактически означала бы увеличение германского флота. См.: BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/6, AB 54—57. Aufzeichnung fur die Unterredung des Staatssekretärs des Reichsmarineamts mit dem Prasident des Flottenvereins, Fürst zu Salm, und Admiral z. D.Thomsen am 8. November 1905 uber die programmatischen Forderungen des Vereins // *Berghahn V. R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 216.

[708]*Tirpitz A.* Poltische Dokumente. Bd. 1. S. 19—21.

степени за счет сухопутных войск. Они, как известно, являлись основой германских вооруженных сил. Поэтому ускорение строительства флота усложнило бы и без того непростые отношения между «флотскими» и «сухопутными».

Во внешней политике заметное наращивание германских военно-морских сил грозило опасностью их «копенгагированиия» британским флотом. Исходя из таких соображений, А. фон Тирпиц считал, что утверждение на данный момент наступательной перспективы для германского флота является безответственным делом[709]. По его мнению, в данном вопросе следовало учитывать, прежде всего, возможную негативную реакцию англичан[710].

Впрочем, некоторые исследователи считали, что в тот момент А. фон Тирпиц в первую очередь исходил из приоритетов проблем внутренней, а не внешней политики[711]. Как бы там ни было, он еще раз высказался против «морских претензий» Флотского союза и некоторых партий, в том числе и свободомыслящих, а также поддерживающих их кайзера и рейхсканцлера[712]. Воплощение «максимальных» установок в жизнь, по его мнению, нанесло бы существенный вред имперской финансовой системе и «вывело бы за рамки рациональности техническое развитие флота»[713]. Под этими словами скрывалась еще одна причина

---

[709]См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichakanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 184.

[710]«Мы не должны, говорил военно-морской статс-секретарь, по отношению к Англии показывать вектор направления нашего флотского развития, по крайней мере, сейчас. В остальном наше положение в результате осуществленных действий в предыдущий год настолько благоприятно, насколько только возможно. Это выражается ясней всего в равных строительных темпах». См.: *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. S. 36.

[711]См., напр.: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 330. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы, в том числе и опубликованные, и ранее не известные Г. Хальгартену, говорят о большой значимости для Военно-морского ведомства в 1905 —начале 1906 гг. внешнеполитической реакции на новый проект «Закона о флоте». См., напр.: BA—MA. Freiburg. RM 3/9914, AB 70—71. Aufzeichnung des Fregattenkapitäns v. Holleben vom 6. Mai 1905 über Ausserungen des Kapitäns z. S. Capelle zur Agitation des Flottenvereins // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 215. Думается, что все-таки истина в этом вопросе находится где-то посередине. На сдержанную позицию А. Тирпица одновременно действовали как факторы внутренней, так и вешней политики.

[712]Свободомыслящие, как и Флотский союз, выступали за то, чтобы в период с 1906 по 1910 г. в Германии строилось по четыре больших корабля, а срок службы линейных судов был бы сокращен с 25 до 20 лет. Их обоснование опасением возможного в последующие годы провала в военном судостроении А. фон Тирпиц считал неубедительным. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichakanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begr?ndung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R. Deist W.*, Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 185; Denkschrift Tirpitz': Ablehnung einer «grossen Flottenvorlage» des Flottenvereins. 13 November 1905 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 331—337.

[713]BA—MA. Freiburg.RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichakanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 185.

«Nassau» — первый германский дредноут

сдержанности Военно-морского ведомства относительно содержания проекта «Закона о флоте».

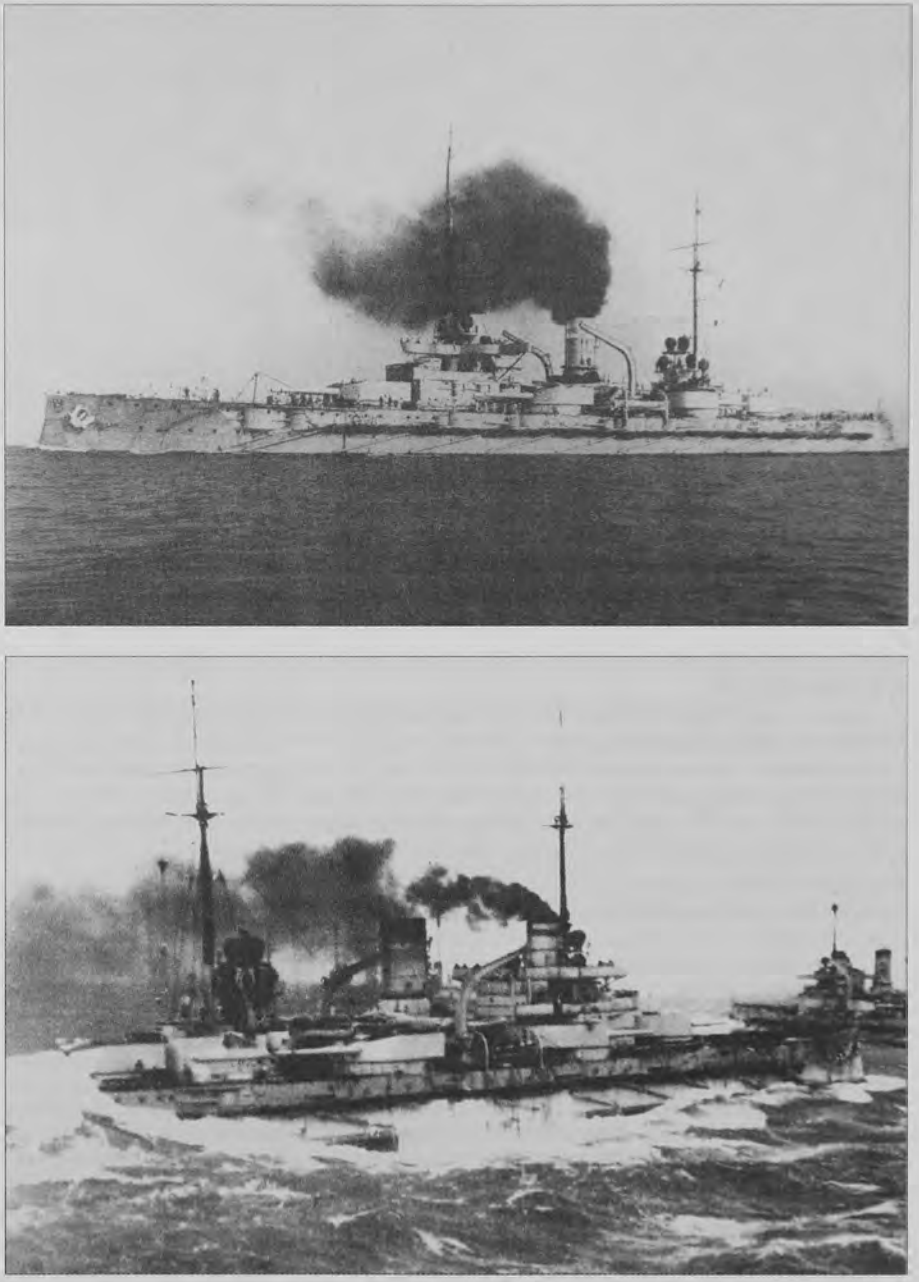
Дело в том, что заинтересованные в развитии флота промышленные группы Германии не были едины в своих устремлениях[714]. Часть из них, в лице экспортных, машиностроительных, судостроительных, железорудных и отчасти металлургических компаний выступали за численное увеличение флота. Напротив, фирма Ф. Круппа[715], монопольно поставлявшая вооружение и броневые плиты для военных кораблей, была больше заинтересована в их укрупнении[716]. Понятно, что в данном случае Ф. Крупп исходил исключительно из соображений экономической выгоды и целесообразности.

---

[714] *Epkenhans M.* Grossindustrie und Schlachtflottenbau. S. 65—140.

[715] У фирмы Ф.Круппа были особые отношения с императорским двором, и она всегда оказывала прямое влияние на политику Военно-морского ведомства. В качестве примера можно привести факт неудачной попытки ведомства А. фон Тирпица договориться об изменении цен на поставляемую продукцию в сторону их уменьшения. Результат оказался обратным. Вместо снижения, фирма Круппа добилась, не без воздействия двора на Военно морское руководство, повышения заказов для флота на период 1905—1910 гг., что было зафиксировано в соответствующем договоре. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6670, AB 58—60. Zusatzvertrag zwischen dem Reichsmarineamt und den Firmen Friedrich Krupp sowie Dillinger Hüttenwerke aus dem August 1905 über die Preisgestaltung bei Panzermaterial // *Berghahn V.R.* Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 290—293.

[716] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 332.

Германские дредноуты типа «Nassau»: «Posen» (вверху) и «Rheinland»

Однако это было как нельзя лучше для А. фон Тирпица. Он, руководствуясь в вопросе содержания «Закона о флоте» обстоятельствами внутренней и внешнеполитической ситуаций, получил от Эссенской фирмы и еще от одной очень значимой фигуры в деловом мире кайзеровской Германии — Штумма — солидную поддержку своих требований. Новый «Закона о флоте», даже в том виде, в каком его представило Военно-морское ведомство, по мнению статс-секретаря, фактически менял характер германской морской политики полностью и очевидным образом, так как начинался этап создания новых линейных кораблей типа «Dreadnought».

Реализация закона сделала бы флот Германии настолько мощным, что англичане не рискнули бы отважиться на нападение, поскольку в этом случае для них слишком возрастал бы шанс поражения. Как считал А. фон Тирпиц, создание таких военно-морских сил одобряется большинством Рейхстага и народом. Однако увеличение флота требует дополнительных денежных затрат. Чтобы избежать обострения и без того непростого финансового положения и не вводить новые налоги, А. фон Тирпиц предлагал осуществлять финансирование измененной судостроительной программы за счет займов[717].

Некоторые разногласия[718] (внешне иногда принимавшие очень острую форму[719]) между главой Военно-морского ведомства, с одной стороны, Флотским союзом, некоторыми представителями тяжелой промышленности и рядом партий с другой стороны, касающиеся содержания нового «Закона о флоте», все-таки не носили основополагающего концептуального характера. Разве мог быть, в принципе, А. фон Тирпиц против более быстрого увеличения германского флота? Безусловно, нет. Но в отличие, например, от лидеров Флотского союза, он при выстраивании своей линии поведения руководствовался не сиюминутными политическими и экономическими выгодами или эмоциональным состоянием, а проявлял стратегический подход.

А. фон Тирпиц, даже если бы и хотел, не мог отмахнуться от проблемы увеличения числа новых боевых кораблей. Об этом его заставляли постоянно думать, особенно с начала 1906 г., как кайзер и рейхсканцлер, попавшие под сильное влияние агитации Флотского союза, так и морские планы британского правительства либералов. По утверждениям А. фон Тирпица, кайзер Вильгельм II в личных беседах с ним в начале 1906 г. оказывал на него очень сильное давление, требуя включить в «Закон о флоте» положение о сокращении срока эксплуатации кораблей, что было равносильно увеличению их количества.

---

[717] BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichskanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 185.

[718] В начале 1906 г. А. фон Тирпиц представил проект «Закона о флоте» кайзеру, реакция которого на его содержание была «холодной». См.: *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. S. 29.

[719] Содержательные и достаточно красноречивые факты нападок в прессе на главу Военно-морского ведомства по поводу его умеренных требований, изложенных в проекте «Закона о флоте», в достаточном количестве приводятся в книге Г. Хальгартена. См.: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 333—334.

Линейный корабль «Westfalen» (типа «Nassau»); 280-мм двухорудийные башенные установки — главный калибр первых германских дредноутов

В том же духе, вероятно, под воздействием неудач Германии на Альхесирасской конференции, действовал и рейхсканцлер Б. фон Бюлов, хотя еще в сентябре 1905 г. он уверял военно-морского статс-секретаря в том, что он будет полностью следовать «его морской политике». Однако чуть позже глава прави-

тельства поменял свои взгляды и стал убеждать А. фон Тирпица в том, что возможно провести через Рейхстаг требование сокращения срока службы боевых кораблей и замены их более новыми[720].

На тот момент при решении вопроса об изменении действующего второго «Закона о флоте» глава Военно-морского ведомства руководствовался, прежде всего «английским фактором». Во всяком случае, об этом свидетельствует информация, поступавшая из Лондона. 2 марта 1906 г. К. Кёрпер сообщал А. фон Тирпицу, что в нижней палате британского Парламента прошло общее обсуждение военно-морского бюджета на ближайшие пять лет, при котором, естественно, учитывалось положение дел в Германии.

Пришедшие к власти либералы сократили расходы на флот, но, судя по тем цифрам, которые представил германский военно-морской атташе, они тоже намеревались постепенно наращивать финансирование военно-морских сил. В частности, в 1906/1907 г. на военно-морские нужды планировалось выделение 33 573 000 фунтов стерлингов[721] В 1907/1908 г. предполагалась уже сумма 34 240 000 фунтов стерлингов. И далее тоже по нарастающей: в 1908/1909 г. — 35 000 000 фунтов стерлингов, в 1909/1910 г. — 35 226 000 фунтов стерлингов, в 1910/1911 г. — 35 400 000 фунтов стерлингов[722].

По утверждению германского атташе, этот морской бюджет, разработанный еще при консерваторах, был одобрен и принят новым правительством либералов с небольшими изменениями[723]. На следующий день, 3 марта 1906 г., в Военно-морское ведомство от К. Кёрпера пришел один очень интересный документ, содержащий важную информацию о военно-технических характеристиках «Dreadnought»[724], который в это время находился еще на стапеле[725]. Полученные из Лондона данные убеждали А. фон Тирпица в правоте его намерения настаивать в «Законе о флоте», который должен был в самое ближайшее время обсуждаться в Рейхстаге, именно на изменении типов боевых кораблей.

7 марта 1906 г. А. фон Тирпиц выступил перед депутатами бюджетной комиссии Рейхстага. Он обосновал необходимость увеличения водоизмещения новых кораблей. При этом он указал, что в последнее время в морском деле очень сильно увеличились шансы одержать победу на больших расстояниях. Результатом этого явилась постройка «Dreadnought». Германия не может закрывать глаза на эти явления и должна создавать аналогичные корабли. В результате большинством голосов «Закон о флоте» комиссией был одобрен[726].

---

[720]См.: *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. S. 20, 24—25. В последующем Б. фон Бюлов все-таки вернулся к точке зрения А. Тирпица.

[721]По данным российского издания «Новое время», британский военно-морской бюджет 1906/1907 г. должен был составлять 34 400 000 фунтов стерлингов. См.: Новое время. 18 февраля (3 марта). 1906.

[722]BA—MA. RM 3/2974. Coerper an Tirptz. 02. 03. 1906.

[723]Ibid.

[724]Ibid.

[725]*Лихарев Д.В.* Адмирал Дэвид Битти. С. 58.

[726]См.: Новое время. 22 февраля (7 марта). 1906.

На последующих этапах работы, а военно-морской статс-секретарь не собирался ограничиваться только «Законом о флоте» 1906 г.[727], предполагалось решать вопросы, которые поднимались Флотским союзом. В очень непростой политико-военной ситуации конца 1905—начала 1906 гг. А. фон Тирпицу пришлось отказаться от идеи бороться за проект создания третьей эскадры. Он решил ограничиться строительством шести броненосных крейсеров для заграничных вод[728] и началом сооружения новых большетоннажных линейных кораблей по типу «Dreadnought»[729].

Свою тактику он пояснял следующим обстоятельством: «Возможность военного развития событий в последующие четыре года, пока будет создан один из новейших линейных кораблей, чрезвычайно возрастает»[730]. Эти слова подтверждались вполне конкретными действиями британцев.

Здесь достаточно указать на обострившиеся в 1904—1905 гг. германо-британские отношения , на упоминавшиеся уже широкомасштабные учения британского флота летом 1906 г., вызвавшие сильное беспокойство в Берлине[731]. Поэтому было бы вполне благоразумно и дальновидно новым «Законом о флоте» не возбуждать у англичан лишний раз подозрения и возмущения относительно германских морских амбиций. Именно в этот период на британских верфях закладывалось только по три корабля в год (речь идет только о броненосцах, как основной ударной силе флота того времени). Кроме этих трех броненосцев, как говорилось в объяснительной записке, в период с 1 апреля 1905 г. по 31 марта 1906 г. в Англии будут построены восемь броненосных крейсеров, один легкий крейсер, восемь разведывательных кораблей, 16 эсминцев, 13 подлодок, один плавучий угольный склад[732].

Точно такой же строительный темп (три корабля в год) поддерживался и в самой Германии. Для А. фон Тирпица это было самое «благоприятное положение»[733]. Преждевременное нарушение такого «равновесия» чрезмерными

---

[727]Это со всей очевидностью следовало из ноябрьского 1905 г. меморандума А. фон Тирпица Б. фон Бюлову. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichakanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begrundung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 181—185.

[728]А. фон Тирпиц даже отказался включать в «Закон о флоте» требование о семи легких крейсерах, которые, как и шесть броненосных крейсеров, были вычеркнуты в 1900 г. из второго «Закона о флоте. См.:*Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 232.

[729]Это положение «Закона о флоте» А. фон Тирпиц объяснял депутатам Рейхстага, выступая перед ними 9 декабря 1905 г., тем, что повышение тоннажности боевых кораблей, увеличение калибра их орудий является результатом общемирового развития военно-морской техники, совершенствования стратегии и тактики ведения морских сражений. Поэтому Германия, чтобы ей не отстать от других держав, должна также следовать этой тенденции. См.: *Fernis H.* Die Flottennovellen im Reichstag 1906—1912. Stuttgart. 1934. S. 28—29.

[730]*Tirpitz A.* Erinnerungen. S. 174.

[731]*Кербер Л.Ф., Доливо-Добровольский Б.* Большие маневры английского флота летом 1906 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1906. № 9. С. 50—51.

[732]См.: Новое время. 17 февраля (2 марта). 1906.

[733]*Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. S. 36.

военно-морскими требованиями стало бы грубейшей ошибкой в перспективном деле строительства сильного «флота риска»[734]. Одновременное включение в закон положений и о германских дредноутах, и о броненосных крейсерах означало просто-напросто провоцирование англичан на ответные и неблагоприятные для немцев действия. Кроме того, нельзя забывать, что броненосные крейсера, а именно о них шла речь в законе 1906 г., по своим тактико-техническим элементам приравнивались к линейным кораблям[735].

Вместе с тем, военно-морской статс-секретарь поддерживал деятельность и Флотского союза, и официальной прессы по подготовке общественности страны к принятию закона. В качестве главного аргумента выдвигался тезис о том, что без сильного флота Германия не сможет отстоять свои экономические и политические права от посягательств со стороны Англии[736].

В результате серьезной и кропотливой работы, скрытой от посторонних глаз, Военно-морскому ведомству, исходя из интересов внутренней и внешней политики[737], все же удалось добиться утверждения своей редакции «Закона о флоте». 19 мая 1906 г. он (большинством голосов депутатов буржуазных партий) был принят Рейхстагом[738]. В соответствии с вновь принятым законодательным документом, германский зарубежный флот пополнялся шестью броненосными крейсерами[739]. На их строительство и вооружение выделялась сумма в 165 млн марок[740].

Таким образом, общее количество броненосных крейсеров по флотскому закону возрастало с 14 до 20 единиц, а количество малых крейсеров оставалось таким, каким его определяли в 1900 г. Срок службы кораблей оставался без изменений[741]. Кроме того, ежегодно, с 1906 по 1912 г., в стране финансово обеспечивалась поддержка так называемого «трехтактного темпа военного судостроения»[742]. И самое главное — в Германии начиналось сооружение линейных

---

[734]BA—MA. Freiburg. Nachlass Tirpitz. № 253/9, AB 63—64. Auszug aus dem Schreiben des Staatssekretärs des Reichmarineamtes, Admiral v. Tirpitz, an den Prinzen Heinrich v. Preussen vom 28. Januar 1907 zur planmassigen Weiterentwicklung des Flottenbauprogramms // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 323.

[735]Эту особенность германских броненосных крейсеров отметил российский военно-морской эксперт Л.Ф.Кербер. См.: *Кербер Л.Ф.* Записки по иностранным флотам. Курс Николаевской морской академии по отделению военно-морских наук. СПб., 1903. С. 229.

[736]*Woodward E.L.* Op. cit. P. 115—116.

[737]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 495.

[738]*Сокольская Н.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX—начала XX века // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987. С. 81.

[739]Novelle vom 5 Juni 1906 zum Gesetz betr. die deutsche Flotte vom 14 Juni 1900 // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. Urkunden und Aktenstücke zur Inneren und Äusseren Politik des Deutschen Reiches. Bd. 1. T. 1: 1849—1906. S. 401.

[740]Jahrbuch für Deutschlands Seeinteresse. Nauticus. 1906. Jahrg. 8. S. 31.

[741]Изменения в германском законе о флоте. Морская хроника // Морской сборник. 1908. № 1. С. 7.

[742]См. таблицу построения боевых кораблей по «Закону о флоте» 1906 г. в кн.: *Berghahn V.R.* Op. cit. S. 189.

Линейный (первоначально броненосный) крейсер «Von der Tann» — первый из кораблей этого класса, построенных в соответствии с «законом о флоте» 1906 г.

кораблей по типу «Dreadnought»[743], на что и было обращено особое внимание англичан, которые изучили «Закон о флоте», что называется, вдоль и поперек. К нему прилагалась таблица, в которой для каждого года четко определялось количество кораблей, которые строились на замену выбывающим из строя, так называемые «Ersatz» корабли. Кроме того, выводилось число новых кораблей, которые должны были довести германский флот до показателей, определенных «Законом о флоте» 1900 г. В 1906 г. в состав военно-морских сил Германии входило 37 броненосцев, 14 броненосных крейсеров, 37 легких крейсеров. Таким образом, до установленной нормы не хватало одного броненосца, шести броненосных и одного легкого крейсера[744].

---

[743]Первый германский дредноут «Ersatz Bayern», получивший имя «Nassau», был заложен летом 1906 г. Однако в дальнейшем, вплоть до июня 1907 г., активных строительных работ не велось. По всей видимости, немцы ожидали результатов ходовых испытаний британского «Dreadnought» с тем, чтобы удостовериться в эффективности технических и военных возможностей этого нового типа боевого корабля. Кроме того, немцам требовалось определенное время для перестройки производства для сооружения дредноутов. Как бы там ни было, англичане получили фору в целый год по созданию новейших линкоров. В 1907 г., когда в Германии шла работа по подготовке нового «Закона о флоте», у англичан уже сошли со стапелей четыре дредноута («Dreadnought», «Bellerophon», «Temeraire», «Superb») и три броненосных крейсера нового типа («Invincible», «Indomitable», «Inflexible»). См.: *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 247.

[744]См.: Изменения в германском законе о флоте. Морская хроника // Морской сборник. 1908. № 1. С. 8.

В будущем германском флоте, с учетом общего развития германо-британских отношений, англичане увидели угрозу своему безоговорочному морскому господству, поэтому стали предпринимать соответствующие меры во всех сферах и, в первую очередь, в области военно-морского строительства и организации флота.

Совершенно очевидно, что в ответ на «дредноутную революцию», совершенную англичанами из желания «оторваться» от опасного германского морского соседа, немцы ответили собственным «дредноутным скачком». С одной стороны, для Берлина, это был вынужденный шаг, к которому его принудил Лондон. В противном случае, цель создания флота, равного по силе $^{2}/_{3}$ британского, сразу же можно было считать недостижимой.

С другой стороны, развитие военно-морского судостроения объективно привело к созданию нового типа линейного корабля. Их начали строить в последующем даже страны, не входившие в элиту морских держав. Поэтому Германия, с учетом ее заявления о намерении бороться за «место под солнцем», не могла остаться в стороне от этого общего процесса.

Однако, ввиду все более обостряющихся политических и экономических германо-английских противоречий, в первые годы XX столетия «берлинский ответ Дж. Фишеру» был расценен в Лондоне как угроза безоговорочному морскому господству Британской империи. Отныне соревнование флотов двух стран принимало открытую форму. Формально их исходные позиции были разными[745]. Но «дредноутная революция» во многом уравняла шансы соперников. Хотя нельзя не признать чуть более ранний старт британской стороны в этом «дредноутном забеге». Кроме того, экономический и финансовый потенциал Великобритании был выше, чем в Германии. В Лондоне надеялись на это обстоятельство, полагая, что немцы долго «не протянут» и добровольно откажутся от своих амбициозных морских планов. Пока этого не произошло, англичане пытались использовать разные рычаги воздействия на «тевтонских морских выскочек», в том числе и угрозы войной.

---

[745] По данным германского специализированного издания «Nauticus», к 1 апреля 1906 г. Германия в списке сильнейших мировых морских держав была на четвертом месте, уступая Великобритании, Франции и США. Соотношения по линейным кораблям, сошедшим со стапелей, начиная с 1882 г., и броненосным крейсерам с 1887 г., между англичанами и немцами было следующими — 54 : 18 и 28 : 6. См.: Jahrbuch für Deutschlands Seeinteresse. Nauticus. 1906. Jahrg. 8. S. 59.

Глава 3
«ОСОБЫЕ» ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ И РОССИИ В 1897—1906 ГОДАХ

3.1. Проблема германо-русского союза в начальный период «эры Тирпица»

На сегодняшний день в отечественной историографии существует мнение, что германо-русский союз не состоялся исключительно потому, что на него не желала идти Россия. При этом называются вполне объективные причины, с которыми нельзя не согласиться. Так, союз с Германией мог торпедировать франко-русские соглашения 1891—1893 гг. Следом могли бы последовать и кредитно-финансовые проблемы, которых Россия, в силу зависимости своей экономики от французского капитала, не желала иметь[746].

Подобные объяснения причин не состоявшихся германских союзов на рубеже XIX и XX столетий просматриваются и в работах зарубежных авторов[747]. И тем не менее, несмотря на кажущуюся ясность, исследователи вновь и вновь обращаются к страницам германской дипломатической истории указанного периода. При этом образ мышления дипломатов с Вильгельмштрассе часто видится как не поддающийся никакой логике, а политика внешнеполитического ведомства характеризуется как политика упущенных возможностей[748].

Пока Россию и Францию не соединили союзнические узы, А. фон Тирпиц видел в России скорее союзника, чем решительного противника. «Вплоть до 1887 года германский и русский флоты чувствовали себя почти братьями по оружию», — писал в своих «Воспоминаниях» адмирал[749].

Благодаря подписанию «Договора перестраховки» в 1887 г., Союз трех им-

---

[746]См., напр.: История дипломатии. С. 167; *Фейгина Л.* Бьёркское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М.,1928. С. 76—77; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1986. С. 50—52.

[747]См., напр.: *Хальгартен Г.* Указ. соч.

[748]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 414.

[749]*Тирпиц А.* Воспоминания. С. 201.

Император Александр III, подписавший в 1887 г. «Договор о перестраховке»

ператоров утратил антифранцузское содержание. Руководитель Военно-морского ведомства Л. фон Каприви вынужден был признать, что отныне Германия даже теоретически не может рассчитывать на поддержку русского флота в войне против французов[750]. Идея германо-русского «морского братства» окончательно утратила всякую перспективу в результате политического и военного сближения России и Франции в начале 90-х годов XIX в.

Ситуация изменилась в результате обострения германо-британских отношений. Инцидент с депешей Крюгера позволил А. фон Тирпицу наполнить свой главный тезис «флот против Англии» реальным экономическим содержанием. Он сделал вывод о неизбежности столкновений германских и британских интересов, которые должны произойти на территориях, традиционно считавшихся сферой приложения английских капиталов. Эти мысли были созвучны со словами его «старого учителя» А. фон Штоша. «Поскольку внешняя политика Англии руководится исключительно торговыми интересами, нам следует рассчитывать на враждебность этого островного народа. Последняя претворится в действие, как только этим господам удастся обеспечить невмешательство Франции и России...»[751]

Таким образом, А. фон Штош поставил еще одну важную проблему. Что нужно сделать для того, чтобы Россия, а вместе с ней и Франция, сохранила антианглийский дух своей внешней политики и гарантировала тем самым если не поддержку, то абсолютное «невмешательство» в англо-германский конфликт? Возможно, ответ лежит в продолжении традиций бисмарковской политики, почитатели которой не одобряли измены Союзу трех императоров? Союз с Россией, а возможно и с Францией позволил бы с позиции силы решать проблему англо-германских отношений. Казалось, что на первых порах А. Тирпиц не исключал такой возможности.

Как только в 1897 г. А. Тирпиц пришел в Военно-морское министерство, он немедленно попытался заручиться поддержкой все еще влиятельного О. фон Бисмарка[752]. Официальным поводом для визита к бывшему канцлеру послужила идея присвоить одному из новых кораблей наименование «Fürst Bismark».

---

[750] *Matthei D.* Op. cit. S. 86.

[751] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 102.

[752] По всей видимости, направляясь на встречу с О. фон Бисмарком, А. Тирпиц знал о его негативном отношении к перспективам создания наступательного флота. «Железный канцлер» обнародовал свою позицию по этому вопросу в начале сентября 1897 года. В интервью известному журналисту и редактору М.Гардену он заявил, что армия для Германии гораздо важнее, чем флот, поскольку будущее колоний решится на европейских полях сражений, а не в море. Линейный флот, по мнению князя, подходит лишь для того, чтобы испортить отношения с европейскими государствами и, прежде всего, с Великобританией. См.: *Kehr E.* Op. cit. S. 88; Furster S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungpolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Agression 1890—1913. Stuttgart, 1985. S. 77.

Броненосный крейсер «Fürst Bismarck»

Князь равнодушно отнесся к затее Военно-морского ведомства. Насупив густые брови, он заметил: «Я не котенок, который искрится, когда его гладят». Зато О. фон Бисмарк проявил интерес к делам международной политики. Когда речь зашла о России, он выразил недовольство политическим курсом правительства. Заметив, что «расторжение германо-русского «Договора о перестраховке» было величайшим несчастьем», О. фон Бисмарк рекомендовал в случае англо-русского конфликта руководствоваться девизом «нейтралитет по отношению к России». А. Тирпиц попытался возражать: «... новый Питт не захочет такого нейтралитета и предпочтет иметь нас врагами». Однако «возможны и иные комбинации, причем только внушительный флот может сделать союз с нами выгодным для России и других держав»[753].

Под другими державами А. Тирпиц, по-видимому, имел в виду Францию, флот которой занимал второе место в мире. Для А. Тирпица было ясно, что морская сила Тройственного союза совершенно недостаточна для уничтожения британского мирового господства. Именно поэтому в морских кругах имела место тема разговора о желательности пополнить список друзей Германии из числа стран, которые могли бы реально угрожать англичанам. Об этом свидетельствовала служебная записка Г.А. Мюллера, которую он составил в 1896 г. для принца Генриха, будучи его адъютантом.

Этот документ заслуживает внимания исследователей, так как отражает настроения, которые господствовали в военно-морском руководстве Германии,

---

[753] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 138.

да и некоторых политических кругах того времени в вопросе о будущих союзниках Германии. Сам Г.А. Мюллер выступил за ориентацию на Великобританию. Однако он упомянул о другой идее, которая становилась все более популярной — идее союза с Францией и Россией. Для многих альянс с Францией означал «значительный прирост силы на море, а с Россией, что в этом случае является важнее, приобрести союзника, который мог бы атаковать британскую империю и на суше»[754].

Такая комбинация в принципе устраивала и А. Тирпица. Однако он был против соглашения с одной Россией. Так, о «положительном значении» германо-русско-французского договора против Англии А. Тирпиц писал статс-секретарю иностранных дел О. фон Рихтгофену в начале ноября 1904 г., когда правительство обсуждало возможность предложения союза России[755].

Понимал министр и нечто другое. Тезис «русский флот как потенциальный противник» мог эффективно использоваться в мотивировках Военно-морского министерства для проталкивания новых планов в Рейхстаге. А упоминание об их антианглийской направленности могло вызвать у депутатов, мягко говоря, непонимание.

Поворот германской военно-морской политики против Англии мог наполнить реальным содержанием разговоры о союзе с Россией. Движимый «родственными чувствами» к русскому царю, Вильгельм II был не прочь порассуждать и на темы братства по оружию и партнерства в колониальных делах. Правда, братание флотов вряд ли могло произойти на Ближнем Востоке. После армянских волнений в 1897 г. в Германии многие политики находились в напряжении. Там ожидали, что Черноморский флот и Средиземноморская эскадра в ходе совместной военной операции разблокируют проливы Босфор и Дарданеллы и тем самым подорвут германские позиции в Турции[756].

Другое дело — политика раздела и порабощения Китая. В этой далекой стране не только флоты, но и сухопутные войска могли найти повод для дружбы. К тому же экспансия царизма на Дальнем Востоке была на руку тем германским лидерам, которые не желали видеть на Балтике сильный российский флот. Еще в конце 1887 г. советник посольства в Петербурге Б. фон Бюлов так сформулировал один из пунктов своей внешнеполитической программы: «надо оттеснить Россию от Балтийского и Черного морей»[757].

Перспективы ослабления позиций на Балтике заставляли и Петербург подыгрывать идее морской дружбы. Германский посол как-то намекнул министру финансов С.Ю. Витте, что император Вильгельм II хотел бы примерить форму русского адмирала[758]. С воцарением на престол Николая II об этом вспомнили, и в августе 1897 г. кайзеру присвоено звание адмирала русского флота. За этим, как полагал С.Ю. Витте, актом удовлетворения «декоративного самолюбия»

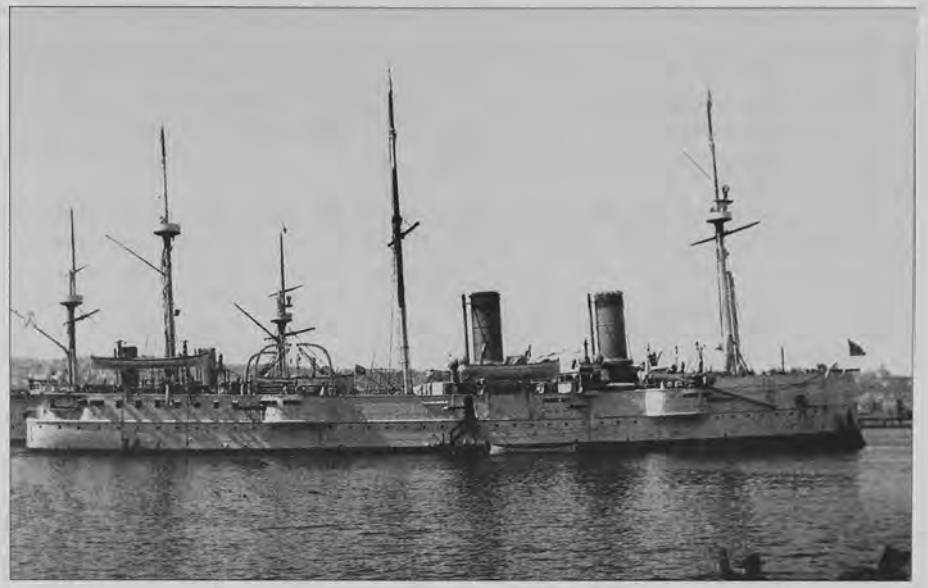
[754] Der Kaiser. S. 37.

[755] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 195.

[756] *Hubatsch W.* Kaiserlische Marine. S. 98.

[757] Цит по: *Виноградов К.Б.* Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 124.

[758] *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 253.

Броненосный крейсер «Владимир Мономах»

кайзера скрывался вполне определенный смысл. Во-первых, лишний раз миру и, прежде всего французам, демонстрировалось некое германо-русское согласие и дружба. Во-вторых, Вильгельму II как адмиралу передавались списки личного состава русского флота, вручение которых могло иметь не только политическую, но и некоторую практическую пользу[759].

В ноябре 1897 г. кайзер осмотрел броненосный крейсер «Владимир Мономах» и немедленно поделился своими впечатлениями с рейхсканцлером. В телеграмме кайзера Х. фон Гогенлоэ прочитал о том, как был счастлив Вильгельм II при виде реющего по ветру флага русского адмирала Вильгельма. Кайзер пожелал русским морякам счастливого плавания и дружбы с германским флотом в дальних морях и попросил передать русскому царю, что во все времена Россия может рассчитывать на германский флот, «если речь пойдет о том, чтобы отвратить опасность и беду...»[760]. Можно согласиться с германским историком В. Хубачем, который характеризует это экстравагантное высказывание кайзера как «спонтанное» и как результат «моментального» впечатления[761]. Однако рассуждения германского императора на темы братства германского и русского оружия звучали все чаще. Русские морские агенты тщательно отслеживали подобные высказывания кайзера. Об этом говорят их подробные отчеты из Берлина. Так, в январе 1898 г. морской агент Э.Э. Кеттлер докладывал о беседе с

[759]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп.1. Д. 1924. Морской агент Полис в ГМШ. 8(21) января 1898 г.
[760]*Hubatsch W.* Kaiserlische Marine. S. 98—99.
[761]Ibid. S. 99.

Эскадренные броненосцы «Сисой Великий» (вверху) и «Наварин»

Вильгельмом II: «По высказанному императором мнению, один броненосец легко может справиться с целой эскадрой крейсеров, и он уверен в том, что, имея на Востоке четыре броненосца "Сисой Великий", "Наварин", "Kaiser" и "Deutschland", мы (Россия и Германия) в состоянии будем поддерживать там порядок»[762].

[762] РГА ВМФ. Ф.417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 536.

Раздел Китая европейскими державами и Японией. Карикатура 1890-х годов

На другой встрече, во время вручения морским агентом списков состава русского флота, Вильгельм II с удовлетворением отмечал, как русские и германские войска «плечо о плечо сражаются и действуют в Китае»[763]. При ссылке морского агента А.К. Полиса на общность организации и традиций двух армий, он оживился, заметив, что «...при наших дедах между обеими армиями существовали братские отношения»[764]. Морской агент также сообщал в Петербург о распространившихся в последнее время разговорах «о храбрости наших войск, наших начальников и выражения желания возобновления прежних союзных отношений»[765].

Кайзер, казалось, был сторонником того, чтобы от разговоров перейти к делу. В начале апреля 1901 г., завтракая в Александрийском полку, Вильгельм II, провозглашая здравицу в честь Николая II, выразил надежду на «восстановление старой дружбы»[766]. Не прошло и трех недель после встречи в Петербурге, а кайзер уже приглашал русского царя принять участие в совместных маневрах армии и флота в районе Данцига[767]. Последний дал

---

[763]В 1900 г. Россия совместно с другими державами участвовала в подавлении восстания ихэтуаней («боксеров») в Китае. Россия направила в Китай сухопутные войска численностью 17 тыс. человек, а также эскадру Тихого океана в составе 22 кораблей. Вильгельм II, по всей видимости, имеет в виду совместную операцию союзников по разгрому китайских войск в Тяньцзине, которая определила исход войны. В конце июня 1900 г. русские войска совместно с германскими начали наступление с востока. Англичане, французы, американцы, австрийцы и японцы наступали с юга. См.: *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война 1900 г. Часть II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 97.

[764]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 113.

[765]Там же. Л. 114.

[766]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 402.

[767]Wilhelm II an Nikolaus II. 20. 4. 1901 // Grosse Politik. Bd. 18(1). № 5384.

согласие и во время встречи, которая состоялась в середине сентября, монархи обещали друг другу делать все, чтобы отношения между двумя странами улучшились. В Данциге, а затем и в Ревеле в 1902 г., Вильгельм II указывал русскому царю на возможность подписания соответствующего договора о согласовании политики на Дальнем Востоке[768].

Насколько страстным было желание кайзера сотрудничать с русскими на море, настолько осторожно относились к этому в германском Военно-морском ведомстве. На первый взгляд, поворот военно-морской политики против Англии давал в руки исторический шанс вместе с другими морскими державами разрушить монополию одной державы на моря. Однако в упомянутой выше докладной записке Г.А. Мюллера принцу Генриху будущий руководитель Морского кабинета обрисовал довольно безрадостную картину итогов войны «пестрой коалиции» держав с британским колониализмом. «Большие, заселенные европейцами британские колонии, автономные колонии, станут, очевидно, республиками, Канада может быть присоединена к Соединенным штатам Северной Америки, усиление которых как раз не лежит в наших интересах. Россия из всего этого... получит Индию, а вместе с ней и львиную долю добычи. Кроме того, она получит на Востоке и в Китае свободу рук. Франция приобретет Английский канал, увеличит тропические колонии в Африке и Вест-Индии, а может быть.., и Египет. На долю других держав коалиции, а также Германии, выпадет весьма скудный урожай военных достижений, соответственно выраженных в усилении флота. Большее, чем увеличение Германской Восточной Африки, едва ли следует ожидать»[769].

Таким образом, война с большим количеством союзников против Великобритании привела бы, по мнению Г. А. Мюллера, к «самому скверному» результату: Германия дорого платит за право иметь колонии и получает взамен «чудовищное усиление России». Вывод Г.А. Мюллера звучал в духе внешнеполитических установок Л. фон Каприви — не конфронтация, а сотрудничество с великой морской державой на основе общих интересов по «подавлению России». Взамен «мы могли бы рассчитывать на поддержку Англии в области внеевропейских приобретений»[770].

А. Тирпиц не мог одобрить варианта союза со страной, против которой он собирался строить свой флот. Но не спешил признать продуктивной и идею альянса с Россией. Постепенно он пришел к выводу, что такой союз имел бы значение лишь в случае реальной угрозы британской Индии со стороны России. А поскольку «русские не пойдут через горы в Индию, — заявил он в октябре 1898 г. канцлеру Х. фон Гогенлоэ, — союз с Францией и Россией не принесет пользы»[771].

Точка зрения А. Тирпица на проблему германо-русских отношений во многом совпадала с внешнеполитической концепцией Б. фон Бюлова. Б. фон Бюлов,

---

[768] *Зелев В.В.* Германо-русские отношения в июле-ноябре 1903 гг. // Проблемы истории внешней политики империалистических государств. Томск, 1979. С. 70.

[769] Der Kaiser. S. 38.

[770] Ibid.

[771] Aufzeichnung Hohenlohes. Berlin. 24. 10. 1898 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: S. 200.

который на один день раньше А. Тирпица (6 июня 1897 г.) стал статс-секретарем, должен был проводить такую внешнюю политику, которая могла бы обеспечить реализацию программы строительства наступательного флота. Тем самым Б. фон Бюлов и А. Тирпиц сознательно втягивали Германию в борьбу с Англией за морское могущество. Однако серьезное обострение отношений с Англией министр иностранных дел не считал делом ближайшей перспективы. Германскому флоту требовалось время, чтобы достичь могущества. Поэтому создание каких-либо конфликтных ситуаций с владычицей морей на Вильгельмштрассе не хотели. Одновременно Б. фон Бюлов стремится усилить позицию Германии путем сближения с Россией, так как англо-русские противоречия виделись ему непримиримыми.

Став рейхсканцлером, Б. фон Бюлов усиливает рекламную кампанию Берлина в Петербурге. В середине ноября 1900 г. он выступил в Рейхстаге с речью, в которой с большой симпатией отозвался о России. В тот же день германский посол в Петербурге получил указание выступить с похожим заявлением[772].

Спустя некоторое время советник министерства иностранных дел Ф. фон Гольштейн изложил германскую тактику в отношении русских. Необходимо избегать «любой провокации против третьего в делах и словах», а также против России. «Одновременно — и это является главной отправной точкой — необходимо достигнуть разумно поставленные цели без России, поскольку кроме России есть еще и другие страны, которые охотно готовы делать с Германией одно общее дело. Если это дать понять русским, то в дальнейшем они будут более уступчивы и менее высокомерны, чем сегодня; они придут к убеждению, что мы для них просто незаменимы. Если же показать русским, что они незаменимы, как мы это делаем сейчас, что их неудовольствие и угрозы действуют на нас, то мы можем оказаться в очень зыбком положении, из которого впоследствии придется выходить только с помощью очень резких движений»[773].

В свою очередь и А. Тирпиц понимал, чем может обернуться новый гнев Великобритании против Германии. В противоположность высказываниям кайзера о возможном германо-русском военно-морском сотрудничестве на Дальнем Востоке, А. Тирпиц призывал к более осторожной политике в этом регионе. В ноябре 1897 г. он выступил против поспешности в деле захвата китайской бухты Цзяочжоу. А. Тирпиц тогда опасался не только отрицательной реакции Великобритании, но и протеста России, несмотря на некие устные договоренности по этому делу кайзера и царя. Глава Военно-морского ведомства полагал, что отныне всякую враждебную политику в отношении Англии необходимо отклонить. Германии, строя военно-морской флот, важно миновать «опасную зону», через которую она должна пройти по причине неизбежного противодействия со стороны Англии[774].

Подтверждением такой тактики стала позиция министра в отношении захвата китайской бухты Цзяочжоу.

---

[772] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S.401.

[773] Aufzeichnung Holsteins. 4. 12. 1900 // Grosse Politik. Bd. 18 (1). № 5166.; *Berghahn* V.R. Der Tirpitz-Plan. S. 401.

[774] *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart. 1924. S. 7.

3.2. Захват Цзяочжоу и германо-русские отношения

Раздел Китая знаменовал один из самых критических этапов в развитии международных отношений конца XIX века. Некоторая сыгранность «европейского концерта» в политике по отношению к Китаю была нарушена, когда германская эскадра под командованием адмирала О. фон Дидерикса появилась 14 ноября 1897 г. в бухте Цзяочжоу. И хотя акцию германского правительства по захвату китайской территории нельзя назвать неожиданной, она готовилась с 1894 г.[775], международный резонанс от ее проведения оказался сильным.

Литература, посвященная данной теме, достаточно обширна. Свидетельством того, что тема не потеряла своей актуальности является выход в 1998 г. монографии Е.Ю. Сергеева, посвященной политике Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, где германскому «броску в Цзяочжоу» посвящена целая глава[776]. Следует заметить, что документальные публикации из германских и российских архивов позволили историкам представить все дипломатические перипетии по этому вопросу[777].

В отечественной историографии роль адмирала А. Тирпица в захвате Цзяочжоу исследована недостаточно глубоко. Как правило, он предстает ярым сторонником планируемой акции. Не последнюю роль в такой интерпретации сыграли мемуары адмирала, в которых он приписывает себе исключительную заслугу в приобретении этого «опорного пункта». В то время как имеются документы, которые свидетельствуют о неоднозначности позиции Военно-морского ведомства по этой проблеме.

В германском правительстве давно искали на побережье Китая подходящий пункт для создания экономической и военной базы. Уже в середине ноября 1894 г. кайзер Вильгельм II выступил с такой инициативой. Позже в этом смысле высказывался и германский посланник в Пекине. Он предложил захватить Пескадорские острова или Цзяочжоу. Однако канцлер и руководитель Иностранного ведомства были более осторожны. Х. фон Гогенлоэ и А. Маршалль фон Бибершт ейнсчитали возможным приобретение опорного пункта только в случае раздела Китая между великими державами[778]. В течение 1895 г. позиция имперских ведомств неоднократно менялась. Общим было лишь стремление закрепиться в Китае.

Когда в апреле 1896 г. А. Тирпиц был назначен командующим Восточноазиатской крейсерской эскадрой, ему указали на три возможных объекта: Амой,

---

[775] *Irmer A.J.* Die Erwerbung von Kiautschou, 1894 bis 1898. Köln;Bonn, 1930.

[776] *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897—1903 гг. М., 1998. С. 18—65.

[777] См., напр.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1905—1907. М.— Л., 1955. С. 49—64; *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 427—464.

[778] *Altrichter H.S.* Konstituzionalismus und Imperialismus. Der Reichstag und deutsch-russischen Beziehungen. 1890—1914. Frankfurt a. M. 1977. S. 196.

Замза и Чусан. Город Амой был английским сеттльментом и лежал к северо-востоку от Гонконга. Ему отдавало предпочтение министерство Иностранных дел и Военно-морское ведомство. Пустынная бухта Замза (залив Дапэнвань) и острова Чусан (Чжоушань) находились у восточной оконечности Китая, близ Шанхая, и также лежали в сфере английского влияния.

По прибытию на Дальний Восток А. Тирпиц приступил к изучению потенциальных опорных пунктов. Он беседует с купцами и военными моряками, чтобы сделать окончательный вывод об их военной и экономической пригодности. Своими первыми соображениями А. Тирпиц поделился с Верховным морским командованием в сентябре 1896 г. Все три названных пункта показались ему неподходящими.

Из бесед с первым секретарем британского посольства в Пекине Бюклерком, морским инженером Р. Гардингом, большим знатоком китайского побережья, экспертом по торговле с Китаем консулом Дрэнаном и другими высокопоставленными чиновниками в Китае он понял, что Великобритания считала острова Чусан непригодными для стоянки своего флота. Главными причинами являлись чрезвычайно большие перепады уровней воды и необходимость проведения крупных фортификационных работ. Кроме того, Великобритания не имела бы никаких преимуществ от этого опорного пункта, поскольку он не обеспечивал контроль над устьем реки Янцзы[779]. И, тем не менее, в случае занятия островов Чусан Германией, как указывал А. Тирпиц в своих мемуарах, «следовало рассчитывать на осложнения с Англией»[780].

А. Тирпиц не был настроен оптимистично и в отношении Амоя. Кроме Военно-морского ведомства и Министерства иностранных дел, к этому городу склонялся сам кайзер, а также новый посланник в Китае барон Э. Гейкинг. Последний встречался с императором в Потсдаме, перед тем как отправиться к месту службы. По прибытию в Чифу Э. Гейкинг сообщил А. Тирпицу о встрече с кайзером. Он передал его пожелание плодотворной работы «лучшего посланника и лучшего адмирала». На вопрос А. Тирпица, на что кайзер «нацелился», Э. Гейкинг ответил: «На Амой»[781].

В Берлине почему-то считали, что Англия не будет препятствовать занятию китайского города. А. Тирпиц придерживался другой точки зрения, хотя сам признавал, что многие англичане в Китае считали справедливой передачу Амоя Германии. Фактическая же уверенность Берлина, как писал А. Тирпиц адмиралу Э. Кнорру в начале сентября 1896 г. из Хакодаты, основывалась лишь на высказываниях английского адмирала Буллера. Покидая осенью 1895 г. Амой, Буллер допустил возможность занятия бухты германской эскадрой. «Такую позицию английского адмирала едва ли можно принять во внимание без предварительного одобрения английского правительства», — писал А. Тирпиц командующему германским флотом[782].

---

[779] BA—MA. RM. 253/45. Tirpitz an Knorr. 05. 09. 1896. Augenblicklicher Stand der Information über etwaige Stützpunkte.

[780] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 110.

[781] Там же. С. 111.

[782] BA—MA. RM 253/45. Tirpitz an Knorr. 05. 09. 1896.

Другим аргументом А.Тирпица против занятия Амоя были очень сомнительные перспективы в отношении получения экономических дивидендов. Согласно его данным, в период с 1888 г. до 1895 г. объем торговли гавани упал с 1 210 233 таэлей до 701 151 таэля (1 таэль = 3,34 марки) и занимал лишь девятое место среди других китайских портов[783].

Бухта Замза страдала недостатками не меньше. Исследования береговой линии и водного пространства, проведенные с кораблей Восточноазиатской эскадры, показали, что вход в нее был недостаточно глубок, а сильное течение создавало водовороты. Наконец, «бухта лихорадок и тифа» не могла стать конкурентом полумиллионного торгового города Фучжоу, расположенного за горами[784].

Таким образом, все три бухты, названные Берлином как перспективные для захвата, по мнению А.Тирпица, не удовлетворяли ни экономическим, ни военным требованиям. Однако на первом плане для А. Тирпица стояли причины политического характера. В мемуарах он признает, что вторжение в английскую сферу влияния привело бы к «китайскому изданию» германо-британского конфликта из-за Трансвааля. В этом случае Англия могла лишить германские корабли возможности пользоваться доками. «...Мы повисли бы в воздухе с нашими нуждающимися в ремонте кораблями, на которых основывался германский престиж в этой части света»[785].

Что касается Цзяочжоу, то для Берлина этот пункт казался неприемлемым. Он был, во-первых, далек от великого торгового пути, во-вторых, использовался русским флотом для зимней стоянки. Последнее обстоятельство, а также опасения, что Россия будет против германской базы на севере Китая, собственно и склоняло к Амою дипломатов и кайзера.

Однако А. Тирпиц считал, что, кроме Цзяочжоу, другой военной и экономической базы для германского флота быть не может. Отвечая на замечание Э.Гейкинга, что на эту бухту претендуют в Петербурге, А.Тирпиц заметил, что русским вполне достаточно Кореи и Ляодуна с более близкими к их базе гаванями[786].

Поскольку верховное командование флота отдавало предпочтение Чусан, А. Тирпиц приложил немало усилий, чтобы склонить его к Цзяочжоу. В начале сентября он напомнил командующему флотом адмиралу Э. фон Кнорру о значении, которое придают в германских торговых кругах Цзяочжоу. Кроме того, это «единственная хорошо созданная самой природой гавань во всем Китае к северу от Шанхая»[787].

А. Тирпиц не меньше опасался России, чем Англии. Однако из двух зол он предпочел меньшее. Россия была злом меньшим не только потому, что ее флот уступал английскому. Из «авторитетных источников» германский адмирал узнал, что в русском флоте занятие китайской бухты называют ненужным и даже

---

[783] BA—MA. RM 253/45. Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 1. Amoy. Wirtschaftliches. 07. 12. 1896.

[784] BA—MA. RM 253/45 Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 2. Samsah. 07. 12. 1896;

[785] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 113.

[786] *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 51.

[787] BA—MA. RM 253/45. Tirpitz an Knorr. 05. 09. 1896.

Российские корабли в Восточном бассейне Порт-Артура. Начало XX в

вредным. «Однако в русских дипломатических кругах были и те, которые признавали важность приобретения Цзяочжоу, например, русский посол в Пекине, А. Тирпиц понимал, что приобретение Россией Цзяочжоу будет означать «расширение русской сферы интересов над всем Северным Китаем до реки Янцзы» и «это место в случае войны с Англией или Японией станет объектом... высокой цены...»[788]. Одновременно А. Тирпиц пытается убедить адмирала Э. фон Кнорра и Министерство иностранных дел, что в случае захвата бухты Россия еще долгие годы не сможет вкладывать туда средства ни для ее экономического процветания, ни для решения военных задач. И на это есть серьезные причины. «Россия стремится укрепить обороноспособность Порт-Артура, конечного пункта маньчжурской железной дороги, с помощью китайцев и за счет китайских финансовых средств. Как долго это может продолжаться и будет ли достаточно этих средств, не потребуются ли дополнительные русские войска, чтобы гарантировать себя от любой измены китайцев в случае серьезного конфликта..., эти вопросы остаются открытыми. Если Россия выберет другой конечный пункт маньчжурской дороги, например Чемульпо, где уже имеются склады угля и госпитальные сооружения, то ей придется укреплять этот пункт. В любом случае России пришлось бы оборонять три места... Как мне представляется, это даже для русского кошелька и русской армии очень тяжело»[789]. Итак, А. Тирпиц полагал, что Россия «имеет в Китае столько, что ей все просто не унести»[790].

[788] BA—MA. RM 253/45. Tirpitz an Knorr. Anlage 4. Kiaotschau. 07. 12. 1896.
[789] Ibid.
[790] Ibid.

Адмирал Е.И.Алексеев, начальник Эскадры Тихого океана

Чтобы окончательно убедиться в правильности своего выбора, он отправился во Владивосток, где его интересовало отношение руководства русского флота к проблеме приобретения Германией опорного пункта в Китае. Он прямо спросил об этом начальника Эскадры Тихого океана адмирала Е.И. Алексеева. Последний пытался привлечь его внимание к Амою. А. Тирпицу казалось вполне естественным желание русских направить германскую экспансию в английскую сферу влияния и тем самым предотвратить создание немецкой военной и экономической базы близ Пекина. Именно там Россия претендовала на роль лидера.

Итак, А. Тирпиц сделал со своей стороны все возможное, чтобы склонить Берлин в сторону Цзяочжоу. Его мнение было доведено до кайзера. Последний, вызвав специалиста по портовым сооружениям, услышал доводы в пользу Циндао (деревни, административного центра района Цзячжоу)[791]. Однако понадобился почти целый год, чтобы германское правительство решилось, наконец, на проведение задуманной акции.

Весной 1897 г. А. Тирпиц получил приказ оставить Восточную Азию для того, чтобы возглавить Военно-морское ведомство. По прибытию в Германию он окунулся в работу. Предстояло разработать законопроект о флоте.

Едва появившись в Потсдаме после своего назначения в начале июня 1897 г., он тут же был уведомлен кайзером, что подготовка к проведению кампании в пользу строительства флота уже окончена и специальная комиссия во главе с адмиралами Э. фон Кнорром и В. фон Бюкселем разработала проект закона. Этот документ, по мнению А.Тирпица, был «совершенно негоден»[792]. Речь шла о тактических и стратегических принципах, на которых должно было основываться строительство германского флота.

Проект главного командования «ставил во главу угла огромный заграничный флот». А. Тирпицу, судя по его «Воспоминаниям», удалось убедить Э. фон Кнорра и В. фон Бюкселя в нецелесообразности их проекта раньше, чем он (15 июля 1897 г.) был принят кайзером. Последний, «поразительно легко изменивший свое мнение, одобрил... мой план строительства флота; таким образом ... проект создания заграничного флота ... окончательно исчез с горизонта»[793]. Вместе с этим было достигнуто и окончательное согласие кайзера на строительство линейного (наступательного) флота.

Отказ от программы строительства крейсерского флота означал для А. Тирпица определенный пересмотр его позиции в отношении приобретения опорного пункта в Китае.

В июле—ноябре 1897 г. последовали дипломатические переговоры с Россией

---

[791] *Тирпиц А.* Воспоминания. С.112—113.
[792] Там же. С. 127.
[793] Там же. С 128—129.

М.Н. Муравьев, министр иностранных дел России в 1897—1900 гг.

по поводу захвата Германией Цзяочжоу. На эту тему вели беседу германский посол в Петербурге князь Г. Радолин с российским министром иностранных дел М.Н. Муравьевым, а также кайзер Вильгельм II с царем Николаем II. Неопределенность русского императора германская сторона интерпретировала как согласие на свободу действий в отношении китайской бухты[794]. Убийство двух германских миссионеров в провинции Шаньдунь 1 ноября 1897 г. в Берлине расценили как удобный повод для начала запланированной акции. В ответ на телеграмму кайзера Николаю II о намерении наказать китайских «мародеров» последний сообщил: «Я не могу ни одобрить, ни не одобрить посылки эскадры в Цзяочжоу, так как я недавно узнал, что эта гавань вообще была в наших руках временно в 1895—1896 году...»[795]. М.Н. Муравьев был более решителен. Он заявил о возможности посылки в Цзяочжоу военных кораблей для утверждения «права первой стоянки»[796].

Опасность столкновения с Россией вызвала неподдельную тревогу в Военно-морском ведомстве. Согласно воспоминаниям рейхсканцлера Х. фон Гогенлоэ, 11 ноября А. Тирпиц послал ему телеграмму, в которой выразил несогласие с предстоящей операцией и просил об аудиенции[797]. На состоявшейся встрече он заявил о неизбежности войны с Китаем, если программа захвата Цзяочжоу будет осуществлена[798]. По всей видимости, ему удалось убедить рейхсканцлера в своей правоте. В эти дни Х. фон Гогенлоэ писал, что «позиция России настолько жестка, что не имеет смысла давать кайзеру какие-либо советы. Он один знает, хочет он войны с Россией или нет»[799]. В Министерстве иностранных дел также разделяли опасения А. Тирпица. Б. фон Бюлов ратовал за осторожную дипломатическую тактику в отношении Цзяочжоу[800]. Этой же точки зрения придерживался и близкий друг Вильгельма II германский посол в Вене Ф. фон Эйленбург. В переписке с бароном Ф. фон Гольштейном он указывал, что «приобретение Киао-Чао затруднительно и может быть мало популярным в Германии. Немцы тяготеют к качеству, а не к количеству ... Я больше за другую гавань, так как Киао-Чао (Циндао. — *Авт.*) называют мне очень авторитетные люди как непригодный объект»[801]. Главным авторитетом в этом вопросе дипломат считал

---

[794] *Altrichter H.S.* Op.cut. S.197; *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 407—424.
[795] Цит по: *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 418.
[796] *Altrichter H.S.* Op.cut. S.199.
[797] *Hohenlohe-Schillingfürst.* Op.cut. S.412.
[798] Holstein an Hatzfeld. Berlin. 13.11.1897 // Die Ceheimen Papiere Friedrich von Holstein.
[799] *Hohenlohe-Schillingfürst.* Op.cut. S.411.
[800] Bulow Denwurdigkeiter. Bd. 1. berlin, 1930. S. 184.
[801] Eulenburg an Holstein. Wien. 13. 11. 97 // Die Ceheimen Papiere Friedrich von Holstein/ S. 47. № 631.

Барон Ф. фон Гольштейн

Граф Ф. фон Эйленбург

морского министра, образно выразив его позицию словами: «...будет лучше, если не впиваться в Киао-Чао, как вошь в восточно-азиатскую шкуру»[802].

Однако, судя по письму от 10 ноября 1897 г. барона Ф. фон Гольштейна Ф. фон Эйленбургу, кайзер находился под бóльшим влиянием руководителя Морского кабинета Г. фон Зендена-Бибрана, чем А. Тирпица. Именно он заявил на совещании во внешнеполитическом ведомстве, что «дальнейшее улаживание вопроса вокруг Киао-Чао является делом дипломатии, которая должна иметь в руках достаточное количество козырей против России»[803]. По мнению барона Ф. фон Гольштейна, «Германия потеряла козыри против России вследствие телеграммы президенту Трансвааля Крюгеру и проекта континентальной лиги против Англии. Телеграмма Крюгеру была инициирована Г. фон Зенден-Бибраном; он тот, кто втравливает в первую очередь кайзера против Англии и является слишком глупым, чтобы осознать значение потери нашей позиции по отношению к России и Франции[804].

Таким образом, будучи командующим Восточноазиатской эскадры, А. Тирпиц старался вывести германскую дальневосточную политику из «опасной зоны» столкновения с Англией и направить ее в сферу отношений с Россией. Однако, став военно-морским министром и приступив к разработке первого «Закона о флоте», он стал избегать осложнений и с Россией, конфликт с которой мог негативно отразиться на принятии этого законопроекта. История с захватом бухты Цзяочжоу показала, что отношения Германии с Россией, как и с Великобританией, глава Военно-морского ведомства относил к проблеме прохождения германского строительства флота через «опасную зону».

---

[802] Friedrich von Holstein an Eulenburg. Berlin. 10.11.97 //Philipp Eukenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen. Krieg und Katastrophen. 1895—1921. № 1352. Boppard an Rhein. 1983. S. 1352.

[803] Ibid.

[804] Ibid.

3.3. Влияние «комплекса Копенгагена» на германо-русские отношения

Опасения спровоцировать Великобританию к выступлению выработали у военно-морских стратегов с А. Тирпицем во главе так называемый «комплекс Копенгагена»[805], в жертву которого они были готовы принести не только планируемое германской дипломатией соглашение с Россией, но и другие, как более мелкие, так и равные по своему значению военные и политические инициативы. Среди них заслуживает внимания предложенный российской стороной проект проведения русско-германских флотских маневров и «любимая идея» Вильгельма II — германо-русско-датское соглашение о нейтрализации входа в Балтийское море[806]. И в том, и в другом случае германское Военно-морское ведомство в лице А. Тирпица оказалось решительным оппонентом планируемых

Император Николай II и кайзер Вильгельм II

---

[805]О германском «комплексе Копенгагена» см.: *Steinberg J.* Der «Kopengagen-Komplex» // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History», H. 3. München, 1967. S. 31—59.

[806]*Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 162.

акций. Впрочем, наряду с политическими соображениями формальной причиной для отказа со стороны ведомства А. Тирпица от проведения совместных маневров послужили некоторые практические соображения. Они были связаны с сомнениями германских адмиралов в эффективности совместных действий с русскими на море, которые усилились в связи с перспективами переброски кораблей Балтийского флота на Дальний Восток.

В январе 1901 г. Военно-морское ведомство было информировано военно-морским атташе о новой «Программе дислокации русских военно-морских сил». Она свидетельствовала о намерениях царского правительства «всеми средствами и так быстро, как только возможно, усилить флот в Восточной Азии... за счет домашнего Балтийского флота». В этой связи русский флот «долгие годы не будет иметь существенного значения»[807].

Англо-японский договор 1902 г. осложнил международную ситуацию. Политике России на Дальнем Востоке был противопоставлен единый фронт Англии и Японии, отчасти поддержанный и Соединенными Штатами Америки[808]. Выдержит ли такое серьезное испытание франко-русская дружба? В Германии не без удовлетворения отмечали нежелание Парижа поддерживать дальневосточную политику царизма. «... Наш непримиримый и все еще самый умный враг Делькассе делает все, чтобы сохранить мир», — жаловался Б. фон Бюлов барону Ф. фон Гольштейну накануне Русско-японской войны[809]. Французской стороной, как сообщал германский атташе, «в последнее время много было сделано для того, чтобы продемонстрировать миру сердечное согласие между французскими и русскими моряками. Попытка французов придать им нечто особенное носит односторонний характер и не находит с русской стороны обнадеживающей предупредительности»[810]. Зато Берлин всячески подбадривал русских в намечавшейся схватке с японцами. Как писал в 1910 г. известный русский историк и военно-морской теоретик Н.Л. Кладо, немцы, «воспользовавшись смотровым благополучием нашего флота, которое увлекло нас самих», как «опытные моряки видели... сколь эфемерно это благополучие», вероятно, говорили: «Как вам с таким чудным флотом не завладеть Тихим океаном! Дерзайте!»[811].

В Петербурге хотели верить в искренность заверений о дружбе германского кайзера. Летом 1903 г. петербургский кабинет, готовя будущую встречу монархов, уже рассматривал возможность заключения секретного договора с Германией на условиях сохранения франко-русского союза. А вскоре появилась и возможность подкрепить слова конкретными шагами тесного сотрудничества.

---

[807] BA—MA. RM 3/2843. Marineattache an Tirpitz. 21.1. 1901.

[808] В начале Русско-японской войны США отправили в европейские воды эскадру в составе шести броненосцев и пяти крейсеров. А 14 апреля 1904 г. в Манилу прибыл дивизион миноносцев. Германское Адмиралтейство расценило эти шаги американского правительства как желание быть ближе к театру боевых действий с большими военными силами. См.: BA—MA. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 02.05.1904.

[809] Bülow an Holstein. 16. 01. 1904 // Die Geheimen Papiere... Bd. 4. № 818. S. 249.

[810] BA—MA. RM 5/1433. Marineattache an Tirpitz. Juni 1902. См. также: *Hubatsch W.* Kaiserliche Marine. S. 100 – 101.

[811] *Кладо Н.* Значение флота в ряду военных средств государства // Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. М., 1999. С. 66.

Контр-адмирал З.П. Рожественский, начальник Главного морского штаба в 1902—1904 гг.

В августе 1903 г. начальник Главного морского штаба контр-адмирал З.П. Рожественский предложил германскому атташе в Петербурге П. Гинце провести совместные маневры германских «больших» против «малых» русских кораблей в Балтийском море[812]. «Мы являемся хорошими друзьями», — так мотивировал З.П. Рожественский свою инициативу и, после паузы, добавил: «на данный момент». П. Гинце немедленно сообщил А. фон Тирпицу о почти сенсационном предложении русских.

А. фон Тирпиц с ходу отмел рискованное в политическом отношении мероприятие. Внимательно изучив донесение атташе, руководитель Военно-морского министерства разглядел многозначительность в паузе русского адмирала, подчеркнул слова «на данный момент» двумя чертами и поставил восклицательный знак[813]. В целесообразности проведения совместных маневров сомневался и П. Гинце. «Насколько я могу видеть, мы будем иметь от таких маневров с русским Балтийским флотом меньшую, чем русские, пользу. ... Мы получим опыт борьбы только с неполноценным противником; такие совместные маневры позволят... получить глубокие представления об организации, руководстве и тактике (германского флота. — *Авт.*), и если мы действительно русский флот, как полагаем, превосходим в этом отношении, то я замечаю отсутствие пользы на нашей стороне и вижу ее очень отчетливо на другой. Наконец, нам будет необходимо положить в основу совместных маневров широкое согласование, примерно по аналогии нашего предписания для осенних маневров. Уже этим станет очевидным многое из того, что мы сейчас храним в тайне. Последствия, которые в политическом смысле будут иметь флотские маневры, я не берусь обсуждать. У меня сложилось впечатление, что Рожественский предложил это вполне серьезно, и все же я хотел бы воздержаться от окончательного мнения... до более близкого знакомства с побудительными мотивами обсуждаемой идеи»[814].

Итак, в Берлине дальше обещаний о соблюдении прорусского нейтралитета не шли. Осенью 1903 г. в Висбадене Вильгельм II отговорился от просьбы царя в случае начала Русско-японской войны заявить от имени германского прави-

---

[812]З.П. Рожественский попал в поле зрения германского Военно-морского ведомства еще в 1901 г. Уже тогда германский морской атташе назвал стоящего во главе Учебно-артиллерийской эскадры бодрого и молодого контр-адмирала «будущим вождем» русского флота. Среди командного состава З.П. Рожественский производил «наилучшее впечатление». В Германии он виделся фигурой, которая должна «где только возможно» стоять в оппозиции вице-адмиралу С.О. Макарову. Последний якобы был нелюбим начальством отчасти из-за своенравного характера. Кроме того, он выделялся из состава старых морских офицеров «наибольшей тучностью». См.: BA—MA. RM 3/2843. Marine-attasche an Tirpitz. St. Petersburg. 26. 01. 1901.

[813]BA—MA. RM 3/2846. Hintze an Tirpitz. 13.08.1903.

[814]Ibid.

тельства о дипломатической поддержке России. Кайзер (читай: А. фон Тирпиц. — *Авт.*) опасался, что англичане могут использовать такое заявление как предлог для вооруженного выступления[815]. Таким образом, вернуться к теме совместных маневров флотов было так и не суждено.

А. фон Тирпиц был убежден в том, что в нарастающий конфликт между Россией и Японией ни в коем случае вмешиваться нельзя. Германия должна поддерживать дружественные отношения с обоими государствами. Рано или поздно напряженные отношения между Россией и Японией выльются в войну, поэтому речь не может идти о заключении союза с какой-либо из сторон. Германия должна соблюдать нейтралитет и проводить «политику качелей» между двумя державами. В отношениях с Токио также надо держаться подальше. Если состоится германо-японский союз, то это с большой долей вероятности настроит царя против Берлина. В результате давление русских на восточной границу Германии только усилится. В случае же германо-русского альянса опасность конфронтации с англичанами становилась почти реальной, которую вследствие теории «опасной зоны» следовало бы избегать[816].

Движение Германии в сторону улучшений отношений с Данией, которые считались до сих пор прохладными, началось в 1900 году. Тогда германский посланник в Копенгагене В. фон Шён получил задание наладить династические связи. Благодаря его усилиям в октябре 1902 г. датский кронпринц посетил Берлин. С ответным визитом, на успех которого он надеялся не без основания, Вильгельм II отправился в Копенгаген в апреле 1903 г.

Еще в 1902 г. антигерманское по своей сути консервативное правительство уступило место либералам, которые предпочитали придерживаться политики нейтралитета. Надежды кайзера склонить новое правительство к сотрудничеству в экономической и политической области усилились в связи с объединением германской пароходной компании HAPAG и «Восточноазиатской компании». Основателем последней был датский судовладелец и предприниматель Андерсен[817].

Идея кайзера заключалась в том, чтобы с помощью трехстороннего договора между Германией, Россией и Данией обеспечить «защиту» Балтийского моря. Дания обязалась бы в случае войны закрыть для военных кораблей других стран проливы Большой Бельт, Малый Бельт и Зунд в обмен на гарантию своей неприкосновенности. Таким образом, в случае германо-британского конфликта Россия должна была помочь своими военно-морскими силами оборонять германское балтийское побережье. В то время основные силы германского флота могли оставаться в Северном море для более успешных действий против британских эскадр.

Тема нейтрализации датских проливов и защиты балтийского побережья стала предметом обсуждения на упомянутой выше встрече царя и кайзера в Висбадене в ноябре 1903 г. Надо заметить, что интерес к соглашению проявляла и

---

[815] *Зелев В.В.* Указ. соч. С. 70.

[816] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 385.

[817] *Vogel B.* Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900—1906. Düsseldorf, 1973. S. 162—163.

В.Н. Ламздорф, министр иностранных дел России в 1900—1906 гг.

Россия. После заключения англо-японского договора германская помощь на Балтике могла быть весьма кстати, несмотря на опасность, как считал российский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, попасть в зависимость от Германии[818].

В конце 1903 г. обсуждение плана участия Германии и России в нейтрализации проливов вступила в новую фазу. Толчком к этому послужила дискуссия в датской прессе о вооруженном нейтралитете. Консервативная газета «Vart Land» писала, например, что уровень военного и экономического потенциала страны явно недостаточен для того, чтобы гарантировать неповторение событий 1864 г.[819], и даже в том случае, если Германия будет связана другим противником. В этой связи Дания должна быть готова к тому, чтобы парировать удар и «не оказаться оккупированной какой-либо из воюющих держав»[820]. П. Гинце, комментируя статью, в письме А. фон Тирпицу высказал сомнения относительно успехов новой атаки на Данию. Германия «не сможет выделить достаточного количества военных и военно-морских сил для захвата Копенгагена». Однако можно воспользоваться страхом датчан и предложить им гарантии нейтралитета со стороны Германии и России, что, по мнению П. Гинце, «означало бы союз трех государств в случае войны»[821].

В среде германских дипломатов высказывались сомнения относительно целесообразности внешнеполитического проекта кайзера. Даже Б. фон Бюлов, поддержавший его сначала, вскоре, после дискуссий с бароном Ф. фон Гольштейном, стал выступать против[822]. Свою позицию рейхсканцлер обозначил в переписке с германским послом в Лондоне П. фон Меттернихом. «Сможет ли Германия, — задавался канцлер вопросом, — одна участвовать в нейтрализации Балтийского моря, а также в защите проливов от Англии и Америки. Или Германия должна выступать совместно с Россией по этому вопросу?»[823].

---

[818] *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905—1907 гг. С. 247.

[819] В 1864 г. войска Пруссии и Австрии перешли границу Дании. Результатом войны стало отторжение Шлезвига и Гольштейна от датской территории. По Гаштейнской конвенции 1865 г. Австрия получила Гольштейн, Пруссия стала управлять Шлезвигом. Об этих событиях см., например: *Галкин И.С.* Создание германской империи. 1815—1871 гг. М., 1986. С. 105—107.

[820] Hintze an Tirpitz. Kopenhagen. 05. 12. 1903 // Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903—1918 / hrsg. von J. Hürter. München, 1998. S. 129.

[821] Ibid. S. 131. Реакция А. фон Тирпица на сообщение П. Гинце от 5 декабря неизвестна. Статс-секретарь не оставил на нем никаких помет. Зато видно, что с донесением 15 декабря ознакомился кайзер, который наложил следующую резолюцию: «Подшить к делу морского кабинета».

[822] *Vogel B.* Op. cit. S. 163.

[823] Bülow an Metternich. Telegramm. Konzept. Berlin. 21. 12. 1903. // Grosse Politik. Bd. 19 (1). № 5966.

Учебно-артиллерийский отряд российского Балтийского флота на маневрах. 1903 год

По его мнению, столкновение с англичанами и американцами будет иметь для Берлина и Петербурга разные последствия. Германское участие в нейтрализации датских проливов будет рассматриваться англосаксонскими державами меньше всего с точки зрения защиты немецкого побережья Балтики. Скорее наоборот, германо-русское соглашение будет трактоваться как германская помощь в защите русских берегов[824].

П. фон Меттерних был согласен с канцлером. «Любой англичанин, — отвечал он, — воспринял бы совместное русско-германское закрытие Балтийского моря... только как акцию против Англии. В случае нашего присоединения к союзу..., английский флот нападал бы на наши порты в Северном море, а также торговые суда там, где только возможно. Русский же флот на Балтике, по моему мнению, не очень силен, так как его значительная часть переброшена в Восточную Азию. Поэтому для защиты наших берегов такой флот слабый союзник... Антибританская политика России воспринимается англичанами как явление вполне обычное.., между этими нациями нет жесточайшей вражды. Если мы закроем Балтийское море, то это вызовет возмущение в первую очередь не против России, а против Германии...»[825]. Судя по ответу Б. фон Бюлову, П. фон Меттерних не возражал против германо-русского сближения и даже альянса в принципе. Правда, необходимым условием этого должен стать роспуск русско-

[824]Bülow an Metternich. Telegramm. Konzept. Berlin. 21. 12. 1903. // Grosse Politik. Bd. 19 (1), № 5966

[825]Metternich an Bülow. Telegramm. London. 23. 12. 1903 // Grosse Politik. Bd. 19 (1), № 5968.

Броненосец береговой обороны «Herluf Trolle», в начале XX в. — сильнейших корабль ВМС Дании

французского союза. Но и в этом случае дипломат полагал, что соглашение против Великобритании не защитило бы интересы империи за океаном. В итоге германский посол в Лондоне предложил достаточно сомнительную политическую формулу: союз с Петербургом, но «не направленный против Англии и не предусматривающий закрытие Балтийского моря»[826].

Таким образом, причина опасений вступить в соглашение с Данией и Россией была все та же — договор о нейтрализации датских проливов может спровоцировать конфликт с Великобританией. К тому же соглашение, считали дипломаты, больше выгодно России.

А что же германское Военно-морское ведомство? Придерживался ли А. фон Тирпиц теории «опасной зоны» в отношении союзных комбинаций с Данией? Судя по мемуарам, он не был их противником. Он полагал, что с точки зрения морской политики германо-датский договор принес бы значительно бóльшую пользу, чем союзные отношения с Австро-Венгрией. Более того, ради морского и экономического соглашения с датчанами статс-секретарь был готов пойти на территориальные уступки. Так, в беседах с герцогом Люксбургским, который был родственником датской королевской династии и выступал за соглашение о «ютских землях» Северного Шлезвига, А. фон Тирпиц был согласен на пере-

[826]Metternich an Bülow. Telegramm. London. 23. 12. 1903 // Grosse Politik. Bd. 19 (1), № 5968.

смотр условий Пражского мирного договора[827]. О том, что А. фон Тирпиц ради союза с Данией был готов возвратить Северный Шлезвиг, свидетельствовал и Б. фон Бюлов[828]. Однако следует усомниться в том, что руководитель Военно-морского ведомства поддерживал эту идею накануне и во время Русско-японской войны. В этой связи трудно согласиться с мнением Б. Фогель, которая со ссылкой на мемуары адмирала считает, что «планы кайзера о датском нейтралитете пересекались с главным намерением датской политики Тирпица, нацеленной на мирное завоевание Дании»[829]. Очевидно, что «комплекс Копенгагена» не мог позволить А. фон Тирпицу видеть Германию и в составе союза с Данией. И этому есть некоторые документальные свидетельства.

В разгар Русско-японской войны Вильгельм II решил установить более тесные отношения с Данией. В феврале 1905 г. он телеграфировал об этом Б. фон Бюлову. Рейхсканцлер не поддержал идеи своего императора. Его ответ гласил, что союз с датчанами только «усилит неустойчивость мирового положения» и прокомментировал этот случай в своих «Воспоминаниях» следующим образом: «Я никогда не сомневался относительно того, что всякая попытка вызвать или даже вынудить более близкие отношения с Данией наверняка столкнет нас с Англией, возможно, с Францией, а быть может, даже с Россией»[830].

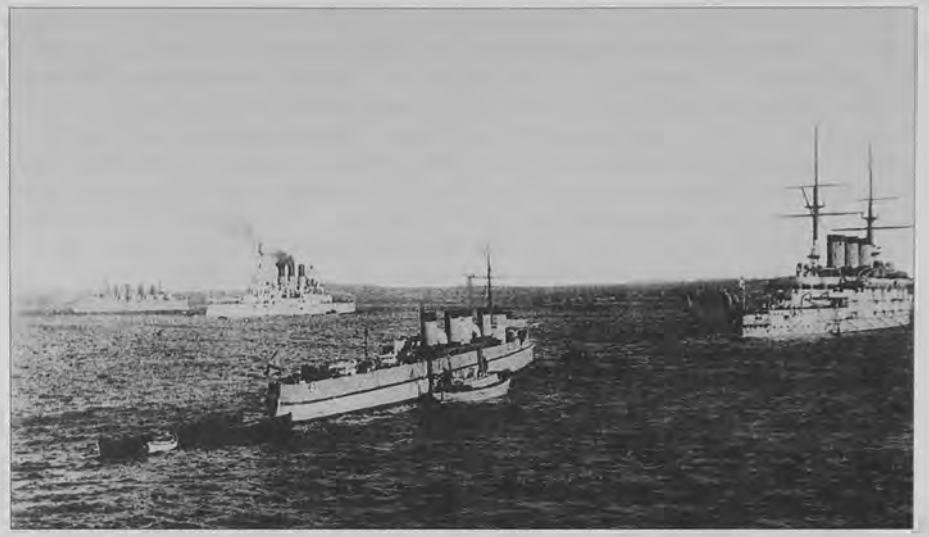
Узнав о намерениях кайзера, забил тревогу из Копенгагена и В. фон Шён. В эти дни он писал барону Ф. фон Гольштейну о неблагоприятной ситуации для поднятия этого «щекотливого вопроса». Кроме того, «Россия нас не простит, если мы используем ее затруднительное положение для получения ключей от Балтийского моря...»[831]. Если верить мемуарам адмирала А. фон Тирпица, то поддержка союза с Данией со стороны Военно-морского ведомства могла выглядеть логичной. О пользе соглашения с датчанами, как уже можно было убедиться, писал и пользующийся доверием А. фон Тирпица П. Гинце. Однако все произошло с точностью до наоборот. В записке, которая хранится в архивном фонде А. фон Тирпица, это просматривается без труда[832]. Уже первая фраза документа не оставляет никаких сомнений в позиции статс-секретаря: «Я считаю договор... для нас нецелесообразным». А. фон Тирпиц почти не скрывал своего раздражения новой попыткой кайзера вступить на путь союзнических отношений с Данией.

Не меньше возмутило А. фон Тирпица и желание кайзера связать Германию договором с Нидерландами. А. фон Тирпиц опасался, что договорные обязательства свяжут по рукам и ногам военное руководство империи, которое понимает, что война с Великобританией потребует действий, «далеких от наших желаний». А именно в случае войны, считал А. фон Тирпиц, кайзеровскому Рейху вряд ли удастся избежать оккупации государств, с которыми планируется оформление союзных отношений.

По глубокому убеждению военно-морского статс-секретаря, у ведущих европейских государств появится лишний повод для того, чтобы осудить действия

---

[827] *Тирпиц А.* Воспоминания. С.206.
[828] *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 284.
[829] *Vogel B.* Op. cit. S. 163.
[830] *Бюлов Б.* Указ соч. С. 284.
[831] Schoen an Holstein. Kopenhagen. 11. 2. 1905 // Die Geheimen Papier . Bd. 4. № 877. 832 BA—MA. RM 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905(?).

В начале XX в. Россия перебрасывала корабли с Балтики на Дальний Восток. На фото — корабли отряда контр-адмирала Э.А.Штакельберга

Германии. В итоге это принесет пользу исключительно только Англии. Отсюда было бы ошибкой подписывать договор, который будет «на руку Англии»[833]. Что же касается перспектив «балтийского дома мира»[834], то он «для нас страшно невыгоден». И все по той же причине. «У нас нет потребности в большем мире, чем тот, который имеется в данный момент. Любое изменение будет происходить только в пользу Англии»[835].

Без труда видно, что А. фон Тирпиц, по крайней мере в период Русско-японской войны, отметал всяческие перспективы соглашения с Россией и Данией, что противоречит его высказываниям по этой проблеме в мемуарах. И германская дипломатия, и Военно-морское ведомство рассматривали «Союз северных государств» опять-таки сквозь призму того, как на него отреагирует Великобритания. Очевидно, что кайзеровский проект союза на Балтике был для адмирала слишком рискованным внешнеполитическим мероприятием.

Военно-морская политика 70—80 гг. XIX в. не имела самостоятельного лица, ее значение ограничивалось рамками общей военной доктрины бисмарковской эпохи. Поскольку главным военным противником О.фон Бисмарк считал Францию, а сухопутный генеральный штаб во главе с Г. фон Мольтке разрабатывал

---

[833]Ibid. Что касается пользы союзного договора для Дании и Нидерландов, то здесь А. Тирпиц не смог удержаться от иронии: «Что можно дать с нашей этим двум государствам в политическом и военном смыслах. Не нашу же любовь, в которую они не верят. Мы, к сожалению не та нация, которая вызывает чувства. Это факт».

[834]Здесь А. Тирпиц не удержался от иронии, употребляя английское выражение «freedom of the Baltic».

[835]BA—MA. RM 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905 (?).

военные планы и против России, соответствующим образом формулировалась и военно-морская оперативная доктрина.

В оперативных планах германского флота Россия рассматривалась как страна, которая вместе со своими потенциальными союзниками в лице Франции и Дании могла блокировать побережье в Балтийском и Северном морях и тем самым нанести огромный ущерб бурно развивающейся германской промышленности и торговле. Чтобы этого не произошло, германский флот в случае войны должен был продемонстрировать свою не наступательную, а оборонительную мощь, для чего предпочтение отдавалось строительству броненосцев береговой обороны. Действия флота, само собой, должны были согласовываться с армейским командованием.

Ситуация изменилась в «эру Тирпица». С ее наступлением флот становился функцией германских морских интересов, которые с переходом Германии от европейской к мировой политике расширились до границ Британской колониальной империи. Оборонительные идеи военно-морской стратегии уступили место теории Мэхэна—Тирпица о достижении морского могущества. Изменился и вектор развития германской морской политики. Она отстранилась от армейских доктрин и приобрела индивидуальные черты. Теперь она должна была соответствовать простой аксиоме, которую вывел Вильгельм II: «Unsere Zukunft liegt auf dem Wasser!»[8.36] Такой призыв означал одно — неизбежное столкновение с Великобританией.

Появление нового «опаснейшего врага» создало благоприятную почву для появления новых проектов союза с Россией, а также реанимации старых идей «военного братства». Последние Вильгельм II был не прочь реализовать и в области военно-морского сотрудничества двух родственных династий. Однако этого не произошло. Пока Германия находится в «опасной зоне» столкновения с Англией, а «флот риска» не достиг внушительных размеров, «план Тирпица» не предусматривал каких-либо союзнических и иных обязательств Германии.

Такая позиция Военно-морского ведомства в отношении России обозначилась практически сразу с появлением в его руководящем кресле адмирала А. Тирпица. Хотя еще в 1897 г. в беседе с О. фон Бисмарком А. Тирпиц настаивал на том, что строительство флота сделает Германию для России более привлекательной с точки зрения оформления союзного договора. Однако в дальнейшем, не являясь противником соглашения, о чем А. Тирпиц настаивает в своих мемуарах, он не видит в нем необходимости.

Причины такого поведения следует мотивировать не только теорией «опасной зоны». Очевидно и другое. Глава Военно-морского ведомства все больше обращается к такой проблеме, как военная целесообразность союза. Уже в связи с переброской русских эскадр на Дальний Восток в начале 90-х годов XIX в. А. Тирпиц начинает сомневаться в боеспособности балтийской части российского флота.

Отчасти это характеризует его позицию по вопросу совместных флотских маневров в августе 1903 г. С началом же Русско-японской войны военная слабость царского самодержавия становится одним из главных аргументов в его атаках на идею союза с Россией.

[8.36] Наше будущее на воде.

Глава 4
ГЕРМАНИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ В КРИЗИСНЫЕ 1904—1905 ГГ.

Как военным, так и международным событиям периода Русско-японской войны в научной литературе разных стран уделялось много внимания[837]. Это связано с тем, что ее ход и итоги имели судьбоносное значение не только для воюющих сторон. Как вспоминал российский министр иностранных дел А.П. Извольский, долгое время европейская международная система базировалась на равенстве сил Двойственного (Франция и Россия) и Тройственного (Германия, Австро-Венгрия и Италия) союзов. Поэтому «неудачная война с Японией не только ослабила Россию, но пошатнула все здание европейской политики»[838]. Военный конфликт на дальневосточной периферии не оставил и следа от проводимой Лондоном политики «блестящей изоляции». Отныне британцы и французы стали союзниками, договорившись в 1904 году о «сердечном согласии».

---

[837] Авторы не ставят задачу анализа всей литературы, посвященной Русско-японской войне. Эта работа для специального исследования. Тем не менее, следует указать на ряд изданий, которые заслуживают внимания. См., напр.: Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1—9. СПб., 1910; Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Кн. 1—7. СПб., 1912 – 1917; История русско-японской войны 1904—1905 гг. Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977; *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999; *Семанов С.Н., Грибовский В.Ю.* Последние адмиралы: Адмирал Макаров. Вице-адмирал Рожественский. СПб., 2002. Достаточно богата палитра зарубежных исследований о Русско-японской войне. См.: *Maltzahn C.* Der Seekrieg zwischen Russland und Japan 1904 bis 1905. Bd. 1—2. Berlin 1912—1913; Official History (Naval and Military) of the Russo-Japanese War. Vo1. 1—3. London, 1910—1920; *Nish J.H.* The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894—1907. London, 1966; *Martin C.* The Russo-Japanese War. London, 1967.

[838] *Извольский А.П.* Воспоминания. Минск, 2003. С. 24; См. также: *Остальцева А.Ф.* К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на перегруппировку европейских империалистических держав // Ученые записки Саратовского университета. Т. LV, Исторический выпуск. 1956.

Корабли российской Эскадры Тихого океана незадолго до начала войны

Что касается Германии, то большинство исследователей пришли к вполне обоснованному выводу: на Вильгельмштрассе подталкивали Россию к решению дальневосточных проблем силой оружия. Целью такой политики было желание ослабить франко-русский союз, столкнуть Россию с Великобританией и тем самым укрепить позицию Рейха на международной арене. Таким образом, объявленный Берлином «благожелательный нейтралитет» и даже «дружественная поддержка» кайзером Вильгельмом II своего кузена царя Николая II были во время войны далеко не бескорыстны[839]. Именно в эти, достаточно не простые для России годы, особенно с точки зрения возможности дипломатических маневров, Берлин дважды — в октябре 1904 г., то есть в разгар Гулльского инцидента, и в июле 1905 г., накануне подписания Портсмутского мира — предлагает Петербургу союз.

Какую же позицию занимали Военно-морское ведомство и Адмиралтейство Германии в годы военного противостояния России и Японии? Насколько соответствовала политика этих военно-морских учреждений теории «опасной зоны»?

---

[839]Позиция Германии накануне и в годы Русско-японской войны анализировалась в ряде работ российских и зарубежных историков. См., напр.: *Романов Б.А.* Указ соч.; *Зелев В.В.* Указ. соч.; *White J.A.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964; *Vogel B.* Op. cit.; *Steinberg J.* Germany and the Russo-Japanese War // The American Historical Rewiev. 1970. № 7. и др.

4.1. Начало военных действий: взгляд из Военно-морского ведомства и Адмиралтейства

Как писал А. фон Тирпиц в своих «Воспоминаниях», он сожалел, что Русско-японская война не была предотвращена. В 1903 г. кайзер послал его к Николаю II в Петербург с неким «деликатным поручением», которое он не сумел выполнить. Причиной явилось постоянное присутствие «англофильски настроенной» императрицы[840]. Воспользовавшись визитом, А. фон Тирпиц предупредил царя о грозящей восточноазиатской опасности, учитывая известный ему «декоративный характер русского восточноазиатского флота». Николай II ответил, что опасность явно преувеличена. К тому же Россия достаточно сильна, чтобы не бояться японцев[841].

В один из январских дней 1904 г. в корреспонденции на имя влиятельнейшего сотрудника германского внешнеполитического ведомства барона Ф. фон Гольштейна оказался конверт. Ввиду важности персоны его отправителя он был немедленно вскрыт. Письмо посвящалось теме, которая с некоторого времени стала одной из самых обсуждаемых в кругах германской политической и военной элиты. Его автор рассуждал о русско-японском конфликте. И хотя война еще не началась, о ней говорилось как о свершившемся факте. Например, насколько будет «полезен» этот конфликт для Германии. А именно: можно ли надеяться на то, что русские задержатся в Восточной Азии и не активизируют свою европейскую политику, «переживет» ли годы военного лихолетья франко-русский союз. Был и такой вопрос: «Не полагаете ли Вы, что война... должна привести к обострению противоречий между Россией, с одной стороны, и Англией—Америкой, с другой?» Демонстрируя большую осведомленность в международных делах, автор сетовал на то, что «непримиримый враг» немцев французский министр иностранных дел Т. Делькассе делает все, чтобы сохранить мир. Да и в самой Германии есть люди, которые не видят плюсов войны. Так, адмирал А. фон Тирпиц рассматривает ее как «несчастье», поскольку существует опасность, что «в дальнейшем англичане могут захватить Янцзы»[842].

Барон Ф. фон Гольштейн, ввиду важности затронутой темы, немедленно взялся за перо и бумагу. Барон полагал, что дальневосточные события не смогут разрушить союз Петербурга и Парижа, если одновременно не начнется война на Балканах. Однако если Россия уступит дипломатическому давлению Японии и Америки, то такая политика будет по сердцу лишь французам. Что касается возможной германской поддержки русских, то здесь необходимо учитывать то,

---

[840]Николай II был женат на принцессе Алисе Дармштадской, которая воспитывалась при дворе британской королевы и была наречена при миропомазании Александрой Федоровной.

[841]Тирпиц А. Воспоминания. С. 198.

[842]Bülow an Holstein. Berlin, 16. 01. 1904 // Geheimen Papiere. № 818. S. 249—250; А.Тирпиц, видимо, опасался, что с «захватом Янцзы» англичане будут контролировать путь в Индию.

что Россия со времен создания своей государственности еще не имела столько врагов. Англичане и американцы не являются исключением. Отвлечь их на себя — задача невыполнимая, в том числе и по причине «морского вопроса», то есть неготовности германского флота к грядущим сражениям. Среди прочих именно этот факт заставляет усомниться в пользе сотрудничества с Россией. Таким был ответ барона Ф. фон Гольштейна. На конверте стояла дата отправления: 17 января 1904 года, а также имя получателя. Им был канцлер Германской империи граф Б. фон Бюлов[843]. До начала японской атаки на Порт-Артур оставались считанные дни.

Теофиль Делькассе, министр иностранных дел Франции в 1898—1905 и 1914—1915 гг

В ночь на 9 февраля 1904 г. японские миноносцы атаковали стоящие на внешнем рейде в Порт-Артуре главные силы Тихоокеанской эскадры. В результате ночной атаки получили повреждения броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Несколько часов спустя в корейском порту Чемульпо был потоплен крейсер «Варяг», получивший серьезные разрушения в неравном бою с японцами. Моряки взорвали и канонерскую лодку «Кореец», чтобы не сдать ее врагу[844]. Хотя русская эскадра и понесла существенные потери, она, тем не

Поврежденный эскадренный броненосец «Ретвизан» на рейде Порт-Артура

[843] Holstein an Bülow. Berlin. 16. 01. 1904 // Geheimen Papiere. № 819. S. 251.

[844] *О бое* крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» см. подробнее: *Пономарев И.И.* Герои «Варяга». М., 1954; История русско-японской войны. С. 115—117.

Поврежденный после боя крейсер «Варяг»

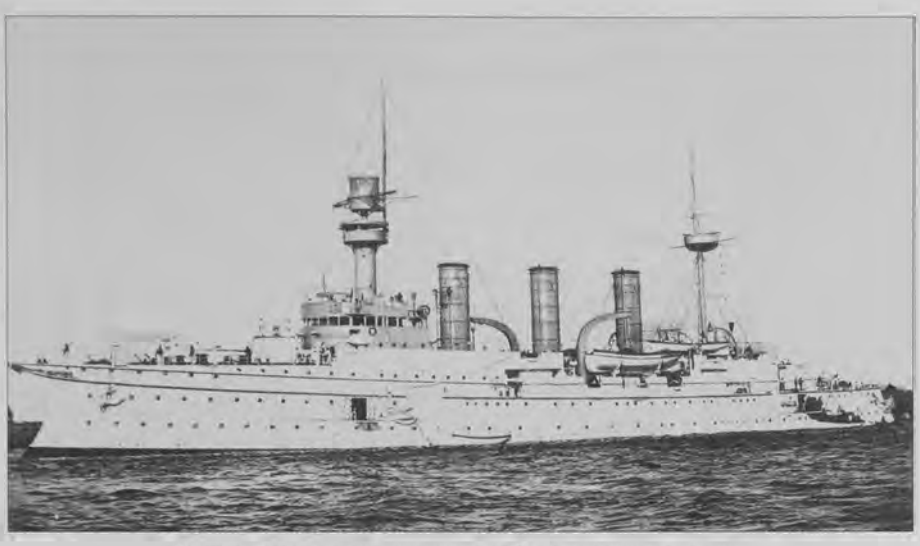
менее, не потеряла своей боеспособности. Таким образом, расчеты японского командования на внезапность не оправдались. Порт-Артурский вариант «копенгагирования» не состоялся.

После первых атак японцев на русские корабли А. фон Тирпиц поделился своей тревогой и с баварским посланником. Руководителю Военно-морского ведомства мерещится, сообщал на следующий день представитель мюнхенского двора, что «Англия использует какое-либо обстоятельство для того, чтобы уничтожить находящийся в стадии строительства германский флот». А. фон Тирпиц, по словам посланника, не скрывал своего беспокойства и был «огорчен неудачами русских, так как ослабление России ведет к устранению ее как серьезного противовеса Англии»[845].

Итак, в ведомстве А. фон Тирпица начало Русско-японской войны не было воспринято с оптимизмом. Впрочем, и в штабе Адмиралтейства по этому случаю не выражали восторга. Так, командующий Восточноазиатской крейсерской эскадры адмирал К. фон Притвиц получил следующий приказ: ни при каких обстоятельствах не позволять втягивать себя в конфликт. Правда, строгое распоряжение на этот счет поступило из Берлина еще 7 января. Теперь же эскадра должна была находиться в состоянии боевой готовности. Каждому крейсеру указывался конкретный район для патрулирования. «Hertha» предписывалось быть у Шанхая. «Fürst Bismarck», «Hansa» и «Thetis» должны были вести разведку севернее[846].

---

[845]Цит. по: *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 386.
[846]*Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 114.

Крейсер «Hansa» из состава германской Восточно-азиатской эскадры

А неделю спустя после начала боевых действий Вильгельм II подписывает «приказы кораблям Его Величества, находящимся за границей на случай войны». Среди потенциальных противников Германии в восточных водах назывались США (приказ «А»), Франция (приказ «В»), Англия (приказ «Д»), Япония (приказ «Е»). В одном из приказов предусматривался и такой вариант: война против Франции и России (приказ «С»). Против одной России плана ведения боевых действий не существовало. Возможно, в штабе Адмиралтейства не сомневались в том, что К. фон Притвицу придется иметь дело с объединенными военно-морскими силами Двойственного союза.

Однако заслуживает внимания намерение Адмиралтейства нанести удар по военно-морским силам русско-французского альянса в союзе с Великобританией или Японией. Если Германии пришлось бы действовать против Франции и России одной, то перед К. фон Притвицем ставилась задача «ослабить французские военно-морские силы в Восточной Азии до соединения их с русскими». В случае неудачи германской эскадре надлежало вести крейсерскую войну[847].

Россия, как возможная союзница кайзеровского рейха на Дальнем Востоке, ни в одном из вариантов боевых действий на Дальнем Востоке не называлась. Правда, в случае войны против Англии предусматривался вариант совместных действий с «крупными военно-морскими силами». В случае успеха в войне с Японией к ним вполне можно отнести и российский флот[848]. Как видно из утвержденного Вильгельмом II документа, действия германской эскадры на Даль-

[847] BA—MA. RM 5/886. Allerhöchste Befehle an S.M. Schiffe im Auslande für den Kriegsfall. Berlin. 16. 02. 1904.

[848] Ibid.

Германский крейсер «Hertha»

нем Востоке должны были носить характер обороны. А иначе и не могло быть. В Адмиралтействе прекрасно осознавали, что эскадра не настолько сильна, чтобы планировать активные, наступательные действия. Исходя из этого тактика адмирала К. фон Притвица была вполне предсказуема.

Итак, после нападения японцев на Порт-Артур указание Берлина о неукоснительном соблюдении нейтралитета было подтверждено[849]. При этом К. фон Притвицу вменялось строго следить за всеми передвижениями судов. Когда германский крейсер «Hertha» потерял из виду британский пароход с 500 пехотинцами на борту, следовавший предположительно в Чингвантау, К. фон Притвиц немедленно отправил на его поиски «Thetis». В связи с подозрениями о нарушении англичанами нейтралитета о движении британского судна были проинформированы кайзер, иностранное ведомство, А.фон Тирпиц и начальник Генерального штаба А. фон Шлиффен[850].

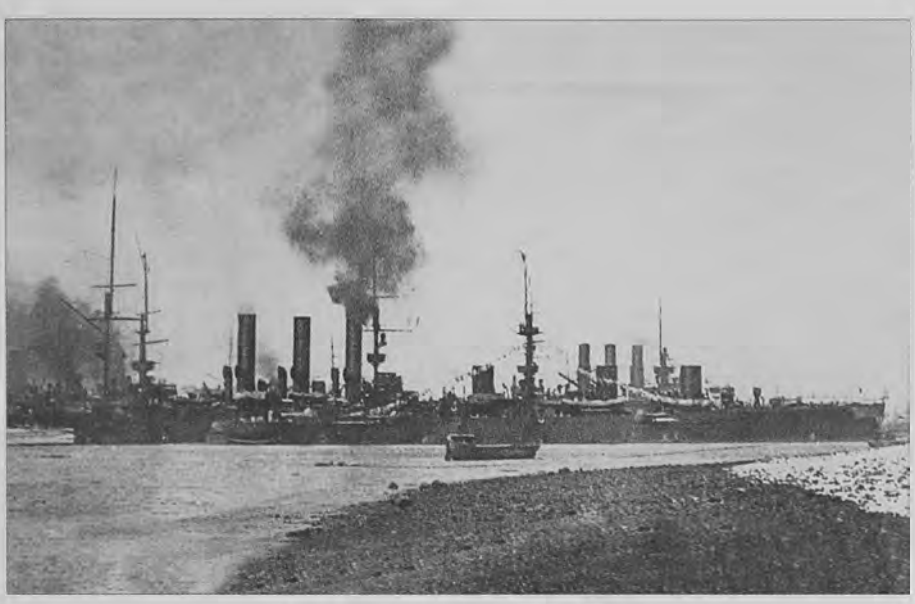
Британский пароход действительно прибыл в Чингвантау. Однако на берег сошли только 71 человек команды с офицером во главе. Вероятно, английский отряд прибыл для охраны дипломатической миссии в Сеуле, хотя, по свидетельству германского посланника, японцы «образцово поддерживают там порядок»[851]. С другой стороны, пока русский флот в Порт- Артуре сохранял свою

---

[849] *Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 14.

[850] BA—MA. RM. 3/4300. Chef des Admiralstabes Büchsel an Tirpitz. Berlin. 17. 02. 1904.

[851] BA—MA. RM. 3/4303. Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser. Honkong. 08. 03. 1904.

Российская эскадра на рейде Порт-Артура

боеспособность, а русская армия готовилась нанести поражение противнику на суше, постоянное присутствие японцев в корейской столице гарантировать было нельзя. Итак, в случае военного успеха русских действия англичан по усилению охраны своего представительства могли быть вполне логичными.

Тем не менее К. фон Притвиц нервничал. С одной стороны, вверенная ему эскадра должна была демонстрировать военное присутствие Берлина, обеспечивать безопасность своих граждан, наконец, вести разведку в зоне военного конфликта. С другой, и это он остро чувствовал, любой просчет мог спровоцировать если не военное столкновение, то уж дипломатический конфликт и сопутствующие ему обвинения в нарушении нейтралитета — наверняка. Адмирала беспокоили и антигерманские выступления местной британской прессы. В адрес кораблей эскадры то и дело отпускались язвительные замечания. Ее действия назывались, например, как «любопытство, выходящее за грань приличия», «разведка японской деятельности» и так далее. Газеты припомнили и вызывающее поведение Германии во время Испано-американской войны[852].

Берлин, как известно, отправил к Маниле, тем самым заявив о своих претензиях на Филиппины, довольно сильную эскадру под командованием опытнейшего адмирала О. фон Дидерикса, «героя» захвата Цзяочжоу. О том, что немцы заявили о своей решимости участвовать в дележе испанского колониального наследства, свидетельствовал и факт, что прибывший на Филиппины О. фон

[852]BA—MA. RM. 3/4303. Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser. Honkong. 08. 03. 1904.

Дидерикс по рангу превосходил своего американского коллегу Дж. Дьюи, эскадра которого также находилась в Манильской бухте. Наглость, с которой вели себя немцы в манильской бухте, вызвали тогда негодование в Вашингтоне[853].

Не меньше раздражал К. фон Притвица и флот микадо своими, как он считал, провокационными действиями. Однажды, например, японский крейсер настойчиво сопровождал германский крейсер «Thetis», направляющийся из Чемульпо в Чифу[854].

Опасения спровоцировать международный конфликт заставило К. фон Притвица ограничить плавания германских кораблей в район боевых действий, о чем он уведомил кайзера и германского посла в Токио. Это необходимо сделать, докладывал он Вильгельму II, так как англичане и американцы, хотя и планировали отправить свои корабли в Вэй-хай-вей и в Чифу, остались южнее Шанхая. Перед Чемульпо, например, стоял только один британский крейсер. Чтобы не спровоцировать англичан на активные действия, К. фон Притвиц приказал своему заместителю, во время своего отсутствия в Циндао ограничить всякие передвижения эскадры и не торопиться с заменой крейсера «Bussard» у Чемульпо. А когда к К. фон Притвицу через германского консула обратился французский генеральный консул в Шанхае с просьбой взять с собой почту, если один из германских крейсеров отправится в порт Дальний, адмирал ответил вежливым отказом. Он заявил, в частности, что в ближайшее время командировка к русским не планируется[855].

Эти факты свидетельствовали о напряжении, которое испытывало командование германским флотом в связи с началом военных действий на Дальнем Востоке. Дело даже не в приказе соблюдать строгий нейтралитет. Тот же британский представитель в Гонконге, получив подобное указание, по выражению самого К.фон Притвица, соблюдал нейтралитет очень «робко». Германский адмирал не обнаружил ни одного печатного органа, представляющего точку зрения русского правительства, как, например, «Echo de Chine» в Шанхае, никто и не пытался скрыть заинтересованность в успехе японцев[856].

В целом некоторые действия командующего германской эскадрой носили излишне перестраховочный характер. К. фон Притвиц не знал, как поведет себя «владычица морей», если характер плавания его крейсеров в районе боевых действий будет трактоваться англичанами как несоответствующий позиции нейтралитета. Поэтому он был очень осторожен, рассчитывая каждый шаг и согласуя все важные решения с кайзером.

Тем временем в германском штабе Адмиралтейства, судя по докладам «на высочайшее имя» кайзера, формировалось свое видение международной ситуации. Первую информацию Вильгельму II о ходе военных действий командова-

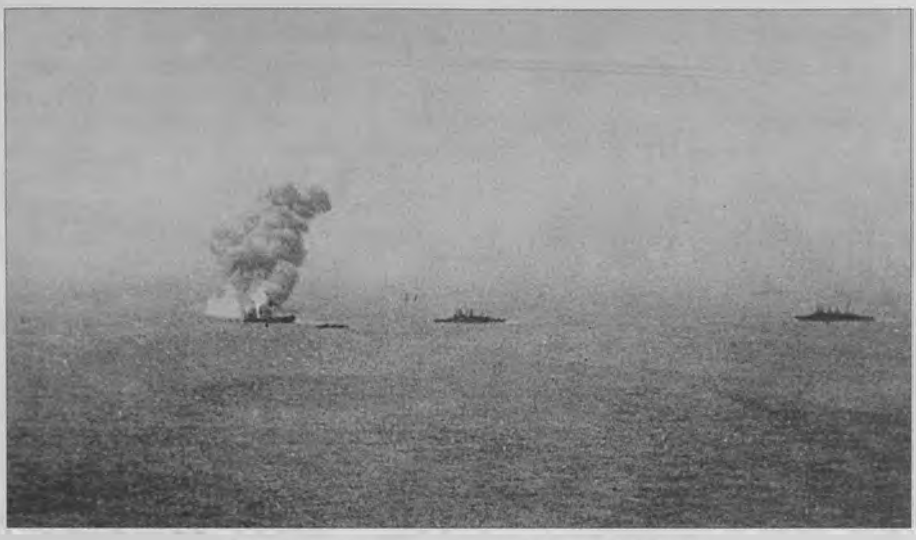
---

[853] См.: *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898—1917 гг. М., 1998. С. 32—33. О дипломатических перипетиях по этой проблеме см. также: *Ротштейн Ф.А.* Указ соч. С. 501—515.

[854] BA—MA. RM 3/4303. Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser. Honkong. 08. 03. 1904.

[855] Ibid.

[856] Ibid. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31. 03. 1904.

Гибель броненосца «Петропавловск» 13 апреля 1904 года

ние флота подготовило 15 февраля. И хотя сообщения из столиц воюющих держав носили противоречивый характер[857], было ясно одно: «пострадали русские сильно, а японцы вообще не пострадали»[858]. В Адмиралтействе полагали, что Токио использует военную неподготовленность противника для того, чтобы закрепить первый успех быстрыми и мощными ударами с суши и моря[859].

Однако дальнейшие действия армии и флота микадо разочаровали германских экспертов Морского генерального штаба. Там считали, что японцы действовали недостаточно решительно и в начале мая они оказались «немногим дальше того, чем если бы война началась сегодня»[860]. Теперь было ясно, что конфликт будет продолжительным, и еще неизвестно, выиграет ли от него Германия.

В Адмиралтействе просчитали разные варианты. Получалось, что в быстром окончании войны не заинтересована, прежде всего, Великобритания. Затяжные военные действия обескровят противников, что позволит англичанам выступить «добрыми посредниками» и собрать в этом качестве целый «урожай наград». Япония окажется в финансовой зависимости от своей союзницы, так как

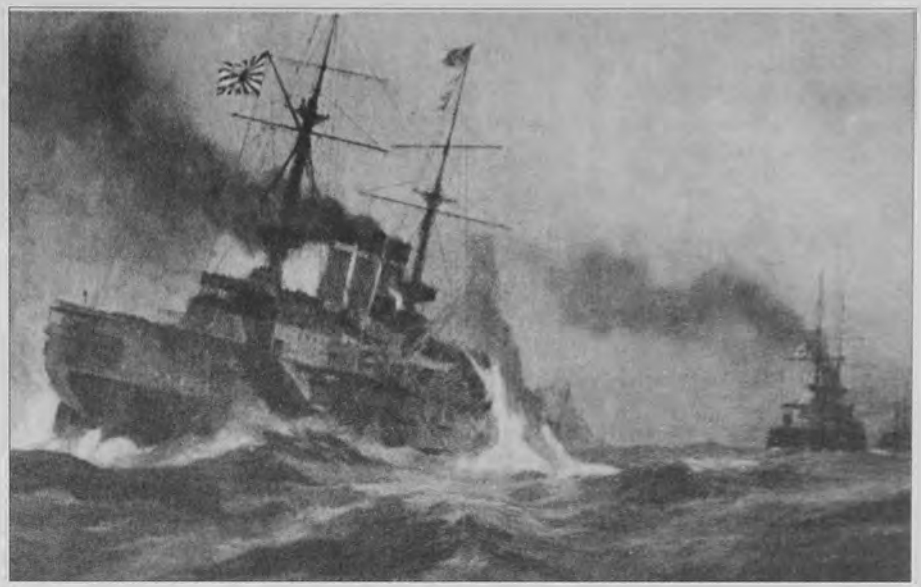
---

[857]Как о «несогласованной информации» в докладе кайзеру говорилось о сообщениях русских, что у Порт Артура один японский броненосец получил серьезные повреждения, потоплены малый крейсер и три миноносца. Как «правдоподобное» в Адмиралтействе восприняли японское сообщение о полном отсутствии потерь и небольших повреждениях на некоторых кораблях. В докладе не сообщалось о потере японцами миноносца близ Чемульпо. См.: BA—MA. RM 5/ 886. Zum Immediatvortrag. Berlin 15. 02. 1904

[858]BA—MA. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 15. 02. 1904.

[859]Ibid.

[860]Ibid. BA—MA. RM 5/ 886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 02. 05.1904.

Гибель японского броненосца «Хацусе» 15 мая 1904 года. С рисунка Ч. Диксона по наброску с натуры

без крупных займов она не сможет довести войну до победного конца. Эксперты Адмиралтейства считали, что в своих притязаниях Токио довольствуется Кореей и, может быть, Квантунским полуостровом. Такое ограничение военных целей «не противоречит английским интересам и главному содержанию англо-японского союза»[861]. Таким образом, делался вывод: затягивание конфликта между Россией и Японией таило в себе опасность усиления Великобритании и не отвечало интересам германского Адмиралтейства.

О том, что японцы не так активны, как могли бы быть, заметили и в Военно-морском ведомстве. Подводя итоги первым месяцам войны, морской атташе П. Гинце докладывал А. фон Тирпицу, что в Токио упустили возможность быстрой победы. Поэтому ситуация может измениться в пользу русских. Для этого есть все основания. К ним следует отнести гладко протекающую мобилизацию в русской армии и флоте, а также ошибки противника, допущенные после нанесения внезапных ударов. Успеху России может способствовать и «близкая к корректной» позиция нейтральных государств и даже сдержанность Китая. Наконец, в Петербурге перешли от состояния подавленности к уверенности в победе. Такой поворот в настроениях российского общества, по мнению атташе, объясняется национальным характером русских, которые во всем предпочитают экстремальность[862].

---

[861] BA—MA. RM 5/ 886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 02. 05.1904.

[862] Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 01. 04. 1904 // Paul von Hintze. S. 132—133.

А.К.Бенкендорф, российский посол в Великобритании в 1902—1916 гг.

А.П.Извольский, российский посол в Дании в 1903—1906 гг.

Пожалуй, именно П. Гинце способствовал своими донесениями формированию видения Военно-морским ведомством перспектив войны. Было похоже, что и А. фон Тирпиц поверил в способности России нанести военное поражение Японии. Да и поведение правящих кругов Великобритании говорило о том же.

Первые признаки того, что Лондон готов к улучшению отношений с Россией, обнаружились в апреле 1904 г. Проводником этой идеи являлся сам британский монарх. Пожелания Эдварда VII были озвучены русскому посланнику в Копенгагене А.П. Извольскому, а также послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу. «Мирные» планы англичан были доведены и до царя[863]. Перед Берлином появились пока туманные, но грозящие стать реальными перспективы англо-франко-русского соглашения. Тем более что Великобритания и Франция уже пришли к «сердечному согласию». Такой поворот событий уже не отвечал германским интересам.

Информация о том, что на берегах Темзы не так активно желают победы «желтому человеку», стали поступать в Берлин летом 1904 г.[864] В поддержку России выступила и часть германской прессы, полагая, что вслед за русскими японцы скоро возьмутся за всех «белокурых варваров». Тон сменил и известный ранее своими антироссийскими выступлениями журнал «Zukunft». В июле 1904 г. его издатель М. Гарден опубликовал обширную статью под названием «Война и мир»[865]. Он предостерег от возможных ошибок тех германских политиков, которые считали, что чем больше обескровят себя «белый медведь и рыжая лисица», тем будет лучше для Германии. Война уже расстроила русские финансы, и долгие годы Россия будет «безвредной».

После окончания войны она станет выгодным клиентом германской промышленности, так как немедленно возьмется за реорганизацию армии и флота, а также выделит огромные денежные средства на железнодорожное строительство. Однако надежный мир, считал М. Гарден, возможен только тогда, когда Россия добьется некоторых военных успехов. Это позволит избежать

---

[863] См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 173; *Vogel B.* Op. cit. S. 201.

[864] О публикации журнала сообщил в Петербург агент министерства финансов. См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 277. Агент министерства финансов — Коковцову. Берлин. 14 (27) июля 1904 г.

[865] Там же.

Корабли 1-й эскадры Тихого океана на внутреннем рейде Порт-Артура

тяжелых условий подписания мирного договора[866]. В целом, позиция влиятельного журнала была за продолжение войны и соответствовала видению проблемы германским правительством и кайзером.

Сторонником лозунга «Россия, вперед!» оказалось и германское Военно-морское ведомство. Война на море для любого адмирала — это опытный полигон для развития морской тактики и стратегии. Для А. фон Тирпица разгром или, как минимум, нанесение урона японскому флоту означало и ослабление морской силы Великобритании. Могло случиться и так, что с победой России на Дальнем Востоке англичанам пришлось бы обеспечивать свои дальневосточные интересы за счет переброски какой-то части флота из Северного моря в Тихий океан. В этом случае опека британцев германских военно-морских сил могла быть ослаблена. Поэтому А. фон Тирпиц был за то, чтобы П. Гинце деликатно подталкивал руководство российского флота к более активным действиям. Правда, сам атташе не был категоричен в оценке успехов похода балтийской эскадры на Дальний Восток.

В начале апреля П. Гинце допускал два варианта развития событий. С одной стороны, поспешность в подготовке этой операции, а также длительность перехода с неизбежными поломками скажутся на боеспособности русских

[866]РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 277. Агент министерства финансов — Коковцову. Берлин. 14 (27) июля 1904 г.

кораблей. И тогда они станут легкой добычей японцев. С другой, если 2-я эскадра Тихого океана (балтийская) благополучно воссоединится с 1-й эскадрой Тихого океана, то военное счастье может оказаться на стороне русских. К тому же с предполагаемым введением в строй к июлю 1904 г. новых броненосцев шансы России на успех вырастут[867]. Последний вариант, по мнению германского атташе, был более желателен для нейтральных государств и в первую очередь для Германии. Хотя, полагал П. Гинце, активность России на морском театре военных действий может подтолкнуть Великобританию к выступлению на стороне Японии[868].

Однако А. фон Тирпиц желал видеть только то, что могло быть полезно его любимому флоту. Он дважды — в июле[869] и сентябре[870] 1904 г. — просил П. Гинце

Корабли 2-й эскадры Тихого океана перед походом на Дальний Восток

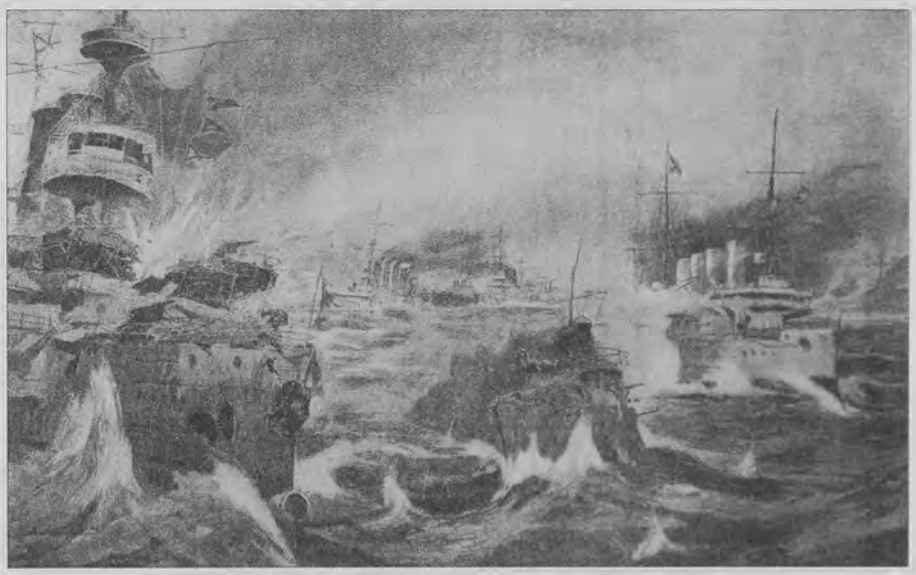
[867] BA—MA. RM 3/4302. Hintze an Tirpitz. 01. 04. 1904.
[868] Ibid.
[869] Ibid. RM 3/4 Tirpitz an Hintze. St. Blasien 23. 07. 1904.
[870] Ibid. Aufzeichnung Tirpitz. 24. 09. 1904; *Paul von Hintze*. S. 139.

Вице-адмирал В.К.Витгефт, временно командующий 1-й эскадрой Тихого океана в 1904 г.

обратить внимание российского военно-морского руководства на необходимость наступательных действий. При этом сентябрьская директива исходила из ведомства Б. фон Бюлова, которым также завладела идея подрыва морского могущества Японии[871].

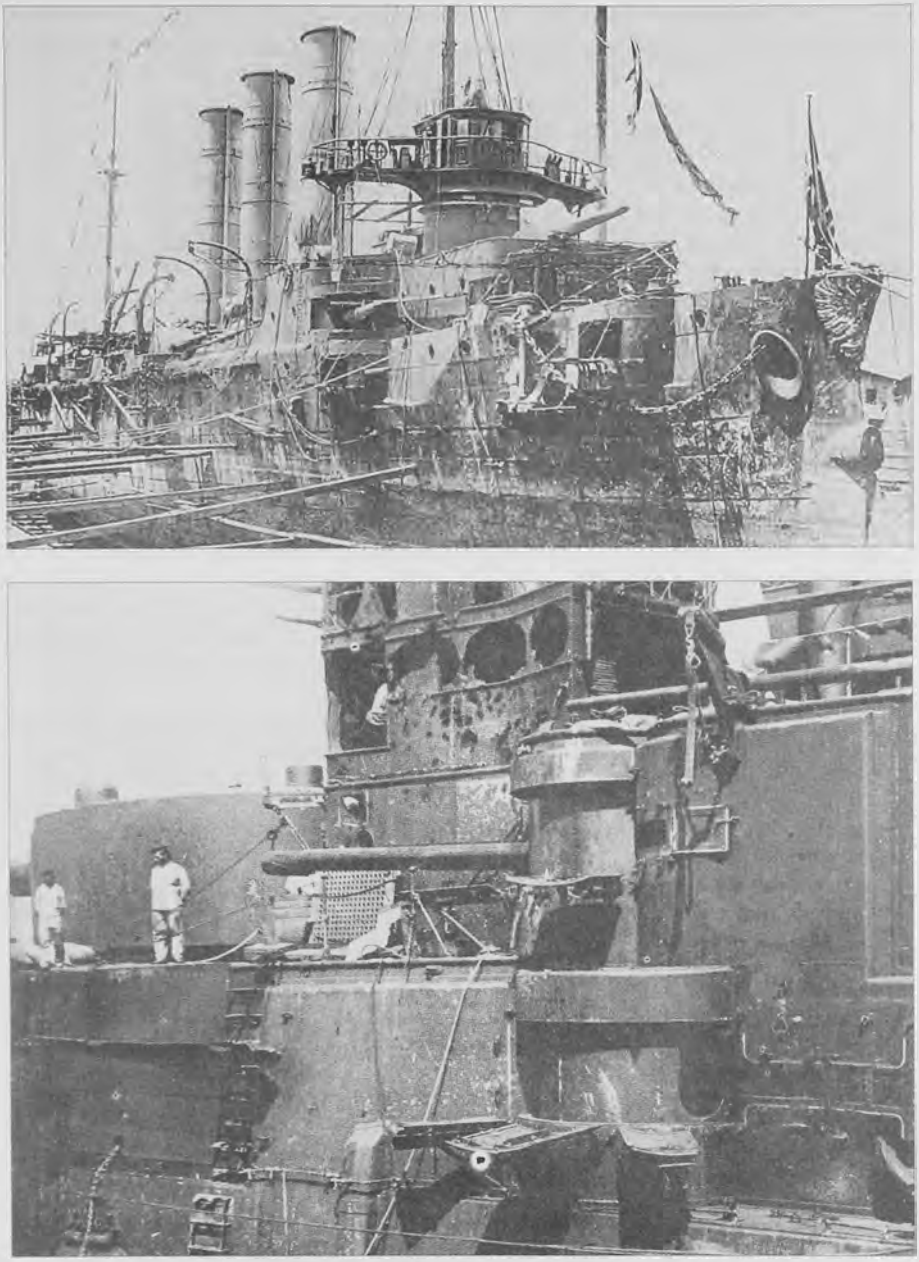
Важно заметить, что инициатива канцлера, поддержанная А. фон Тирпицем, появилась тогда, когда в русско-японском противостоянии наметились первые признаки надвигающейся катастрофы. Предпринятый 10 августа очередной прорыв 1-й эскадры Тихого океана из Порт-Артура во Владивосток оказался неудачным[872]. В бою с превосходящими силами противника был убит осколком японского снаряда временно командующий эскадрой вице-адмирал В.К. Виттефт. Часть кораблей вернулась в Порт-Артур, часть была интернирована в иностранных портах. И хотя в сражении не был потерян ни один корабль, порт-артурская эскадра утратила свое значение. На сухопутном театре военных действий русской армии также не сопутствовал успех.

Морской бой у Порт-Артура 10 августа 1904 г. С рисунка Молинари

[871] Bülow an Auswärtigen Amt. Norderney. 9. 9. 1904 // Grosse Politik. Bd. 19 (1). S. 220.

[872] Первая попытка прорыва порт-артурской эскадры во Владивосток состоялась 10 (23) июня 1904 г.

Повреждения русских кораблей после боя 10 августа 1904 г.: крейсера «Аскольд» (вверху) и эскадренного броненосца «Ретвизан»

В свете этих событий в конце августа в Берлин пришла информация о первых признаках примирения противников, а также готовности Великобритании посредничать в этом процессе. Тот же П. Гинце сообщил А. фон Тирпицу: «Некоторые персоны, стоящие близко к Николаю II, полагают, что у англичан есть основания не трогать больше Россию в ее войне с Японией». П. Гинце сетовал на то, что русские военные ведомства слепы. Они не замечают британской опасности. Королевский флот со дня на день может выступить на стороне Японии и так же неожиданно, как это сделали в феврале японцы[873].

Таким образом, если накануне и в самом начале военных действий на Дальнем Востоке позиция А. фон Тирпица резко отличалась от политики официального Берлина на провоцирование русско-японского конфликта, то в дальнейшем она кардинально меняется. Основанием для этого послужили, как минимум, две причины. Во-первых, у статс-секретаря на тот момент, видимо, не без влияния донесений П. Гинце, появилась надежда на успех военной кампании России. В случае ее победы, позиция Великобритании была бы ослаблена и не только в Китае. Хотя удивляет то, что А. фон Тирпиц не увидел в событиях лета 1904 г. «начало конца» российской военно-морской мощи. Правда, не только он. Первые неудачи русской армии и флота не оказали отрезвляющего воздействия даже на Николая II и его окружение. Так, в сентябре 1904 г. царь в письме адмиралу Е.И. Алексееву рассуждал на тему невозможности получения контрибуции с разоренной Японии[874].

Во-вторых, А. фон Тирпиц не мог не понимать, какую опасность для его плана таят в себе перспективы англо-русского сближения. Тем более что достижение «сердечного согласия» между Великобританией и Францией к этому времени стало фактом.

В таких условиях вполне логичным выглядит стремление официального Берлина и Военно-морского ведомства продемонстрировать руководству России нечто большее, чем простое соблюдение условий нейтралитета. Этим большим стало обещание Вильгельма II, данное им царю, присмотреть за германским побережьем Северного и Балтийского морей, чтобы воспрепятствовать активности японских агентов и якобы возможным операциям японских миноносцев против Балтийской эскадры[875]. Одновременно Берлин держал экзамен «на дружбу» на Дальнем Востоке в связи с заходом поврежденных в бою русских военных кораблей в Цзяочжоу.

---

[873] BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 29. 08. 1904.

[874] См.: *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 282; История внешней политики России. С. 164

[875] *Vogel B.* Op. cit. S. 201.

4.2. Интернирование российских кораблей в Цзяочжоу

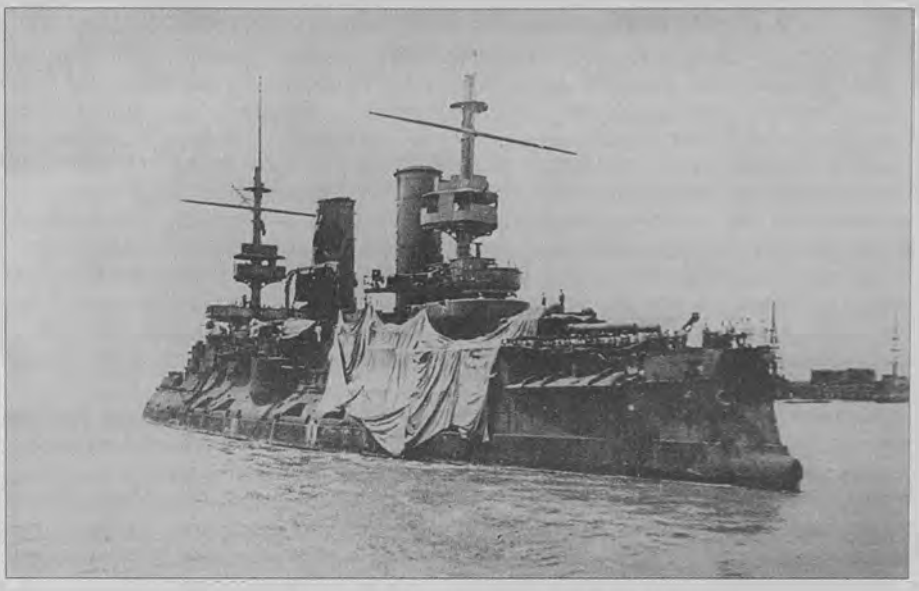
История с интернированием в августе 1904 г. в Цзяочжоу броненосца «Цесаревич» и трех миноносцев («Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный») до сих пор остается малоизученной как в отечественной, так и зарубежной историографии. Возможно единственным исключением является работа известного историка российского флота Р.М. Мельникова. В серии «Боевые корабли мира» вышли его книги, посвященные истории броненосца «Цесаревич». В работе дается резкая критика позиции Германии по вопросу разоружением русских военных кораблей. Там действия немецкой стороны названы «бесчестным германским ультиматумом»[876].

Возможно, этот и другие факты разоружения кораблей российского флота в нейтральных иностранных портах не имели большого значения в глазах исследователей с точки зрения их влияния на отношения великих держав в период Русско-японской войны. Тем более, что после окончания военных действий почти все интернированные корабли вступили в строй российского флота. Однако указанная проблема представляет интерес при выявлении особенностей

Российские миноносцы, интернированные в Цзяочжоу после боя 10 августа 1904 г.

[876] *Мельников Р.М.* «Цесаревич». Ч. 1. Эскадренный броненосец 1899—1906. СПб., 2000. С. 88.

Эскадренный броненосец «Цесаревич» после прибытия в Цзяочжоу

взаимоотношений Берлина и Петербурга в период Русско-японской войны и что особенно важно в рамках рассматриваемой темы — просматривается позиция ведомства А. фон Тирпица в вопросе интернирования.

Появление в бухте Цзяочжоу 11 августа 1904 г. поврежденных в сражении с японским флотом русских кораблей было неожиданным и вызвало серьезную озабоченность у командования германской эскадрой на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствовала телеграмма начальника российской почтово-телеграфной конторы Вейнгласса, расположенной в Чифу. В Петербург сообщалось, что немцы не исключают нападения японцев на Цзяочжоу, куда на всех парах ушел германский крейсер[877].

Первые дни пребывания российских кораблей в Цзяочжоу стоили нервов и сотрудникам Военно-морского ведомства. А. фон Тирпиц узнал о случившемся на следующий день, получив телеграмму от заместителя губернатора Циндао. Опасаясь обострения отношений с Японией, которая могла расценить любые неосторожные действия Германии как несоответствующие статусу нейтралитета, он срочно созвал совещание. На нем состоялось «устное обсуждение» сложившейся ситуации[878]. Прежде чем дать указания губернатору о его дальнейших действиях, было решено обратиться за консультацией на Вильгельмштрассе. Запрос был сделан от имени руководителя конструкторского отделения

[877]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 4.

[878]BA—MA. RM 3/11514. Eickstedt an Staatsekretär des Auswärtiges Amts. Berlin. 12.08.1904.

Лист обшивки «Цесаревича», пробитый осколками японского снаряда

Р. Эйкштедта, которого прежде всего интересовал международно-правовой аспект проблемы. В частности, должны ли русские покинуть порт после проведения необходимых ремонтных работ или следовало приступить к разоружению их кораблей?[879] Ответ гласил, что, согласно международному праву, корабли воюющей стороны могут находиться в нейтральном порту до восстановления мореходности. После чего они в течение 24 ч должны либо покинуть свое убежище, либо подвергнуться процедуре интернирования[880].

Судя по отчету, который предоставил в конце августа губернатор Циндао О. фон Труппель в Военно-морское ведомство, право ремонтных работ было предоставлено одному «Цесаревичу». Миноносцы решили разоружить, поскольку, как отмечал О. фон Труппель, их команды находились «в тяжелом моральном и физическом состоянии»[881]. Однако дальнейшие события изменили первоначальные планы. 15 августа из Берлина поступила телеграмма, в которой говорилось о распоряжении германского императора разоружить все корабли, не покинувшие порт до начала следующего дня[882].

Можно с большой долей вероятности предположить, что на решение кайзера оказал влияние А. фон Тирпиц, который не мог исключить вероятность

---

[879]BA—MA. RM 3/11514. Eickstedt an Staatsekretar des Auswartiges Amts. Berlin, 12. 08. 1904..

[880]Ibid. RM 3/11514. Nuehlberg an Tirpitz. Berlin. 12. 08. 1904.

[881]Ibid. RM 3/4305. Gouverneur Truppel an Tirpitz. Tsingtau. 25. 08. 1904.

[882]Ibid.

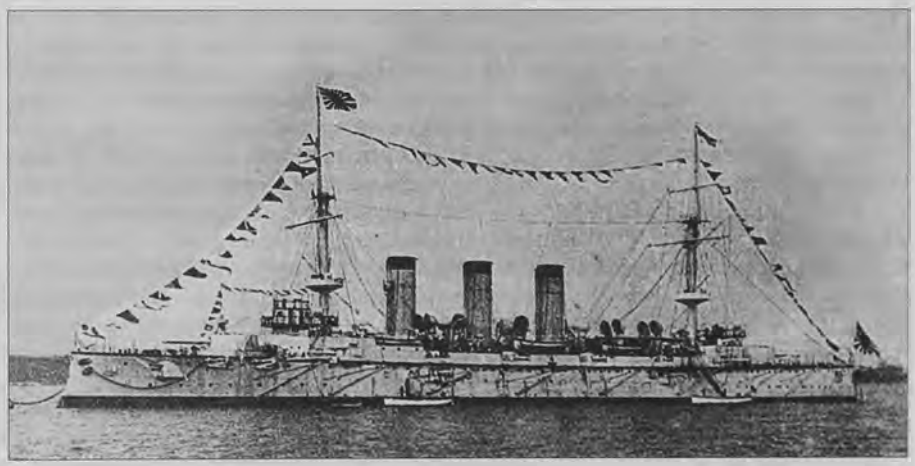
П.М. Лессар, российский посол в Китае в 1901—1905 гг.

Оскар фон Труппель капитан цур зее, губернатов Цинтао

японского нападения. Эти опасения имели под собой почву. Так, российский посланник в Пекине П.М. Лессар сообщал, что, в связи с заходом «Цесаревича» в германскую бухту, Япония не сочла необходимым связаться с его немецким коллегой в Пекине. Российский дипломат сообщил также, что к Цзяочжоу отправлена японская эскадра в составе четырех крейсеров и четырех миноносцев. По своей мощи она превосходила дальневосточный германский флот. Все «поражены наглостью Японии, — писал П.М. Лессар, — и ожидают, как ответит Германия на это оскорбление»[883].

Однако решительных действий со стороны Берлина не последовало. Вечером 15 августа О. фон Труппель узнал от начальника местной почты, что командующий японской эскадры вице-адмирал С. Дева получил какое-то специальное задание. Он донес об отправке шифрованной телеграммы на борт крейсера «Якумо», где находился штаб японского адмирала[884]. Губернатор немедленно

Броненосный крейсер «Якумо» — флагманский корабль вице-адмирала С. Дева

[883]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп.1. Д. 3081. Л. 33.
[884]BA—MA. RM 3/4305. Gouverneur Truppel an Tirpitz. Tsingtau. 25. 08. 1904.

провел совещание с адмиралом К. фон Притвицем. На нем было принято решение защищать русские корабли, если на них будет совершено нападение[885]. Японцы были настроены не менее решительно. Токио предупредил Берлин, что эскадре С. Девы поручено задерживать русские корабли в случае выхода их из нейтральных портов[886]. 16 августа, бросив якорь в 32 милях от Цзяочжоу, японский адмирал отправил в германскую бухту миноносец «Икацухи» с представителем своего штаба[887].

Капитан 2 ранга Д.П.Шумов, вступивший в командование броненосцем «Цесаревич» во время боя 10 августа 1904 года

Вильгельму II и А. фон Тирпицу о встрече с японцами О. фон Труппель сообщил в тот же день. О реакции руководителя Военно-морского ведомства догадаться нетрудно. Кайзер же поспешил отдать приказ: «Что касается русских кораблей... они должны быть тотчас разоружены, команда интернирована»[888]. О содержании беседы японского офицера с губернатором Циндао ничего не известно. Однако, если судить по нервозным действиям Берлина, как уже отмечалось, распоряжение кайзера разоружить русские корабли поступило днем раньше, она не могла носить лицеприятный характер.

Появление японского миноносца в Цзяочжоу вызвало бурное обсуждение местной прессы. О том, что Япония ведет себя уверенно, без особой оглядки на Берлин, было очевидно. Большую тревогу в германском посольстве в Токио вызвало сообщение газеты «Асахи Симбун», издаваемой в Чифу, что японцы осматривали русские корабли на предмет их разоружения. Подобные действия в нейтральном порту воюющей стороны противоречили бы международному праву. Германское посольство в Токио обратилось с просьбой к губернатору Циндао подтвердить или опровергнуть распространенное прессой сообщение[889]. О. фон Труппелю пришлось пояснить, что японский офицер после беседы с ним посетил лишь телеграфный пункт и не осматривал русские корабли[890].

Уведомление губернатора Циндао о решении германского императора интернировать русские корабли, если они к назначенному сроку не покинут бухту, было получено 15 августа. В тот же день принявший командование «Цесаревичем» капитан 2 ранга Д.П. Шумов телеграфировал в Петербург, что вынужден приступить к разоружению, так как не имеет возможности выйти в море[891].

О серьезных повреждениях на эскадренном броненосце «Цесаревич» свидетельствовала экспертиза состояния корабля, проведенная германскими

---

[885]BA—MA. RM 3/4305. Gouverneur Truppel an Tirpitz. Tsingtau. 25. 08. 1904.

[886]BA—MA. RM 3/4305. Telegramm der Kaiserlischen Gesandschaft Tokio vom 17. 08. 1904.

[887]Ibid.

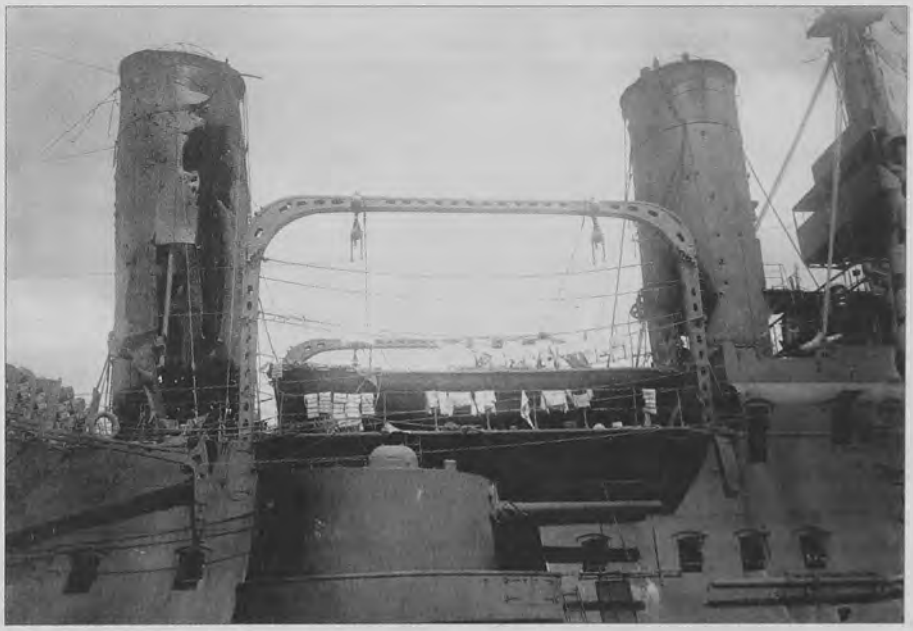
[888]BA—MA. RM 3/4305. Kaiser an Truppel. Telegramm. Wilhelmshöhe. 16. 08. 1904.

[889]Ibid.

[890]BA—MA. RM 3/4305. Truppel an die Kaiserlische Gesandschaft Tokio. Telegramm. Tsingtau. 19. 08. 1904.

[891]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 15.

Повреждения эскадренного броненосца «Цесаревич, осмотренные германскими специалистами

специалистами[892]. Осмотр показал, что корабль получил около 15 попаданий из 305-мм орудий, не считая снарядов более мелкого калибра[893]. В результате серьезно пострадала броневая палуба, командирская рубка, дымовые трубы, котлы. Два снаряда угодили в подводную часть корабля, повредив броневые плиты. Через пробоины вода затопила один из отсеков. В результате корабль получил 150 т воды. Кроме того, в бою были ранены или убиты все офицеры. Получил ранение и командир, капитан 1 ранга Н.М. Иванов[894]. Настроение команды было подавленным.

Контр-адмирал Н.А.Матусевич

С российской стороны описание повреждений броненосца было сделано офицерами корабля под руководством старшего офицера капитана 2 ранга Максимова и опубликовано Р.М. Мельниковым. Как оказалось, несмотря на повреждения, «Цесаревич» сохранил свою боеспособность. Все орудия корабля были целы. Имелось и достаточное количество материалов, чтобы заделать пробоины от снарядов. Автор исследования о «Цесаревиче» полагает, что корабль мог уйти либо на юг и там, в районах французских колоний, дождаться прихода 2-й эскадры Тихого океана, либо попытаться совершить прорыв во Владивосток.

По мнению Р.М. Мельникова, в Циндао можно было и не заходить — немцы могли ремонт и не разрешить, «изображая нейтралитет» Будучи уже в германской бухте, командир и его штаб не нашли в себе сил, чтобы не допустить разоружения броненосца. Вместо решительных действий, заключил военный историк, капитан 1 ранга Н.М. Иванов и находившийся на борту броненосца исполняющий должность начальника штаба временного командующего эскадрой контр-адмирал Н.А. Матусевич уклонились от всяких инициатив и отошли от дел[895]. Правда, следует учесть, что оба получили в бою ранения.

Между тем К.фон Притвиц, посетивший броненосец, доложил Вильгельму II, что моряки находятся под впечатлением тяжелых потерь, их нервы напряжены. Некоторые апатичны ко всему происходящему. Правда, кайзеровский адмирал отдал должное мужеству офицеров. Несмотря на ранения, большинство из них отказалось лечь в лазарет, продолжая нести службу[896]. Из бесед с членами команды К. фон Притвицу стало ясно, что порт-артурская эскадра была не подготовлена к боевым действиям. Так, «Цесаревич» не делал тренировочные выходы в море, не проводил пристрелку торпед. Мало внимания уделялось учебной

---

[892]Экспертиза о состоянии «Цесаревича» была проведена корабельными инженерами Брейманом и Винтером под руководством капитана 2 ранга Функе. См.: BA—MA. RM 3/4305. Gutachten über Zustand des Linienschiffes Zessarewitsch, das am 11. August 1904 in den Hafen von Tsingtau einlief. Tsingtau. 15. 08. 1904.

[893]Авторы «Истории русско-японской войны» говорят о девяти попаданиях снарядов. См.: История русско-японской войны. С. 197.

[894]Там же. С. 196—197.

[895]См.: *Мельников Р.М.* Указ. соч. С. 87.

[896]BA—MA. RM 3/4311. Prittwitz an Wilhelm II. Tsingtau. 01. 09. 1904.

стрельбе из орудий, она часто подменялось всевозможными работами на корабле. «Только адмиралу Макарову удалось поднять дух, пробудить усердие. После его смерти все стало на прежние места»[897].

15 августа на всех кораблях были спущены флаги и вымпелы. Началась процедура интернирования, о чем было немедленно сообщено в Берлин и германские посольства в Токио и Пекин[898].

Специальный приказ губернатора Циндао № 1 относительно русских военных кораблей определил содержание мероприятий по интернированию[899]. С этой целью броненосец «Цесаревич» и миноносцы передавались губернатору Циндао и специальной команде под командованием фрегаттен-капитана Якобсона. В приказе говорилось о необходимости уважать национальные чувства русских. Офицерам сохранялось личное оружие. Оружие было оставлено и для обеспечения охраны кораблей. С орудий снимались важнейшие части, подлежали демонтажу боеголовки торпед, изымались легко воспламеняющиеся вещества, другое военное снаряжение. Заслуживает внимания один из пунктов приказа, в котором говорилось о том, что разобранные важнейшие детали должны быть размещены в одном месте с тем, чтобы «в случае необходимости можно было восстановить работу машин»[900].

Следующий приказ губернатора гласил, что команды должны находиться непосредственно на интернированных кораблях. Позже, по просьбе России, германское правительство приняло специальное решение не свозить команды на берег[901]. Всякое «неделовое» общение запрещалось. Связь между кораблями должна была осуществляться только для передачи почты, доставки питания, нужд больных и раненых. Все передвижения по городу осуществлялись при наличии соответствующих сопроводительных документов[902]. Спустя некоторое время, опять-таки приказом губернатора, был определен порядок предоставления отпусков. Днем до захода солнца разрешалось выходить в город 100 матросам с «Цесаревича» и по 10 человек с каждого миноносца. В случае появления в бухте других русских или японских военных кораблей все отпуска прекращались, в силу вступал приказ № 2, устанавливающий строгие запреты[903].

С офицеров штаба была взята подписка о невыезде из Циндао без разрешения германского правительства[904]. В этой связи возникли сложности с лечением раненых офицеров и выездом их для этой цели из Китая. Одним из первых с такой проблемой столкнулся капитан 1 ранга Н.М. Иванов. Управляющий

---

[897]BA—MA. RM 3/4311. Prittwitz an Wilhelm II. Tsingtau. 01. 09. 1904.

[898]BA—MA. RM 3/4305. Truppel an Wilhelm II. Telegramma.Tsingtau.15. 08.1904.

[899]BA—MA. RM 3/4305. Sonderbefehl Nr.1 betr. russische Kriegsschiffe. Tsingtau. 15. 08. 1904.

[900]Ibid.

[901]О том, что для решения оставить команды на кораблях понадобилось согласие Вильгельма II, свидетельствует телеграмма русского морского агента Долгорукого из Берлина от 28 августа 1904. См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 42.

[902]BA—MA. RM3/4305. Sonderbefehl Nr. 2. betr. russische Kriegsschiffe. Tsingtau. 16. 08. 1904.

[903]Ibid. Sonderbefehl Nr. 6, Tsingtau. 22. 08. 1904.

[904]РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 49.

Морским министерством Ф.К. Авелан вынужден был обратиться к В.Н. Ламздорфу, чтобы Министерство иностранных дел по дипломатической линии ходатайствовало перед германским правительством о выезде из Циндао командира «Цесаревича»[905]. Вскоре понадобилось разрешение на выезд другим больным и раненым офицерам, в том числе контр-адмиралу Н.А. Матусевичу.

Адмирал Ф.К. Авелан, управляющий Морским министерством в 1903—1905 гг.

Следует отметить, что германское Военно-морское ведомство, через которое проходили все подобные просьбы, в общем, не препятствовало выезду раненых офицеров. Тем не менее, в каждом случае необходимо было пройти довольно сложную процедуру согласования, включая обращение в германское внешнеполитическое ведомство.

О том, на каких условиях разрешался выезд, можно судить по письму А. фон Тирпица Н.А. Матусевичу, содержание которого Берлин попросил сохранить в строгой тайне[906]. А. фон Тирпиц пожелал скорейшего выздоровления русскому адмиралу и подчеркнул: «...препятствий для продолжения Вашего отпуска не имеются до полного... выздоровления и этим не нарушаются международные права, так как Вы обязались больше не принимать участия в Русско-японской войне»[907].

По мере обострения англо-германских противоречий в российском Морском министерстве стали вынашиваться планы восстановления боеспособности «Цесаревича». Еще в августе 1904 г. приказом губернатора Циндао предусматривалось выполнение на броненосце некоторых видов ремонтных работ[908]. Одним из инициаторов этого проекта был управляющий Морским министерством Ф.К. Авелан. По его докладу было принято решение подготовить броненосец «для плавания и для вступления в бой..., если работы эти будет разрешено произвести германскими властями»[909]. Переговоры было поручено вести на месте капитану 2 ранга Д.П. Шумову[910]. Вскоре от командира «Цесаревича» пришел ответ: «Германские власти неофициально разрешили производить дальнейшие работы»[911]. Трудно представить, что данное решение могло быть принято без согласования с кайзером и Военно-морским министерством. Как можно было уже убедиться, О. фон Труппель все свои шаги координировал в Берлине.

Оценивая действия германских властей в Китае по вопросу разоружения российских кораблей, необходимо отметить, что они не были однозначными.

---

[905] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 52.
[906] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 105.
[907] Там же. Л. 106—107.
[908] BA—MA. RM3/4305. Sonderbefehl Nr. 6. Tsingtau. 22. 08. 1904.
[909] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 88.
[910] Там же.
[911] Там же.

«Цесаревич» во время ремонта в Циндао

Германия, в ведении которой находилась китайская бухта, демонстрировала строгое соблюдение норм международного права и в целом отсутствие всякого желания ссориться с Японией и ее сильной союзницей из-за России.

Такая тактика, бесспорно, явилась отражением той общеполитической линии, которая была прописана руководителем Военно-морского ведомства в его теории «опасной зоны». История с интернированием российских кораблей не была исключением. «В 1904 году, — вспоминал А. фон Тирпиц, — мы должны были избегать всякого случая, способного послужить поводом к войне для наших врагов, ибо в то время мы не были способны к войне с Англией»[912]. По всей видимости, и в случае с интернированием он призывал кайзера к осторожности, предупреждая о возможных последствиях втягивания Германии в конфликт с Японией.

О том, что при столкновении с Великобританией воевать придется и с ее союзницей на Дальнем Востоке, в Военно-морском ведомстве не сомневались. Тот же А. фон Хееринген, ближайший сотрудник А. фон Тирпица, руководивший тогда специальной комиссией по оценке боеспособности германского флота, заключил в середине декабря 1904 г., что Япония, как очевидный враг Германии, уже «вынула меч из ножен» и готова к войне[913].

Однако по мере обострения отношений с «владычицей морей» и попыток заключения на этом фоне союза с Россией проблема «Цесаревича» стала выходить за рамки простого соблюдения германской стороной норм международного права. Документы военно-морских ведомств Германии и России свидетельствуют об определенной лояльности германской стороны к русским морякам. Это просматривается в действиях губернатора Циндао, а также и А. фон Тирпица, который не препятствовал выезду на лечение раненым русским офицерам.

Такая тактика Берлина больше напоминала отношения потенциальных союзников. И этому может быть объяснение. Во-первых, демонстрировалась готовность Берлина к более тесным отношениям с Петербургом, особенно в связи с Гулльским инцидентом и последующим обострением англо-германских отношений. После этих событий вероятность втягивания Германии в Русско-японскую войну возросла, создавая благоприятную почву для начала переговоров о союзе. Во-вторых, в случае конфликта с Японией и Великобританией современный броненосец мог быть полезен при обороне Циндао. Как можно оценить иначе согласие Берлина не препятствовать восстановительным работам на «Цесаревиче»?

---

[912] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 284.

[913] Schlussvotum des Vorsitzenden der Komission zur Prüfung und Verbesserung der Kriegsbereitschaft der Marine, Kapitän z. S. v. Heeringen. 14.12. 1904 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 312.

4.3. План командировки морского атташе П. Гинце на Дальний Восток

Царь был готов принять помощь Вильгельма II. Она имела большое значение для России и особенно в условиях, когда Франция практически отвернулась от своей союзницы. Как демонстрацию «морского братства» двух стран можно расценить предложение германскому морскому атташе отправиться с Балтийской эскадрой к театру боевых действий. О том, что это был хорошо продуманный шаг, сомневаться не приходится. Присутствие на флагманском корабле русской эскадры высокопоставленного германского офицера продемонстрировало бы Японии, а также Великобритании и Франции, политическую и моральную поддержку Берлина. Приглашение было озвучено 6 апреля 1904 г. З.П. Рожественским, который был сторонником сближения с Германией и хорошо знал П. Гинце[914]. На этот раз в германском Военно-морском ведомстве отнеслись к предложению из Петербурга более внимательно, чем к проекту совместных флотских маневров накануне войны.

Следует заметить, что англичане уже сделали подобный шаг, прикомандировав к штабу адмирала Х. Того, своего представителя. Если верить А. фон Тирпицу, то именно присутствие британского морского офицера[915] на флагмане Соединенного флота броненосце «Микаса», позволило японцам одержать победу во время боя у Порт-Артура. Англичанин будто бы убедил Х. Того, который намеревался прервать бой, сражаться дальше[916].

Заявление З.П. Рожественского сильно удивило П. Гинце. Он даже засомневался, правильно ли он понял контр-адмирала. «Да-да, сообщите Его Величеству кайзеру, — повторил Рожественский, — что я хочу пригласить Вас вместе со мной и моим штабом идти в Восточную Азию»[917]. П. Гинце поспешил передать А. фон Тирпицу важную информацию. «Это редкий шанс, — писал он ему, — побольше узнать о русском флоте». Такая командировка дает возможность «приобрести военный опыт». Предупреждая возможные сомнения начальства в отношении своей кандидатуры, П. Гинце просил не посылать другого офицера. Он понимал, что его статус как морского атташе требует постоянного

---

[914]BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07. 04. 1904.

[915]Со ссылкой на издаваемую в Гонконге «South China Morning Post» от 31 марта 1904 г. К. фон Притвиц сообщил кайзеру об участии британского военно-морского атташе в Токио Трубриджа в японском нападении на Порт-Артур. См.: BA—MA. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31. 3. 1904. К этому следует заметить, что наблюдателем на броненосце «Асахи» во время сражения при Цусиме был капитан 1 ранга Пэкинг-хэм. См.: *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Указ соч. С. 277.

[916]*Тирпиц А.* Воспоминания. С. 198. Тирпиц не называет имени офицера, а также даты сражения у Порт-Артура. Возможно, речь идет о попытке прорыва порт-артурской эскадры под командованием вице-адмирала В.К. Виттефта 7 августа 1904 г. О намерениях японского адмирала Х. Того выйти из боя из-за повреждений флагманского корабля и большого расхода боеприпасов см. также: История русско-японской войны. С. 194—195.

[917]BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07. 04. 1904.

присутствия в столице страны пребывания. Тем не менее он желал лично отправиться в далекое плавание. «Если этот офицер и получит приглашение (российской стороны. — *Авт.*), ему неизвестен ни командный состав флота, ни идущие в поход корабли... Присутствие морского атташе при имперском посольстве в Санкт-Петербурге после ухода Балтийской эскадры станет ненужным, так как оставшийся здесь флотский персонал и военно-морские силы не способны к каким-либо другим действиям, кроме как обороны побережья...» К тому же «подробности военного управления, ежедневные события, высказывания и практические дела высокопоставленных офицеров при штабе эскадры — всю эту информацию можно получить быстрее, точнее и подробнее, чем находясь в Петербурге»[918].

Вице-адмирал Х.Того, командующий Объединенным флотом Японии в 1903—1905 гг.

Такова была аргументация П. Гинце в пользу принятия решения о его отправке. А. фон Тирпиц, судя по «Воспоминаниям», также оказался сторонником путешествия морского атташе[919]. На запрос относительно ответа З.П. Рожествен-

Эскадренный броненосец «Микаса» — флагманский корабль Х.Того

[918] BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07. 04. 1904.
[919] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 198.

скому кайзер начертал на полях донесения: «да, согласен»[920]. Как можно убедиться, для германской стороны проект Петербурга имел также определенный смысл. Тем более, что подобное решение было принято и в отношении германского морского атташе в Токио К. Труммлера. 5 марта его прикомандировали в качестве представителя штаба Адмиралтейства к главной военной квартире японского флота.

Несмотря на то, что К. Труммлер не находился на морском театре военных действий, его донесения имели большую ценность для Берлина[921]. К этому следует добавить, что в марте 1904 г. адмирал К. фон Притвиц вступил в переговоры с прибывшим на Дальний Восток вице-адмиралом С.О. Макаровым о командировке двух германских морских офицеров в Порт-Артур. 29 марта 1904 г. С.О. Макаров сообщил о готовности принять немецких наблюдателей. Было решено, что офицеры будут доставлены в Порт-Артур между 11 и 13 апреля на крейсере «Geier». Об этом решении К. фон Притвиц телеграфировал германскому посланнику в Токио, чтобы тот немедленно проинформировал об этом решении японское правительство[922].

Подробности новой встречи между П. Гинце и З.П. Рожественским, которая состоялась 25 апреля 1904 г., неизвестны. Морской атташе сообщил, что на его согласие адмирал ответил пожатием руки и вновь повторил приглашение. На вопрос о времени выхода эскадры последовал ответ: середина или конец августа[923]. Оставалось только найти кандидатуру на выполнение обязанностей морского атташе. Было принято решение, что на время отсутствия П. Гинце в Петербурге полномочия морского атташе при германском посольстве будут переданы капитану цур зее барону М. фон Шиммельману[924].

Вторая Тихоокеанская эскадра отправилась в путь только 15 октября 1904 г. При штабе ее командования П. Гинце не оказалось. О причинах такого поворота событий косвенно можно судить по донесению в Военно-морское ведомство капитана цур зее Э. Пустау. Последний находился в Либаве и Ревеле в служебной командировке[925] и встречался с З.П. Рожественским накануне его отплытия на театр боевых действий. В беседе, которая длилась около часа, командующий выразил искреннее сожаление по поводу отсутствия при его штабе представителя германского флота[926]. При этом, по словам Э. Пустау, он «всячески подчер-

---

[920]BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07. 04. 1904.

[921]Необходимо отметить, что начальник штаба Адмиралтейства адмирал В. фон Бюксель настоял на том, чтобы К. Труммлер ограничил свои служебные поездки по делам Военно-морского ведомства с тем, чтобы они не могли повлиять на его деятельность при Главной военной квартире японского флота. См.: K.V. Giessler Op. cit. S. 92—93.

[922]BA—MA. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31. 03. 1904.

[923]BA—MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 25. 04. 1904.

[924]BA—MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.

[925]Свои впечатления о посещении Либавы и Ревеля Э. Пустау опубликовал в трех номерах «Berliner Lokal Anzeiger». Вместе с газетными публикациями немецкий морской офицер направил 8 октября 1904 г. в Военно-морское ведомство «совершенно-секретный» отчет о пребывании в русских портах. См.: BA—MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.

[926]BA – MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.

2-я эскадра Тихого океана в походе

кивал общность интересов русского и германского флотов по спорным вопросам международного морского права, таким как задержка, обыск, конфискация и возможность уничтожения нейтральных судов, определение понятия "контрабанда", использование торговых судов в качестве вспомогательных крейсеров, остановка, пополнение запасов и ремонт в нейтральных портах»[927].

Итак, Вильгельм II изменил свое решение. Интересно, что в своих мемуарах А. фон Тирпиц не сообщает о предварительном согласии кайзера на отправку П. Гинце с русской эскадрой. Он лишь обмолвился, что отказ от посылки П. Гинце с З.П.Рожественским связан с тем, что это «не соответствовало нейтралитету»[928]. Возможно, на императора в этом вопросе оказал давление Б. фон Бюлов, который в силу так называемой теории «опасной зоны» не желал давать Великобритании лишнего повода для недовольства. Вполне вероятно, что и А. фон Тирпиц придерживался того же мнения. К указанному следует добавить и то, что командировка П. Гинце становилась чрезвычайно опасной. От согласия кайзера на путешествие атташе до выхода эскадры в море прошло много времени. За этот период русские потеряли почти весь Тихоокеанский флот, проиграли сухопутную битву под Ляояном. В тяжелом положении находился осажденный японцами Порт-Артур. Уже не вселяла оптимизма и боеспособность готовящихся к отплытию кораблей, призванных дать решающее сражение японцам.

---

[927] BA—MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.
[928] *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 198.

Корабли 1-й эскадры Тихого океана, затопленные на рейде Порт-Артура

Как сообщил П. Гинце в Военно-морское ведомство, он и его коллеги, а именно шведский, французский и британский военно-морские атташе в Петербурге, пришли к единому мнению в оценке перспектив похода З.П. Рожественского. Во-первых, эскадра отправилась в плавание без предварительной подготовки «как персонала, так и материала». Во-вторых, было маловероятно, что военные корабли вовремя подоспеют к театру боевых действий в условиях все более усиливающегося нейтралитета держав. Наконец, если все-таки эскадра доберется до места, ее шансы на успех чрезвычайно малы[929].

Еще более критичные высказывания в адрес русского флота можно было услышать и от других морских экспертов. Так, Э. Пустау, беседуя в Либаве и Ревеле с некоторыми русскими моряками, не получил благоприятных впечатлений от этого[930]. Вывод, который он сделал в результате своего визита в Россию, сводился к следующему: «Между поражениями на Дальнем Востоке и низким моральным духом в широких кругах офицерского корпуса нет связи... Русский

---

[929]Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 25. 10. 1904. // Paul von Hintze. S. 140.

[930]Капитан-лейтенант с эскадренного броненосца «Сисой Великиф», по сообщению Э. Пустау, жаловался, что служба на кораблях эскадры длится почти полный день — с 8 до11 и с 14 до 18 ч и часто продолжалась ночью. Русского морского офицера «беспокоили не мысли о достижении победы, а недостаток запасов продовольствия в длительном походе, трудности получения в пути писем из дома. Два других офицера и инженер-механик, которые с 9 ч 30 мин утра до позднего вечера проводили время в ресторане моего отеля в Либаве, правда это было в воскресный день, утверждали категорично, что «Олег» и «Изумруд» являются броненосными крейсерами». См.: BA—MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.

военно-морской флот в его теперешнем состоянии не может рассматриваться ни как равноценный противник, ни как надежный союзник»[931].

Затопленный крейсер «Баян»

Правда, от планов командировки П. Гинце на Дальний Восток окончательно не отказались. В германских правящих кругах еще, видимо, сохранялась надежда на успех З.П. Рожественского. Когда 14 мая 1905 г. кайзер и его свита во время морского путешествия получили известие о соединении эскадр Н.И. Небогатова и З.П. Рожественского вблизи бухты Ван-Фонг (9 мая), адмирал Г.А. фон Мюллер записал в своем дневнике: «Сердечные пожелания русским и долгие спекуляции о средствах и путях успеха»[932]. Только после Цусимы Берлин окончательно признал поездку П. Гинце нецелесообразной. О чем и было сообщено в телеграмме на его имя 15 мая 1905 г.[933].

Таким образом, очередной этап «опасной зоны», связанный с командировкой П. Гинце на Дальний Восток, Б. фон Бюлов и А.фон Тирпиц прошли успешно. Нетрудно было представить реакцию Великобритании на известие о присутствии на флагмане Балтийской эскадры, посланной для уничтожения японского союзника, германского атташе. Однако чем больше Россия увязала в конфликте, тем труднее было Берлину маневрировать в «опасной зоне». Как оказалось русское военно-морское присутствие на Балтике имело для Германии большее значение, чем это казалось раньше. В ведомстве А. фон Тирпица увидели, наконец, в русском флоте силу, которая могла при определенных обстоятельствах сдерживать англичан. Симптоматично, но именно с отплытием в октябре 1904 г. 2-й эскадры Тихого океана в Великобритании усилились антигерманские настроения. Факт же снабжения углем эскадры З.П.Рожественского германской пароходной компанией HAPAG вызвал в британском обществе стойкую аллергию ко всему, что было связано с Германией и ее флотом.

---

[931] BA—MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08. 10. 1904.
[932] Der Kaiser. S. 62.
[933] *Giessler K.V.* Op. cit. S. 93.

4.4. Гулльский инцидент как формальный повод к резкому обострению германо-британских отношений

Выше уже было показано, что попытки наладить отношения между Германией и Великобританией в 1899—1901 гг. закончились неудачей. Каждая из сторон стремилась в предполагаемом союзе решить собственные проблемы за счет своего партера, что, естественно, вызывало между странами атмосферу подозрительности и недоверия.

В начале XX в. рейхсканцлер Б. фон Бюлов, осуществляя так называемую «политику качелей»[934], когда делались предложения то одной, то другой мировым державам, находящимся в состоянии конфронтации, прилагал все усилия, чтобы бесконфликтно провести Германию через самое напряженное время «опасной зоны»[935]. Ставка делалась на непреодолимость, прежде всего, англо-французских и англо-русских колониальных и политических противоречий[936]. Это, как полагали в Берлине, не позволит Лондону начать войну против Германии. Однако именно в период 1904—1906 гг., когда, по словам А. фон Тирпица, британцы с большой долей вероятности могли бы совершить «копенгагирование»[937] еще не созданного германского флота, этот постулат немецкой внешней политики дал серьезную трещину. Уже в 1903 г. стали проявляться признаки ошибочности германской международной стратегии. Визиты в первой половине 1903 г. британского короля Эдварда VII в Париж, а затем французского президента М.Э. Лубэ в Лондон носили антинемецкий характер[938]. При помощи французской дипломатии летом того же года осуществилась попытка англо-русского сближения[939].

Это были предупреждающие звонки Германии в условиях меняющегося расклада сил в Европе. Результатом начавшегося сближения Великобритании и

---

[934] *Michalik B.* Probleme des deutschen Flottenbaues. S. 82.

[935] В первый год работы в должности рейхсканцлера Б.фон Бюлов имел серьезный разговор с А. Тирпицем относительно задач внешней политики и, в частности, взаимоотношений с англичанами. На вопрос канцлера о том, когда строящийся флот достигнет силы, которая устранит вероятность неспровоцированного нападения со стороны Великобритании, он услышал от А.Тирпица, что 1904—1905 гг. будут самыми критическими. После этого срока англичане поймут, что выступление против Германии будет связано для них с «неимоверным риском» и будут стремиться строить отношения с немцами в мирном направлении. См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 178.

[936] О непреодолимости англо-французских и англо-русских противоречий говорил не только рейхсканцлер Б. фон Бюлов, но и А. Тирпиц. Военно-морской статс-секретарь полагал, что это обстоятельство дает хорошие шансы для прохождения Германией так называемой «опасной зоны». См.: *Michalik B.* Op. cit. S. 34.

[937] Призывы в британской печати, напасть и разгромить строящийся германской флот, начали делаться уже с 1900 г., когда был принят второй «Закон о флоте». См.: *Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. S. 71.*

[938] *Гейдорн Г.* Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964. С. 202.

[939] *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 543.

Франции стало подписание ими 8 апреля 1904 г., так называемого «сердечного соглашения», вошедшего в историю под названием Антанта[940]. Оно очевидным образом отправляло в «исторический архив» не только непримиримые разногласия между двумя государствами по колониальным проблемам[941], но и знаменовало собой начало последующих «антигерманских» соглашений[942], которые были заключены официальным Лондоном с другими европейскими государствами[943]. Ход британских и французских политиков для Берлина был неожидан и неприятен[944]. Он рушил «политику качелей» Б. фон Бюлова. Но на тот момент германское руководство еще не осознавало это в полной мере[945] (как и то, что строительство флота становилось одной из главных причин ухудшения германо-британских отношений). Морское усиление немцев все больше и больше воспринималось британцами как вызов, на который следовало давать ответ. Поэтому «флотская тема» превращалась в одну из центральных между двумя государствами[946].

Британскую озабоченность по морскому вопросу немцы почувствовали в дни традиционной «кильской недели»[947] в июне 1904 г.[948] и в еще большей степени во время ответного визита германских кораблей в июле того же года в британс-

---

[940]*Williamson S.R.* The politics of grand strategy. Britian and France prepare for war. Cambridge, 1969.

[941]*Lowe C.J., Dockrill M.L.* The mirage of power. Vol.1: British foreign policy 1902—1914. London; Boston, 1972. P. 8.

[942]В исторической науке нет единой точки зрения относительно направленности англо-французского соглашения — то ли против франко-русского союза, то ли против кайзеровской Германии. Например, британский историк К. Вильсон полагает, что неспособность Великобритании противостоять Франции и России, главным соперникам англичан в колониальной экспансии, да еще к тому же находящихся в союзных отношениях, заставила Лондон пойти на подписание соглашения с Парижем. См.: *Wilson K.M.* The policy of the Entente: essays on determinants of British foreign policy, 1904—1914. Cambridge, 1985. Однако подавляющее большинство исследователей считают, что главная цель создания англо-французской Антанты со стороны британцев заключалась в стремлении поставить заслон более опасному конкуренту, прежде всего, в экономической сфере — Германии.

[943]*Farer J.A.* Die europäische Politik unter Eduard VII. München, 1925. S. 111.

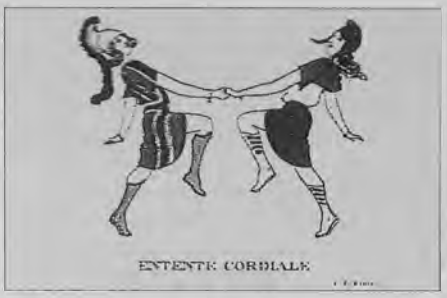
[944]*Виноградов К.Б., Гостенков А.В.* Дни и дела Фридриха Гольштейна // Монархи, министры, дипломаты XIX—начала XX века: Сб. ст. СПб., 2002. С. 215.

[945]*Виноградов К.Б., Жданов Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии. С. 240.

[946]*Oncken H.* Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges. Bd. 2. Leipzig, 1933. S. 561.

[947]Традиционная парусная регата в Киле проводилась в последнюю неделю июня, начиная с 1882 г. В дополнение к парусным соревнованиям кайзер Вильгельм II стал устраивать еще и смотр военного флота. На него приглашались иностранные гости, в том числе и военные.

[948]Вопреки усилиям А. Тирпица, кайзер показал на «кильской неделе» приглашенной британской делегации во главе с Эдвардом VII весь цвет германских кораблей. Таким жестом, по словам Б. фон Бюлова, он хотел вызвать у них симпатии и восхищение. Однако увиденное неприятно удивило британских гостей, что было замечено военно-морским секретарем. См.: *Tirpitz A.* Erinnnerungen. S. 172; *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 268.

Французская открытка, посвященная заключению «Entente cordiale»

Германская карикатура на Антанту

кий порт Плимут[949]. Уже тогда на британских островах большая часть общества была просто убеждена в том, что «немцы строят свой флот с расчетом на то, чтобы, когда они будут достаточно сильны на море, напасть на Англию и уничтожением ее торговли или даже вторжением в ее пределы навсегда переломить ей хребет»[950].

В немалой степени такому умонастроению способствовала британская периодическая печать, со страниц которой на протяжении лета и осени 1904 г. постоянно говорилось о растущей мощи германского флота, который реально становится угрозой безопасности британскому государству[951].

Англофобия и германофобия по обе стороны Английского канала достигли такого уровня, что любая публикация даже с отдаленным намеком на враждебность вызывала самую бурную и негативную реакцию. Например, в июле 1904 г. сильное негодование на островах вызвал переведенный роман немецкого писателя А. Ниемана «Ближайшее завоевание Англии» (в оригинале — «Der Weltkrieg: Deutsche Traume», то есть «Мировая война: германская мечта»). В нем англичане увидели неприкрытую агитацию за вторжение на британские острова, хотя в действительности в книге речь шла в основном о «сердечных» делах германского офицера, оказавшегося в гуще событий, разворачивающихся при вторжении русских войск в Индию. Лишь в конце романа говорилось о совместной войне Франции, России и Германии против Англии[952].

---

[949]Уже тогда, во время этого визита немецких кораблей, в английских газетах вовсю говорилось о том, что частые посещения германскими кораблями английских вод явно связано со сбором разведывательных данных для подготовки нападения. См.: Grosse Politik. Bd. 19/I. № 6042. S. 194—195.

[950]*Бюлов Б.* Указ. соч. С. 269.

[951]*Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 108.

[952]См.: *Uhle-Wettler F.* Op. cit. S. 208.

Нарастающее напряжение между двумя странами получило свое дальнейшее развитие после Гулльского инцидента, произошедшего 21 октября 1904 г. Тогда, как известно, эскадра вице-адмирала З.П. Рожественского[953], шедшая на Дальний Восток для участия в боевых действиях, в Северном море обстреляла в тумане английские рыболовецкие шхуны, приняв их за японские миноносцы[954]. Разгорелся скандал между Лондоном и Петербургом. Однако, благодаря посредничеству французов, которые стремились как-то загладить свою вину перед Россией за явно не «союзническую» позицию в Русско-японской войне[955], его удалось к концу ноября 1904 г. погасить[956].

Все раздражение британцы направили против Германии, считая, что именно она стоит за всем этим инцидентом и вообще нарушает официально заявлен-

Эскадренный броненосец «Князь Суворов» — флагманский корабль вице-адмирала З.П. Рожественского

---

[953]Краткое изложение биографии З.П. Рожественского см. в кн.: *Скрицкий Н.В.* Сто великих адмиралов. С. 338—343.

[954]Подробнее о самом инциденте см. в кн.: *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Указ. соч. С. 187—195.

[955]Франция заняла в Русско-японской войне нейтральную позицию, не оказав своей союзнице России реально никакой помощи.

[956]*Düllfer J.* Regeln gegen den Krieg. Die Haager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. S. 269. 25 февраля 1905 г. решением Гаагской международной комиссии российское правительство обязывалось выплатить пострадавшим гулльским морякам компенсацию в размере 65 000 фунтов стерлингов. См.: *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Указ. соч. С. 195.

ную позицию нейтралитета[957]. Дело начало принимать серьезный оборот. Одна из главных претензий Лондона к Берлину заключалась в том, что германская пароходная фирма HAPAG в обход существовавших тогда норм морского права осуществляла снабжение углем российской эскадры, что, по мнению британцев, было недопустимым[958]. В середине ноября 1904 г. в британской прессе уже зазвучали призывы к превентивному удару по германскому флоту, «пока еще есть для этого время»[959]. Писатель А. Уайт, много занимавшийся морской проблематикой, впервые в публичной форме предложил осуществить его «копенгагирование»[960]. В последующем этот тезис подхватили различные издания, в том числе и специализирующиеся на военно-морской тематике.

Осенью 1904 г. одно из известных британских изданий «Army and Navy Gazette» замечало: «насколько нестерпимо положение, в силу которого германский флот один принуждает Англию принимать предупредительные меры, в которых без этого не было бы нужды. Мы были уже раз поставлены в необходимость уничтожить флот, насчет которого мы имели все основания думать, что он будет направлен против нас. В Англии, как и на материке, нет недостатка в людях, считающих германский флот единственной реальной угрозой сохранению европейского мира. Как бы там ни было, мы удовлетворяемся указанием, что настоящий момент особенно благоприятен выполнению нашего пожелания, чтобы этот флот перестал возрастать»[961].

Свои обвинения относительно нарушения Германией статуса нейтральной державы в Русско-японской войне англичане строили не только на собственных данных, но и на информации, получаемой из Берлина. Во всяком случае, выступление 29 ноября 1904 г. депутата от социал-демократов Фольмара в Рейхстаге прямо доказывало их утверждение. Фольмар открыто обвинял Б. фон Бюлова в нарушении нейтралитета и призывал его к осуществлению «действительного, а не формального нейтралитета»[962]. Несмотря на заверения рейхсканцлера в «честности политики Германии по отношению к России»[963], напряженность ситуации не спадала. Угроза войны реально висела в воздухе.

В ноябре 1904 г. англичане провели военную игру, имитирующую развертывание боевых действий против немцев[964], а Дж. Фишер предложил Эдварду VII осуществить нападение на германский флот с целью его разгрома[965]. Хотя король отказался от этой идеи на тот момент, возможность ее реализации в принципе не исключалась. В нагнетание обстановки немалую лепту вносили откровенно враждебные антигерманские публикации английские газет.

---

[957]Во всяком случае, Дж. Фишер в этом был абсолютно убежден. См.: *Mackay A.* Op. cit. P. 316.

[958]*Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия. С. 65—69.

[959]Grosse Politik. Bd. 19/I. № 6111. S. 291—293.

[960]Ibid. S. 332.

[961]Цит. по кн.: *Бюлов Б.* Внешняя политика Германии. Одесса, 1915. С. 25.

[962]См.: РГИА. Ф. 22. Оп. 3. Д. 170. Л. 50—51.

[963]Там же.

[964]*Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера. С. 152.

[965]Там же. С. 154.

Такая настроенность британской общественности вызывала серьезную обеспокоенность у высшего германского руководства. По этому поводу во второй половине ноября 1904 г. кайзер собрал совещания с участием начальника Генерального штаба А. фон Шлиффена и военно-морского статс-секретаря, где обсуждались вопросы, связанные в том числе и с возможным военным вариантом развития событий[966]. Мнение участников разделились. А. фон Шлиффен, например, полагал, что британцы смогут нанести немцам незначительный экономический ущерб, но при этом сами понесут ощутимые потери. Германия получит даже еще бóльшую выгоду, если Россия[967] двинет свои войска на Индию — «жемчужину британской колониальной империи»[968].

В целом начальник Генерального штаба выступал за войну, поскольку основные действия, как он считал, будут развиваться на суше, где превосходство германской армии являлось очевидным. Правда, исход сражения на море был бы явно не в пользу Германии. Это в целом подтверждалось и выводами специальной комиссии Военно-морского ведомства во главе с капитаном цур зее А. фон Хеерингеном[969]. Она учла все достоинства и недостатки германского флота на тот момент[970]. Поэтому вполне понятным и обоснованным являлось требование А. фон Тирпица не допускать эскалации отношений с британцами, поскольку страна еще «не способна к войне с Англией»[971]. Нужно было «выигрывать время и строить флот»[972].

Этой же мысли придерживался и Вильгельм II. По словам генерал-фельдмаршала А. фон Вальдерзее, который описывал умонастроения императора в

---

[966] *Müller G.A.* Der Kaiser Wilhelm II. S. 60.

[967] Ввиду возможности германо-британской войны, в высших военных и политических кругах Германии активно обсуждался вопрос о союзе с Россией. А. фон Шлиффен выступал за его заключение. Правда, при этом он делал одну оговорку — ограничить обязательства Германии в отношении России только европейским континентом. Таким образом, по А. фон Шлиффену, Германия получала бы возможность при гарантиях безопасности с востока разделаться с Францией, союзницей Англии, нанести ощутимый урон Британской империи действиями русской армии в Индии. Кайзер и Б. фон Бюлов поддерживали мысль союзнического военного договора с Россией. См.: *Шилов С.П.* Указ. соч. С. 69—77. А. фон Тирпиц выступал против этой идеи, так как считал, что это будет намного полезней для дела строительства флота. См.: *Тирпиц А.* Воспоминания. С. 196.

[968] Der Chef des Generalstabs der Armee, Schliffen, an Bülow: Russland und ein englisch-deutscher Krieg. 16 November 1904 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 300.

[969] Впрочем, это признавал и сам А. фон Шлиффен. См.: PA AA. R2283. Bd. 6. Schliffen an das Königliche Allgemeine Kriegsdepartament. 07. 10. 1904.

[970] BA—MA. Freiburg. RM 3/4. AB 74-78. Schlussvotum des Vorsitzendender Komission zur Prüfung und Verbesserung der Kriegsbereitschaft der Marine, Kapitän z. S. v. Heeringen, vom 14 Dezember 1904 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 312.

[971] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 284.

[972] BA—MA. Freiburg. RM 3/4. AB 35—36. Schreiben des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, an den Staatssekretärs des Auswärtigen Amts, Friherr v. Richthofen, vom 1 November 1904 zur aussenpolitischen Situation zwischen Russland und England 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 311.

этот период, «кайзер неотступно преследует цель усилить флот, хотя публично не говорит об этом, что само по себе очень умно, так как объем его планов вызвал бы страх. Б. фон Бюлов соглашается с кайзером и обещает осуществить его замыслы»[973].

Позицию военно-морского министра о недопустимости доведения германо-британских отношений до войны разделяло и командование германского флота. Его представители, и в частности адмирал Ф. фон Бендеманн, начальник военно-морской базы в Вильгельмсхафене, полагал, что это будет однозначно выгодно только Великобритании. Германия в морском конфликте с Великобританией реально не сможет опереться на своих союзников — Австро-Венгрию и Италию. Кроме того, ввиду отправки на Дальний Восток балтийской эскадры, русские значительно ослабили свои позиции на Балтике. Поэтому британцам даже не надо будет отвлекать часть своих морских сил против России как потенциального противника, и они смогут полностью сконцентрироваться против немцев[974].

Вместе с тем, флотское командование, как ему и полагалось, разрабатывало планы проведения морских операций против англичан даже при такой неблагоприятной для германского флота ситуации. В конце 1904—начале 1905 гг. было подготовлено три документа, авторами которых являлись В. Фоллертун, Ф. фон Бендеманн и В. фон Бюксель[975]. В случае войны, по мнению Ф. фон Бендеманна, настоятельно требовалось сконцентрировать все боевые основные корабли в Северном море для отражения нападения англичан. Одновременно, в связи с тем, что главные силы британцев будут нацелены на германское побережье, можно было бы нанести удары по английской морской торговле[976]. Хотя, по его же собственному признанию, такие действия принципиально не изменят обстановку в пользу Германии, так как общее соотношение сил флотов свидетельствует о значительном преимуществе Великобритании.

Начальник штаба германского Адмиралтейства адмирал В. фон Бюксель также считал, что столкновение с англичанами в Северном море будет очень плачевным для немцев[977]. Поэтому он требовал сместить акценты в подготовке к войне с ними. Вместо оборонительных работ в устье реки Эльбы В. фон Бюксель предлагал сосредоточить все имеющиеся силы на концентрации германского флота в проливе Каттегат. Целью таких действий должен стать достаточно эффективный удар по британскому флоту, блокирующий пролив Скагеррак,

---

[973] *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. S. 11.

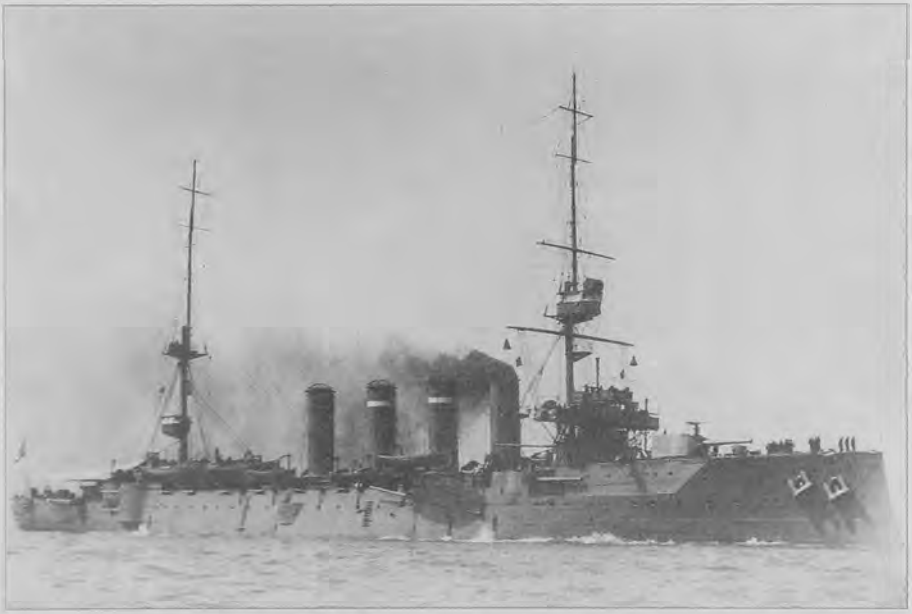
[974] BA—MA. RM 3/4. Bendemann' Aufzeichnung. Gedanken über die augenblicksche kritische Lage vom 03. 12. 1904.

[975] BA—MA. RM 3/4. Vollerthun' Aufzeichnung. Politische und militarische Betrachtungen über einen englisch-deutschen Krieg. 27. 11. 1904; Bendemann' Aufzeichnung. Gedanken über augenblickliche kritische Lage. 03. 12. 1904; Denkschrift des Admiralstabes über die Kriegsführung gegen England vom 01. 01. 1905.

[976] BA—MA. RM 3/4. Bendemann' Aufzeichnung. Gedanken über die augenblicksche kritische Lage vom 03. 12. 1904.

[977] BA—MA. RM 3/4. Denkschrift des Admiralstabes über die Kriegsführung gegen England vom 01. 01. 1905.

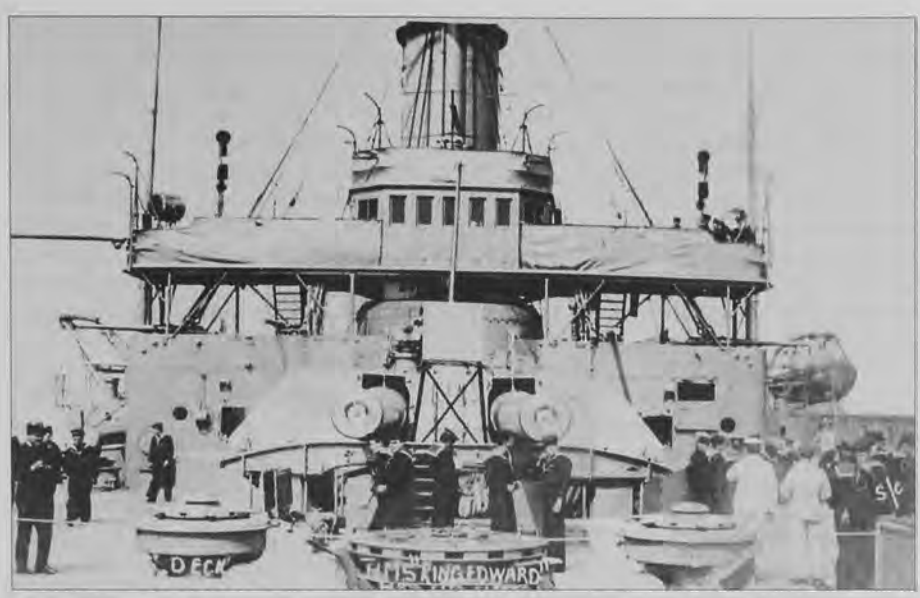

В 1905—1906 гг. ВМС Великобритании пополнялись большими сериями мощных кораблей: линкорами типа «King Edward VII» (вверху) и броненосными крейсерами типа «County» (на фотографии — «Carnarvon»)

Для обеспечения действий броненосных кораблей предназначались новые легкие крейсера типа «Gem» (на фотографии вверху — «Amethyst») и эсминцы типа «Tribal» (на фотографии — «Tartar»)

305-мм двухорудийная артиллерийская установка линкора «King Edward VII»

его разделение и увлечение в датские территориальные воды, то есть увод от германского побережья[978].

Для успешной операции против англичан В.фон Бюкселем рассматривалась возможность оккупации Дании и нарушение нейтралитета Швеции[979], что переводило первоначально чисто военную проблему в проблему политико-дипломатическую, закрытую для адмирала. Таким образом, получалось, что ни с военной, ни с политической точек зрения война Германии с Великобританией на тот момент была никак не нужна. Тем не менее, готовиться надо было к самому худшему, поэтому по приказу кайзера были отозваны боевые корабли с Дальнего Востока, а по всему флоту был отменен рождественский отпуск[980].

Между тем развитие событий не давало оснований для особого оптимизма. 10 декабря 1904 г. морской министр У. Сэлборн составил меморандум, где были расписаны действия британского Адмиралтейства на самое ближайшее время. Они, в первую очередь, должны были способствовать повышению боеспособ-

---

[978] А. фон Тирпиц полностью раскритиковал эту разработку штаба Адмиралтейства. По его мнению, через восемь дней после начала операции германский флот будет полностью парализован. См.: *Hopman A.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». S. 129.

[979] Против такого плана категорически выступил начальник Генерального штаба А. фон Шлиффен. Он понимал, что при оккупации той же Дании придется перебросить часть войск с германо-французской границы. Это шло в разрез с настойчиво пропагандируемой им идеей войны против Франции. См.: Lambi I.N. Op. cit. P. 247—257.

[980] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 111.

ности флота в случае «необходимости немедленного выступления»[981]. С этим документом У. Сэлборн выступил в Палате общин. В нем, наряду с другими планируемыми действиями, обосновывалась причина неотложности новой дислокации британского флота. Речь шла о германской морской угрозе[982].

Даже дружественно настроенный к Германии британский посол в Берлине Ф.Лассэлс в рождественские дни 1904 г. заявил рейхсканцлеру, что главной причиной в обострившихся отношениях между двумя странами является германский флот, который может напасть на английское побережье. Реакция кайзера была, как всегда, эмоциональна, но не лишена логики. По словам Вильгельма II, Англия сконцентрировала 43 линейных корабля и 140 крейсеров против германских 14 линейных кораблей и 20 крейсеров. «Так кто же готовится к нападению?» — патетически восклицал император[983].

Развивающиеся в сторону войны германо-британские отношения стали главной заботой официального Берлина. 21 декабря 1904 г. Б. фон Бюлов провел совещание с участием отозванного из Лондона посла П. фон Меттерниха, статс-секретаря иностранного ведомства О. фон Рихтхофена, начальника штаба Адмиралтейства В. фон Бюкселя, начальника Генерального штаба А. фон Шлиффена[984] и А. фон Тирпица. На нем подробно обсуждалась возможность нападения британцев[985].

Обмен мнений выявил разные позиции участников совещания относительно перспектив развития ситуации. П. фон Меттерних был убежден, что высшие политические круги Англии не собираются воевать с Германией, что источником антигерманских настроений на британских островах является «Закон о флоте» 1900 г. Этот документ, по его словам, воспринимается англичанами как стремление немцев к свержению их морского господства. Поэтому, чтобы не усугублять ситуацию, в дальнейшем не следует принимать новый «Закон о флоте». Позицию П. фон Меттерниха поддержал О. фон Рихтхофен. А. фон Тирпиц возражал, говоря о политико-военной необходимости дополнительного документа[986].

Тема вероятной войны являлась одной из самых обсуждаемых как среди гражданских лиц[987], так и в среде офицеров, которых необычайно много было собрано

---

[981]Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. 1904. Bd. 45. S. 238.

[982]По мнению Б. фон Бюлова, новая передислокация британского флота «являлась уступкой английскому общественному мнению, обеспокоенному нашим судостроением». *См.: Бюлов Б.* Воспоминания. С. 279.

[983]Grosse Politik. Bd. 19. № 6157. S. 374.

[984]На этом совещании А. фон Шлиффен заявил, что обострение отношений с Англией произошло потому, что «мы строим слишком много кораблей». См.: *Hopman A.* Op. cit. S. 121—122. Думается, что такая убежденность генерала стала одной из причин снятия его в последующем с занимаемой должности.

[985]*Kennedy P.M.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. P. 271—275; *Hubatsch W.* Der Admiralstab. S. 117—121.

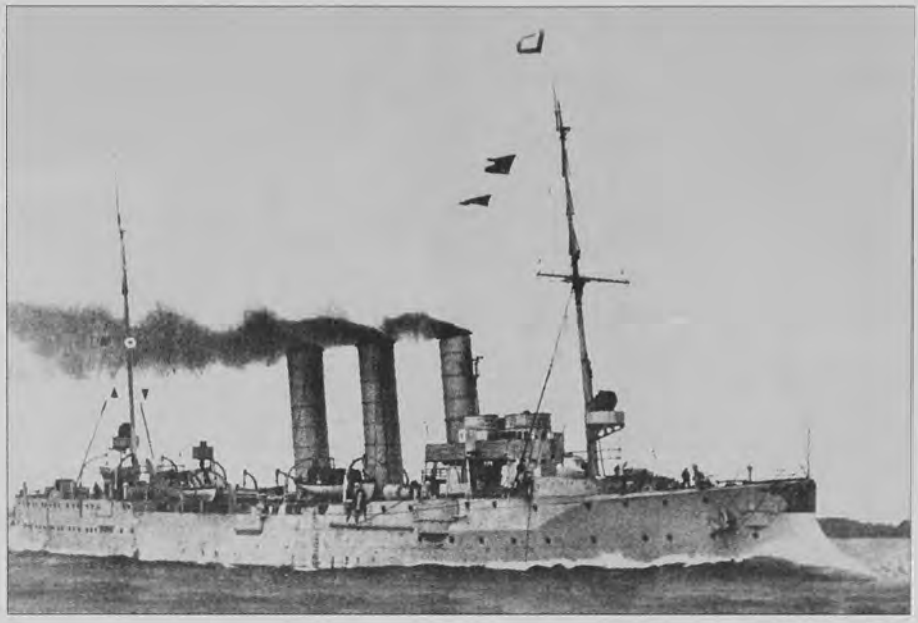
[986]См.: Aufzeichnung Tirpitz: Neue Flottennovelle und Verhältnis zu England // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 315.

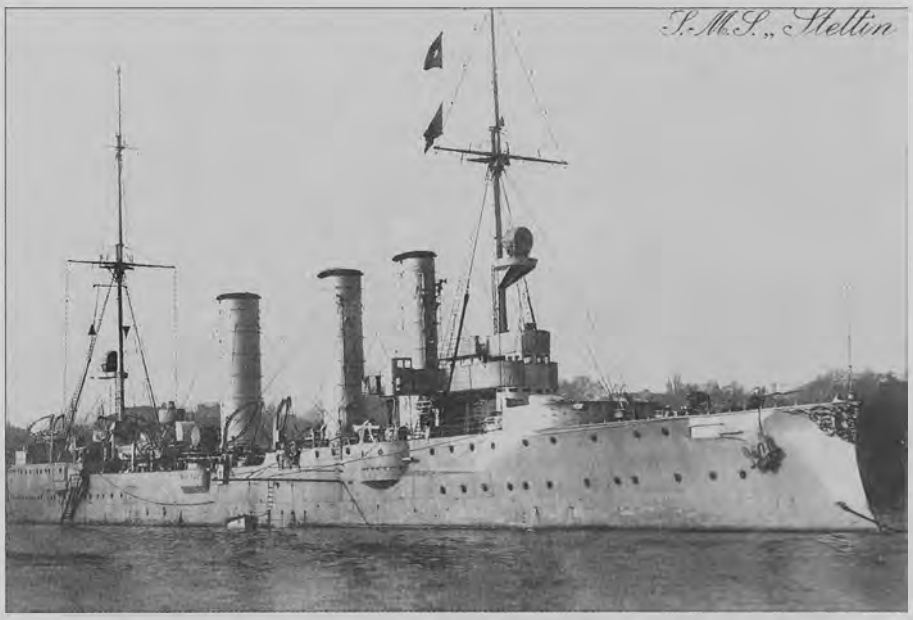
[987]По мнению депутата Рейхстага от национал-либеральной партии Г. Паше, Великобритания, якобы, в ультимативной форме потребовала от Германии прекратить дальнейшее усиление флота. Только благодаря усилиям германской дипломатии удалось предотвратить срыв в военное противостояние. См.: *Hopman A.* Op. cit. S. 129.

На британское пополнение ВМС Германия могла ответить только пятью линкорами типа «Deutschland» (на фотографии вверху — «Schleswig-Holstein») и двумя броненосными крейсерами типа «Scharnhorst» (на фотографии — «Gneisenau»)

В 1900—1907 годах ВМС Германии получили 21 легкий крейсер трех типов: «Gaselle», «Bremen» (на фотографии вверху — «Lubeck») и «Königsberg» ((на фотографии внизу — «Stettin»)

в столице в декабре 1904 г.[988] Поводом к таким разговорам служили продолжающиеся антинемецкие инсинуации английских газет и журналов[989]. Ряд известных и авторитетных британских изданий по-прежнему требовали «уничтожения германского флота, пока он еще не может нанести вред»[990].

Почти безуспешной оказалась «разъяснительная работа», проведенная первыми лицами Германии в британских средствах печати по поводу сложившейся ситуации. Так, в конце 1904 г. Б. фон Бюлов в интервью корреспонденту «Nineteenth-Century» пытался убедить британцев в том, что немцы строят свой флот исключительно из оборонительных соображений. По его мнению, война между Германией и Великобританией приведет лишь к краху их торговли в мире[991]. Этим с удовольствием воспользуются конкуренты, поскольку «получат все без единого выстрела»[992].

Примерно то же самое говорил и кайзер в одном из писем в «Times» в ответ на взволнованное и наполненное большой тревогой обращение одного из английских читателей относительно германского военно-морского строительства. Вильгельм II, в частности, писал: «Ошибочный вывод уважаемого англичанина состоит в том, что он воспринимает нашу флотскую программу как соревнование с Англией, в то время как в действительности мы строим флот только для того, чтобы он в наибольшей степени соответствовал нашим интересам. Это совершенно неверно воспринимать как соперничество»[993]. Кайзер искренно не понимал причин британского раздражения и опасения[994].

Однако по другую сторону Ла-Манша совершенно иначе оценивали германскую морскую политику. 12 января 1905 г. премьер-министр А. Бальфур в своей речи в Глазго подчеркивал необходимость повышения до трехкратного превосходства военно-морских сил страны в первые 24 ч конфликта с другой державой[995]. Хотя это государство не называлось, но всем было понятно, что речь идет о Германии.

Подтверждением тому стала публикация в «Army and Navy gazette», появившаяся также в январе 1905 г. В ней открытым текстом произносилось почти что «последнее предупреждение» в адрес Второго Рейха. В одной из ее строк были такие слова: «Раньше Англия просто уничтожила бы флот, относительно которого мы имели бы основания предполагать, что он может быть использован нам во вред. Мы хотим откровенно сказать, что настоящий момент особенно благоприятен, для того чтобы заявить, что этот флот впредь не должен увеличиваться.

---

[988] *Hopman A.* Op. cit. S. 121.

[989] Grosse Politik. Bd. 19/II. № 6159. S. 376—377.

[990] В частности, с таким заявлением выступало такое издание, как «Army and Navy Gasette». См.: Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. 1904. Bd. 45. S. 235.

[991] То, что германо-британская война приведет к краху германской промышленности и торговли, к захвату германских колоний, к уничтожению строящегося флота, Б фон Бюлов признавал без всяких оговорок. См.: Die Geheimen Papiere Friedrich von Holstein. Bd. 4. № 869. S. 287—288.

[992] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. 1904. Bd. 45. S. 236.

[993] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. S. 445.

[994] *Hopman A.* Op. cit. S. 126.

[995] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. 1905. Bd. 46. S. 184.

Другие страны, вероятно, отнесутся к подобному выступлению с плохо скрываемым удовольствием, если не с явным одобрением»[996].

Завершала эту череду «неприкрытых угроз» Германии известная речь Гражданского Лорда Адмиралтейства А. Ли. 2 февраля 1905 г. он прямо объявил, что «британский флот нанесет удар прежде, чем другая сторона получит время прочесть в газетах об объявлении войны»[997]. А. Ли открыто призвал напасть на германский флот и уничтожить его[998].

Выступление высокопоставленного чиновника тут же было поддержано рядом ведущих британских изданий. «Daily Chronicle» отмечало: «Если бы в октябре 1904 г. германский флот был уничтожен, мы имели бы на 60 лет мир в Европе. Поэтому мы рассматриваем слова сэра А. Ли как благоразумное и миролюбивое провозглашение неизменных намерений "царицы морей", предполагая, что они были высказаны от имени кабинета»[999].

В другом почтенном британском журнале писалось, что «если бы германский флот был уничтожен, мир в Европе был бы обеспечен на два поколения. Великобритания и Франция или Великобритания и Соединенные Штаты гарантировали бы свободу морей и воспротивились бы постройке новых кораблей, составляющих опасное оружие в руках притязательных держав с возрастающим населением и лишенных колоний»[1000]. Подтверждением серьезности намерений англичан стало заявление, сделанное Адмиралтейством в феврале 1905 г. о планируемых маневрах британского флота. В общей канве событий это вполне могло быть расценено как подготовка к нападению на германский флот.

В сообщении Адмиралтейства говорилось, что маневры будут производиться с учетом ухудшения отношений с воображаемой державой или державами. Это, в свою очередь, в любой момент может привести к началу военных действий. Исходя из этой установки, Адмиралтейство сформировало три эскадры для маневров, две из которых должны были курсировать в европейских водах[1001].

Вильгельм II был возмущен такими действиями британской стороны. Особо он негодовал по поводу речи А. Ли, рассматривая ее как официальную позицию британского руководства. Он немедленно вызвал посла Ф. Лассэлса и потребовал объяснений по этому поводу[1002]. Кайзер считал, что выступление Гражданского Лорда британского Адмиралтейства служит делу подстрекательства Франции к антигерманскому выступлению. Вильгельм II был убежден, что таким образом англичане хотели вынудить Германию к ссоре, «которая была бы выгодна исключительно только им»[1003].

---

[996] *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 279.

[997] British Documents. Vol 6. № 124. P. 197; *Шацило К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. (1906—1914 гг.) М., 1968. С. 32.

[998] *Müller G.A.* Op. cit. S. 61.

[999] *Reventlow E.* Deutschlands auswärtige Politik. 1888 bis 1914. Berlin, 1916. S. 253; *Бюлов Б.* Внешняя политика Германии. С. 25.

[1000] Там же. С. 26.

[1001] См.: Программа маневров английского флота в 1905 году. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 3. С. 1—2.

[1002] *Müller G.A.* Op. cit. S. 61.

[1003] Ibid.

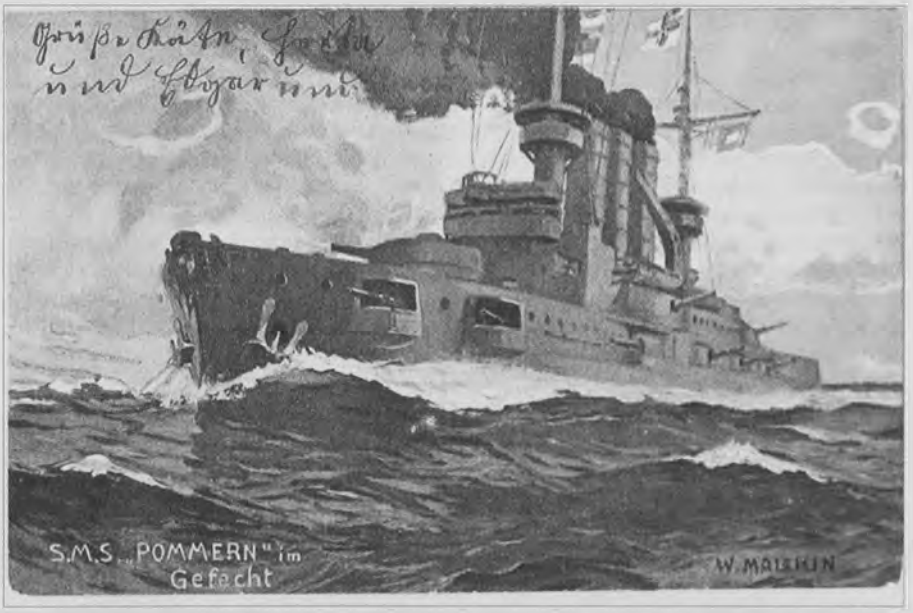
Германский флот на маневрах

Для урегулирования возникшего скандала он потребовал от официального Лондона дезавуировать выступление А. Ли. Своему ближайшему окружению кайзер в эти дни говорил, что, несмотря на угрожающие заявления англичан, Германия все равно будет продолжать политику увеличения собственного флота[1004]. Такое твердое намерение Вильгельма II в той довольно напряженной ситуации разделялось не всеми его военно-морскими советниками. В частности, флигель-адъютант контр-адмирал Г.А. фон Мюллер считал, что лучшим вариантом на тот момент было бы некоторое уменьшение намечаемых планов военного кораблестроения[1005], чтобы не давать повода для агрессивных намерений англичан.

[1004]В частности, кайзер говорил об этом с флигель-адъютантом контр-адмиралом Г.А. фон Мюллером 4 февраля 1905 г. Ibid.

[1005]Речь идет о параметрах обсуждаемой в это время нового «Закона о флоте», который будет принят в 1906 г. См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/666. Aufzeichnung des Kapitäns z. S. Dähnhardt für den Staatssekretär des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, vom 31 Mai 1905 zur besonderer Form der geplanten Novelle zum Flottengesetz // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 317—320; BA—MA. Freiburg. RM 3/6. Entwurf der Denkschrift des Staatssekretärs des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, für den Reichskanzler, Fürst v. Bülow, Mitte November 1905 zur politischen Begründung der Flottennovelle 1906 // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Welt-politik. S. 182—185.

Германские открытки начала XX века, посвященные военно-морским силам: корабли в Киле (вверху) и линейный корабль «Поммерн»

Германская открытка начала XX века с изображением броненосца береговой обороны «Siegfried»

Вместо создания кораблей третьей двойной эскадры, чего так страстно желал кайзер, Г.А. фон Мюллер предлагал ограничиться лишь строительством кораблей замены. Это, по его мнению, не вызовет большого раздражения у англичан. Если же они, даже при таких действиях, все-таки попытаются начать войну, то им следует открыто заявить, что Германия прямо поведет свои войска на Индию и Египет. Тогда, по мнению Г.А. фон Мюллера, «возможно, они останутся на мирном пути соперничества с Германией и не нанесут вреда нашему флоту, который нужен для защиты нашей торговли от политического насилия»[1006].

Таким образом, в споре относительно выбора наиболее правильной, разумной и дальновидной линии поведения в сложившейся чрезвычайной политической обстановке флигель-адъютант оказался союзником А. фон Тирпица. Военно-морской статс-секретарь также стремился не допустить начало боевых столкновений с британцами раньше положенного времени.

Твердая настроенность германского руководства ни при каких условиях не отказываться от создания мощных и современных военно-морских сил означала лишь постоянное сохранение одного из серьезных источников напряженности в отношениях с англичанами. О непреклонности кайзера в решении про-

---

[1006] См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/4. AB 91—92. Schreiben des Flugeladjutant Kontreadmiral v. Müller an den Staatssekretär des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, vom 8. Februar 1905 zur Flottenrüstung gegen England // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 316.

должать строительство флота, свидетельствовала его речь 22 марта 1905 г. в Бремене при открытии памятника кайзеру Фридриху III. Вильгельм II сказал буквально следующее: «С каждым спущенным со стапелей кораблем увеличивается гарантия мира, и все меньше наши враги хотят с нами связываться, и тем ценнее мы становимся как союзники»[1007].

Англичане также не собирались отступать от своего доминирующего положения на море, о чем недвусмысленно было заявлено премьер-министром А. Бальфуром в Палате общин 14 марта 1905 г. Даже намек на попытку какого-либо государства поставить под сомнение данное положение рассматривалась как покушение на безопасность Великобритании[1008].

Ситуация еще более усугубилась последующими неудачными внешнеполитическими ходами официального Берлина. Речь идет, прежде всего, о марокканской авантюре кайзера Вильгельма II в конце марта 1905 г., организованной внешнеполитическим ведомством и одобренной Б. фон Бюловом[1009]. Она носила откровенно антифранцузский характер, учитывая столкновение интересов германского и французского капиталов в этой североафриканской стране[1010], и, соответственно была направлена против укреплявшегося англо-французского альянса.

Воинственная настроенность Германии по отношению к Франции в июле 1905 г.[1011] при решении спора относительно «марокканских дел»[1012] была обра-

---

[1007]См.: Rede Kaiser Wilhelm II. bei der Enthullung des Denkmals fur Kaiser Friedrich III. In Bremen am 22 März 1905 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 322—323.

[1008]См.: Grosse Politik. Bd. 23/I. № 7784. S. 47—48.

[1009]Bulow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Berlin, 1930. S. 104—106.

[1010]*Rosen F.* Aus einer diplomatischen Wanderleben. Berlin. 1931. S. 132.

[1011]Такая внешнеполитическая активность Германии была также обусловлена тем, что главный союзник Франции — Россия, как считали в Берлине, не сможет оказать действенную военную помощь ввиду поражения в войне против Японии и разворачивающейся внутри страны революции.

[1006]См.: BA—MA. Freiburg. RM 3/4. AB 91—92. Schreiben des Flugeladjutant Kontreadmiral v. Müller an den Staatssekretär des Reichsmarineamts, Admiral v. Tirpitz, vom 8. Februar 1905 zur Flottenrüstung gegen England // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 316.

[1007]См.: Rede Kaiser Wilhelm II. bei der Enthüllung des Denkmals für Kaiser Friedrich III. In Bremen am 22 März 1905 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 322—323.

[1008]См.: Grosse Politik. Bd. 23/I. № 7784. S. 47—48.

[1009]Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Berlin, 1930. S. 104—106.

[1010]*Rosen F.* Aus einer diplomatischen Wanderleben. Berlin. 1931. S. 132. 1897—1904. Zweibund/Englisch-Deutscher Gegensatz. Berlin, 1919. Anl. 5. S. 56.

[1011]Такая внешнеполитическая активность Германии была также обусловлена тем, что главный союзник Франции — Россия, как считали в Берлине, не сможет оказать действенную военную помощь ввиду поражения в войне против Японии и разворачивающейся внутри страны революции.

[1012]Один из влиятельнейших представителей германского внешнеполитического ведомства Ф. фон Гольштейн выступал за войну против Франции в случае, если она не пойдет на уступки в рассмотрении марокканской проблемы. Такое же настроение духа было и у начальника генштаба А. фон Шлиффена. См.: *Massie R.K.* Op. cit. S. 357.

щена также и против Великобритании[1013], что ясно осознавали в Лондоне[1014]. Точно так же там оценили и неудавшуюся попытку Вильгельма II заключить с российским императором Николаем II в 20-х числах июля 1905 г. Бьеркское соглашение[1015]. После всех провалов усилий германской дипломатии разрушить и англо-французское «сердечное согласие», и франко-русский союз[1016] политическое давление Берлина на Париж еще больше усилилось[1017], что повлекло за собой автоматически обострение германо-британских отношений. Поэтому в октябре—ноябре 1905 г. опасность войны между двумя государствами резко возросла[1018], тем более что в Лондоне было известно о работе немцев над новым «Законом о флоте»[1019].

Пангерманцы в лице профессора Т. Шимана пытались убедить политическое руководство страны и немецкую общественность в том, что нет ничего страшного в сложившейся ситуации[1020], что Германия возьмет в «заложники Францию» в случае нападения на нее Великобритании. В ответ на подобные инсинуации в германской печати в октябре 1905 г. французская «Matin» опубликовала статью, в которой прямо было заявлено, что в случае нападения Германии на

[1013] *Vogel B.* Op. cit. S. 235; *Steiner Z.* Op. cit. P. 43—45. В западной исторической литературе существует и другое мнение относительно воинственности А. фон Шлиффена. Например, такие маститые ученые, как Ф. Фишер и Г. Риттер полагают, что нет убедительных доказательств того, что начальник германского Генерального штаба стремился к превентивной войне против Франции. См.: *Fischer F.* Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911 bis1914. Königstein, 1978. S. 97; *Ritter G.A.* Der Schliffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956. S. 119. Вместе с тем целый ряд документов в опубликованных сборниках, в том числе и в самой Германии, говорит совершенно о другом.

[1014] Весной 1905 г. британский монарх Эдвард VII дважды посетил Францию во время своего вояжа в Алжир. Он имел встречи с президентом Э. Лубэ и министром иностранных дел Т. Делькассе, что, несомненно, способствовало укреплению «entente cordiale». См.: Zur Europäischen Politik 1897—1914. Unveröffentlichte Dokumente. Bd. 1.

[1015] Подробнее о содержании Бьеркского соглашения, о целях его заключения со стороны кайзера и о причинах краха его реализации см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 335; Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 11—13. S. 65—69; Der Vertrag von Björke // Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. S. 373—381.

[1016] Как показывает переписка Вильгельма II с Николаем II в 1904—1907 гг., германский император лелеял мысли о создании союза трех континентальных держав — Германии России и Франции против Великобритании. См.: *Тарле Е.В.* Императоры Вильгельм II и Николай II в 1904—1907 гг. Неизданная переписка. Пг., 1917. С. 21—43; *Людвиг Э.* Указ. соч. С. 160—161.

[1017] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 317.

[1018] Иностранные представители в Лондоне отмечали в октябре—ноябре 1905 г. почти общее единодушие англичан в их антипатии к немцам и особенно к кайзеру и рейхсканцлеру Б.фон Бюлову. См.: Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 18, 21. S. 79—81, 84—85.

[1019] Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 24. S. 90—91.

[1020] Пангерманцы являлись, пожалуй, единственными людьми в Германии, кроме определенной части некоторых военных, разделявшими их взгляды, которые желали войны и с Англией, и с Францией. См.: Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 27. S. 94—95.

Флот был «любимым детищем» германского императора. На фотографии он вместе с императором Николаем II на борту линейного корабля «Kaiser Wilhelm II»

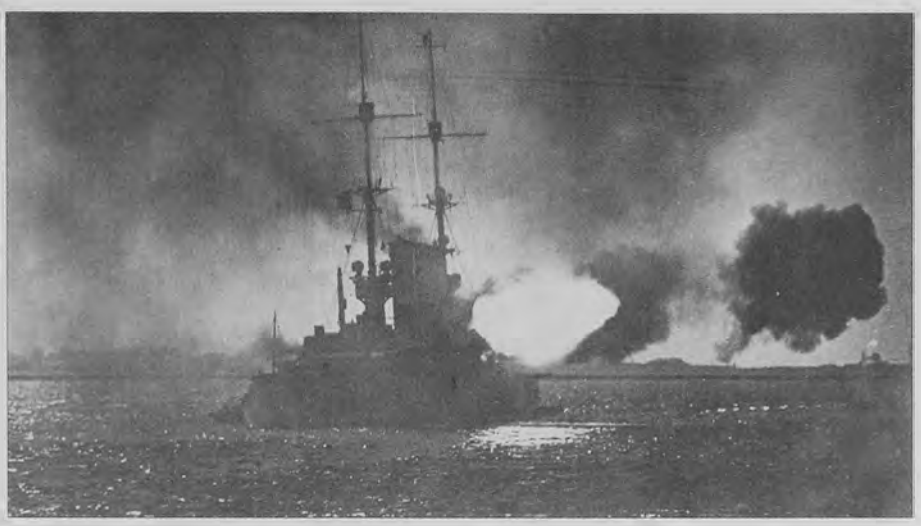
Францию британский флот немедленно нападет на «Канал кайзера Вильгельма» и Киль. Более того, британцы осуществят десантную операцию силами 100-тысячной армии в Шлезвиг-Гольштинии[1021].

Однако такая неестественная воинственность была исключением на фоне общего подавленного, пессимистического настроения населения страны[1022]. Большую тревогу выражали военно-морские круги и, прежде всего, ведомство А. фон Тирпица. Понятно было, что в случае начала боевых действий удар будет нанесен с моря по строящемуся флоту со всеми вытекающими отсюда для него тяжелыми последствиями[1023]. Эта мрачная с военно-политической точки зрения

[1021]См.: Erdbrügger H. W. England — Deutschland und die zweite Haager Friedenskonferenz. Münster, 1935. S. 13.

[1022]Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 26. S. 92—94.

[1023]А. фон Тирпиц, предвидя возможность появления ситуации, несущей опасность войны, ситуации, еще в октябре 1902 г. дал рекомендации капитан-лейтенанту Гольвегу относительно содержания будущей брошюры о германо-британской войне. Это издание должно было быть рассчитано, прежде всего, на британцев. В нем, как говорил А. фон Тирпиц, следовало красной нитью провести мысль о том, что от этой войны проиграют Германия и Великобритания. В выигрыше будут только Франция, Россия и США. См.: BA—MA Freiburg, RM 3/11679. Aufzeichnung des Vizeadmirals v. Tirpitz für den Kapitänleutnant Hollweg vom 16 Oktober 1902 über Zweck, Form und Inhalt einer Broschüre über einen deutsch-britischen Krieg // *Berghahn V.R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. S. 212.

Учебные стрельбы линейного корабля «Braunschweig»

перспектива потерять в одно мгновение «любимое детище» заставляла серьезно задуматься и вспыльчивого кайзера. Единственное, что было реальным в той напряженной ситуации — это выступить публично против ряда британских изданий, особенно усердствовавших в нагнетании «военных страстей»[1024]. Кроме того, император отозвал в ноябре 1905 г. посла П. фон Меттерниха из Лондона и частично мобилизовал флот[1025].

Однако на что-то более серьезное сил и возможностей у Германии пока не было. Еще не наступило то время, когда можно было бы заявить не только о своих правах, но и, если надо, подтвердить их силой, вплоть до военных действий даже против Великобритании. Причем убежденность в неизбежности наступления такого времени была не только в «верхах»[1026], но и в «низах»[1027] германского общества.

[1024]Речь идет о таких изданиях, как «National Review», «Times» и «Daily Mail». См.: Marder A.J. From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 112.

[1025]British Documents. Vol. 6. № 81. P. 131.

[1026]Еще в конце июня 1905 г. кайзер с участием Б. фон Бюлова и Г. фон Мольтке, который сменит 1 января 1906 г. А. фон Шлиффена на посту начальника Генерального штаба, провел совещание относительно войны с Великобританий. В результате был сформулирован прогноз, что Германия рано или поздно все равно подвергнется нападению со стороны британцев и что война будет носить затяжной характер. Поэтому к ней необходимо готовиться очень основательно. См.: *Макдоно Дж.* Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 437.

[1027]В сентябре 1905 г. журналист М. Гарден со страниц своего издания « Zukuft» открыто говорил о неизбежности в будущем войны между Германией и Англией. См.: Zukuft. 16. 09. 1905.

Опасения берлинских властей перед возможной морской войной объяснялись еще осознанием очевидного факта, что после 1904 г. в случае начала боевых действий на море германскому флоту, наверное, придется противостоять объединенным англо-французским силам[1028]. Тяжелые последствия такого противостояния даже не поддавались сразу точной оценке.

В сухопутной армии, несмотря на воинственный дух ее генералов[1029], также было далеко не все благополучно. Кайзер признавался Б. фон Бюлову в конце декабря 1905 г., что процесс перевооружения артиллерии и пехотных частей еще не закончен, что укрепление крепостей на границе не завершено. Поэтому начинать войну при таких обстоятельствах, как он считал, было никак нельзя[1030]. Наконец, нерешенность «внутреннего социалистического вопроса»[1031] также не позволяла германским властям допустить развитие событий по военному сценарию.

Относительно британской стороны, которая, несмотря на внешне проявленную решимость, все-таки не пошла на военный конфликт с Германией, следует отметить несколько причин ее «сдержанности». С конца 1904 г. по август 1905 г.[1032] в британском Адмиралтействе не исключали даже возможность войны против коалиции государств — Германии, России и Франции[1033]. Затем, когда выяснилась вся авантюрность и тщетность действий Берлина, стало ясно, что требуется выработка координации действий британского и французского флотов в случае боевых действий на море против немцев.

Неофициальные контакты между военно-морскими структурами были установлены в июле 1905 г.[1034] Однако к каким-либо практическим результатам это не привело. Одна из главных причин такого положения дел заключалась в английской традиции «избегать союзов и коалиций». К тому же британский флот был настолько мощным, а французские военно-морские силы в этот период

[1028] British Documents. Vol. 6. № 74. P. 106—107.

[1029] О готовности и решимости германской армии к войне убедительно говорил прусский военный министр Карл фон Эйнем. См.: *Einem K.* Op.cit. S. 111—112.

[1030] Kaiser Wilhelm II. an Bülow: Aussere und innere Bedingungen für einen Krieg. 31 Dezember 1905 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 357; Reichskanzler Bernhard von Bülow über die von Kaiser Wilhelm II in seinem sogenannten Silvesterbrief vom 31. Dezember 1905 geäusserten Gedanken zur aussen- und innenpolitischen Vorbereitung eines Krieges des Deutschen Reiches // Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen-und aussenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. Berlin, 1977. S. 95.

[1031] Речь идет о необходимости обезвреживания социал-демократической партии Германии, которая, как полагал кайзер, будет разлагать германское общество изнутри в случае начала войны. См.: *Bülow B.* Denkwürdigkeiten. Bd. 2. S. 197—198; *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 603.

[1032] В этот период Германия активно пыталась вбить клин между Великобританией с одной стороны, Францией и Россией с другой стороны.

[1033] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 111.

[1034] Согласно сведениям советского историка В.М. Хвостова, переговоры о военном сотрудничестве между Великобританией и Францией против Германии начались в апреле 1905 г. См.: *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 604.

В 1901—1906 годах ВМС Франции пополнились пятью линейными кораблями тип «Republique» (на фотографии вверху — «Democratie») и броненосными крейсерами типа «Leon Gambetta»

переживали свои не лучшие времена[1035], что при необходимости, по словам Дж. Фишера, он один мог не оставить у Германии «ни одного целого судна или колонии»[1036].

Подобное заявление не являлось каким-то преувеличением. Соотношение кораблей разного класса отражало явное превосходство англичан. По данным, которыми располагали немцы в 1905 г., соотношение по эскадренным броненосцам между Великобританией и Германией было следующим: 66 (60 в наличии и шесть строящихся, общий тоннаж 909 280 т) и 25 (20 в наличии и пять строящихся, общий тоннаж — 292 391 т), по броненосным крейсерам — 82 (71 в наличии и 11 строящихся, общий тоннаж — 814 791 т) и 14 (12 в наличии и два строящихся, общий тоннаж — 114 596 т)[1037].

Тем не менее, такой расклад сил, по мнению германских аналитиков, еще не являлся достаточным для полномасштабной операции в Северном море. Не случайно после возобновления 12 августа 1905 г. англо-японского союза[1038] часть британских военных кораблей была переброшена с Дальнего Востока в Северное море для усиления имевшейся группировки. Кроме того, надо учитывать, что успех морского сражения определяется не только количеством кораблей, но и эффективностью, слаженностью действий флота в целом. С этим у англичан, по признанию самого Дж.Фишера, на тот момент было далеко не все благополучно[1039]. Для устранения подобного недостатка требовалось время. К тому же настроения на флоте под влиянием политических событий в России в 1905 г. были далеко не спокойными.

Далее, предполагаемая война против Германии предусматривала проведение операций не только на море, но и на суше, поскольку немцы, вне всяких сомнений, начали бы боевые действия против Франции в соответствии с так называемой теорией «заложника»[1040]. Вот здесь-то для британцев начинались проблемы. У них, по сравнению с Германией, был явный недостаток сухопутных войск и малочисленный офицерский корпус.

[1035]Действительно, в табели рангов морских держав Франция опустилась на третью позицию. В стране происходила частая смена военно-морских министров, что не способствовало выработке какой-то последовательной единой флотской политики. По признанию зарубежных специалистов, в возможном морском сражении французы безоговорочно проиграли бы немцам. См.: Возрастание за последние годы французского и германского флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 3. С. 6.

[1036]*Marder A.J.* Op. cit. P. 118.

[1037]См.: Численность и общее водоизмещение крупных судов главных флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 2. С. 4.

[1038]*Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 585—586.

[1039]Во всяком случае, в октябре 1904 г., когда произошел инцидент с эскадрой З.П. Рожественского у Доггер-Банки (Гулльский инцидент), Дж. Фишер констатировал невозможность силового его решения ввиду неготовности флота Великобритании к эффективным действиям. См.: *Романова Е.В.* Путь к войне. С. 50.

[1040]Об этом свидетельствовал очень воинственный настрой начальника германского Генерального штаба А. фон Шлиффена в конце 1905 г. См.: *Хвостов В.М.* Указ соч. С. 602; *Moritz A.* Das Problem des Präventivkrieges in der deutschen Politik in der ersten Marokkokrisen. Frankfurt a. M. — Bern, 1974.

На 1 октября 1904 г. на британских островах регулярная армия насчитывала 137 496 человек. В случае войны она могла быть усилена за счет колониальных (72 806 человек) и индийских войск (76 938 человек). Однако для их переброски, во-первых, требовалось время, а во-вторых, отдаленные территории все равно нельзя было полностью оголять. Безусловно, у англичан еще имелся армейский резерв, милиция, милицейский резерв, волонтеры. Однако их боеспособность оставляла желать лучшего[1041].

Напротив, германская сухопутная армия по праву считалась одной из самых лучших не только в Европе, но и в мире. На тот момент она насчитывала 616 811 солдат и офицеров. В случае войны ее численность могла быть доведена до 1 950 000[1042]. Именно этим обстоятельством, то есть наличием мощнейшей и боеспособной армии у немцев, как считал один из бельгийских представителей в Лондоне в мае 1905 г., был обусловлен «миролюбивый» настрой Эдварда VII на общем фоне враждебности английского общества по отношению к Германии[1043].

«Несколько странная позиция» Дж. Фишера также вразумляюще повлияла на особо «горячие головы» в Лондоне. Эта «странность» выразилась в том, что он не хотел предоставлять флот для обеспечения перевозки войск на европейский континент, приведя этим заявлением в шоковое состояние армейское руководство. Первый Морской лорд считал, что его сферой должны быть морские сражения, но никак не транспортировка армейских частей и их охрана[1044].

К внутреннему фактору, сдерживавшему британскую сторону от принятия «силового решения», следует отнести и «дредноутный козырь», который был пока только в руках британцев и, как они надеялись, останется в таком качестве на очень долгое время, во всяком случае, по отношению к Германии[1045]. Поэтому, какой смысл был особенно спешить? Как полагали в Адмиралтействе, «разделаться с немцами» всегда можно успеть.

Наконец, нельзя забывать, что внутренние разногласия в правящей партии относительно экономической стратегии государства[1046], а также общее обострение политической обстановки в масштабах всей Великобритании[1047] привели к

[1041] См.: *Neuschler-Ludwigsburg O.* Das englische Landheer. Halle, 1906. S. 46—47.

[1042] См.: Dokumente zur deutschen Geschichte. Bd. 2. 1905—1909. Berlin, 1976. S. 137.

[1043] Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl.6. S. 57—59.

[1044] *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. 1. P. 119.

[1045] Grosse Politik. Bd. 23/I. №. 7777. S. 35—37.

[1046] Речь идет о разногласиях между А. Бальфуром и Дж. Чемберленом относительно того, какой экономической стратегии следовать государству — фритредерству ил протекционизму. В ноябре 1905 г. Дж. Чемберлен подал в отставку. См.: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в начале XX века. М., 1920. С. 100.

[1047] В стране в результате замедления темпов промышленного развития, усиления эксплуатации трудящихся, падения жизненного уровня, а также под влиянием русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., проходили митинги и демонстрации рабочих, сопровождавшиеся ожесточенными схватками с полицией. В стране явно назревал политический кризис. Представители созданной в 1900 г. рабочей (лейбористской) партии на выборах 1906 г. получили 29 мест в парламенте. См.: *Кучинский Ю.* Положение рабочего класса в Англии (1832—1956). М, 1958. С. 170—171, 179. *Голлан Дж.* Политическая система Великобритании. М., 1955. С. 106.

досрочной отставке кабинета консерваторов А. Бальфура. В стране были объявлены новые парламентские выборы[1048]. До их проведения с 5 декабря 1905 г. правительство возглавил либерал Г. Кэмпбелл-Баннерман[1049]. Поэтому затевать такое серьезное дело, как война, в такой нестабильной внутренней обстановке англичане просто не могли[1050]. Приоритетной для них, безусловно, оставалась внутренняя политика. К тому же новая власть в лице ее премьер-министра прямо выступила перед избирателями против принципа военного вооружения и, соответственно, против обострения внешнеполитической ситуации[1051].

Таким образом, события конца 1904—1905 г. стали первым серьезным испытанием все более обостряющихся германо-британских отношений. В этот отрезок времени угроза начала войны между двумя государствами была вполне реальной, что с особой остротой почувствовали в Берлине. Германия, ввиду своей, главным образом, морской неготовности, закономерно стремилась избежать военного столкновения с «морской владычицей мира». Британцы в силу объективных и субъективных причин также не решились на открытые боевые действия, ограничившись лишь угрожающими заявлениями. Впрочем, даже этим они привели в немалое смятение официальный Берлин.

Впервые германская военно-морская политика стала одним из главных объектов и причин резкого ухудшения двухсторонних отношений вплоть до угрозы начала военных операций. В результате каждая из сторон сделала для себя собственные выводы. Германское руководство посчитало, что наиболее правильным будет не просто продолжение политики строительства флота, а ее ускорение, чтобы как можно быстрее пройти так называемую «зону риска» и тем самым уменьшить вероятность нападения британцев. Запущенный в эти годы в Англии жупел «германского нападения», а в Германии — «британского нападения» стал постоянным фактором в двухсторонних отношениях вплоть до конца 1911 г.[1052]

[1048] *Галеви Э.* Указ. соч. С. 392.

[1049] Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 29. S. 97—98.

[1050] Хотя сам лично А. Бальфур был настроен очень решительно и особенно не скрывал своих воинственных настроений в отношении Германии. См.: Zur Europäischen Politik 1897—1914. Bd. 1. Anl. 24. S. 90—91.

[1051] *Spender J.A.* Life of the Right Honorable Sir Campbell-Bannerman. Vol. 2. London, 1923. P. 327—328.

[1052] *Синегубов С.Н.* Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904—1911 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4/1 (64/1). С. 202—210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема германо-британского морского соперничества в начале XX в. в силу политических, экономических и международных особенностей, в которых она формировалась, вышла за рамки двух государств. Она стала фактором европейского, а в итоге — мирового масштаба. Ее возникновение предопределялось поздним вхождением кайзеровской Германии в «высшую лигу» мировых держав, где места были уже давно распределены. Заявить о своих правах можно было только с помощью весомых и убедительных аргументов в виде мощных армии и флота. С армией у немцев после 1870—1871 гг. проблем не возникало: она по праву считалась одной из самых лучших не только в Европе, но и во всем мире. С флотом все обстояло иначе. Начиная со второй половины XVII в. и вплоть до конца 90-х гг. XIX в. делались безуспешные попытки превратить Пруссию, а затем и объединенную Германию в морскую державу «второго ранга». С вступлением страны на путь империалистического развития, когда усилилось экономическое и политическое влияние новых промышленно-финансовых групп на государство, этот вопрос приобрел по-настоящему национальное значение. Со своими основными конкурентами в лице Франции и России Германия могла решать проблемы с помощью сухопутной армии. Это достаточно наглядно показала Франко-германская война 1870—1871 гг. В последующем знаменитый план А. фон Шлиффена предусматривал именно такой путь войны против двух государств одновременно.

Для выяснения отношений с Великобританией как островным государством, имеющим самый сильный флот в мире, такое оружие являлось практически бесполезным. Поэтому мощному флоту британцев можно было противопоставить только аналогичный, не уступающий ему принципиально, свой боевой флот. Это осознал в полной мере А. фон Тирпиц, когда он еще не являлся военно-морским статс-секретарем и не мог оказывать реальное воздействие на морскую политику государства. В его меморандумах, написанных в 90-е гг. XIX в., четко прослеживались две основные мысли. Во-первых, Германии нужен новый сильный линейный флот. Во-вторых, этот флот будет ориентирован на противостояние с Великобританией. Сколько бы в последующем А. фон Тирпиц ни говорил, что создаваемые им военно-морские силы носят исключительно оборонный характер, что они призваны, прежде всего, защищать торговые интересы Германии в мире, эти слова не воспринимались серьезно ни экспертами, ни политиками других стран. Особенно это касалось британцев. Совершенно очевидно даже не для специалиста, что провести грань между оборонительными и наступательными функциями хорошо оснащенного линейного флота, который стал создаваться в «тирпицевскую эпоху», затруднительно. В зависимости от ситуации любая из них могла с успехом осуществляться. Таким образом, вначале в теоретическом, а затем и в практическом воплощении морская политика А. фон Тирпица имела антианглийскую направленность. Создаваемые им военно-морские силы должны были стать орудием политического, а если надо, то и военного давления на Великобританию. Следовательно, такая стратегия предопределяла противостояние двух государств в морской области, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, вплоть до военного столкновения.

Военная основа для развития событий именно по такому сценарию была заложена двумя «Законами о флоте», принятыми в Германии в 1898 г. и 1900 г. Эти два документа взаимосвязаны. В исторической литературе имеет место утверждение, что если бы А. фон Тирпиц ограничился только законом 1898 г., то никаких проблем в отношениях с англичанами не возникло бы. Но даже на теоретическом уровне это утверждение не выдерживает критики. Да, будущий германский флот в рамках первого проекта был бы не опасным для британцев. Они не выражали какой-либо обеспокоенности по поводу начала реализации закона. В Лондоне не знали о далеко идущих морских планах Берлина. Там еще не понимали, что 1898 г. является лишь началом реализации широко задуманной программы, результатом которой станет строительство новых, более мощных военно-морских сил Германии. Их количественный и качественный состав А. фон Тирпиц определил уже в «Эмском меморандуме». Вопрос о принятии второго «Закона о флоте» встал на повестку дня вскоре после событий 1898 г. Благоприятная в экономическом и политическом отношении внутренняя ситуация на фоне разворачивающихся германо-британских противоречий подтолкнула военно-морского статс-секретаря и кайзера добиваться этого в 1900 г. В результате на свет появился второй «Закон о флоте», который не оставил англичан безучастными. Сильную их тревогу, начиная с 1902 г., стало вызывать два обстоятельства: двукратное (по сравнению с законом 1898 г.) усиление мощи будущего германского флота и его антибританская направленность. Таким образом, законы 1898 и 1900 гг. предопределили на ближайший период времени очень опасное, с военной и политической точек зрения, морское соперничество двух государств. Гипотетически этого всего можно было избежать при двух условиях. Первое из них сводилось бы к намеренному прекращению германскими властями военно-морского строительства в законодательно утвержденных масштабах. Второе условие заключалось бы в добровольном отказе британцев от доминирующего положения на море. Ни то, ни другое в тех конкретных исторических обстоятельствах не могло быть выполнено.

Традиционно морское соперничество между двумя странами хронологически определяется 1906—1914 гг., когда гонка морских вооружений приобрела открытый характер. Однако ее признаки формировались уже в предшествующие годы, начиная с 1900 г. Поэтому период 1900—1906 гг. можно определить как время вызревания противоречий на море между двумя народами. Этот этап характеризовался своими особенными чертами.

Осознание «немецкой угрозы» пришло к англичанам не сразу. Хотя после знакомства с положениями «Закона о флоте» 1900 г. в британской прессе появились тревожные ноты. С середины 1902 г., после окончательного краха германо-британских переговоров о союзе, в Форин оффис и в Адмиралтействе все чаще стали говорить о Германии как о «враге № 1». Естественно, сразу перестроить и внешнеполитическую, и морскую стратегии англичане не могли. Тем более что в числе опасных основных соперников «туманного Альбиона» формально еще оставались Франция и Россия. Следуя существовавшей логике, британским властям надо было бы тогда осуществлять морскую политику не «двухдержавного», а как минимум «трехдержавного стандарта». С учетом же произошедшего с первых годов XX в. резкого роста военно-морских сил таких государств, как Япония, США, Италия, Австро-Венгрия, речь могла идти даже о

«семидержавном стандарте». Финансово вынести бремя «трехдержавного стандарта», не говоря уже о «семидержавном», экономика Британской империи не могла, несмотря на то, что она была самой мощной на всем земном шаре.

Для сохранения лидирующего положения в мире властям страны надо было вносить серьезные коррективы в стратегию не только морской, но и всей внешней политики. К этому подталкивали и неблагоприятные события рубежа XIX и XX веков. Англо-бурская война 1899—1902 гг. показала всю порочность и опасность политики «блестящей изоляции». Тогда, как известно, Лондон вполне конкретно столкнулся с угрозой коалиции европейских держав против него. Из этой ситуации также были сделаны соответствующие выводы.

В результате морской и внешнеполитический факторы (потеря абсолютного господства на море и абсолютной свободы действий) заставили «островитян» поменять ориентиры во внешней стратегии. Это было сделано ввиду появления нового врага в лице кайзеровской Германии. Поэтому неожиданно для немцев, считавших непреодолимыми англо-французские и англо-русские противоречия, британцы, вначале заключили договор с Японией в 1902 г., а затем — в 1904 г. «сердечное соглашение» с Францией. Для Б. фон Бюлова и А. фон Тирпица это означало крах их «мировой политики» и теории «флота риска». Ведь в своих построениях глава германского Военно-морского ведомства исходил из того, что в складывающемся морском противостоянии Германии и Великобритании британцы будут одни, без каких-либо союзников. Однако осознание ошибочности данного положения пришло не сразу.

Следует признать, что у главных стратегов германской морской и внешней политики на этапе 1900—1906 гг. не хватило проницательности и дальновидности, чтобы просчитать последствия начавших меняться военных и политических реалий. По существу, они оказались в плену созданных ими теорий, которые, как показала жизнь, носили догматический характер. По инерции запущенная германскими властями машина строительства военно-морского флота продолжала двигаться вперед, все больше и больше пугая англичан. Ответным их действием стала реорганизация флота, предпринятая в широких масштабах Дж. Фишером, когда он в конце октября 1904 г. занял пост Первого Морского лорда. Осуществленные им меры привели к тому, что уже к концу 1906 г. 75 % британских военно-морских сил были сконцентрированы в Северном море. Адмиралтейство ориентировало их, в первую очередь, на возможную войну с немцами.

По-прежнему основополагающим принципом морской политики Великобритании оставался «двухдержавный стандарт», предполагавший превосходство британского флота над флотами двух сильнейших государств. Это вводило в заблуждение Берлин. А. фон Тирпиц искренно считал, что каждый построенный за пределами Великобритании военный корабль ослабляет морскую мощь британцев и тем самым помогает немцам достичь главной стратегической цели — создать флот, уступающий по силе британскому всего на $^1/_3$. С учетом особых отношений англичан с французами и невысокого боевого потенциала российского флота после войны с Японией, фактически «двухдержавный стандарт» в конце 1904—1906 гг. был направлен только против Германии.

Уже на первом этапе военно-морского соперничества, когда оно еще не приняло открытой формы, стали проявляться признаки глубокого морского антаго-

низма. Впервые это ярко дало о себе знать в конце 1904—1905 гг. Именно тогда разразился кризис между Германией и Великобританией. Формальным основанием его возникновения считалось обвинение англичанами немцев в нарушении ими положений нейтральной стороны в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Германская пароходная фирма HAPAG в обход существовавших тогда норм морского права осуществляла снабжение углем российской эскадры З.П. Рожественского, шедшей на дальневосточный театр боевых действий, что, по мнению, британцев, было недопустимым.

Истинные причины конфликта заключались в последовательном и уверенном воплощении в жизнь немцами их последнего «Закона о флоте». В период с конца октября 1904 г. по декабрь 1905 г. обострилась опасность войны между двумя странами. Это была первая реальная возможность, когда англичане могли решить «германскую проблему» военным путем, разгромив строящийся немцами флот. В силу целого ряда причин как с одной стороны, так и с другой, эта напряженная ситуация была разрешена поворотом к миру. Вместе с тем, она показывала, какую большую опасность представляет морская проблема не только для двухсторонних отношений, но и для дела безопасности во всей Европе. Берлин и Лондон из событий конца 1904—1905 гг. сделали свои выводы.

В обеих столицах по-разному видели пути решения проявившихся морских противоречий. Британцы посчитали, что лучшим способом будет не только количественный отрыв от германского конкурента, но и качественное превосходство над его флотом. Но совершенная ими в 1905 г. «дредноутная революция» не оправдала возложенных на нее надежд. Немцы, напрягая все свои экономические возможности, пусть немного с опозданием, все-таки совершили собственный «дредноутный скачок», зафиксировав его в новом «Законе о флоте» 1906 г. В результате ситуация не только не упростилась, а наоборот стала еще более сложной, так как «с чистого листа» начиналась уже открытая гонка дредноутов.

Вместе с тем нельзя утверждать категорически, что германо-британские отношения уже дошли до такого состояния, что возникшие проблемы можно было решить только с помощью войны. Альтернатива военному конфликту и теоретически и практически существовала. В обоих государствах существовали экономически и политически влиятельные группы, которые были крайне незаинтересованы в нагнетании напряженности. Однако на данном этапе негативную роль сыграл «субъективный фактор». Если мы говорим о Германии, то речь идет конечно же прежде всего о А. фон Тирпице и Вильгельме II, которые ни при каких условиях не собирались «резать по-живому их любимое дитя — строящийся германский флот». Их непоколебимая воля довести начатое дело до полного завершения открывала проблемы дальнейшего развития германо-британских отношений.

Следует признать, что «британская тема» являлась доминантной как во внешнеполитической стратегии кайзеровской Германии, так и в выстраивании военно-морских взаимоотношений с другими государствами. Наглядным примером тому является позиция официального Берлина по такому значимому со всех точек зрения вопросу, как заключение морского союза с Россией. Наличие «общего врага» в лице «морской владычицы мира» казалось бы создало благоприятную почву для воплощения в жизнь этого заманчивого проекта. Существовали разные варианты соглашений, которые придали бы двухсторонним

отношениям не только новый импульс, реанимировали бы старые идеи «военного братства», но и несомненно изменили бы ход развития международных отношений. Однако этого не произошло.

Главная причина, по которой эта историческая альтернатива не была реализована, опять же заключалась в субъективном факторе. Согласно «плану Тирпица», пока Германия находится в «опасной зоне» столкновения с Англией, а «флот риска» еще не построен, категорически недопустимо заключать какие-либо союзнические и иные обязательства. В противном случае это может спровоцировать британцев на преждевременные военные действия. Такая позиция Военно-морского ведомства в отношении России была определена сразу, как только его руководителем стал А. фон Тирпиц.

Отношение адмирала к вопросу о союзе с русскими претерпело определенную эволюцию. Еще в 1897 г. в беседе с О. фон Бисмарком А. Тирпиц настаивал на том, что строительство флота сделает Германию для России более привлекательной с точки зрения оформления союзного договора. В последующем, не являясь противником соглашения, он уже не видел в нем необходимости. Причины таких изменений во взглядах «отца германского флота» следует видеть не только в самодовлеющей теории «опасной зоны». Военно-морской статс-секретарь тщательно, как он полагал, проработал проблему военной целесообразности союза с Россией.

После переброски русских эскадр на Дальний Восток в начале 90-х годов XIX в. А. фон Тирпиц начинает сомневаться в высокой боеспособности российского Балтийского флота, который и должен был бы оказать немцам реальную помощь в случае «заварухи» с англичанами. Эти сомнения в достаточной силе русских в определенной степени характеризует позицию А. фон Тирпица по вопросу совместных флотских маневров в августе 1903 г. С началом же Русско-японской войны военная слабость царского самодержавия становится одним из главных аргументом в его атаках на идею союза с Россией.

Таким образом, военно-морская политика кайзеровской Германии в 1897—1906 гг. в отношении двух значимых морских держав — Великобритании и России — оказалась заложницей теории и практики строительства военно-морского флота, осуществляемого А. фон Тирпицем при самом деятельном участии и поддержке кайзера Вильгельма II. Именно их одноплоскостное видение перспектив развития отношений с эти государствами не допускало возможности для реализации других альтернатив, хотя возможности для некоторой корректировки проводимого ими курса объективно существовали как в 1897—1906 гг., так и на последующем этапе, вплоть до Первой мировой войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА). Санкт-Петербург:

Ф. 22: Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности.

Ф. 560: Общая канцелярия министра финансов.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Санкт-Петербург:

Ф. 315: Материалы по истории русского флота (коллекция).

Ф. 417: Главный морской штаб. Петроград (1884—1918).

Bundesarchiv-Militärarchiv (BA—MA) Freiburg i. Br. (BRD)

Reichsmarineamt (RM 3):

RM 3/4, 3/32, 3/2843, 3/2846, 3/4300, 3/4302, 3/4303, 3/4305, 3/4311, 3/10264, 3/11514.

Oberkommando der Marine (RM 4):

RM 4/35.

Admiralstab der Marine (RM 5):

RM 5/886, 5/1433, 5/1438, 5/1627, 5/1628.

Nachlass Alfred von Tirpitz (№ 253):

253/9, 253/45.

Politisches Archiv des Auswürtigen Amts (PA AA). Berlin (BRD):

R 2258. Bd. 35.

R2283. Bd. 6.

Публикации документов

Германский закон о флоте от 14 июня 1900 года. СПб., 1911. Прил. к «Ежемесячнику» за 1911 г.

Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и Временного правительств, 1871—1918. Сер. вторая, 1900—1913. Т. 18—19. М., 1938—1939.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952.

Тарле Е.В. Императоры Вильгельм II и Николай II в 1904—1907 гг. Неизданная переписка. Пг., 1917.

Berghahn V.R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890—1914. Düsseldorf, 1988.

British documents on the origins of the war, 1898—1914. 11 vols. / ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. London, 1967.

Convention and declaration between Great Britain and Germany of Nov. 14. 1899 for the settlement of the Samoa and other questions. London, 1899.

Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. I—40. / hrsg. von J. Lepsius u. a. Berlin, 1922—1927.

Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten, 1840—1934: Urkunden und Aktenstücke zur inneren und Äusseren Politik des Deutschen Reiches. Bd. 1 / hrsg. von J.Hohlfeld. Berlin, 1934.

Dokumente zur deutschen Geschichte, 1897/98—1914. Bd. 1—3. / hrsg. u. bearb. von D. Fricke. Berlin, 1976.

Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen-und aussenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. Berlin, 1977.

Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963.

Paul von Hintze. Marineoffizierer, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik.1903 – 1918 / hrsg. von V. Hürter. Berlin, 1998.

Lowe C.J., Dockrill M.L. The mirage of power. Vol. 3: The document British Foreign Policy 1902—22. London; Boston, 1972.

Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890—1911. / hrsg. von M. Bohnen. Darmstadt, 1977.

Tirpitz A. Poltische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart, 1924.

Zur Europäischen Politik 1897—1914. Unveröffentlichte Dokumente. Bd. 1—2. Berlin, 1919.

Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages. Bd. 1—289. Berlin, 1897—1913.

Мемуары и дневники

Бюлов Б. Воспоминания. М. — Л, 1935.

Вильгельм II. События и люди 1878—1918: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.

Извольский А.П. Воспоминания. Минск, 2003.

Император Вильгельм II. События и образы / Пер. с нем. В.А. Мякотина. Берлин, 1923.

Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. 3.5. Asquith H.H. The genesis of the war.

Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1—4. Berlin, 1930—1931.

Einem K. Erinnerungen eines Soldaten. 1853 bis 1933. Leipzig, 1933.

Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen. Krieg und Katastrophen. 1895—1921. Boppard am Rhein, 1983.

Fear God and Dread Nought. Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone. Vol. 1—2. / ed. by A.J. Marder. London, 1952—1956.

Grey E. 25 Jahre Politik 1892—1916. Bd. 1—2. München, 1926.

Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903—1918 / hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

Hohenlohe-Schillingfürst C.K.V. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Bd. 3. Stuttgart, 1931.

Die Geheimen Papiere Friedrich von Holstein. Bd. 4. Briefwechsel 1897—1909 / hrsg. von N. Rich u. M.N. Fisher. Göttingen, 1963.

Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München, 2004.

Monts A. Erinnerungen und Gedanken des Botschafters Graf Monts. Berlin, 1932.

Müller G.A. Der Kaiser Wilhelm II. Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alekxander v. Müller über die Ära Wilhelms II. Göttingen, 1965.

Rosen F. Aus einer diplomatischen Wanderleben. 3 Bd. Berlin, 1931.

Tirpitz A. Erinnerungen. Leipzig, 1919.

Widenmann W. Marine-Attasche an der kaiserlich-deutschen Botschaft in London. 1907—1912. Göttingen, 1952.

Wilhelm II. Aus meinem Leben 1859—1888. Berlin; Leipzig, 1927.

Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig, 1922.

Публицистика

Бюлов Б. Внешняя политика Германии. Одесса, 1915.

Fort mit unserer Marine. Berlin, 1895.

Goltz C.F. Seemacht und Landkrieg // Deutsche Rundschau. 1900. (102). S. 335—352.

Hoffmann R. Bedarf unsere Marine einer militärischen Hochschule? Entgegnung // Marine Rundschau. 1896. S. 786—792.

Koch P. Aus der Zeit des Admirals v. Stosch // Marine Rundschau. 1902. S. 1271—1287.

Neuschler-Ludwigsburg O. Das englische Landheer. Halle, 1906.

Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergrüsse: eine politisch-geographische Studie. München; Leipzig, 1900.

Stenzel A. Die deutsche Flotte und der Reichstag. Ein Wort zu Gunsten der Deutschen Wehrkraft zur See. Berlin, 1892.

Stenzel A. Brauchen wir Panzer-Kreuzer? Berlin, 1895.

Weber H. Die Bedeutung der deutschen Kriegsflotte für unsere Gegenwart und Zukunft. Berlin; Potsdam, 1900.

Периодические издания

Морской сборник.

Новое время.

Jahrbuch für Deutschlands Seeinteresse.

Jane's Fighting Ships

Schulthess' Europäischer Geschichtskalender.

Times.

Zukuft.

Справочные материалы

Английская морская смета на 1900—901 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1900. № 5. С. 57—97.

Английская морская смета на 1901—1902 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 5. С. 19—48.

Английская морская смета на 1902—1903 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1902. № 5. С. 71—97.

Английская морская смета на 1903—1904 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 4. С. 119—134.

Английская морская смета на 1904—1905 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1904. № 4. С. 43—56.

Английская морская смета на 1905—1906 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 4. С. 75—84.

Английская морская смета 1905-1906 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 5. С. 149—174.

Английская морская смета на 1906-1907 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1906. № 12. С. 93—108.

Английская морская смета 1908 – 1909 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1908. № 9. С. 61—74.

Английские бронированные крейсера класса «Invincible». Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 11. С. 7 – 8.

Английский флот в 1901 году. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 2. С. 4 – 9.

Английский эскадренный броненосец Dreadnought и испытание его артиллерии. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 11. С. 1—6.

Будиловский И.В. Военные флоты иностранных государств и морская справочная книжка на 1891. СПб., 1891.

Бюджет германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 12. С. 40—41.

Бюджет германского флота на 1902 год. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 6. С. 14—27.

Военное судостроение в 1889 г. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 2. С. 1—2.

Военное судостроение Германии с 1877-1878 года. Морская хроника // Морской сборник. 1895. № 2. С. 12—13.

Возрастание за последние годы французского и германского флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 3. С. 4—6.

Врангель Ф. Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 8. С. 17—46.

Германский броненосец «Siegfried» Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 5. С. 39—41.

Главные флоты в 1906 году. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 9. С. 29—30.

Дубров К.Т. Таблицы главнейших сведений о судах английского, германского, итальянского и французских флотов. СПб., 1886.

Кербер Л. Ф., Доливо-Добровольский Б. Большие маневры английского флота летом 1906 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1906. № 9. С. 49—86.

Новая программа судостроения. Морская хроника // Морской сборник. 1892. № 4. С. 4 – 16.

Новейшие английские броненосцы и крейсера I класса. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1894. № 1. С. 151—169.

Новые японские эскадренные броненосцы и бронированные крейсера. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 9. С. 12—14.

Новый тип английского эскадренного броненосца. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 6. С. 1—2.

О неудовлетворительном состоянии Германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1892. № 3. С. 27—34.

Обозрение военно-морских сил Германии за 1904 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1905. № 2. С. 39—56.

Предполагаемое усиление германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1902. № 3. С. 10—13.

Программа маневров английского флота в 1905 году. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 3. С. 1—3.

Распределение морского бюджета по главным родам расходов в разных флотах. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 2. С. 2—3.

Романов А.М. Сравнительные таблицы военных флотов Англии, России, Франции, Германии, Италии, Австрии, С-А. С. Шт. и республик Южной Америки. СПб., 1897.

Рост морских бюджетов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 12. С. 1—3.

Самые большие броненосцы — St. Vincent и Minas Geraes. Морская хроника // Морской сборник. 1908. № 10. С. 7—12.

Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Т. 1—2. СПб., 1895.

Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах. Германия. Ч. 1. СПб., 1904.

Сила флотов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 8. С. 2—4.

Сравнительная сила флотов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 5. С. 2—3.

Состав германского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 3. С. 19—20.

Спуск английского эскадренного броненосца Dreadnought. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 2. С. 5—10.

Судостроительная программа настоящего времени. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 12. С. 13 – 19.

Судостроительная программа лорда Бересфорда. Морская хроника // Морской сборник. 1894. № 1. С. 7—11.

Увеличение германского флота. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1901. № 8. С. 38—41.

Усиление английского флота на 70 судов. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 4. С. 1—6.

Французский флот и молодая школа. Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 3. С. 12—14.

Численность и общее водоизмещение крупных судов главных флотов. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 2. С. 4.

Численность по родам судов флотов. Великобритании, Франции, России, Германии, Италии, С-А. Соединенных Штатов и Японии. Морская хроника // Морской сборник. 1901. № 6. С. 1—3.

Число эскадренных броненосцев и крейсеров, исключенных из списка судов английского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 10. С. 2.

Элементы английского эскадренного броненосца Dreadnought и бронированных крейсеров Invincible, Inflexible и Indomitable. Морская хроника // Морской сборник. 1906. № 7. С. 5.

Исследования

Алафузов В.А. Доктрины германского флота. М., 1956.

Алафузов В.А. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» // *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957. С. 30—43.

Больных А. Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2003. Броненосные флоты Европы. СПб., 1868.

Василевский И.Ф. Георг V. Пг., 1914.

Вильсон Х. Броненосцы в бою. 1855—1895. М., 2003.

Виноградов К.Б. Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 124.

Виноградов К.Б., Гостенков А.В. Дни и дела Фридриха Гольштейна // Монархи, министры, дипломаты XIX— начала XX века: Сб. ст. / Под ред. К.Б. Виноградова. СПб., 2002. С. 192—223.

Виноградов К.Б., Жданов Ю.В. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Монархи, министры, дипломаты XIX— начала XX века: Сб. ст. / Под ред. К.Б. Виноградова. СПб., 2002. С. 224—258.

Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М., 1937.

Галкин И.С. Создание германской империи. 1815—1871 гг. М., 1986

Гейдорн Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964.

Голлан Дж. Политическая система Великобритании. М., 1955.

Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999.

Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб., 1999.

Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1. Вооружения и теории. СПб; М., 2005. (Энциклопедия военной истории).

Доступна ли Англия неприятельскому вторжению. Неофициальный отдел // Морской сборник, 1903. №2. С. 77 – 97.

Жерве Б. Германия и ее морская сила. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1914. № 9. С. 111—234.

Зотов. Какой флот обладает самым сильным броненосцем? Неофициальный отдел // Морской сборник. 1903. № 1. С. 65—82.

Ерофеев Н.А. Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории 1972. М., 1973. С. 169—196.

Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. М., 1959.

Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.

Ерусалимский А.С. Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 годов // Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность: (исследования, публицистика). М., 1964. С. 124—151.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907—1914. М., 1986.

Изменение в германском законе о флоте. Морская хроника // Морской сборник. 1908. № 1. С. 6—11.

История внешней политики России. Конец XIX—начало XX века. М., 1999.

История военно-морского искусства. Т. 1—3. М., 1953.

История германского колониализма в Африке: пер. с нем. / Г. Штёкер, Х. Дрекслер, П. Зебфельд М., 1983.

История русско-японской войны 1904—1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977.

Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX века. М., 1920.

Кетлинский К.Ф. Военные флоты. Ч. 1. Флот Англии. 1 т. СПб., 1912.

Кербер Л.Ф. Военные флоты иностранных государств. СПб., 1907.

Кербер Л.Ф. Записки по иностранным флотам. Курс Николаевской морской академии по отделению военно-морских наук. СПб., 1903.

Кучинский Ю. Положение рабочего класса в Англии (1832—1956): пер. с нем. М., 1958.

Лихарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти. История британского флота в конце XIX—начале XX вв. СПб., 1997.

Лихарев Д.В. Гонка морских вооружений как причина и следствие великой войны. // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 537—554.

Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II): пер. с нем. Л., 1929.

Макдоно Дж. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004.

Матвеева А.Г. Германская империя 1870—1914. М., 2002.

Мельников Р.М. «Цесаревич». Ч. 1. Эскадренный броненосец 1899—1906. СПб., 2000.

«Молодая школа» во Франции и ее программа морской обороны государства. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 12. С. 1—13.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. Т. 1—2. М.; СПб., 2002.

Ньюбольд У. Как Европа вооружалась к войне (1871—1914). М., 1923.

Обри Д. Король Эдуард VII Английский. М., 1910.

Парламентские прения о бюджете английского флота на судостроение. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 1. С. 1—22.

Пиленко А. Морское дело за границей. СПб., 1879.

Пономарев И.И. Герои «Варяга». М., 1954.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1905—1907. Изд 2-е М.—Л, 1955.

Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта 1898—1914. М., 2008.

Роштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.—Л., 1960. Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1—9. СПб., 1910.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Кн. 1—7. СПб., 1912—1917.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. М., 1999.

Семанов С.Н, Грибовский В.Ю. Последние адмиралы: Адмирал Макаров. Вице-адмирал Рожественский. СПб., 2002.

Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897—1903 гг. М., 1998.

Синегубов С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904—1911 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4/1 (64/1). С. 202—210.

Скрицкий Н.В. Сто великих адмиралов. М., 2003.

Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане (1881—1899). М.—Л., 1950.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль: политическая биография. М., 1977.

Туполев Б.М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 123—136.

Фейгина Л. Бьёркское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М.,1928.

Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до марта 1915 г. 2-е изд. М., 1937.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961.

Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время (1872—1919) / сост. В.М. Хвостов и И.И. Минц; под ред. В.П. Потемкина. М., 1945. (Библиотека внешней политики).

Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871—1914 / В.М. Хвостов; под ред. А.А. Громыко [и др.]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1963.

Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879—1885). М., 1970.

Чубинский В.В. Бисмарк: Биография. СПб., 1997. (Всемирная история. Знаменитые имена).

Шацилло В.К. Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898—1917 гг. М., 1998.

Шершов А.П. История военного кораблестроения : с древнейших времен и до наших дней. СПб., 1994. (Военно-историческая библиотека).

Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897—1914 гг. Тюмень, 2004.

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. Т. 1—2. М., 2002.

Эмерсон Б. Великобритания и франко-русский союз. // Россия и Франция XVIII—XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 162.

Эскадренный броненосец будущего. Морская хроника // Морской сборник. 1905. № 7. С. 1—2.

Altrichter H.S. Konstituzionalismus und Imperialismus. Der Reichstag und deutsch-russischen Beziehungen. 1890—1914. Frankfurt a. M., 1977.

Arndt R. Die Reden des Grafen von Caprivi im deutschen Reichstage, preussischen Landtage und bei besonderen Anlassen. 1883 bis 1893. Berlin, 1894.

Aubyn G. St. Eduard VII. Prince and King. New York, 1979.

Barkin K. The controversy over German industrializatio 1890—1902. Chicago, 1970.

Bennett G. Skagerrkschlacht. München, 1976.

Berghahn V.R. Germany and the approach of war in 1914. London, 1979.

Berghahn V.R. Rüstung und Machtpolitik. Zur Anatomie des «kalten Krieges» vor 1914. Düsseldorf, 1973.

Berghahn V.R. Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971.

Biefang A. Politisches Burgertum in Deutschland 1857 bis 1868. Nationale Organsationen und Eliten. Düsseldorf, 1994.

Böhm E. Überseehandel und Flottenbau. Hanseatische Kaufmannschaft und deutsche Seerüstung 1879—1902. Düsseldorf, 1972.

Bucholz A. Moltke, Schliffen and Prussian war planning. New York; Oxford, 1991.

Bueb V. Die «Junge Schule» der französischen Marine. Strategie und Politik 1875—1900. Boppard a. Rh., 1971.

Busch F.O., Ramlow. Deutsche Seekriegsgeschichte: Fahrten und Taten in zwei Jahrtausenden. Berlin, 1942.

Canis K. Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Au?enpolitik 1890 bis 1902. Berlin, 1997.

Chickering R. We men who feel most German : a cultural study of the Pan-German League, 1886—1914. Boston, 1984.

Czaja M. Die USA und ihr Aufstieg zur Weltmacht um die Jahrhundertwende. Berlin, 2006.

Deist W. Flottenpolitik und Flottenpropanda. Das Nachrichtenbureau des Reichsmarineamtes. 1897—1914. Stuttgart, 1976.

Duppler J. Die Anlehnung der Kaiserlichen Marine an Grossbritannien 1870 bis 1890 // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 91—111.

Duppler J. Der Juniorpartner England und Entwicklung der Deutschen Marine 1848 bis 1890. Herford, 1985.

Dülffer J. Regeln gegen den Krieg. Die Hager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. Berlin; Frankfurt a. M.; Wien, 1981.

Engelberg E. Deutschland von 1871 bis 1897 (Deutschland in der übergangperiode zum Imperialismus). Berlin, 1965.

Epkenhans M. Grossindustrie und Flottenbau // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1988. № 43. S. 65—140.

Epkenhans M. Seemacht = Weltmacht. Alfred T. Mahan und sein Einfluss auf die Seestrategie des 19. und 20 Jahrhunderts // Kiel, die Deutschen und die See. Stuttgart, 1992. S. 35—47.

Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908—1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München, 1991.

Erdbrügger H.W. England-Deutschland und die zweite Haager Friedenskonferenz. Münster, 1935.

Farrer J.A. Die europäische Politik unter Eduard VII. München, 1925.

Fischer F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911—1914. Konigstein, 1978.

Förster S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-Quo-Sicherung und Agression 1890—1913. Wiesbaden, 1985.

Forstmeier F. Probleme der Erziehung und Ausbildung in der Kaiserlichen Marine in Abhängigkeit von geistiger Situation und sozialer Struktur // Marine Rundschau. 1966. S. 189—198.

Fremantle S.R. May Naval Career. 1880—1928, London, 1949.

Freund M. Das Drama der 99 Tage. Kranheit und Tod Friedrichs III. Köln, 1966.

Friecke D. Die bürglichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürglichen Parteien und anderer bürglicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1. Berlin, 1968.

Gadow R. Geschichte der deutschen Marine. Frankfurt a. M., 1934.

Gemzell C.-A. Organisation, conflict and innovation: a study of German naval strategic planning, 1888—1940. Stockholm, 1973.

Gloger B. Friedrich Wilhelm-Kurfürst von Brandenburg: Biografie. Berlin, 1985.

Graubohm H. Die Ausbildung in der deutschen Marine von ihrer Gründung bis zum Jahre 1914. Düsseldorf, 1977.

Güth R. Admiralstabsausbildung in der deutschen Marine. Bonn, 1979.

Güth R. Von Revolution zu Revolution — Entwicklungen und Führungsprobleme der deutschen Marine 1848—1918. Herford, 1978.

Hallmann H. Krügerdepesche und Flottenfrage. Aktenmässiges zur Vorgeschichte des deutschen Schlachtflottenbaus. Stuttgart, 1927.

Hallmann H. Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart, 1933.

Hassell U. Tirpitz. Sein Leben und Wirken mit Berücksichtigung seiner Beziehungen zu Albrecht von Stosch. Stuttgart, 1920.

Herwig H. Der Enfluss von Alfred Th. Mahan auf die deutsche Seemacht // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument Internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 127 – 142.

Herwig H. Zur Soziologie des Kaiserlichen Seeoffizerkorps vor 1914 // Marine und Marinepolitik im Kaiser lichen Deutschland. 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 165—189.

Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategischen Denken und der Tirpitz-Plan 1875 bis 1914. München, 2004.

Holt. P.M. The Mahdist State in the Sudan. Oxford, 1970.

Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848—1945. Frankfurt a. M., 1958.

Hubatsch W. Die Ära Tirpitz. Studie zur deutschen Marinepolitik 1890—1918. Göttingen, 1955. 6.182.

Hubatsch W. Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München, 1975.

Irmer A.J. Die Erwerbung von Kiautschou, 1894 bis 1898. Köln; Bonn, 1930.

Jaschob L. (Dis-)respect and (Non-)recognition in World Politics: the Anglo-Boer War and German Policy at the Turn of the Nineteenth/Twentieth Century // Global Discourse: An Interdisciplinary Journal of Current Affairs and Applied Contemporary Thought. 2014. Vol. 4. Issue 4. P. 499—512.

Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Berlin, 1982.

Kehr E. Klassenkampfe und R?stungspolitik im kaiserlichen Deutschland // Kehr E. Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preussisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhunderts. Berlin, 1970. S. 87—110.

Kehr E. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1900.Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Forausetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin, 1930.

Kelly P.J. The naval policy of Imperial Germany. 1900—1914.: Phil. Diss. Georgetown. 1970.

Kelly P.J. Tirpitz and Development of the German torpedo arm. Annapolis, 1998.

Kennedy A.L. Old diplomacy and new. 1876—1922. From Salisbary to Lloyd George. London, 1922.

Kennedy P.M. The Development of German naval operations plans against England 1896—1914 // The War Plans of the Great Powers. 1880—1914 / Ed. by P.M. Kennedy. London; Boston, 1979. P. 171—198.

Kennedy P.M. German world policy and alliance negotiations with England. 1897—1900 // Journal of Modern History. 1973. № 45. P. 605—625.

Kennedy P.M. Fischer and Tirpitz compared // Kennedy P.M. Strategy and Diplomacy. London, 1983. P. 109—126.

Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914. London, 1982.

Kennedy P.M. Strategic aspects of Anglo-German naval race // Kennedy P.M. Strategy and Diplomacy 1870—1945. London, 1983. P. 127—160.

Klein F. Deutschland 1897/98 bis 1917 (Deutschland in der Periode des Imperialismus bis zur Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1969.

Koch P. Geschichte der deutschen Marine: für den Nachwuchs des Seeoffizierkorps geschildert. Berlin, 1902.

Koch P. General von Caprivi als Chef der Admiralität. Skizzen aus den Akten. Berlin, 1927.

Kroener B. Die Deutsche Flotte 1848/49 — «das Schmerzenkind der deutschen Revolution?» // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument Internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 81—90.

Kuczynski J. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. II. Berlin, 1950.

Lambert N.A. Admiral Sir John Fisher and concept of flotilla defence. 1904—1909 // Journal of Military History. 1995. (59). P. 630—660.

Lambert N.A. Sir John Fisher's Revolution. Colombia, 1999.

Lahme R. Deutsche Aussenpolitik. 1890—1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarks zur Allianzstrategie Caprivis: Diss. Gottingen, 1988.

Lambi I.N. The Navy and German Power Politics. 1862—1914. Boston, 1984.

Langer W. The diplomacy of imperialism. 1890—1902. Vol. 1. New York, 1935.

Lee E. Eduard VII. Dresden, 1928. Mackay R.F. Fisher of Kilverstone. Oxford, 1973.

Maltzahn C. Geschichte unserer taktischen Entwicklung. Bd. 1—2. Berlin, 1910—1911.

Maltzahn C. Der Seekrieg zwischen Russland und Japan 1904 bis 1905. Bd. 1—2. Berlin, 1912—1913.

Marder A.J. The Anatomy of British sea power — A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880—1905. New York, 1940.

Marder A.J. From the Dreadnought to Scapa Flow — The Royal Navy in the Fisher era. 5 Vol. London, 1961.

Martin C. The Russo-Japanese War. London, 1967.

Massie R.K. Die Schalen des Zorns. Grossbritanien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 1993.

Matthei D. Die Russische Marine im Mittelmeer im Blickfeld deutscher Seeinteressen 1881—1905. Bonn, 1983.

Meineke F. Geschte des deutsch-englischen Problems. 1890—1901. München, 1972.

Meyer J. Die propaganda der deutschen Flottenbewegungen. 1897—1900.: Diss. Bern, 1967.

Michalik B. Probleme des deutschen Flottenbaues. Breslau, 1931.

Moltmann G. Die deutsche Flotte von 1848/49 im historisch-politischen Kontext // Deutsche Marine im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument Internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 63—80.

Mommsen W.J. Domestic factors in German foreign policy before 1914 // Sheehan J.J. Imperial Germany. New York, 1976. P. 223—268.

Monger G. The end of isolation. British foreign policy 1900—1907. London, 1963.

Moritz A. Das Problem des Präventivkrieges in der deutschen Politik in der ersten Marokkokrisen. Frankfurt a. M.; Bern, 1974.

Müller F.F. Deutschland — Zansibar — Ostafrika. Geschichte einer deutschen Kolonialeroberung 1884 bis 1890. Berlin, 1959.

Nish J.H. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894—1907. London, 1966.

Nussbaum M. Vom Kolonialenthusiasmus zur Kolonialpolitik der Monopole. Zur Kolonialpolitik unter Bismarck, Caprivi, Hohenlohe. Berlin, 1962.

Official History (Naval and Military) of the Russo-Japanese War. Vol. 1—3. London, 1910—1920.

Oncken H. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges. Bd. 1—2. Leipzig, 1933.

Petter W. Deutsche Flottenrustung von Wallenstein bis Tirpitz // Handbuch zur deutschen Militargeschichte 1648 bis 1939. Bd. 4. T. 8. München, 1977.

Preston A. History of the Royal Navy. London, 1985.

Rahn W. Strategische Probleme der deutschen Seekriegführung 1914—1918. // Michalka W. Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. München, 1994. S. 341—365.

Reinhard C. Geschichte der Preussischen Seemacht. Berlin, 1851.

Reinhardt H. Tirpitz und der deutsche Flottengedanke in den Jahren 1892—1898: Phill. Diss Marburg, 1964.

Reventlow E. Deutschlands auswärtige Politik. 1888 bis 1914. Berlin, 1916.

Ritter G.A. Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. Historische Lesebuch. Göttingen, 1992.

Ritter G.A. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1: Die altpreussische Tradition (1740 – 1890). München, 1965.

Ritter G.A. Der Schliffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956.

Rose A. Zwischen Empire und Kontinent. Britische Aussenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Munchen, 2011.

Rower J. Kriegsschiffbau und Flottengesetze um Jahrhundertwende // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 211—219.

Rohl J.C.G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859—1888. Munchen, 1993.

Salewski M. Tirpitz. Aufstieg. Macht. Scheitern. Göttingen, 1979.

Sondhaus L. Preparing for Weltpolitik : German sea power before the Tirpitz era. Annapolis, 1997.

Spender J.A. The life of the Right Honorable Sir Campbell-Bannerman: in 2 vol. London, 1923.

Stadelmann R. Die Epoche der deutsch-englischen Flottenrivalität // Deutschland und Westeuropa. Laupheim, 1948. S. 85—146.

Steinberg J.A. German plan for the invasion of Holland and Belgium //The War Plans of the Great Powers. 1880—1914 / ed. by P.M. Kennedy. London; Boston, 1979. P. 155—170.

Steinberg J.A. Der «Kopengagen-Komplex» // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». H. 3. Munchen, 1967. S. 31—59.

Steinberg J.A. Yesterday's deterrent: Tirpitz and birth of German battle fleet. London, 1965.

Steiner Z. Britian and the origins of the first world war. London, 1977.

Steinmetz H.O. Bismark und die deutsche Marine. Herford, 1972.

Strandmann P. Nationale Verbände zwischen Weltpolitik und Kontinentalpolitik // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Dusseldorf, 1972. S. 296 – 317.

Sturmer M. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866—1918. Berlin, 1983.

Sumida J.T. British naval administration and policy in age of Fisher // The Journal of Military History. 1990. (54). P. 1—26.

Sumida J.T. Sir John Fisher and the Dreadnought: sources of naval mythology // The Jöurnal of Military History. 1995. (59). P. 619—638.

Uhle-Wettler F. Alfred von Tirpitz in seiner Zeit. Hamburg, 1998.

Verchau E. Von Jachmann uber Stosch und Caprivi zu den Anfangen der Ära Tirpitz // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871—1914. Düsseldorf, 1972. S. 54—72.

Vogel B. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900—1906. Düsseldorf, 1973.

White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964.

Willms J. Nationalismus ohne Nation-Deutsche Geschichte 1789—1914. Düsseldorf, 1983.

Williamson S.R. The politics of grand strategy: Britain and France prepare for war, 1904—1914. Cambridge (Mass.), 1969.

Wilson K.M. The policy of the Entente: essays on determinants of British foreign policy, 1904—1914. Cambridge, 1985.

Winzen P. Bülows Weltmachtkonzept. Untersuchungen zur Frühphase seiner Aussenpolitik 1897—1901. Boppard a. R., 1977.

Winzen P. Treitschke's influence on rise of Imperials and Anti-British nationalism in Germany // Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914. Oxford, 1981. P. 154—170.

Wislicenus G. Deutschlands Seemacht. Leipzig, 1896.

Witt P.C. Innenpolitik und Imperialismus in der Vorgeschichte des Ersten Weltkrieg // Liberalismus und imperialistischer Staat. Der Imperialismus als Problem liberalen Parteien in Deutschland. 1890—1914. Göttingen, 1975. S. 7—34.

Wolz N. «Und Wir verrosten im Hafen». Deutschland, Grossbritannien und der Krieg zur See 1914—1918. München, 2013.

Woodward E. L. Great Britain and the German Navy. Oxford, 1935.

Yexley L. Our fighting sea men. London, 1911.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авелан Ф.К. — 261.
Адальберт Прусский — 9.
Алексеев Е.И. — 223, 252
Алафузов В.А. — 34.
Александр III — 40, 211.
Алефельд Г. — 102.
Андерсен — 229.

Баллерштрем Ф. фон — 104.
Бальфур А. — 160, 163, 167, 283, 288, 296.
Бейт А. — 109.
Бендеманн Ф. фон — 276.
Бенкендорф А.К. — 247.
Бергхан Ф. Р. — 186, 191.
Бересфорд Ч. — 144, 145.
Бирилев А.А. — 49.
Бисмарк О. фон — 12, 19—21, 39, 40, 62, 92, 100, 101, 211, 212, 234, 235, 300.
Буллер — 220.
Бюклерк — 220.
Бюксель В. фон — 97, 98, 223, 276, 279, 280.
Бюлов Б. фон — 41, 91, 109, 112, 113, 123—126, 140, 198, 204, 213, 217, 218, 224, 227, 229—231, 233, 239, 250, 267, 269—271, 274, 286, 280, 283, 288, 292, 299.

Вальдерзее А. — 40, 275.
Вало — 104.
Вейнгласс — 254.
Виктория — 39.
Вильгельм I — 39.
Вильгельм II — 4, 6, 25, 34, 37—41, 44, 47, 49, 52, 53, 55, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 71, 73, 78—80, 83—85, 92—95, 99, 102, 105, 106, 111, 117, 118, 121, 124, 126, 160, 203, 213—217, 219, 224, 226, 228, 233, 235, 237, 241, 244, 253, 257, 259, 264, 267, 275, 280, 283—285, 288, 289, 300, 301.
Виттефт В.К. — 250.
Витте С.Ю. — 213.

Гамильтон Дж. — 144, 145, 147.
Галле Э. — 108.
Гальстер К. фон — 14.
Гарден М. —247.
Гардинг Р. — 280.
Гаузер фон — 255.
Гейкинг Э. — 220, 221.
Гейснер фон — 26, 44, 53.
Генрих принц — 217
Гинце П. — 1, 228, 230, 233, 246—249, 252, 264—269.
Гладстон У. — 39
Гогэнлоэ Х. фон — 92, 93, 106, 109, 125, 130, 214, 219, 224.

Гольман Ф. фон — 21, 23, 26, 27, 33, 34, 55, 58, 77—80, 83, 85, 92, 93, 94, 96, 109, 114.
Гольц К. фон — 44.
Гольштейн Ф. фон — 218, 224—227, 230, 230, 238, 239.
Гошен Г. — 156.
Грэй Э. — 172.

Дева С. — 256.
Делькассе Т. — 227, 238, 239.
Денхардт Г. — 195, 196, 198.
Дидерихс О. фон — 104, 105, 219, 243, 244.
Диксон Ч. — 246.
Дрэнан — 220.
Дьюи Дж. — 244.

Залевски М. — 26.
Зенден-Бибран Г. фон — 80, 85, 93, 94, 121, 124, 225.

Ерофеев Н.А. — 148.

Иванов Н.М. — 259, 260.
Извольский А.П. — 236, 247.
Ингеноль Ф. фон — 102, 117.

Капелле Э. — 102, 196.
Каприви Л. фон — 12, 19—26, 47, 65, 68, 70, 98, 139, 211, 217.
Кербер Л.Б. — 35.
Кёрпер К. — 155, 185, 190, 205.
Кеттлер Э.Э — 34, 214.
Кладо Н.Л. — 227.
Клаузевитц К. фон — 72.
Кнорр Э. фон — 88, 96—98, 105, 106, 137, 220—222.
Коломб Дж. — 3, 142.
Коломб Ф. — 30, 60, 142.
Кригер — 57.
Круп Ф. — 122, 201.
Крюгер П. — 83, 95, 211, 225.
Куниберти В. — 176, 185.
Кэмпбелл-Баннерман Г. — 184, 296

Ламби И . — 97.
Ламздорф В.Н. — 230, 261.
Лассэлс Ф. — 280, 284.
Лессар П.М. — 256.
Ли А. — 175, 284, 285.
Либер Э. — 78, 92.
Лубэ М. Э. — 270.
Лэндсдаун Г. — 163.
Люксбургский герцог — 232.

Макаров С. О. — 260, 266.

Максимов — 259.
Мальтцан К. фон — 14, 69, 70, 104.
Маршалль А. фон Биберштейн — 33, 92, 219.
Матусевич Н.А. — 259, 261.
Мельников Р.М. — 253, 259.
Меттерних П. фон — 230, 231, 280, 291.
Микель И. — 109, 113.
Мольтке Г. фон — 234.
Мольтке-старший Г. фон — 72.
Молинари — 250.
Монтс А. — 44.
Муравьев М.Н. — 224.
Мэхэн А.Т. — 3, 33, 60, 61, 69, 74, 142, 235.
Мюллер Г.А. фон — 102, 117, 212, 213, 217, 269, 285, 287.

Небогатов Н.И. — 269.
Нельсон Г. — 142.
Ниеман А. — 272.
Николай II — 62, 160, 213, 216, 224, 226, 237, 238, 252, 289, 290.
Норсбрук — 144.

Об Т. — 20, 69, 142.

Плессен Г. фон — 124.
Полис А.К. — 216.
Поль Г. фон — 102, 117.
Притвиц К. фон — 240, 241—244, 257, 259, 266.
Пустау Э. — 266, 268.

Радолин Г. — 224.
Рель Дж. — 39, 40.
Рихтхофен О. фон — 213, 280.
Рихтер О. — 55.
Рожественский З.П. — 228, 264—269, 173, 300.
Родс С. — 109.
Роуер Дж. — 148.

Сароли Ч. — 4.
Свейн Л. — 39.
Сергеев Е.Ю. — 219.
Солсбери — 144.
Спенсер Дж. П. — 90.
Сэлборн У. — 160, 163, 167, 168, 279, 280.

Тилеман фон — 126..
Тирпиц А. фон — 4, 7, 14, 23, 34, 37, 45, 53, 59, 64—68, 70 —77, 80—87, 90—96, 98—104, 106—114, 116, 117, 119—121, 123, 124, 126, 131, 132, 135—138, 142, 155, 168, 180, 185, 186, 189—00, 203, 205, 206, 210—213, 217—230, 232—234, 238, 240, 242, 246, 247—250, 252, 254, 255, 257, 261, 263—265, 267, 269, 270, 280, 297, 290, 297—301.
Тирпиц Р.Ф. — 66.

Того Х. — 264, 265.
Трейчке Г. — 72, 73.
Труммлер К. — 266.
Труппель О. фон —255—257, 261.
Туполев Б.М. — 34.

Уайт А. — 274.

Фишер Дж. — 4, 166, 168, 169, 171, 173—175, 180— 84, 189, 192, 193, 209, 274, 294, 295, 299.
Фогель Б. — 233.
Фоллертун В. — 276.
Фольмар — 274.
Фридрих III — 40, 288.
Фридрих Вильгельм Великий — 8.
Фурнье Ф.Э. — 182.

Хальгартен Г. фон — 14, 91, 109.
Хеерингеи А. фон — 14, 107, 263, 275.
Хервиг Х.Х. — 119.
Хиппер Ф.Р. фон — 117.
Хобсон Р. — 23, 70.
Холден Р.Б. — 162.
Хольтцендорф Х. фон — 14.
Хопман А. — 185.
Хубач В. — 214.

Чемберлен Дж. — 140.

Шён В. фон —229, 233.
Шиман Т. — 289.
Шиммельман М. фон — 266.
Шлиффен А. фон — 106, 242, 275, 280, 297.
Шредер Л. фон — 105, 106, 117.
Штакельберг Э.А. — 234.
Штош А. фон — 12—14, 19, 47, 60, 67, 68, 80, 85, 87, 90, 99, 111, 211.
Штумм — 203.
Шумов Д.П. — 257, 261.

Эдвард VII — 4, 164, 247, 270, 274, 295.
Эйкштедт Р. — 253.
Эйленбург Ф. — 224, 225.

Якобсон — 260.
Яхман Э. — 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. **ГЕРМАНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ «ВЕЛИКИХ МОРСКИХ ПЕРЕМЕН»** 8
1.1. Неудачные прусско-германские попытки войти в лигу «ведущих морских держав мира» 8
1.2. Начало правления кайзера Вильгельма II и его влияние на развитие германского флота 38
1.3. Альфред Тирпиц в «потерянном десятилетии» — 1888—1897 гг. 65

Глава 2. **ГЕРМАНСКИЙ «МОРСКОЙ РЫВОК» И ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ГЕРМАНИИ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В 1898—1906 ГГ.** 95
2.1. Начало министерской деятельности А. Тирпица и принятие «Законов о флоте» 1898 и 1900 гг. 95
2.2. Влияние Германии на изменения британской морской политики в 1902—1906 гг. 139
2.3. Ответные действия ведомства Тирпица на «дредноутную революцию» — начало открытого морского соперничества 185

Глава 3. **«ОСОБЫЕ» ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ И РОССИИ В 1897—1906 гг.** 210
3.1. Проблема германо-русского союза в начальный период «эры Тирпица» 210
3.2. Захват Цзяочжоу и германо-русские отношения 219
3.3. Влияние «комплекса Копенгагена» на германо-русские отношения 226

Глава 4. **ГЕРМАНИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ В КРИЗИСНЫЕ 1904—1905 гг.** 236
4.1. Начало военных действий: взгляд из Военно-морского ведомства и Адмиралтейства 238
4.2. Интернирование российских кораблей в Цзяочжоу 253
4.3. План командировки морского атташе П. Гинце на Дальний Восток 264
4.4. Гулльский инцидент как формальный повод к резкому обострению германо-английских отношений 270

Заключение 297

Источники и литература 302

Именной указатель 315

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Станислав Николаевич Синегубов,
Сергей Павловия Шилов

Кайзеровская Германия — Великобритания — Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897—1906 гг.

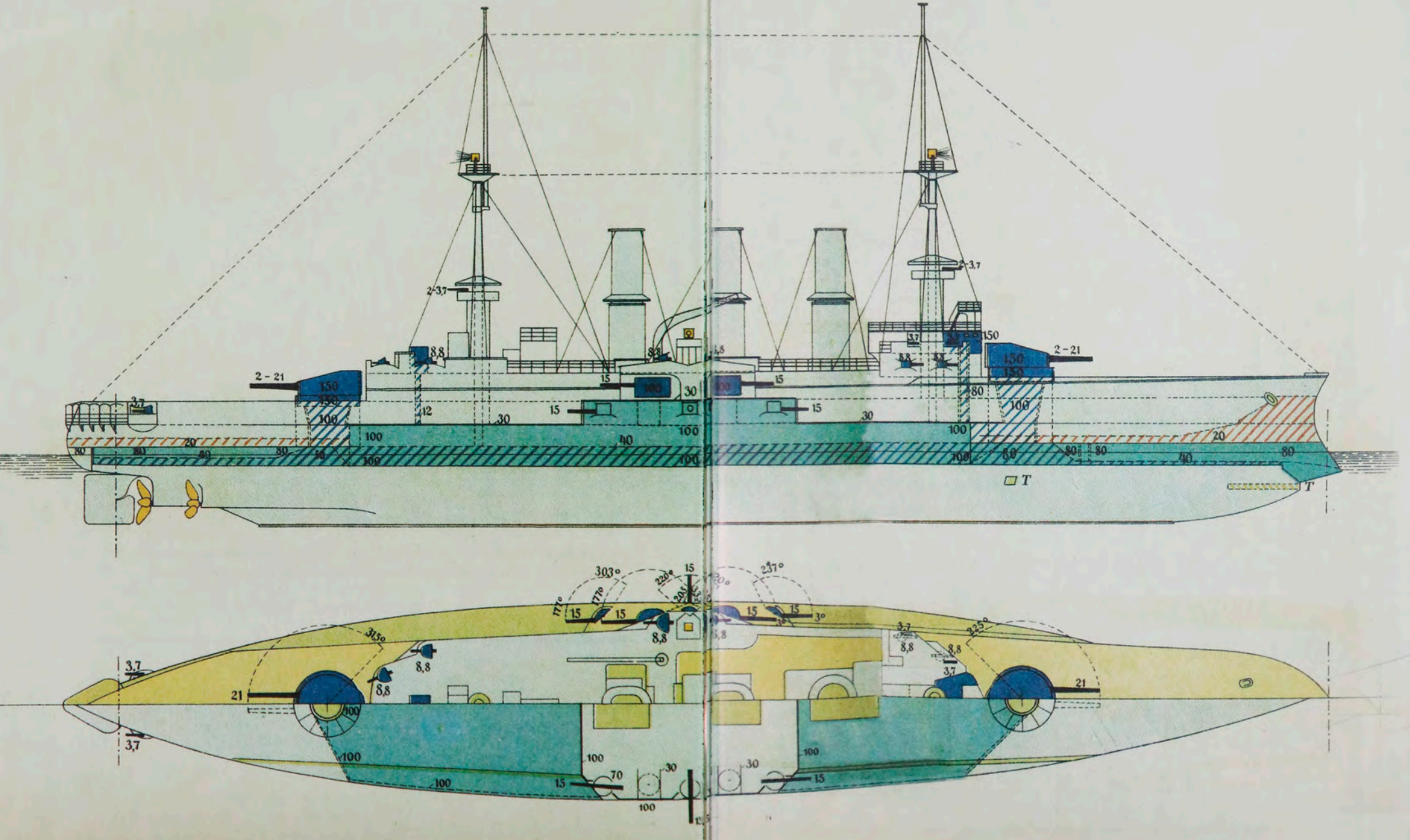
Монография

Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная. Гарнитуры Baltica, HeliosCondLight, Pragmatica. Печать офсетная. Печ. л. 20. Усл.-печ. л. 25,93. Тираж 250 экз. Заказ № 3798
Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия ВО д.12

Цена
240 р. 7 к.

S. M. Grosser Kreuzer „Friedrich Carl".

Massstab 1:500.

ОСТРОВ